

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

2019. Том 58

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
патриарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2019. Том 58

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинев, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2019. Volume 58

Association “Rus” (Chisinau, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Заместитель главного редактора

Дмитрий Катунин

Томский государственный университет (Россия)

Ответственный секретарь

Никита Глущенко

Томский государственный университет (Россия)

Николай Бабилунга

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко

(Приднестровье, Молдова)

Богдан Боднарюк

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Всеволод Меркулов

Академия ДНК-генеалогии (Россия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Николай Руссов

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко

(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований
(США)

Михаило Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка

(Канада)

Петр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михаило Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Dmitry Katunin

Tomsk State University (Russia)

Executive Editor

Nikita Glushchenko

Tomsk State University (Russia)

Nikolai Babilunga

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Bogdan Bodnaryuk

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Vsevolod Merkulov

The Academy of DNA Genealogy (Russia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Yeacheslav Sodol'

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

International Network Center for Fundamental and Applied Research (USA)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора	9
--------------------------	---

ИСТОРИЯ

Чернов С.З., Гончарова Н.Н., Меркулов В.И., Семенов А.С.	
Результаты тестирования гаплогруппы Y-ДНК для средневекового славянского захоронения XII в. в окрестностях поселка Загорянский на Верхней Клязьме (Московская область)	13
Жумаганбетов Т.С., Сундетова А.Н.	
Черная и Червонная Русь в период монгольских походов	26
Акимов Ю.Г., Минкова К.В.	
Организации галицких и угорских русинов в США в конце XIX в.	39
Иванов А.А.	
Проблематика русского национализма в статьях и проповедях митрополита Антония (Храповицкого)	58
Стогов Д.И.	
Русские монархисты начала XX в. о положении православного населения Западного края	79
Савчук Б.П., Билович Г.В.	
Захоронения русских солдат в Прикарпатье периода Первой мировой войны	95
Наумова Н.И.	
Проблема единства славян и общественность Сибири в годы гражданской войны. 1918–1919 гг.	113
Морозов С.В.	
Подкарпатская Русь в ключе польско-чехословацких отношений (весна 1935–1936 гг.)	127
Петров И.В.	
Миссионерская деятельность Румынской православной церкви на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны и позиция русских архиереев	150
Левченко В.В.	
Университеты и учителя А.Н. Грабара: к истории профессионального становления ученого-историка	170
Салата О.А.	
Живопис як один із проявів національного і культурного відродження русинів	189
Штєць В.О., Мельник О.Я.	
Творчість Золтана Шолтеса на тлі мистецького середовища Ужгорода 1948–1990 рр.	202

ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Зеленко С.В.

Образ Родины-Матери в гражданской лирике Александра Павловича 216

Алефиренко Н.Ф., Чумак-Жунь И.И., Петрикова Анна

Русинская картина мира в художественном дискурсе Василя Петровая 228

ЛИНГВИСТИКА И ЯЗЫК

Катунин Д.А.

**Языковое законодательство Народной Республики Македония
(1946–1963 гг.) 242**

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Щербинин А.И.

**Россия в условиях поворота к сетевому обществу: новый глобальный
вызов за пределами современности 255**

Зиновьев В.П., Суляк С.Г., Троицкий Е.Ф.

**Молдавия: внутриполитическая динамика, партийный круговорот
и олигархический режим (1991–2019 гг.) 266**

Подрезов М.В., Голдовская А.В.

**Русинский вопрос в медиаповестке российских средств массовой
информации (2010–2019 гг.) 294**

Мелешкина Е.Ю., Помигуев И.А.

Идеи национализма и югославизма в политическом дискурсе Сербии 306

НЕКРОЛОГ

Памяти Михаила Николаевича Губогло 322

CONTENTS

Editorial	9
------------------------	----------

HISTORY

<i>Chernov S.Z., Goncharova N.N., Merkulov V.I., Semenov A.S.</i>	
Test results of Y-DNA haplogroup for the medieval Slavic burial of the 12th century near Zagoryansky settlement on the Upper Klyazma (Moscow Region)	13
<i>Zhumaganbetov T.S., Sundetova A.N.</i>	
Black and Chervona (Red) Rus during the Mongol campaigns	26
<i>Akimov Y.G., Minkova K.V.</i>	
Organisations of Galician and Ugrian Rusins in the USA in the late 19th century	39
<i>Ivanov A.A.</i>	
Problems of Russian nationalism in papers and sermons of metropolitan Anthony (Khrapovitsky)	58
<i>Stogov D.I.</i>	
Russian monarchists of the early twentieth century about the situation of the Orthodox population in Western Provinces	79
<i>Savchuk B.P., Bilavych G.V.</i>	
Burial sites of Russian soldiers in Carpathia during the First World War	95
<i>Naumova N.I.</i>	
Slav unity and Siberian society during the Civil War. 1918-1919	113
<i>Morozov S.V.</i>	
Subcarpathian Rus in the context of Polish-Czechoslovakian relations (the spring of 1935–1936)	127
<i>Petrov I.V.</i>	
Missionary activities of the Romanian Orthodox Church in the occupied territory of the RSFSR during the Great Patriotic War and the position of the Russian bishops	150
<i>Levchenko V.V.</i>	
A.N. Grabar's universities and teachers: on the history of professional formation of a historian	170
<i>Salata O.A.</i>	
Painting as a manifestation of national and cultural revival of Rusins	189
<i>Shtets V.S., Melnyk O.Ya.</i>	
Zoltan Sholtes' creativity in the Uzhgorod artistic environment in 1948–1990	202

LITERATURE AND LITERARY THEORY

<i>Zelenko S.V.</i>

The image of Motherland in the civil lyrics by Aleksandr Pavlovich	216
---	------------

<i>Alefirenko N.F., Chumak-Zhun I.I., Petrikova Anna</i>	
The image of Motherland in the civil lyrics by Aleksandr Pavlovich	228

LINGUISTICS AND LANGUAGE

<i>Katunin D.A.</i>	
Language laws of the People's Republic of Macedonia (1946–63)	242

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

<i>Shcherbinin A.I.</i>	
Russia in the turn to a network society: new global challenge beyond modernity	255
<i>Zinovyev V.P., Sulyak S.G., Troitskiy E.F.</i>	
Republic of Moldova: internal dynamics, party circulation and oligarchic regime (1991–2019)	266
<i>Podrezov M.V., Gol'dovskaya A.V.</i>	
The Rusin question in the Russian media agenda (2010–2019)	294
<i>Meleshkina E. Yu., Pomiguev I.A.</i>	
The ideas of nationalism and Yugoslavism in Serbian political discourse	306

OBITUARY

In memory of Mikhail Guboglo	322
-------------------------------------	------------

**Уважаемые члены редколлегии,
авторы и читатели журнала!**

3–4 октября 2019 г. Национальный исследовательский Томский государственный университет и редакция международного исторического журнала «Русин» провели в Томске V Всероссийскую научную конференцию с международным участием «Славянский мир в условиях современных вызовов».

В работе форума приняли участие 44 исследователя из России, Украины, Белоруссии, Польши, представившие 34 доклада.

В частности, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, профессор Тараклийского государственного университета (Молдова) С.Г. Суляк проанализировал основную историографию русинов Карпато-Днестровских земель (территории средневекового Молдавского княжества). Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии факультета исторических и политических наук Томского государственного университета А.И. Щербинин сделал доклад на тему «Россия в условиях поворота к сетевому обществу: новый глобальный вызов за пределами современности». Доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики факультета исторических и политических наук Томского государственного университета Е.Ф. Троицкий вместе с коллегой, доктором исторических наук, профессором кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета В.П. Зиновьевым рассказали о своем видении развития политической ситуации в Молдавии. Кандидат филологических наук, доцент, ответственный секретарь редакции журнала «Вестник Томского государственного университета» Д.А. Катунин исследовал законодательный статус славянских языков в Германии и Австрии. Доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, регионоведения и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета С.В. Морозов раскрыл проблему польско-чехословацких отношений в отношении Подкарпатской Руси в межвоенный период. А. Цуранович, доктор политологии, доцент секции истории и теории международных отношений Института международных отношений Варшавского университета, сделала акцент на особой миссии России в славянском мире в прошлом и настоящем. Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения факультета исторических и политических наук Томского государственного уни-

верситета Н.И.Наумова подняла вопрос о взаимоотношениях славян Сибири в годы гражданской войны 1918–1919 гг. Доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета А.А. Иванов рассказал о проблематике русского национализма в статьях и проповедях митрополита Антония (Храповицкого). Кандидат филологических наук, доцент кафедры медиалингвистики и редактирования факультета журналистики Белорусского государственного университета С.В. Зеленко исследовал образ Родины-Матери в гражданской поэзии А. Павловича. Кандидат исторических наук, ассистент кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета И.В. Петров показал попытки влияния на российское православие духовенства Эстонской апостольской православной церкви на северо-западе России и Румынской православной церкви в Молдавии, Одессе и юге России в годы Великой Отечественной войны. Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры политологии факультета исторических и политических наук Томского государственного университета М.В. Подрезов рассмотрел освещение русинского вопроса в современных русскоязычных СМИ. Доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета Ю.А. Акимов и кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета К.В. Минкова в своем выступлении подняли тему общественных организаций галицких и угорских русинов США в конце XIX – начале XX в.

Более подробно ознакомиться с программой мероприятия, тематикой докладов и составом выступавших можно на сайте конференции: <http://conference.tsu.ru/slavworld>

Часть статей, написанных на основе докладов, прозвучавших на конференции, вместе с другими статьями публикуется в данном номере журнала.

№ 58 завершает 2019 г., 15-й год издания журнала. Это второй наш юбилей в этом году. Первый номер журнала за этот год тоже был юбилейным – № 55.

С.Г. Суляк,
главный редактор

**Dear members of the Editorial Board,
authors and readers!**

On October 3–4, 2019, National Research Tomsk State University and the Editorial Board of the Rusin International Historical Journal held the Fifth All-Russian Conference with international participation “The Slavic World: Responding to New Challenges” in Tomsk. It attracted 44 attendees from Russia, Ukraine, Belarus, and Poland, who presented 34 papers.

In particular, Associate Professor of St. Petersburg State University, Professor of Taraclia State University (Moldova) S. G. Suljak analysed the main historiography of the Rusins of the Carpathian-Dniester lands (the territory of the medieval Moldavian Principality). Doctor of Political Studies, Professor, Head of the Department of Political Studies, Faculty of Historical and Political Studies of Tomsk State University A. I. Shcherbinin presented a report “Russia Turning Towards a Network Society: A New Global Challenge Beyond Modernity”. Doctor of Historical Studies, Professor of World Politics at the Faculty of Historical and Political Studies of Tomsk State University E. F. Troitsky and Doctor of Historical Studies, Professor of the Department of Russian History, Faculty of Historical and Political Studies of Tomsk State University V. P. Zinoviev disclosed their perspective of political situation in Moldova. Associate Professor, Executive Secretary of the Editorial Board of Tomsk State University Journal D. A. Katunin focused on the legislative status of Slavic languages in Germany and Austria. Doctor of Historical Studies, Professor of the Department of International Relations, Regional Studies and Political Studies, National Research Belgorod State University S. V. Morozov discussed the problem of Polish-Czechoslovak relations with respect to Subcarpathian Rus in the interwar period. Alitsa Tsuranovich, PhD, Associate Professor of the Section of History and Theory of International Relations, the Institute of International Relations at the University of Warsaw, focused on Russia's special mission to the Slavic world in the past and present. Associate Professor of the Department of History and Documentation, Faculty of Historical and Political Studies at Tomsk State University N. I. Naumova raised the question of the relationship of the Siberian Slavs during the Civil War of 1918–1919. Doctor of Historical Studies, Professor of the Department of Contemporary History of Russia, Institute of History at St. Petersburg State University A. A. Ivanov spoke about the problems of Russian nationalism in articles and sermons of Metropolitan Anthony (Khrapovitsky). Associate Professor of the Department of Medialinguistics and Editing of the Faculty of Journalism at Belarusian

State University S. V. Zelenko investigated the image of the Motherland in the civil poetry of A. Pavlovich. Assistant of the Department of Contemporary History of Russia, Institute of History at St. Petersburg State University I. V. Petrov discussed the attempts to influence the Estonian Apostolic Orthodox Church clergy in northwestern Russia and the Romanian Orthodox Church in Moldova, Odessa and the south of Russia on Russian Orthodoxy during the Great Patriotic War. Senior Lecturer of the Department of Political Studies, Faculty of Historical and Political Studies at Tomsk State University M. V. Podrezov investigated the coverage of the Rusin issue in contemporary Russian-language media. Doctor of Historical Studies, Professor of the Department of American Studies at St. Petersburg State University Yu. A. Akimov and Ph.D. in History, Senior Lecturer of the Department of American Studies at St. Petersburg State University K. V. Minkov raised the question of public organisations of the Galician and Ugric Rusins of the United States in the late 19th – early 20th centuries.

Detailed information about the conference program, presentations and presenters can be found at <http://conference.tsu.ru/slavworld>

Some papers based on conference presentations have been included in this issue of the journal.

Issue 58 is final for 2019, which is the fifteenth year of the journal publication. Together with Issue 55, it is our second anniversary this year.

S.G. Sulyak,
Chief Editor

УДК 975.174.2

UDC

DOI: 10.17223/18572685/58/2

РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕСТИРОВАНИЯ ГАПЛОГРУППЫ Ү-ДНК ДЛЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО СЛАВЯНСКОГО ЗАХОРОНЕНИЯ XII в. В ОКРЕСТНОСТЯХ ПОСЕЛКА ЗАГОРЯНСКИЙ НА ВЕРХНЕЙ КЛЯЗЬМЕ (МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ)

С.З. Чернов¹, Н.Н. Гончарова², В.И. Меркулов³,
А.С. Семенов⁴

¹ Институт археологии РАН

Россия, 117292, г. Москва, ул. Д. Ульянова, 19
E-mail: chernovsz@mail.ru

² Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Россия, 119234, г. Москва, Ленинские горы, 1/12
E-mail: 1455008@gmail.com

³ Российско-немецкий исторический семинар
E-mail: mail@histformat.com

⁴ Московский физико-технический институт
Россия, 141701, Московская область, г. Долгопрудный,
Институтский пер., 9.
E-mail: semyonov1980@mail.ru

Авторское резюме

Целью исследования являются проведение тестирования гаплогруппы Ү-ДНК славянского раннесредневекового захоронения могильника в окрестностях поселка Загорянский (у д. Городище, могильник Большево-1) на р. Клязьме, поиск его возможных аналогов в других образцах средневековой ДНК и историко-археологическая, антропологическая и генетическая интерпретация результата. Данные говорят о принадлежности индивидуума к гаплогруппе E1b1b, что свидетельствует об участии дунайского компонента в этногенезе данной группы кривичей, пришедшей с Верхней Волги и новгородско-смоленского пограничья.

Ключевые слова: генофонд, популяционная генетика, палео-ДНК, контаминация, SNP- и STR-маркеры Ү-хромосомы, mt-ДНК, гаплогруппы, секвенирование.

TEST RESULTS OF Y-DNA HAPLOGROUP FOR THE MEDIEVAL SLAVIC BURIAL OF THE 12TH CENTURY NEAR ZAGORYANSKY SETTLEMENT ON THE UPPER KLYAZMA (MOSCOW REGION)

**S.Z. Chernov¹, N.N. Goncharova², V.I. Merkulov³,
A.S. Semenov⁴**

¹ Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences
19 Dmitry Ulyanov Street, Moscow, 117292, Russia
E-mail: chernovsz@mail.ru

² Moscow State University
1/12 Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russia
E-mail: 1455008@gmail.com

³ Russian-German Historical Seminar
E-mail: mail@histformat.com

⁴ Moscow Physical Technical Institute
9 Institutskiy Lane, Dolgoprudny, Moscow Region, 141701, Russia
E-mail: semyonov1980@mail.ru

Abstract

The aim of the study was to test the Y-DNA haplogroup of the Slavic early medieval burial of the ground Bolshevo-1 (near Zagoryansky settlement) on the Klyazma river, to consider its possible analogues in other samples of medieval Slavic DNA and to give a historical, archaeological, anthropological, and genetic interpretation of the result. The data show that the individual belongs to the haplogroup E1b1b, which indicates the participation of the Danube component in the ethnogenesis of this group of the Krivichs, which came from the Upper Volga and the Novgorod-Smolensk border.

Keywords: gene pool, population genetics, paleo-DNA, contamination, SNP and STR markers of Y-chromosome, mt-DNA, haplogroups, sequencing.

В настоящее время развиваются исследования древних славянских захоронений с учетом применения методов исторической генетики. Среди работ по теме можно назвать результаты типирования захоронений Узедома (Южная Балтика), Радонежа. В середине 2019 г. появились препринты с новыми захоронениями.

Верхнее течение р. Клязьмы выбрано для исследования, поскольку этот район в X–XI вв. играл ключевую роль в расселении славян на землях, на которых позднее сформировалось русское население Замосковья¹.

Судя по женскому погребальному убору в курганных группах, исследованных на Верхней Клязьме, здесь доминировало кривичское (брраслетообразные височные кольца) и присутствовало вятическое население (семилопастные височные кольца) [16: 164–168]. Учитывая наличие более ранних кривичских курганов с трупосожжениями на Верхней Волге X–XI вв., исследователи склонялись к мысли, что кривичское население продвинулось в северную часть современной Московской области и на Клязьму с верховьев Волги, через район Волока Ламского по водно-волоковым путям [17: 190–191, 214–220; 18: 55–60]. Земли к югу от Клязьмы, в среднем течении Москвы-реки, были освоены вятичами из долины Оки [19: 341–353].

В XII в. славянское население Верхней Клязьмы стало донором в заселении долин ее притоков – Вори и Шерны, откуда в XIII–XIV вв. началось освоение Клинско-Дмитровской гряды, включая Радонеж и весь северо-восток Московского княжества [20: 387–406].

Могильник, выбранный для исследования, входит в археологический комплекс в окрестностях поселка Загорянский – наиболее изученный на Верхней Клязьме. Материалы, полученные здесь в ходе работ Московской областной экспедиции Института археологии РАН, позволили существенно уточнить наши представления об этносоциальной ситуации. На центральном поселении (селище Большево-3) раскопками исследовано 1116 кв. м. Наиболее ранняя постройка южной усадьбы (яма 20), судя по находкам калачевидного кресала с язычком, крылатого псалия от удил III типа и соотношению лепной и раннекруговой посуды 80 / 20 %, возникла около 1025–1075 гг. Первопоселенцы, среди которых были представители автохтонного населения, владели техникой изготовления лепных сосудов не только ладожского (с ребром по плечику), но и мерянского (лощеные горшки с саблевидным профилем) и роменского типов, характерной для вятических древностей [13: 112–136; 14: 546–572].

Иной этнический облик имели жители северной усадьбы, возникшей около 1050–1075 гг. (яма 9). Они владели керамической традицией, существовавшей в кривичском новгородско-смоленском пограничье и новгородском Верхневолжье во второй четверти XI в., когда навыки изготовления лепной посуды баночного типа еще сохранялись, раннекруговые эсовидные сосуды со срезанными венчиками уже использовались, а западнославянские типы раннекруговой посуды вышли из употребления. Переселившись в третьей четверти

XI в. на Клязьму, эти люди некоторое время сохраняли привычные им навыки [11: 64–104; 12: 85–87].

В первой четверти XII в. южная усадьба обновляется². Здесь появляются представители элиты (в яме 31 найдены боевые стрелы, бляшка от поясного набора профессионального воина, близкая кругу балтийских древностей X–XI вв., и крест-тельник с эмалью), которые, видимо, выполняли военно-торговые функции на Клязьминско-Яузском водно-волоковом пути [15: 139–163].

В радиусе 0,8 км от центрального поселения в первой половине XII в. располагались три селения, известные как селища Баскари, Большево-1 и Бурково, – при двух последних исследованы курганные могильники. Наилучшим образом документирован могильник в окрестностях поселка Загорянский у д. Городище, расположенный в 500 м от селища Большево-3³ [10: 229–243]. В 1901–1902 гг. Ю.Г. Гендуна исследовала здесь 15 курганов (№ 1–7, 8, 12–14, 17–20) [3; 4], а в 1921 г. В.А. Городцов раскопал еще пять [5]. Всего изучено 21 трупоположение с западной и северо-западной ориентировкой (14 на горизонте и 7 в ямах; в двух погребениях замечены колоды, три завернуты в бересту). 10 погребений содержали женские украшения, 9 не содержали вещей и в 2 найдены только горшки.

Большинство браслетов и перстней имеют широкую дату – XII в., однако имеются признаки, которые позволяют уточнить датировку. Это звездчатая пряжка, тупоконечный браслет с орнаментом «волчий зуб», крестообразный бубенчик и золотостеклянные бусы (в трех погребениях). Эти находки укладываются в первую половину XII в. [8: 276–277]. Среди женских украшений много височных колец – завязанные и загнутоконечные кривичские (5 в 3 погребениях), ромбощитковые новгородские (7 в одном погребении), трехбусинные (в 4 погребениях), а также гривны – витая и дротовая.

Таким образом, могильник отражает группу населения, в формировании которой приняли участие переселенцы с Верхней Волги. Причем перед нами не княжеские тиуны, проживавшие в тот период в центральной усадьбе погоста, а рядовое свободное население (смерды) с преимущественно кривичскими корнями.

В настоящее время в НИИ антропологии МГУ хранится 9 черепов из раскопок Ю.Г. Гендуны и один – из раскопок В.А. Городцова⁴ [2]. После их фотофиксации и изучения для исследования был выбран № 5666, уверенно интерпретируемый как череп мужчины с хорошей сохранностью зубной системы.

Краниологическое исследование. Изученная группа из окрестностей поселка Загорянский представляет собой очень небольшую в статистическом смысле выборку: изучено 7 мужских и 2 женских

черепа. Этот факт налагает определенные ограничения на интерпретацию данных, однако эта ситуация вынужденная: отчасти небольшое количество изученных черепов компенсируется их хорошей сохранностью.

Особенностью группы из могильника в окрестностях поселка Загорянский стала довольно заметная морфологическая массивность населения, оставившего могильник. Мы провели сравнение этой небольшой краиниологической серии с характеристиками практически синхронного курганного населения окружающих территорий, которые были изучены в 70-е гг. прошлого века Т.И. Алексеевой [1]. Для анализа выбрано 7 сборных краиниологических серий, сгруппированных по географическому принципу: вятичи первой локальной группы – верхнее течение Москвы и Истры, вятичи второй группы (среднее течение р. Москвы), вятичи третьей локальной группы – междуречье Москвы и Клязьмы, вятичи четвертой группы – нижнее течение рек Москвы и Пахры. Также для анализа взяты три группы кривичского населения: кривичи смоленские, тверские и смоленско-тверские. Серия анализов выявила неожиданный факт: окружающие курганные группы отличаются заметно меньшими размерами как мозговой, так и лицевой части черепа. Этот факт хорошо иллюстрирует рис. 1, где показано положение групп в осях трех габаритных размеров лица и черепа. Выборка из могильника в окрестностях поселка Загорянский заметно крупнее по всем этим параметрам. Ближе всего к изученной группе по габаритным параметрам черепа находятся группы № 5 и 6, т. е. вятичи нижнего течения Москвы и кривичи смоленские. Но это сближение очень условное, изученная группа все же сильно отличается от своих соседей.

В арсенале антропологии имеются также многомерные статистические анализы, которые позволяют сравнивать группы сразу по всему набору признаков. К числу таких методов относится многомерный дискриминантный анализ. Его результаты представлены на рис. 2.

Применение многомерного анализа не дало принципиально другого результата: группа из окрестностей поселка Загорянский (Болшево) отличается от синхронного окружающего курганного населения по всему набору признаков. Можно утверждать, что и по абсолютным размерам черепа, и по его пропорциям группа из окрестностей поселка Загорянский обладает особым набором признаков.

Каковы возможные интерпретации полученных результатов? Обычно большая массивность характеризует население более западных или более юго-западных (по отношению к изученному географическому локусу) регионов Европы. Массивность приносят на территорию Восточной Европы балтские племена, племена западных славян и т. п. В некоторых работах показано также, что более массив-

ным строением черепа отличается и городское население разных эпох в сравнении с сельским [1; 6: 75–87].

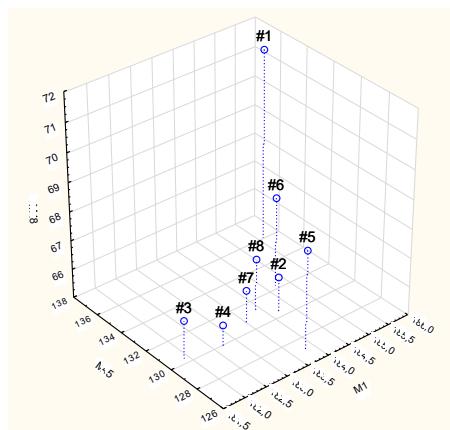

Рис. 1. Положение выборки из могильника в окрестностях поселка Загорянский в сравнении с окружающими группами курганного населения в пространстве трех признаков – продольного диаметра черепа (M1) и размеров лица (скучевой диаметр (M45) и высота лица (M48)): 1 – Большово; 2 – вятичи первой локальной группы – верхнее течение рек Москвы и Истры; 3 – вятичи второй группы (среднее течение р. Москвы); 4 – вятичи третьей локальной группы – междуречье Москвы и Клязьмы; 5 – вятичи четвертой группы – нижнее течение рек Москвы и Пахры; 6 – кривичи смоленские; 7 – кривичи тверские; 8 – кривичи смоленско-тверские.

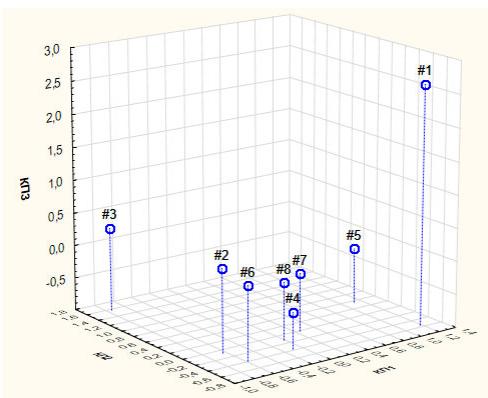

Рис. 2. Положение выборки из могильника в окрестностях поселка Загорянский в сравнении с окружающими группами курганного населения в пространстве трех канонических переменных, суммарно описывающих 71 % межгрупповой изменчивости (нумерация групп, как на рис. 1).

Поскольку изученное поселение не имеет археологических признаков города, с некоторой осторожностью (которая обусловлена, прежде всего, небольшим объемом выборки) можно предположить, что наблюдаемые особенности связаны именно с происхождением группы. Возможно, перед нами переселенцы с более западных (по отношению к Московской области) территорий.

Генетические данные. Для генетического анализа были выбраны образец зуба, а именно клык, и третий моляр верхней челюсти, шифр краинологического материала № 5666 (Музей антропологии МГУ). Исследование данного образца было проведено по договору с ООО «ДНК-Наследие» № ДНК-Ла/04-19 от 29.04.2019. Генетический анализ проведен методом ПЦР и капиллярного электрофореза продуктов ПЦР на определение STR-локусов Y-хромосомы.

Все этапы работы с археологическим образцом проводились в вытяжном шкафу, размещенном в чистой лаборатории, оснащенной ULPA-фильтрами и УФ-лампами.

Чтобы избежать загрязнения, осуществлялась стерилизация всего инструментария и рабочего пространства в чистой лаборатории с помощью химических веществ и жесткого УФ-облучения в течение 24 ч.

Образец зуба был очищен от верхнего слоя загрязнений на стоматологическом оборудовании. Далее очищенный зуб выдерживали на УФ-облучении с каждой стороны по 30 мин. Затем зуб измельчался до состояния костного порошка в мельнице. В результате из археологического образца был получен зубной порошок массой 1 г. Выделялась ДНК из 0,2 г зубного порошка методом, основанным на колонках с SiO₂. Концентрация выделенной ДНК оценивалась на Qubit (HS) и составила 0,5 нг/мкл. С помощью набора реагентов Yfiler™ Plus PCR Amplification Kit (Thermo Fisher Scientific) была проведена ПЦР реакция ДНК из образца. Фрагментный анализ по 27 STR локусам Y-хромосомы осуществлялся на капиллярном секвенаторе AB3500xl. Результаты по гаплотипу Y-хромосомы образца получены в программе IDX v.1.4 Gene Mapper. Выявлено 9 STR локусов Y-хромосомы со значениями аллелей, указанными в таблице. Сигналы от локусов DYS19 и DYS389-II отличаются меньшей четкостью.

Определение STR локусов Y-хромосомы со значениями аллелей

Номер образца	Наименование и аллели STR локусов												
	393	390	19	391	385 а	385 б	439	389 I	392	389 II	456	438	
Образец 5666	14		13	10			12	13	11	28	15	10	

Определение гаплогруппы по 9 локусам по предиктору (<http://www.hprg.com/hapest6/hapest5b/hapest5.htm>) дает высокую вероятность (98 %) наличия у данного индивидуума гаплогруппы E1b1b. Присутствие этой редкой для славян гаплогруппы, характерной для населения Балкан (эпицентр – в Сербии около знаменитого Косова поля), свидетельствует о балкано-дунайских корнях мужской линии индивидуума (возможно, далеких), что коррелирует с записанными в «Повести временных лет» преданиями о переселении с Дуная восточнославянских племен [7: 5–6]. Наличие данных позволяет несколько уточнить родственные связи захороненного. В Радонеже, который, вероятно, заселялся из долины р. Клязьмы, выявлен субклад R1a-M458 [22], типичный для славянского населения.

Весьма показательно, что такая же пара субкладов выявлена в погребении XII–XIII вв. в Узедоме на заселенном тогда славянами-лютичами южном побережье Балтики, между древней Арконой (на острове Рюген) и Волином (устье Одера) (R1a-M458 и E1b1b) [21:86–87]. Фиксация «пары» E1b1b и R1a-M458 на синхронных памятниках, расположенных в зонах расселения полабских славян и днепровских кривичей, позволяет говорить об определенной закономерности и трактовать эти «пары» как следы ранних миграций населения Балкано-Дунайского региона на север и северо-восток (рис. 3).

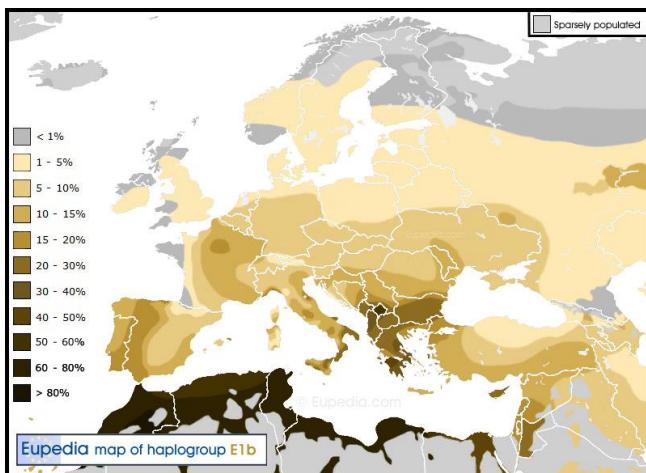

Рис. 3. Распределение плотности гаплогруппы E1b1b.

Выводы. Мужчина могильника в окрестностях поселка Загорянский (первая половина XII в.), по которому проведено тестирование, по археологическим данным, принадлежал к группе кривичского насе-

ления, переселившейся около 1050–1075 гг. на Верхнюю Клязьму с Верхней Волги, куда это население продвинулось в X в. из смоленско-новгородского пограничья. Согласно антропологическим данным, группа из окрестностей поселка Загорянский заметно отличается от вятского населения Москворечья массивностью черепов, причем соответствующие показатели превышают таковые смоленских кривичей и могут объясняться влиянием западнославянского и / или балтского субстрата. Таким образом, археологические и антропологические данные не противоречат друг другу и позволяют говорить о кривичских корнях погребенного и всей группы.

Обнаружение в погребении из окрестностей поселка Загорянский гаплогруппы Y-ДНК E1b1b при наличии в соседнем Радонеже гаплогруппы R1a-M458 позволяет трактовать эту «пару» как следствие ранних миграций славян из Балкано-Дунайского региона в зону расселения кривичей на Верхнем Днепре. Подобные миграции могли начаться в период ослабления Аварского каганата после 626 г. и активизировались после разгрома каганата Каролингами в 796 г. Возможно, связь между регионами сохранялась и позже; например, по одной из версий, святой Меркурий Смоленский происходил из Моравской земли.

Фиксация аналогичной «пары» E1b1b и R1a-M458 на памятниках полабских славян дает основание предполагать, что подобные миграции происходили и в зонах расселения западных славян.

Полученный результат свидетельствует о перспективности применения генотипирования для выявления миграционных процессов, которые привели к расселению славян-кривичей в смоленском Поднепровье. Применение новых методов актуально, поскольку миграции славянского населения фиксируются пока главным образом по распространению отдельных категорий вещей при дунайских типов [9: 531–550], а изучение генезиса культуры полоцко-смоленских длинных курганов, ведущееся в рамках чисто археологической парадигмы, приблизилось к границам ее познавательных возможностей.

Авторы благодарят спонсоров исследования – общественность и жителей поселка Загорянский, объединенных усилиями историка, краеведа, общественного деятеля Р.Л. Виноградова, а также Д. Вотрина, А. Семенова и Н. Квеселевич, внесших существенный материальный вклад в проведение работ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В настоящее время окрестности верхнеклязьминских городищ – элитное дачное место с поселками Загорянский (жители этого поселка

выступали в качестве спонсора исследования), Валентиновка, Новые Горки, д. Бурково.

2. Обоснование датировки см.: [15: 139–163].
3. Могильник относился к селищу, которое возникло близ городища дьяковской культуры, давшего название средневековой деревне.
4. Музей антропологии МГУ. Инвентарные № 5664–5669, 5671–5773.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 330 с.
2. Алексеева Т.И., Ефимова Г.С., Эренбург Р.Б. Краниологические и остеологическая коллекции Института и Музея антропологии МГУ. М., 1986. 134 с.
3. Гендуне Ю.Г. О раскопках в Калужской, Московской и Тульской губерниях // Архив ИИМК РАН в г. Санкт-Петербург. Ф. 2. Оп. 1. 1901. Д. 39.
4. Гендуне Ю.Г. О раскопках в Калужской и Московской губерниях // Архив ИИМК РАН в г. Санкт-Петербург. Ф. 2. Оп. 1. 1902. Д. 27.
5. Городцов В.А. Археологические раскопки в Советской России с 1919 по 1921 г. // Древний мир. Вып. 1. М., 1924.
6. Конопелькин Д.С., Гончарова Н.Н. Сравнительный анализ восточноевропейских городских и сельских выборок XVI–XVIII вв. // Российская археология. 2016. (2). С. 75–87.
7. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1.
8. Равдина Т.В. Описание Большевских курганных могильников // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. М., 2004. Т. 1. С. 276–277.
9. Седов В.В. Славяне. М., 2002. 145 с.
10. Чернов С.З. Археологические памятники Большева на Клязьме и Яузский волок // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. М., 2004. Т. 1. С. 229–243.
11. Чернов С.З. Большево-3 на Верхней Клязьме: северная усадьба и ее этнокультурные особенности (по данным раскопок 2012 г.) // Археология Подмосковья. М., 2018. Вып. 14. С. 64–104.
12. Чернов С.З. Комплексы лепной и раннекруговой керамики Смоленско-Новгородского пограничья и западной части Волго-Окского междуречья: хронологические ритмы миграции // Археология Древней Руси: актуальные проблемы и открытия: Материалы междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Д.А. Авдусина (1918–2018). М., 2018. С. 85–87.
13. Чернов С.З., Волков И.В. Большево-3 – древнерусское поселение XI века на Верхней Клязьме // Археология Подмосковья. М., 2009. Вып. 5. С. 112–136.
14. Чернов С.З., Волков И.В. Большево-3 и особенности древнерусской колонизации севера Московского края в XI веке // Великий Новгород и средневековая Русь. Сборник статей к 80-летию академика В.Л. Янина. М., 2009. С. 546–572.
15. Чернов С.З. Волков И.В. Постройка первой половины XII века селища

- Большево-3 на Верхней Клязьме (яма 31) // Археология Подмосковья. М., 2010. Вып. 6. С. 139–163.
16. Юшко А.А. Московская земля IX–XIV веков. М., 1991. 197 с.
 17. Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961. 267 с.
 18. Жилина Н.В., Жилин М.Г., Король Г.Г., Максимов А.Д., Энговатова А.В. Введение // Археологическая карта России. Тверская область. М., 2003. Ч. 1. 528 с.
 19. Григорьев А.В., Сарычев И.Г. О времени гибели роменской культуры // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1999. Т. 5. С. 341–353.
 20. Chernov S., Erschova E. Internal colonization in Russia during the 13th and 14th centuries: three hamlets of the pre-manorial period // *Ruralia IX. Hierarchies in rural settlements* / Ed. by Jan Klápště. Turnhout: Brepols Publishers, 2013. Vol. 9. P. 387–406.
 21. Freder J. Die mittelalterlichen Skelette von Usedom. Anthropologische Bearbeitung unter besonderer Berücksichtigung des ethnischen Hintergrundes. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades des Doktors der Naturwissenschaften eingereicht im Fachbereich Biologie, Chemie, Pharmazie der Freien Universität Berlin. Berlin, 2010.
 22. Mustafin K.K., Alborova I.E., Semenov A.S., Vishnevsky V.I. Haplogroup analysis for a medieval russian burial of 16th–17th centures In Radonezh (Moscow Area) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2018. № 2 (24). P. 169–180. DOI 10.21638/spbu19.2018.209

REFERENCES

1. Alekseeva, T.I. (1973) *Etnogenез восточных славян по данным антропологии* [Ethnogenesis of the Eastern Slavs according to anthropology]. Moscow: Moscow State University.
2. Alekseeva, T.I., Efimova, G.S. & Erenburg, R.B. (1986) *Kraniologicheskie i osteologicheskaya kolleksii Instituta i Muzeya antropologii MGU* [Craniological and osteological collections of the Institute and Museum of Anthropology of Moscow State University]. Moscow: Moscow State University.
3. Gendune, Yu.G. (1901) *O raskopkakh v Kaluzhskoy, Moskovskoy i Tul'skoy guberniyakh* [About excavations in Kaluga, Moscow and Tula provinces]. The Archive of Institute of the History of Material Culture, RAS, in St. Petersburg. Fund 2. List 1. File 39.
4. Gendune, Yu.G. (1902) *O raskopkakh v Kaluzhskoy i Moskovskoy guberniyakh* [About excavations in Kaluga and Moscow provinces]. The Archive of Institute of the History of Material Culture, RAS, in St. Petersburg. Fund 2. List 1. File 27.
5. Gorodtsov, V.A. (1924) *Arkheologicheskie raskopki v Sovetskoy Rossii s 1919 po 1921 g.* [Archaeological excavations in Soviet Russia from 1919 to 1921]. *Drevniy mir*. 1.
6. Konopelkin, D.S. & Goncharova, N.N. (2016) Comparative craniological analysis of Eastern European residential and rural panels of the 16th – 18th

centuries. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 2. pp. 75–87 (in Russian).

7. Karskiy, I.F. (ed.) (1926) *Polnoe sobranie russkikh letopisej* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 1(1). Leningrad: USSR AS.

8. Ravidina, T.V. (2004) *Opisanie Bolshevikh kurgannikov* [Description of Bolshevik burial mounds]. In: Belyav, L.A. & Makarova, T.I. (eds) *Kul'tura srednevekovoy Moskvy. Istoricheskie landshafty* [Culture of Medieval Moscow. Historical Landscapes]. Vol. 1. Moscow: Nauka. pp. 276–277.

9. Sedov, V.V. (2002) *Slavyane* [Slavs]. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences.

10. Chernov, S.Z. (2004) *Arkheologicheskie pamyatniki Bolsheva na Klyaz'me i Yauzskiy volok* [Archaeological Sites of Bolshev on Klyazma and the Yauza portage]. In: Belyav, L.A. & Makarova, T.I. (eds) *Kul'tura srednevekovoy Moskvy. Istoricheskie landshafty* [Culture of Medieval Moscow. Historical Landscapes]. Vol. 1. Moscow: Nauka. pp. 229–243.

11. Chernov, S.Z. (2018) *Bolshevo-3 na Verkhney Klyaz'me: severnaya usad'ba i ee etnokul'turnye osobennosti* (po dannym raskopok 2012 g.) [Bolshevo-3 on the Upper Klyazma: the northern estate and its ethnocultural features (according to the excavations in 2012)]. *Arkheologiya Podmoskov'ya*. 14. pp. 64–104.

12. Chernov, S.Z. (2018) [Complexes of molded and wheel-made ceramics of the Smolensk-Novgorod borderland and the western part of the Volga-Oka interfluvium: chronological rhythms of migration]. *Arkheologiya Drevney Rusi: aktual'nye problemy i otkrytiya* [Archeology of Old Rus: Topical Problems and Discoveries]. Proc. of the International Conference. Moscow. pp. 85–87 (in Russian).

13. Chernov, S.Z. & Volkov, I.V. (2009) *Bolshevo-3 – drevnerusskoe poselenie XI veka na Verkhney Klyaz'me* [Bolshevo-3 – an ancient Russian settlement of the 11th century on the Upper Klyazma]. *Arkheologiya Podmoskov'ya*. 5. pp. 112–136.

14. Chernov, S.Z. & Volkov, I.V. (2009) *Bolshevo-3 i osobennosti drevnerusskoy kolonizatsii severa Moskovskogo kraja v XI veke* [Bolshevo-3 and specificity of the Old Russian colonization of the north of the Moscow region in the 11th century]. In: Makarov, N.A., Lopatin, N.B. & Sedov, V.L. (2009) *Velikiy Novgorod i srednevekovaya Rus'* [Velikiy Novgorod Medieval Rus]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. pp. 546–572.

15. Chernov, S.Z. & Volkov, I.V. (1991) *Postroyka pervoy poloviny XII veka selishcha Bolshevo-3 na Verkhney Klyaz'me (yama 31)* [The construction of the first half of the 12th century, the village of Bolshevo-3 on the Upper Klyazma (Pit 31)]. *Arkheologiya Podmoskov'ya*. 6. pp. 139–163.

16. Yushko, A.A. (1991) *Moskovskaya zemlya IX–XIV vekov* [The Moscow land of the 9th – 14th centuries]. Moscow: Nauka.

17. Goryunova, E.I. (1961) *Etnicheskaya istoriya Volgo-Okskogo mezhdurech'ya* [Ethnic History of the Volga-Oka Interfluvium]. Moscow: USSR AS.

18. Zhilina, N.V., Zhilin, M.G., Korol, G.G., Maksimov, A.D. & Engovatova, A.V. (1999) *Vvedenie* [Introduction]. In: Kashkin, A.V. (ed.) *Arkheologicheskaya karta*

- Rossii. Tverskaya oblast'* [Archaeological Map of Russia. Tver Region]. Moscow: Institute of Archeology, RAS.
19. Grigoriev, A.V. & Sarychev, I.G. (1999) O vremeni gibeli romenskoy kul'tury [On the time of the death of the Romance culture]. *Trudy VI Mezhdunarodnogo kongressa slavyanskoy arkheologii*. 5. pp. 341–353.
20. Chernov, S. & Erschova E. (2013) Internal colonization in Russia during the 13th and 14 th centuries: three hamlets of the pre-manorial period. *Ruralia IX. Hierarchies in rural settlements*. Jan Klápšté (ed.). Turnhout: Brepols Publishers. 9. pp. 387–406.
21. Freder J. (2010) *Die mittelalterlichen Skelette von Usedom. Anthropologische Bearbeitung unter besonderer Berücksichtigung des ethnischen Hintergrundes*. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades des Doktors der Naturwissenschaften eingereicht im Fachbereich Biologie, Chemie, Pharmazie der Freien Universität Berlin. Berlin.
22. Mustafin, K.K., Alborova, I.E., Semenov, A.S. & Vishnevsky V.I. (2018). Haplogroup analysis for a medieval Russian burial of 16th–17th centures in Radonezh (Moscow Area). *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2 (24). pp. 169–180. DOI 10.21638/spbu19.2018.209
- Чернов Сергей Заремович** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии Московской Руси Института археологии РАН (Россия).
- Sergey Z. Chernov** – Institute of Archeology RAS (Russia).
- E-mail: chernovsz@mail.ru
- Гончарова Наталья Николаевна** – кандидат биологических наук, старший преподаватель биологического факультета кафедры антропологии, МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия).
- Natalya N. Goncharova** – Moscow State University Lomonosov (Russia).
- E-mail: 1455008@gmail.com
- Меркулов Всеволод Игоревич** – кандидат исторических наук, координатор общественно-научного проекта «Российско-немецкий исторический семинар» (Россия).
- Vsevolod I. Merkulov** – Russian-German Historical Seminar Russia (Russia).
- E-mail: mail@histformat.com
- Семенов Александр Сергеевич** – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры управления технологическими проектами Московского технического института (Россия).
- Alexander S. Semenov** – Moscow Technological Institute (Russia).
- E-mail: semyonov1980@mail.ru

УДК 94(4)375/1492

UDC

DOI: 10.17223/18572685/58/3

ЧЕРНАЯ И ЧЕРВОННАЯ РУСЬ В ПЕРИОД МОНГОЛЬСКИХ ПОХОДОВ

Т.С. Жумаганбетов¹, А.Н. Сундетова²

¹ Актюбинский региональный государственный университет
Республика Казахстан, 030000, г. Актобе, пр. А. Молдагуловой, 34
E-mail: ts888@mail.ru

² Западно-Казахстанский медицинский университет
Республика Казахстан, 030000, г. Актобе, ул. Маресьева, 78
e-mail: akmaral.a.84@mail.ru

Авторское резюме

В данной статье авторы поставили себе задачу ответить на вопрос о возможности противостояния русинов и других этносов того времени монгольскому натиску XIII в. Монголы не смогли захватить ряд городов Черной и Червонной Руси. Даниил Галицкий и его брат Василько Романович организовали эффективное сопротивление монголам. Более того, они в 1241 г. изгнали монгольскую администрацию из Болховской земли. Вопреки мнению ряда историков, Галицко-Волынское княжество не покорилось. Его правители не возили монголам ежегодно собирающиеся налоги. Во взаимоотношениях с ними Даниил Романович и его сыновья были союзниками в вопросах сохранения границ в регионе от притязаний Литвы и Польши. Такое сопротивление стало возможным всвязи с включением Черной и Червонной Руси в антимонгольскую католическую кафолицию. Покровительство Папы Римского Иннокентия IV позволило русинам противостоять монголам и сохранять свою независимость на протяжении XIII–XV вв. Владимира-Сузdalские княжества покорились и впустили на свои земли монгольских администраторов – баскаков и даруга. Внутри семьи Ярослава II Всеволодовича по вопросу о борьбе с монголами и духовному компромиссу появился раскол. Против Александра Невского, который был сторонником покорения иноземцам, встали его брат Андрей Ярославович, дядя Ярослав Ярославович, сын Андрей Александрович и др. Даниил Романович и его сыновья приняли королевский титул и распространяли католичество как на своих землях, так и в княжестве Литовском. Сторонники католической партии владимирских князей пошли на политический и брачный союз с королем Даниилом Романовичем.

При этом «русском короле» начались переговоры по созданию в регионе униатской греко-католической церкви, которые завершились после его смерти Брестским и Флорентийским договорами.

Ключевые слова: монгольское нашествие, Черная и Червонная Русь, идеология, Даниил Галицкий, греко-католическая организация.

BLACK AND CHERVONA (RED) RUS DURING THE MONGOL CAMPAIGNS

T.S. Zhumaganbetov¹, A.N. Sundetova²

¹ Aktobe Regional State University

34 A. Moldagulova Avenue, Aktobe, 030000, Kazakhstan

E-mail: ts888@mail.ru

² West Kazakhstan Medical University

78 Maresyev Street, Aktobe, 030000, Kazakhstan

E-mail: akmara.l.a.84@mail.ru

Abstract

In this article, the authors have set themselves the task of answering the question of a possible opposition of Rusins and other ethnic groups to the Mongol onslaught in the 18th century. The Mongols could not capture a number of cities of Black and Red Rus. Daniel of Galicia and his brother Vasilko Romanovich could organize an effective resistance to the Mongols. Moreover, in 1241, they managed to oust the Mongol administration from the Bolokhov land. Opposing to some historians, the authors argue that the Galicia-Volhynia Principality did not submit to the Mongols, and its rulers never took the annually collected taxes to the Mongols. In their relations with the Mongols, Daniel Romanovich and his sons agreed on the border issues and their protection from the claims of Lithuania and Poland, which was possible due to the inclusion of Black and Red Rus in the anti-Mongolian Catholic coalition. Pope Innocent IV's patronage allowed Rusins to resist the Mongols and maintain independence throughout the 13th – 15th centuries. The Vladimir-Suzdal Principality surrendered to the Mongols and admitted the Mongol administrators – baskaki and darugachi – to their land. The family of Yaroslav II Vsevolodovich split on the question of fight against the Mongols and spiritual compromise. Alexander Nevsky, who believed it would be better to surrender, was opposed by his brother Andrei Yaroslavovich, uncle Yaroslav Yaroslavovich, his son Andrei Alexandrovich and others. Daniel

Romanovich and his sons took the Royal title to spread Catholicism both in their lands and in the Principality of Lithuania. Vladimir princes who supported the Catholic party concluded a political and matrimonial alliance with King Daniel Romanovich. This “Russian king” started negotiations on the the Uniate Greek Catholic Church in the region, which ended with the Brest and Florentine Treaties after his death,

Keywords: Mongol invasion, Black and Chervona (Red) Rus, ideology, Daniel of Galicia, Greek Catholic organisation.

Важный вопрос средневековой истории: была ли возможность противостоять в XIII в. монголам? Сделать все возможное, чтобы не покориться завоевателям? На этот вопрос отвечает история русинов.

XIII в. привнес в жизнь евразийского континента огромные изменения. Этнос, вышедший на мировую арену из степей Монголии, халхи, предпринял эффективные усилия для создания самой обширной империи на нашей планете.

Первоначально Темуджин, будущий Чингиз-каган, ставил перед собой и своим народом задачу обезопасить внешние границы своего общества и только что созданного государства Йеке монгол улус. Реформы в обществе и армии оказались результативными, что позволило создать боеспособную армию в 100 тыс. воинов. К 1215 г. монголы выполнили первоначальные внешнеполитические задачи. Их злейшие враги – многочисленные племена татар и чжурчжэнская империя Цзинь – стали вассалами монголов. Война с Хорезмом, Булгарией, ханами кумано-кыпчаков стала причинами развертывания боевых действий на западе. Попытки великих князей Юрия Всеволодовича и Ярослава II Всеволодовича в 1237–1240 гг. организовать военный отпор монголам завершились сокрушительными поражениями и смертью старшего брата [1, 4–7, 13].

Вероятно, до 1240 г. владимирские князья надеялись на общехристианское сопротивление и помочь других, пусть даже и католических стран. Но к середине 1240 г. стало понятно, что монгольские экспедиционные корпусы будут вторгаться вслед за кыпчаками хана Котяна в Венгерское королевство, а значит, пострадают и их католические союзники. В войне против антимонгольской католической каолиции на стороне монголов выступил сын Ярослава II новгородский князь Александр, полководец «Республики Святой Софии» [10].

Натиск монголов на Польшу и Венгрию с Новгородских земель в 1240 и 1241 гг. был поддержан Александром Ярославичем. Он отбил атаку шведов, освободил в 1240 г. город Псков от ливонцев, после совершил поход под город Ригу. Апогеем последнего похода стала

битва на Чудском озере [2: 62–63; 12: 190–191]. Таким образом, попытки Ганзейского союза сохранить контроль над такими центрами торговли, как Псков и Новгород, расширить католические общины в этих городах получили военный отпор.

Приготовления монголов к походу в Восточную и Южную Европу вызвали оживление политической жизни на Руси, в частности на Среднем и Верхнем Днепре. Несмотря на обреченность Киева, в течение 1239–1240 гг. там три раза сменилась власть, и престол занимали в основном князья из Черной и Червонной Руси [14: 254–255]. Есть гипотеза, что поход Даниила Романовича 1239 г. на Киев вызвало его желание устраниТЬ конкурента на престол Галича.

Поражение половцев-кыпчаков хана Котяна Сутоевича и взятие монголами в декабре 1240 г. Киева и земель всего княжества дЕлали неизбежным вторжение монголов в ближайшие королевства. Весной 1241 г. хан Бату прошел через Волынь, захватив и разорив города Черной¹ и Червонной² Руси: Новогрудок, Городен, Волковыск, Волынь, Галич, Владимир на р. Буг и др. Русинское ополчение и дружины князей смогли отстоять столицу княжества Холм, а также города Кременец и Данилов [3: 21, 112; 14: 255] – событие для того времени совершенно неординарное. Русины отчаянно обороняли свои города от главных сил монгольского корпуса, но силы были не равны. От полного уничтожения городских центров русинов спасло то, что монголы очень спешili, поэтому, выполнив основную военную задачу, они не оставили в этих местах свои гарнизоны. Русины смогли сохранить основные силы народного ополчения. Очень многие вошли в младшие дружины трех князей: Даниила Романовича, его брата Василько и сына Даниила Романа Даниловича. 12 марта 1241 г. хан Бату с основными силами разбил силы защитников Карпат и между Ужгородом и Мукачево вторгся в Венгрию.

Даниил Галицкий не только не подчинился монголам, но и в том же 1241 г. отправился в карательный поход против Болоховской земли, которая покорилась монголам и обязалась поставлять для них пшеницу и просо. Князь уничтожил удобный плацдарм монголов для контроля ими данного региона. Он разрушил такие города болоховцев, как Кудин, Божский, Деревич и др.

В начале апреля 1241 г. польско-немецкая армия была разгромлена другим монгольским корпусом в битве при Легнице. Монгольский корпус получил приказ переместиться в Венгрию для соединения с основными силами экспедиционного войска. Северный корпус монголов продвигался вдоль границ Богемии. Отдельные отряды прошли через земли русинов, но без военных конфликтов. В то же время главнокомандующий объединенными силами монголов хан

Бату развернул свои войска на территорию Венгрии. 11 апреля 1241 г. объединенное хорватско-венгерское войско короля Белы IV потерпело поражение на берегах р. Сайо. В течение лета – осени того года монголы захватили всю территорию Венгрии и Сербии, в начале 1242 г. – город Загреб и достигли берега Адриатического моря [13: 13–14; 15: 60], которое отделяет Балканский полуостров от Аппенинского. Попытки монголов вторгнуться на земли Священной Римской империи оказались неудачными. Один из крупных разведывательных отрядов дошел до окрестностей Вены. На подступах монголы столкнулись с объединенным чешско-австрийским отрядом, в стычке потерпели поражение и были вынуждены отступить за Дунай. Три монгольских отряда попытались закрепиться на землях нынешней Восточной Германии, но были разбиты и изгнаны. Монголы потерпели поражение от войск баварского герцога и немецкого короля Конрада IV и в тот же период осадили, но не смогли захватить хорватский город Клис. Неудачи монгольской экспедиционной группы раздражали руководителей похода, которые считали главным виновником несчастий хана Бату [11: 75–76].

Смерть кагана Угэдэя в декабре 1241 г., согласно политической традиции монголов, вызвала временное завершение военных кампаний в Европе и на Южном Кавказе. Руководители похода были обязаны участвовать в общемонгольском курултае по избранию нового верховного правителя – кагана. Экспедиционное войско вернулось в степи через северные земли Сербии и Дунайскую Болгию [2: 65].

Военный разгром Польши, Чехии, Венгрии, Сербии окончательно подавил волю к сопротивлению у большинства владимирских князей. Они смирились с положением побежденных и начали выстраивать новые отношения с победителями.

Как известно, в военном отношении Владимиро-Сузdalские княжества были окончательно покорены к 1240 г. К тому времени все открытые военные действия против монгольского войска прекратились из-за полного отсутствия перспектив военного противостояния. В этой связи необходимо отметить, что не все центры – города и области подверглись нашествию и оккупации. Сохранили свои силы такие территории, как «Республика Святой Софии» (до 1259 г.), Смоленское княжество (до 1274 г.). Однако эти сильные в экономическом и военном плане княжества не стали организовывать сопротивление монголам и не вошли в коалиции, которые продолжили борьбу. Наоборот, в последующие годы они так же выразили покорность и подписали разные по содержанию вассальные договора.

Перенос основных военных действий монголов в Восточную и Южную Европу позволил перевести дух владимиро-сузdalским

князьям. Оставшийся формально великим князем всей Руси Ярослав II Владимира-Суздальский в 1240–1243 гг. еще считал возможным освободиться от ига путем тесного союза с западными странами. Он начал переписку с папой римским и императором Священной Римской империи германской нации.

Его сын Андрей Ярославич и младший брат Ярослав Ярославич также ориентировались на Запад, на союз с Даниилом Романовичем Галицким и Новгородом в борьбе против внешнего врага [13: 29]. Они неоднократно в тот период выезжали на запад для совместной координации действий. Однако попытка опереться на католическую Европу отца и его среднего сына натолкнулась на предложение перейти в католичество. У Ярослава Всеволодовича, в отличие от сына Андрея, данная перспектива вызвала негативную реакцию. Поэтому великий князь был вынужден в 1243 г. покориться монголам и получить от них соответствующий документ (ярлык). Более того, от монголов он получил контроль над княжеством Киевским и стал великим князем Ярославом III Всеволодовичем Киевским. Очевидно, он в первое время считал эту меру временной и надеялся освободиться в ближайшей перспективе, консолидировав силы христиан Европы против монголов.

Вслед за ним в 1244 г. монголам «поклонились» Владимир Константинович Углицкий, Борис Василькович Ростовский, Глеб Василькович Белозерский, Василий Всеволодович, в 1245 г. на поклон отправились Борис Василькович Ростовский, Василий Всеволодович, Константин Ярославич и другие князья Рюриковичи [13: 31].

Андрей Ярославич и его дядя Ярослав Ярославич как истинные патриоты продолжили свою борьбу против власти монголов и князей-сепаратистов. Активная фаза противостояния заняла целое десятилетие – с 1248 по 1258 г. В 1252 г. князь Андрей Ярославич был разгромлен темником Неврюем и был вынужден бежать в Швецию.

Оппозиционных князей не смущала перспектива перехода в другую ветвь христианства. Ради освобождения своей родины они вошли в тесный союз с князьями Черной Руси. В частности, князь Андрей женился на дочери Даниила Романовича, а дочь Ярослава Ярославовича вышла замуж за внука Юрия-Георгия Львовича, короля Черной Руси и Галиции. Они дали согласие на переход в католичество своей семьи и народа, а также на возможную унию двух основных христианских церковных организаций.

Противоположную позицию занимал князь Александр Ярославич Невский. Он политическое покорение улусу Джучи считал явлением длительным и отрицательно относился к идее сопротивления монголам как в военном, так и политическом аспекте. Особенно негативно

он отнесся к идеологическому компромиссу, т. е. даже ради благой цели отказу от греческого православия. Он справедливо полагал, что православная церковь объединяла тогдашнее общество от полного раскола на мелкие этнические группы: норманнов, славян, финно-угоров, аланов, тюрко-хазар и т. д.

В последующее время и в течение всей своей жизни он получал всемерную поддержку от православного духовенства как союзник светской власти в ее отношениях с джучидскими ханами и с собственным народом [12: 185–193]. В этом он находил полное понимание и поддержку от руководителей Русской православной церкви, которой удалось установить конструктивные отношения с завоевателями, что позволило получить от ханов льготы для земельных владений церквей и монастырей. Эти земли стали точками экономического роста со второй половины XIII–XV в. Религиозная организация получила от монголов целый ряд сословных, социальных, экономических и политических льгот. По этим причинам Александр Ярославич Невский, несмотря на недовольство в низах, активно боролся с анти-монгольскими настроениями на подконтрольной ему территории, т. е. на когда-то единой Владимиро-Сузdalской земле. Он проводил последовательную политику для достижения стабильных мирных отношений с ханами улуса Джучи, открыто демонстрируя свою покорность завоевателям.

Александр Невский жестоко подавлял любые антимонгольские выступления, невзирая на сословную принадлежность мятежников, наказывая за поддержку таких выступлений не только народных героев, но и народные массы целых волостей и уездов, а также представителей правящего класса – бояр и самих князей. Он не пожалел даже собственного сына Андрея Александровича, дядю Ярослава Ярославича и младшего брата Андрея Ярославича, мешавших ему в осуществлении политики примирения с монголами.

Неудивительно, что пример Александра Невского быстро нашел отклик у правящей верхушки других владимирских князей, которые стали вскоре даже соревноваться между собой за выражение превысшности «царю», т. е. монгольскому хану [13: 30].

Вследствие этих событий с 1243 г. Черная и Червонная Русь стали основным регионом борьбы славянских народов с монголами. Сопротивление возглавили князья и народные массы русинов Черной и Червонной Руси. Центром этого движения являлось Галицко-Волынское княжество, возглавляемое Даниилом Романовичем. В поисках союзников в борьбе против монголов он обратился к венгерским королям и папе римскому. В 1247 г., по возвращении в Киев от кагана Гуюка папского посла Дж. Плано Карпини, он и его брат Ва-

сильно торжественно встретили папского легата. В течение восьми дней они совещались относительно предложений, сделанных еще при отъезде послом Ватикана Василько Романовичу. Они касались перехода данных князей и их народа под покровительство папы, а также экуминистических проблем, в частности, некоторых нюансов возможной унии двух церквей и восстановления единства «святой матери Церкви» [8: 67]. После совещания с епископами и другими уважаемыми людьми они единодушно ответили, что «желают иметь господина папу своим преимущественным господином и отцом, а святую Римскую церковь – владычицей и учительницей» [8: 81].

Ради осуществления этих планов уже в 1248 г. Иннокентий IV даровал Даниилу Романовичу титул «король Галиции и Ладомерии», а после перехода в католичество литовских земель в 1253 г. к прежнему титулу добавили титул «король Руси» [3: 127–128; 13: 29]. Антимонгольский католический союз укрепился династическими браками. В 1247 г. князь Лев Данилович женился на венгерской принцессе Констанции, а Роман Данилович в 1252 г. – на австрийской принцессе Гертруде Бабенберг.

К 1254 г. западные монархи и Ватикан договорились с монголами о совместном походе на Средний и Ближний Восток (т. н. желтый крестовый поход) [2: 76]. При этом угроза вторжения монголов на окраины католической Европы, в т. ч. на земли Галицко-Волынского княжества, сохранялась. Поэтому Даниил Романович продолжил укреплять католический союз договорами со Священной Римской империей, Тевтонским орденом и новыми соглашениями с Ватиканом. При этом остальные славянские княжества, оказавшиеся под властью улуса Джучи, т. е. Золотой Орды (суверенизация произошла в 1269 г.), постепенно начали культурно дистанцироваться от регионов самого западного княжества по линии от Подолья до Галиции.

Даниил Романович воспользовался слабостью поляков и венгров после монгольского разгрома и смог расширить свои владения за счет города Люблина и ряда приграничных территорий Венгрии.

В 1255 г. Даниил Романович посетил ставку хана Бату. Цели поездки мы не знаем. Последующие события показали, что речь шла не о вассальном договоре, а скорее о границах между улусом Джучи и Галицко-Волынским княжеством, тем более что Ватикан к тому времени стал союзником каганов Гуюка и Кубилая. Однако, по другим данным, Даниил посетил ставку хана Золотой Орды в 1245 г., став «мирником» татаро-монголов, что также говорило о чисто номинальной зависимости [16: 11–47].

Таким образом, поддержка Ватикана позволила русинскому обществу выйти из изоляции и духовного кризиса. Будучи уже королем, Да-

ниил Романович в союзе с рыцарями Тевтонского ордена вмешался в литовскую междуусобицу, выступив против православного (с 1247 г.) князя Миндовга, которому пришлось принять католичество (1251 г.) и титул «короля» (1253 г.). В 1255 г. Даниил Романович укрепил католический союз, заключив договор с сыном короля Миндовга Войшелком. Согласно договору, вся Черная Русь с городами Новогрудок, Слоним, Волковыск и др. оказывались под патронатом двух королей – Даниила и Миндовга, но под управлением сына Даниила Романовича Шварна, который женился на дочери Миндовга. С того времени сыновья Даниила Романовича стали именоваться королями Черной Руси. В результате нескольких совместных походов к 1256 г. было подчинено литовское племя ятвягов и начался процесс перехода этого племени в католичество. Широкая католическая поддержка позволила Даниилу Романовичу противостоять монголам. В 1252 г. ему удалось отбить поход темника Куремсы [3: 131–134; 9]. Данный факт вызывает особый интерес. Событие происходило в середине XIII в., когда монголы находились на пике своей пассионарной энергии.

Даниил Романович изгнал золотоордынских сборщиков налогов из таких регионов, как Меджибож, Болоховский округ, западная часть Киевской земли. Ему удалось вернуть занятый монголами город Возвягль (вероятно, это было частью переговорных планов Даниила Романовича с ханом Бату).

В 1258 г., воспользовавшись междуусобицей между союзниками, к границам Галицко-Волынского княжества подошел монгольский корпус во главе с темником Бурундаем. Его целью была стабилизация западных границ улуса Джучи. Темник Бурундай потребовал от своего формального союзника Даниила Романовича присоединиться к его дружине для совместного похода на Великое княжество Литовское. Василько Романович был послан братом в поход. Этим воспользовался сын Миндовга Войшелк, который захватил Романа Даниловича и вскоре казнил его. Католический союз в регионе распался.

В 1259 г. темник Бурундай пришел вновь и демонстрацией военной силы заставил срыть укрепления нескольких городов. Василько Данилович был вынужден сопровождать его в походе на Польшу и способствовал добровольной сдаче жителей города Саномир монголам, после чего город был разграблен.

В 1262 г. началась война хана Берке с ильханом Хулагу за территорию Аррана. Военные действия были вначале удачными для джучидов, но война затянулась. Хан Берке решил привлечь воинские контингенты вассалов и союзников. По этой причине в 1263 г. Даниила Романовича Галицкого, его брата Василько и его сына Льва Даниловича, Александра Ярославича Невского и его брата Ярослава

Ярославича Тверского, Владимира Рязанского, Ивана Стародубского и других князей вызывали в столицу улуса Джучи Сарай-Бату на встречу с ханом Берке [13: 31].

Несмотря на утверждения отдельных историков, постоянная монгольская администрация на землях русинов так и не появилась. Причиной этого стали многолетнее героическое сопротивление народа, поддержка венгерских и австрийских королей, которая обернулась для русинов унией и появлением греко-католической церкви.

Вероятно, еще одной причиной разъединения Галицко-Волынской Руси и остальных русских земель стали итоги Липицкой битвы 21 апреля 1216 г., в результате которой основной центр политики великих князей сместился на север. Так, И.Я. Фроянов отмечает: «Благодаря липицкой победе Новгород не только отстоял свою независимость, но удержал свое положение главного города в волости, отстояв при этом ее территориальную целостность» [17: 361]. В последующие годы основные усилия великих князей Юрия и Ярослава Всеволодовича, позже Александра Ярославича (вместе с монголами) были направлены на установление контроля над «Республикой Святой Софии».

В 1264 г. Даниил Романович скончался. К тому времени сил бороться с его сыновьями, а также с их покровителями – Литвой, Венгрией и другими соседними странами – у монголов не осталось. Междоусобица внутри улуса Джучи между беклярбеком Ногаем и ханом Тохтой и война с хулагуидским Ираном отвлекли силы улуса от западных границ. Пассионарная энергия русинов и стечье различных исторических обстоятельств позволили небольшому славянскому этносу проявить стоический характер и одному из немногих отстоять свою свободу и независимость от монголов.

Приложение

1. Черная Русь – название, применяющееся в историографии и литературе в отношении территории Верхнего Принеманья в период существования Городенского и Полоцкого княжеств (XII–XIII вв.) и становления Великого княжества Литовского в XIII–XIV вв. Охватывала верхнее течение реки Неман с городами Гродно, Новогрудок (столица региона), Слоним, Волковыск, Несвижем, Здитов, Турейск и Мозырь.

2. Червонная Русь – регион, охватывавший в период Средневековья основные земли Галицко-Волынского княжества. Расположена на западе современной Украины и юго-востоке современной Польши. Основные города региона: Львов, Звенигород, Галич, Теребовль, Санок и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. М.: Вост.лит., 1963. Т. 1. 763 с.
2. Вернадский Г.В. История России: Монголия и Русь. Тверь; М.: Леан-Аграф, 1997. 480 с.
3. Галицко-Волынская летопись. СПб.: Алетейя, 2005. 424 с.
4. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.: АН СССР, 1939. 502 с.
5. Грумм-Гржимайло Г.Е. Джучиды. Золотая Орда // «Арабески» истории. М.: Ди-Дик, 1994. Кн. 1. 436 с.
6. Груссе Р. Империя степей / Пер. В. Мирзаянова. Париж: Пейот, 1938. URL: <http://kitap.net.ru> (дата обращения: 12.09.2019).
7. Д. Оссон К. От Чингисхана до Тамерлана. Алматы: Санат, 1996. 360 с.
8. Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука. М.: Географическая литература, 1957. 272 с.
9. Котляр Н.Ф. Даниил, князь Галицкий. СПб.: Алетейя; Киев: Птах, 2008. 320 с.
10. Кузьмина О. Республики Святой Софии. М.: Вече, 2008. 448 с.
11. Майоров А.В. Завершающий этап западного похода монголов: военная сила и тайная дипломатия // Золотоордынское обозрение. 2015. № 1. С. 75–76.
12. Малышев В.И. Житие Александра Невского // Труды отдела древнерусской литературы Института литературы АН СССР. М.; Л.: АН СССР, 1947. Т. 5. 310 с.
13. Похлебкин В.В. Татары и Русь. 360 лет отношений с татарскими государствами в XIII–XVI вв. 1238–1598 гг.: справочник. М.: Международные отношения, 2005. С. 188.
14. Русские летописи. XI–XVI вв. СПб.: Амфора, 2006. 438 с.
15. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // Сборник. Кочевники: Золотая Орда. Павлодар: Эко, 2007. 248 с.
16. Суляк С. Сын самодержца всея Руси // Русин. 2005. № 2 (2). С. 11–47.
17. Фроянов И.Я. Древняя Русь IX–XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М.: Русский издательский центр, 2012. 1087 с.

REFERENCES

1. Bartold, V.V. (1963) *Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya. Sochineniya* [Turkestan in the Era of the Mongol Invasion. Compositions]. Vol. 1. Moscow: Vostochnaya literatura.
2. Vernadsky, G.V. (1997) *Istoriya Rossii: Mongoliya i Rus'* [History of Russia: Mongolia and Rus]. Tver; Moscow: Lean-Agraf.
3. Kotlyar, N.F. (ed.) (2005) *Galitsko-Volynskaya letopis'* [Galicia-Volhynia Chronicle]. St. Petersburg: Aleteyya.
4. Grekov, B.D. & Yakubovsky, A.Yu. (1939) *Zolotaya Orda i ee padenie* [The Golden Horde and its Fall]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

5. Grumm-Grzhimaylo, G.E. (1994) *Dzhuchidy. Zolotaya Orda* [The Jochid Family. The Golden Horde]. In: Gumilev, L.N. & Kurchi, A.I. (eds) "Arabeski" istorii [Arabesques of History]. Vol. 1. Moscow: Di-dik.
6. Guuess, R. (1938) *Imperiya stepey* [The Steppe Empire]. Translated from French by V. Mirzayanov. Paris: Pejot. [Online] Available from: <http://kitap.net.ru> (Accessed: 12th September 2019).
7. D'Ohsson, K. (1996) *Ot Chingiskhana do Tamerlana* [From Genghis Khan to Tamerlane]. Translated from FrenchAlmaty: Sanat.
8. Shastina, N.P. (ed.) (1957) *Puteshestviya v Vostochnye strany Plano Karpini i Gil'oma Rubruka* [The Journey to the East by Giovanni di Plano Carpini, and Guillaume de Rubruck]. Moscow: Geograficheskaya literatura.
9. Kotlyar, N.F. (2008) *Daniil, knyaz' Galitskiy* [Daniel, Prince of Galicia]. St. Peterburg: Aleteyya; Kyiv: Ptakh.
10. Kuzmina, O. (2008) *Respublikи Svyatoy Sofii* [Republic of Hagia Sophia]. Moscow: Veche.
11. Maiorov, A.V. (2015) The final stage of Mongol invasion of Europe: A military force and secret diplomacy. *Zolotoordynskoe obozrenie – Golden Horde Review*. 1. pp. 75–76. (In Russian).
12. Malyshev, V.I. (1947) *Zhitie Aleksandra Nevskogo* [The Life of Alexander Nevsky]. In: Adrianova-Perets, V.P. (ed.) *Trudy otdela drevnerusskoy literatury Instituta literatury AN SSSR* [Proceedings of the Department of Old Rus Literature of the Institute of literature of the USSR Academy of Sciences]. Vol. 5. Moscow; Leningrad: USSR AS.
13. Pokhlebkin, V.V. (2005) *Tatary i Rus': 360 let otnosheniy s tatarskimi gosudarstvami v XIII–XVI vv. 1238–1598 gg.* [The Tatars and Russia. 360 years of relations with the Tatar States in the 13th – 16th centuries. 1238–1598]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
14. Bobrov, A.G. (ed.) (2006) *Russkie letopisi. XI–XVI vv.* [Russian Chronicle. The 11th – 16th centuries]. St. Petersburg: Amfora.
15. Safargaliev, M.G. (2007) *Raspad Zolotoy Ordy* [The Collapse of The Golden Horde]. Pavlodar: Eko.
16. Sulyak, S. (2005) *Syn samoderzhtsa vseya Rusi* [Son to the Autocrat of All Russia]. *Rusin.* 2(2). pp. 11–47.
17. Froyanov, I.Ya. (2012) *Drevnyaya Rus' IX–XIII vekov. Narodnye dvizheniya. Knyazheskaya i chechenskaya vlast'* [Old Rus of the 11th – 13th Centuries. Popular Movement. Princely and Veche Power]. Moscow: Russkiy izdatel'skiy tsentr.

Жумаганбетов Талгат Смагулович – доктор исторических наук, профессор АРГУ им. К. Жубанова, старший научный сотрудник Международного института кыпчаковедения НАН РК (Казахстан).

Talgat S. Zhumaganbetov – National Academy of the Reandpublic of Kazakhstan (Kazakhstan).

E-mail: ts888@mail.ru

Сундетова Акмарал Нагашбаевна – магистр исторических наук, старший преподаватель Западно-Казахстанского медицинского университета (Казахстан).

Akmaral N. Sundetova – West Kazakhstan medical University (Kazakhstan).

E-mail: akmaral.a.84@mail.ru

УДК 94(73)+94 (436).08

UDC

DOI: 10.17223/18572685/58/4

ОРГАНИЗАЦИИ ГАЛИЦКИХ И УГОРСКИХ РУСИНОВ В США В КОНЦЕ XIX в.*

Ю.Г. Акимов¹, К.В. Минкова²

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

¹ E-mail: y.akimov@spbu.ru

² E-mail: k.minkova@spbu.ru

Авторское резюме

В статье рассматриваются возникновение и начальный этап деятельности первых общественных и религиозных организаций галицких и угорских русинов, эмигрировавших из Австро-Венгрии в США в конце XIX в. Основное внимание уделено трем организациям: Соединению греко-католических русских братств (СГКРБ), Русскому народному союзу (РНС) и Русскому православному кафолическому обществу взаимопомощи (РПКОВ). Показано, что созданию этих достаточно крупных организаций, деятельность которых со временем распространилась на весь Североамериканский континент, предшествовало образование сети небольших братств и т. п. «низовых» структур. Отмечается, что именно они сыграли решающую роль в налаживании религиозной жизни иммигрантов, создании первых греко-католических (униатских) приходов, а впоследствии – и в движении за переход в лоно Русской православной церкви. Авторы подчеркивают, что и братства, и возникшие на их основе более крупные организации создавались прежде всего для удовлетворения материальных и социальных потребностей иммигрантов-русинов, испытывавших немало трудностей с адаптацией в американское общество, многие представители которого относились к ним (и вообще к выходцам из Восточной, Центральной и Южной Европы) настороженно, а порой и враждебно. Авторы приходят к выводу о том, что различия (и как следствие напряженные отношения) между СГКРБ, РНС и РПКОВ были обусловлены религиозным и этническим / этнополитическим факторами, тогда как в организационном плане у них имелось общего, поскольку в неполитической и нерели-

* Публикация подготовлена по итогам командировки в Университет Монреяля (Канада) для проведения совместной научной работы в рамках «Мероприятия 6» СПбГУ за первое полугодие 2019 г. PureID: 36164413.

гиозной сфере они преследовали одинаковые цели, кроме того, часто создавались одними и теми же людьми.

Ключевые слова: русинская иммиграция, галицкие и угорские русины в США, братства, греко-католичество, православие, Соединение греко-католических русских братств, Русский народный союз, Русское православное католическое общество взаимопомощи.

ORGANISATIONS OF GALICIAN AND UGRIAN RUSINS IN THE USA IN THE LATE 19th CENTURY*

Y.G. Akimov¹, K.V. Minkova²

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

¹ E-mail: y.akimov@spbu.ru,

² E-mail: k.minkova@spbu.ru

Abstract

The article discusses the emergence and initial stage of the activity of the first public and religious organisations of East Slavic immigrants from Austria-Hungary to the USA in the late 19th century. It focuses on three largest organisations: The Greek Catholic Union (GCU), the Russian National Union (RNU) and the Russian Orthodox Catholic Mutual Aid Society (ROCMAS). These fairly large organisations that finally embraced the entire North American continent originated from a network of small brotherhoods and similar local structures that contributed much to the religious life of immigrants through opening the first Uniate parishes and, subsequently, to the movement for transition to the Russian Orthodox Church. The authors emphasize that both brotherhoods and larger organisations were founded primarily to satisfy the material and social needs of immigrants who had many difficulties adapting to the American society. Many Americans were wary of and even hostile to the Slavs (and generally of immigrants from Eastern, Central and Southern Europe). The authors conclude that the differences (and, consequently, tension) between the GCU, the RNU and the ROCMAS originated from religious and ethnic / ethnopolitical factors. However, they had much in common in terms of organizational structures, since they pursued identical goals in non-political and non-religious spheres of life and were often initiated by the same people.

* The paper is prepared following the trip to the University of Montreal (Canada) to conduct joint research under "Event 6" of St. Petersburg State University for the first half of 2019. PureID: 36164413.

Keywords: Rusin immigrants, Galician and Ugrian Rusins in the USA, brotherhoods, Greek Catholicism, Orthodoxy, Greek Catholic Union, Russian National Union, Russian Orthodox Catholic Mutual Aid Society.

Иммиграция русинского населения Австро-Венгрии в Северную Америку началась в 1860-е гг. С середины 1870-х гг. она стала приобретать массовый характер (из некоторых русинских сел Галицкой и Угорской Руси уезжало до половины жителей). Постепенно в США и Канаде сформировалась значительная русинская диаспора. С точки зрения вероисповедания, среди восточнославянских иммигрантов из Австро-Венгрии преобладали греко-католики (униаты), хотя было и некоторое количество православных русинов из Буковины, а также небольшие группы старообрядцев и сектантов. В настоящей статье речь идет именно о русинах-униатах. В рассматриваемый период к ним применялись различные этнонимы. Сами они, как правило, называли себя русинами и руснаками; также порой они говорили о себе как об «угорских русских» и «галицких русских» [20: 285, 291]. В то же время в Америке их часто называли австрийцами и венграми (по стране происхождения), а также russkimi, russinami и rutенами (Russians, Rusins / Ruthenians, Ruthens), часто путая эти определения. В авторском тексте (за исключением цитат) мы используем термин *русины* (*карпатские русины / карпатороссы*); применительно к выходцам из Подкарпатской (Угорской) Руси – *угорские русины*; применительно к выходцам из Галиции – *галицкие русины*)¹.

За короткий срок представители формировавшейся русинской диаспоры в США и Канаде смогли не только существенно улучшить свое материальное положение, но и создать несколько организаций, которые стали оказывать влияние в т. ч. и на их соотечественников, оставшихся в т. н. Старом крае.

Каким образом неквалифицированным, малообразованным (а часто вообще неграмотным) выходцам из глухих, отсталых русинских сел с восточных окраин Австро-Венгрии с весьма размытым самосознанием удалось добиться столь впечатляющих успехов? Какую роль в этом процессе сыграли созданные ими организации? Как шел процесс формирования этих организаций и какие цели они преследовали? Поискам ответов на эти вопросы посвящена данная статья.

* * *

Русинские иммигранты-униаты из Австро-Венгрии были частью т. н. третьей волны иммиграции в США, начавшейся в последние десятилетия XIX в. и достигшей своего апогея перед Первой мировой войной. В отличие от предшествующих волн «старой» («классической»)

иммиграции, в которых доминировали жители Британских островов, немцы, скандинавы, голландцы, эта волна состояла в основном из выходцев из Южной, Центральной и Восточной Европы (итальянцев, греков, представителей различных славянских народов, восточноевропейских евреев) [27: 57]. В своем большинстве они происходили из аграрных стран/регионов, где сохранялись многие пережитки феодализма, были бедны, часто не умели читать и писать на своем родном языке (и тем более не знали английского) [23: 71]. Всем им были чужды ценности американского общества, индивидуализм, республиканизм, демократические институты и протестантская этика. Соответственно, они испытывали значительные трудности, приспосабливаясь к новым для себя условиям. К тому же их весьма сдержанно и настороженно, а порой и откровенно враждебно встречали как американцы англо-саксонского происхождения, так и представители «старой» иммиграции, уже достаточно глубоко интегрировавшиеся в американское общество.

Так, славян рассматривали как представителей не просто определенной этнической группы, но и особой «расы», низшей по сравнению с англо-саксонской, тевтонской и кельтской «расами». В конце XIX – начале XX в. сторонники «расовой чистоты» в США утверждали, что славяне, конечно, не могут быть приравнены к «цветным», но все-таки не являются «настоящими белыми». Славянам отводилось промежуточное положение «условно белых», «не совсем белых», «грязно-белых» и т. п. (*«not-yet-white»*, *«situationally white»*, *«not quite white»*, *«off-white»*, *«semiracialized»*, *«conditionally white»*, *«in between peoples»*). По мнению американских нативистов, одним из доказательств этого служила «невосприимчивость к некоторым видам грязи», якобы имевшаяся у славян, которые «могут выдержать то, что убьет белого человека» [22: 64].

Подчеркивая «отсталость» и «нецивилизованность» славян, их пренебрежительно называли «гунны» (*Huns*) или сленговыми терминами *«Hunky»* и *«Bohunk»*. Последние происходили от названий стран исхода иммигрантов – Венгрии (*Hungary*) и Богемии (*Bohemia*) и использовались в пейоративном смысле; в дальнейшем они стали обозначать грубого, необразованного и тупого человека, занятого физическим трудом [22: 64].

К моменту появления в США иммигрантов третьей волны фонд свободных земель на Западе был уже практически исчерпан. Острой потребности в притоке рабочей силы основные американские сельскохозяйственные районы не испытывали (лишь кое-где требовалась батраки и сезонные рабочие)². Соответственно, галицким и угорским русинам, подавляющее большинство которых на родине занималось

сельским трудом, пришлось менять род деятельности и искать работу в быстро развивающихся промышленных и горнодобывающих центрах Среднеатлантических штатов и штатах района Великих озер. На это их изначально ориентировали иммиграционные агенты-вербовщики и представители пароходных компаний, занимавшихся трансатлантическими перевозками.

В США последней трети XIX в. основным центром притяжения русинской и – шире – славянской иммиграции из Австро-Венгрии стали угольные районы Пенсильвании (т. н. Антрацитовый регион). Они же привлекали представителей западного и (в меньшей степени) южного славянства, поэтому в 1890-е гг. Пенсильванию стали называть «славянский штат» [9: 478]. Далеко не все американцы воспринимали это в положительном ключе. Нативист Генри Рут в 1892 г. возмущенно писал: «Поток иммиграции <...> начал влияться в горнодобывающие районы Пенсильвании более десятка лет назад... Один из богатейших регионов Земли наводнен ордой венгров, славян, поляков, чехов, арабов, итальянцев, сицилийцев, русских и тирольцев самого низкого пошиба; ...[теперь там] женщины боятся ездить по проселочным дорогам днем, безоружные мужчины не чувствуют себя в безопасности после захода солнца» [29: 5].

Сами иммигранты регулярно отмечали предвзятое и негативное отношение к себе со стороны определенной части американского общества. Во второй половине 1890-х гг. газета «Свобода», издававшаяся Русским народным союзом (см. далее), неоднократно писала о том, что славяне – «главные жертвы американской нетерпимости». В одной из многочисленных статей на эту тему говорилось: «Уже с давних времен мы отмечали здесь ненависть англов (Anglos) против славянских рабочих – и главным образом против тех рабочих, которые в прошлые годы приезжали в Америку в поисках лучшей доли» [18: 4].

На шахтах иммигранты-русины, как правило, начинали свою трудовую деятельность как подсобные рабочие. Через некоторое время (обычно два-три года) они могли пройти специальный экзамен и получить удостоверение, дающее право работать шахтером – как они сами говорили, «получить майннерские паперы» [17: 732].

Условия труда на шахтах были чрезвычайно тяжелыми; далеко не всегда соблюдалась элементарная техника безопасности, что нередко приводило к несчастным случаям. Кроме того, в отличие от рабочих из числа коренных американцев и «старых» иммигрантов, представители третьей волны не могли рассчитывать на поддержку и защиту профсоюзов, ставших к тому времени весьма влиятельной силой в США. Это объяснялось несколькими взаимосвязанными

моментами. Русины, как и многие другие «новые иммигранты», не имели ни малейшего представления о рабочем движении и о ситуации на американском рынке труда. Поэтому их часто использовали как штрайкбрехеров, им занижали зарплату, предлагали грязную и непrestижную работу, которую традиционно выполняли чернокожие, и т. п. Со своей стороны, профсоюзы отнюдь не стремились принимать их в свои ряды. Напротив, с 1880-х гг. Американская федерация труда (АФТ) и другие крупные профсоюзные объединения стали достаточно жестко выступать за ограничение доступа в страну для «грязных гуннов» из Восточной Европы и «отбросов» Старого Света. Последних обвиняли в том, что они занимают рабочие места и при этом сами «не желают становиться американцами», а приезжают только «на несколько лет, чтобы заработать денег» (отчасти это было действительно так) [22: 89]. В 1897 г. АФТ поддержала носивший антииммигантскую направленность Закон Кемпбелла, по которому любой рабочий, трудившийся на угольных шахтах Пенсильвании и не имевший американского гражданства, должен был выплачивать дополнительный налог в размере 3 центов в день. Ситуация начала меняться только в начале 1900-х гг., когда рабочих славянского происхождения начали «условно» принимать в профсоюзы [30: 80]. Впрочем, и после этого во многих профсоюзах еще долгое время сохранялись предубеждения по отношению к «Hunkу» и «Bohunk», и считалось нормальным, что они зарабатывают меньше «настоящих белых» [28: 181].

Однако, невзирая на все негативные моменты, русины стремились получить работу на шахтах Пенсильвании или на заводах Чикаго, Кливленда, Миннеаполиса, Питтсбурга и т.д., поскольку она все равно приносила заработок, существенно превышавший тот, на который они могли рассчитывать в Старом крае. В среднем, в пересчете на австро-венгерские деньги, русины, занятые на шахтах и других тяжелых производствах, получали по 5–6 гульденов в день; занятые в сельском хозяйстве – по 4–5 гульденов. От одной трети до половины этих денег (обычно 2–2,5 гульдена) они могли откладывать и (или) пересыпал в Европу. Для сравнения: в Австро-Венгрии русины-батраки в то время зарабатывали в среднем по 0,5 гульдена в день [8: 55].

Экономические соображения заставляли иммигрантов браться за любую работу, в т. ч. за самую тяжелую, «котобранную» у афроамериканцев и потому считавшуюся унизительной (в объявлениях порой так и писали: «ниггерские джобы» (от nigger jobs)), мириться с враждебной средой и стойко преодолевать трудности. При этом иногда они откровенно признавали, что никогда не остались бы «по ту сторону океана», если бы там не было «таких хороших рабочих мест» [19: 1].

Среди русинов (как и среди большинства других групп иммигрантов третьей волны) явно доминировали мужчины трудоспособного возраста; процент женщин и детей был невелик. Отчасти это было обусловлено тем, что определенная часть иммигрантов рассматривала свое пребывание за океаном как временное и надеялась, поправив материальное положение, вернуться домой. Свою роль играло то обстоятельство, что, как уже было отмечено выше, большинство иммигрантов третьей волны изначально направлялось на шахты и заводы, и наличие семьи для них не имело такого экономического значения, как для тех, кто ехал «за землей» (например, в Канаду).

Совместная работа и совместный быт, отсутствие семьи, новая, непривычная жизнь, часто враждебная внешняя среда – все это способствовало консолидации иммигрантов. Естественно, что поддержку и помочь в решении различных проблем – от чисто практических до морально-психологических – они искали, прежде всего, у своих земляков, соотечественников, единоверцев. В целом для всей третьей волны было характерно сохранение более тесных групповых связей, чем для «старой иммиграции» [21: 24]. Что касается непосредственно галицких и угорских русинов, то для них было характерно также поддержание достаточно тесных и регулярных контактов со страной исхода (причем эти контакты не ограничивались письмами и денежными переводами; некоторые русины по несколько раз приезжали из Америки в Старый край, и такие приезды становились событием). Не случайно о славянской иммиграции часто говорят как о «цепной», опиравшейся на сети родственников, друзей, соседей по обе стороны Атлантики [22: 60].

Все перечисленные выше факторы способствовали тому, что уже в первые годы своего пребывания в Америке иммигранты-русины начали создавать там собственные организации. Поначалу это были небольшие братства и общества, носившие сугубо локальный характер и объединявшие земляков, работавших на одной шахте и (или) проживавших в одном горняцком поселке [7: 11]. Э.Л. Нитобург утверждал, что распространению обществ в среде иммигрантов славянского происхождения в рассматриваемый период «в огромной мере... способствовало отсутствие законодательства о страховании рабочих» [12: 76]. Это, безусловно, верно, однако причин создания подобных структур было гораздо больше: от стремления сэкономить средства и облегчить повседневную жизнь за счет совместного проживания и ведения общего хозяйства до обеспечения собственной безопасности. Современники отмечали, что «характерно чертою жизни славян в Америке нужно считать их группировку в братства, общества взаимопомощи, дружества, союзы, соединения, сполки

и пр.» [3: 412]. В книге Ф.И. Свистуна, изданной впервые в 1896 г., приводится список мест проживания карпатороссов в Америке, где имеются одно или несколько братств. В этом списке фигурируют 89 населенных пунктов, 57 из которых находятся в Пенсильвании, а 32 – еще в девяти штатах (Нью-Йорк, Нью-Джерси, Иллинойс, Индиана, Огайо, Мэриленд, Техас, Колорадо, Миссури). В общей сложности в нем содержится информация о 105 братствах (в т. ч. о двух женских объединениях), насчитывавших 5 302 члена; в самом маленьком из них состояло 4 чел., в самом большом – 225 [17: 735–737].

Братства, как правило, назывались в честь какого-либо святого, который становился их небесным покровителем. Всем братчикам полагались особые значки или ленты (в некоторых братствах была даже своя униформа). Также у них были свои хоругви, флаги, эмблемы, с которыми они участвовали в общеамериканских публичных мероприятиях, парадах и т. п. [5: 35].

Следующим этапом развития иммигрантских организаций галицких и угорских русинов стало создание структур более высокого уровня (в рамках города или поселка) на базе одного или нескольких братств. Такие структуры создавались прежде всего для обеспечения их религиозных потребностей. Они собирали средства, покупали землю, организовывали строительство церковного здания, дома для причта и т. д. Э.Л. Нитобург объясняет это деятельностью церквей, греко-католической и православной, которые, по его мнению, «с самого начала стремились поставить под свой контроль формирование общественной жизни иммигрантов и создавали при приходах местные организации взаимопомощи» [12: 77]. На наш взгляд, такая трактовка представляется не совсем верной, меняющей местами причину и следствие. Инициатива постройки храмов и создания приходов в подавляющем большинстве случаев исходила не «сверху» – от церкви, а «снизу» – от самих иммигрантов-русинов. Как писал Ф.И. Свистун, «самое любимое их мечтание – это иметь свою церковь и своего священника» [17: 736].

Как было отмечено в самом начале, в своем большинстве приезжавшие в США галицкие и угорские русины, как и их соплеменники в Старом крае, исповедовали греко-католичество. Именно они и принесли его в Новый Свет. Однако положение греко-католичества было крайне шатким из-за острых конфликтов, разгоревшихся между униатскими священниками, которые стали прибывать в Америку в середине – второй половине 1880-х гг., и местными иерархами римско-католической церкви, которым те должны были подчиняться. Американский католический епископат (преимущественно ирландский по происхождению) воспринимал восточный обряд как «отклонение от

нормы» и стремился к тому, чтобы иммигранты-униаты отказались от него в пользу латинского обряда. По мнению католических епископов, это способствовало бы скорейшей «американизации» последних и их интеграции в многонациональную католическую общину США [26: 129]. Однако галицким и угорским русинам в их религии была важна в первую очередь обрядовая сторона, и они оставались стойкими приверженцами восточного обряда, который сами часто называли русским [10: 19].

В целом религиозность галицких и угорских русинов в условиях иммиграции заметно возросла. Это было связано с несколькими моментами. Во-первых, исторически религия была для них важнейшим индикатором идентичности, маркером, который еще в Старом крае отличал их от соседей-католиков (венгров, поляков, словаков и др.), и который они хотели сохранить в новом окружении. Во-вторых, в Америке они столкнулись с очень высоким уровнем религиозности общества, сочетавшимся с почти полной религиозной свободой (при жестком неприятии безверия). В-третьих, в условиях иммиграции церковь была для русинов единственным социальным институтом, на который они могли опереться и который они могли использовать в своих интересах. Как отметил российский журналист Е.Н. Матросов (граф Лелива), у русинов в Америке «потребность в церкви и ее религиозных отправлениях в несколько раз увеличивается». По его словам, иммигрант «неизбежно в своей Русской церкви ищет и просвещения, и утешения, и соединения со своими братьями, тем же бездольем загнанными за океан» [9: 491, 496].

Именно по инициативе и при самом непосредственном участии русинских иммигрантских братств были образованы первые греко-католические приходы в США: в Шенандоа, Шамокине, Фриланде (Пенсильвания), Джерси-Сити (Нью-Джерси), Миннеаполисе (Миннесота) и др. [23: 60; 26: 127–129]. При этом братства оказали активную поддержку греко-католическим священникам в их противостоянии с римско-католическим епископатом.

К началу 1890-х гг. встал вопрос о создании на базе братств и приходов более крупной организации, которая бы объединила всех иммигрантов из числа галицких и угорских русинов. Горячим сторонником этого был русинский греко-католический священник о. Феофан Обушкевич. По его инициативе 12 февраля 1892 г. в городе Уилкс-Бери (Пенсильвания) группа греко-католических священников и мирян, представлявших преимущественно русинские братства, создали Соединение греко-католических русских братств – СГКРБ (в английском варианте Greek Catholic Union). Общая цель организации была сформулирована следующим образом: «Членов в своей вере,

набожестве и народности воздержати, любовь межи членами расширяти, членам своим в слабостях и нападках подати помощи, коли член умре, честно и по-христиански похоронити». Помимо этого, она должна была заниматься просветительской деятельностью, содействовать «почитанию законов Соединенных Штатов» и «расширению чувства религиозного и народного» [9: 510–512].

В СГКРБ не предусматривалось индивидуального членства, туда входили только братства, состоявшие из «русской или словенской мовы греческого или римского обряда членов» (протестанты и православные не допускались). На практике в этой организации, помимо русинов, состояло некоторое количество словаков-римокатоликов. Соединение издавало газету «Американский русский вестник» («на русском языке со словацким диалектом»). Для входящих в него братств были выработаны единые условия членства: в них мог вступить мужчина в возрасте от 15 до 50 лет, уплативший вступительный взнос и представленный братству двумя членами, знающими его не менее трех месяцев. Братства обеспечивали своих членов фиксированным пособием в случае болезни и потери трудоспособности и платили «посмертное» – единовременную выплату в случае смерти члена братства (400 долл.) или его жены (200 долл.). Похороны братчика происходили за счет братства с обязательным участием всех его членов «в полной форме» [9: 511].

Первоначально задуманное как достаточно открытая организация, СГКРБ быстро стало трансформироваться в структуру, представлявшую прежде всего интересы иммигрантов-русинов из Подкарпатской Руси. Действительно, братства угорских русинов изначально составляли в ней большинство, хотя и отнюдь не абсолютное. В состав Соединения греко-католических русских братств на момент создания вошло несколько братств галицких русинов (например, братство г. Шамокина). Однако они были недовольны как русинофильской направленностью организации, так и тем, что ведущее положение в ней занимали мадьяризованные священники [24: 59]. Действительно, хотя официально «чиновственным языком» организации был объявлен «русский», на практике делопроизводство и переписка часто велись на венгерском [8: 512]. Уже в 1893 г. в руководстве СГКРБ произошел серьезный конфликт между угорскими русинами (И. Жинчак-Смитом, Ю. Жатковичем) и галицкими русинами (священниками И. Константкевичем, Ф. Обушкевичем и А. Полянским) [5: 25].

22 февраля 1894 г. (в день рождения Джорджа Вашингтона) в Шамокине (Пенсильвания) вышедшие из Соединения греко-католических русских братств о. Обушкевич и о. Иван Констанкевич основали новую организацию восточнославянских иммигрантов

в США – Русский народный союз – РНС (Russian National Union). В отличие от СГКРБ, принимавшего только католиков, членом РНС мог стать «всякий христианин русской народности». Целями союза провозглашались «добро моральное Руси в Америке» и «материальная ей помощь». Для реализации этих целей предполагалось вести просветительскую деятельность, оказывать поддержку школам, церквам, различным обществам и т. п. РНС допускал коллективное и индивидуальное членство, причем не только мужчин, но и женщин. Так же, как в СГКРБ, его членам выплачивались пособия и «посмертное» (у РНС оно было больше – 500 долл.). Официальным органом союза стала газета «Свобода», издававшаяся еще с 1893 г. греко-католическим священником о. Григорием Грушкой на «малорусском литературном языке». С 1897 г. выпускался также «Русско-американский календарь», который рассыпался всем его членам РНС.

РНС позиционировал себя как народная, а не религиозная организация, хотя с самого начала в его руководстве ведущую роль играли греко-католические священники из Галиции. В то же время первые годы своего существования союз придерживался нейтральной позиции по отношению к России и, что немаловажно, к начавшимся в то время переходам в православие части русинских иммигрантов в США. Однако постепенно, по мере втягивания другой их части в украинофильское движение (приобретавшее все более политический характер [11: 93]), РНС стал дрейфовать в эту сторону. В начале XX в. он превратился в ведущую украинофильскую и в то же время антироссийскую организацию в США. Его название было изменено на Руський народный союз (в английском варианте Ruthenian National Union), а в 1914 г. – на Украинский народный союз (Ukrainian National Union).

Обе рассмотренные нами организации – Соединение греко-католических русских братств и Украинский народный союз – существуют по сей день. Соединение представляет собой общественную организацию американских карпатороссов, поддерживающую греко-католическую церковь и предлагающую своим членам различные программы взаимопомощи, а также социальные, культурные и спортивные мероприятия [25]. Украинский народный союз (в английском варианте он сейчас называется Ukrainian National Association) также действует в сфере программ взаимопомощи и страховых операций [31].

Возникновение в США третьей крупной организации, куда входили галицкие и угорские русины, было связано с начавшимся среди них в 1890-е гг. движением за присоединение к Русской православной церкви (РПЦ). У истоков этого движения стоял о. Алексей Товт – греко-католический священник из Подкарпатской Руси. В 1891 г. он и его приход в Миннеаполисе (Миннесота) заявили о своем желании

перейти в православие [1]. В то время весь Североамериканский континент относился к ведению Алеутской и Аляскинской епархии РПЦ, занимавшейся, как это следует из ее названия, духовным окормлением православного населения бывшей русской Америки и не имевшей приходов на территории континентальных штатов, поскольку там практически не было православных. Однако за короткий период ситуация кардинальным образом изменилась. Примеру миннеаполисцев последовали другие греко-католические приходы, прежде всего в Пенсильвании. Так, только в 1893 г. в лоно РПЦ перешли приходы в Питтсбурге, Уилкс-Бери, Оцеола-Милсе (Пенсильвания) и Стриторе (Иллинойс). В 1895 г. в континентальных штатах было одиннадцать православных приходов, десять из которых «вышли из унии» [13: 2 об.]. Для руководства Алеутской и Аляскинской епархии это оказалось полнейшей неожиданностью, и оно порой просто не знало, как себя вести в данной ситуации [2].

Перешедшие в православие русины оказались в сложном положении. Те, кто раньше состоял в Соединении греко-католических русских братств, были из него исключены в 1893 г., поскольку руководство этой организации заняло по отношению к ним враждебную позицию (любопытно, что сам о. Товт в свое время был одним из основателей СГКРБ). Что касается РНС, то, как уже отмечалось, оно внешне относительно спокойно восприняло переход части своих членов в православие. Однако, очевидно, сами православные чувствовали себя там не слишком уютно. В этой ситуации делегаты от православных братств «Вилькесбарского» (т. е. Уилкс-Берийского) благочиния в апреле 1895 г. по инициативе о. Товта приняли решение о создании Русского православного кафолического общества взаимопомощи – РПКОВ (Russian Orthodox Catholic Mutual Aid Society). По иронии судьбы это произошло там же, где за три года до этого создавалось СГКРБ.

Следует подчеркнуть, что здесь, как в случае с другими организациями, инициатива также шла «снизу», а не «сверху». Первоначально руководство Алеутской и Аляскинской епархии весьма сдержанно отнеслось к этой идее. Епископ Николай (Зиоров) даже написал на полях присланного ему проекта устава общества: «Все это неладно сделано» [14: 25]. Он также особо подчеркнул, что РПКОВ ни в коем случае не должно заниматься миссионерской деятельностью среди униатов: «...соединение православных братств не должно иметь целью разрушать "униатское соединение и союз", употребляя для этого какие-либо незаконные средства и агитацию; далее все должны знать, что в этом деле русское правительство не имеет никакого участия и отвечать за какие-либо неблагоприятные последствия не может» [14: 34]. Впрочем, со своей стороны Священный синод в июне того же

года одобрил устав Русского православного кафолического общества взаимопомощи, «признавая соединение отдельных православных братств Алеутской епархии в один союз, в видах взаимопомощи, достойным покровительства со стороны духовного начальства, а представленный преосвященным Алеутским проект такового соединения отвечающим своей цели...» [6: 16].

По ряду параметров РПКОВ заметно отличалось от соединения и союза. Оно было связано с российскими властями, причем не только духовными (руководством Алеутской и Аляскинской епархии и Святым Синодом), но и светскими. Так, первым председателем-кассиром Русского православного кафолического общества взаимопомощи стал Александр Эпиктетович Оларовский – генеральный консул Российской империи в Нью-Йорке, а почетным председателем – епископ Николай (в последующие годы избрание на эти должности русских консулов и епископов стало традицией) [6: 20]. Другим важным моментом стало то, что организация была открыта для всех православных иммигрантов-славян. И хотя там (особенно на первых порах) преобладали галицкие и угорские русины, в обществе состояли также православные иммигранты из Российской империи, численность которых в США постепенно увеличивалась. Наконец, РПКОВ, пусть и в очень ограниченных масштабах, получало материальную и административную поддержку со стороны России.

Первый устав общества был разработан о. Алексеем Товтом³. Он не предусматривал возможности вступления в организацию греко- и римо-католиков, но специально оговаривал, что, если те уже состояли в каких-либо братствах на момент их присоединения к РПКОВ, они могли остаться [14: 33–42]. Основное внимание в уставе было уделено организационным и финансовым вопросам, поскольку, как и в случае с СГКРБ и РНС, РПКОВ занималось различными видами взаимопомощи («помоги», «посмертное» и т. п.). Его основу также составляли братства и сестричества. Своего печатного органа у Русского православного кафолического общества взаимопомощи официально не было. Однако фактически ими стали «Американский православный вестник», издававшийся Алеутской и Аляскинской епархией с 1896 г. на русском и английском языках, а также газета «Свет» на «малорусском наречии» (любопытно, что первоначально ее предполагалось назвать «Православный галичанин» [15: 1–1 об.]). Первым редактором этой газеты стал уже упоминавшийся о. Григорий Грушка (основатель «Свободы»), перешедший в православие в декабре 1896 г. вместе с униатским приходом Олд-Форджа (Пенсильвания) [16: 11]. В этом городке и было наложено издание «Света», получавшего небольшую субсидию от Алеутской и Аляскинской епархии. До конца 1890-х гг.

в газете активно сотрудничал Виктор Гладык, позднее вышедший из РПКОВ и в 1900 г. ставший одним из основателей Общества русских братств (Russian Brotherhood Organization).

* * *

За короткий, по историческим меркам, срок (три года: 1892 – 1895 гг.) галицкими и угорскими русинами в США были созданы три крупные организации, две из которых – конечно, в измененном виде – существуют по сей день. У этих организаций имелось немало общего: все три были построены на основе уже существовавших братств, все три были, прежде всего, обществами взаимопомощи, позволявшими своим членам получить минимальные социальные гарантии на случай болезни или смерти. Различия между СГКРБ, РНС и РПКОВ были связаны, в первую очередь, не с содержанием их деятельности (все они занимались, по сути, одним и тем же), а с этническим составом их членов и их религиозными, и политическими предпочтениями. В этой связи очень показательным является то, что первые разногласия среди галицких и угорских русинов, приведшие к выходу из СГКРБ части его членов и образованию РНС, касались не раскола по линии греко-католики – православные (хотя в 1894 г. этот раскол уже начался), а расхождений между самими иммигрантами – греко-католиками. В результате к концу 1890-х сложилась следующая картина: греко- и римско-католическое СГКРБ состояло преимущественно из угорских русинов и придерживалось провенгерской направленности, сочетавшейся с элементами русинофильства. Членами греко-католического РНС были в основном галицкие русины, и оно дрейфовало в сторону украинофильства. В русофильском РПКОВ состояли и перешедшие в православие и угорские, и галицкие русины, однако первых было заметно больше. Точное соотношение тех и других установить практически невозможно, т. к. нет данных по всем составлявшим его братствам и приходам.

Несмотря на все расхождения и издержки, общества выполняли важную социальную функцию, способствуя консолидации восточно-славянских иммигрантов-униатов из Австро-Венгрии в устойчивую диаспору / диаспоры, помогая им сохранять свою идентичность в условиях американского «плавильного котла».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В украинской историографии принято называть всех русинских иммигрантов рассматриваемого периода украинцами, однако сами себя они в тот период так не называли. См., напр., работу А.Драгана с факсимильным воспроизведением первого выпуска газеты «Свобода», где во всех статьях говорится о русинах, тогда как при цитировании этих же самых статей в тексте автор везде заменяет «русинов» на «украинцев» [5: 9, 15].

2. Иная ситуация имела место в Канаде – там освоение «последнего лучшего Запада» продолжалось вплоть до 1910–1920-х гг., и многие (хотя далеко не все) эмигранты-русины из Австро-Венгрии, прибывавшие тогда в эту страну, смогли получить землю и стать фермерами. То же самое касалось Бразилии и Аргентины, хотя масштабы иммиграции туда были значительно скромнее; кроме того, имела место значительная реэмиграция из этих стран (в первую очередь, в США и Канаду) из-за тяжелых и непривычных природно-климатических условий.

3. В 1913 г. в связи с регистрацией общества был принят новый устав, который подробно проанализирован в статье Н.А.Глущенко [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимов Ю.Г., Минкова К.В. Особенности формирования русинской diáspоры в США в конце XIX в. // Руцин. 2016. № 1 (43). С. 128–144.
2. Аксенов-Меерсон М.Г. (протоиерей) Иммигранты карпатоссы, русское духовенство и их каноническое признание // Журнал Московской патриархии. 2011. № 6 (июнь). URL: http://e-vestnik.ru/Analytics/immigrant_karpatrossy_russkoe_3125 (дата обращения: 29.09.2019).
3. Анатолий, арх. Славянство в Америке (продолжение) // Американский православный вестник. 1901. № 19. С. 410–414.
4. Глущенко Н.А. Устав Русского православного кафолического общества взаимопомощи как источник для изучения русинской иммиграции в Соединенных Штатах Америки // Руцин. 2016. № 4 (46). С. 191–204. DOI: 10.17223/18572685/46/12
5. Драган А. Український Народний Союз у минулому і сучасному (1894–1964). Джерзі-Сіті: Видавництво УНС «Свобода», 1964. 159 с.
6. Коханик П. Русское православное кафолическое общество взаимопомощи в Северо-Американских Соединенных Штатах: К XX-летнему юбилею. Нью-Йорк: Русское православное кафолич. о-во взаимопомощи, 1915. 176 с.
7. Коханик П. Русь и православие в Северной Америке: К XXV-летию Русского православного общества взаимопомощи. Вилкес-Барре: Издание Русского православного общества взаимопомощи, 1920. 144 с.
8. Крючков И.В. Американо-венгерские отношения во второй половине

- XIX – начале XX века и проблемы эмиграции словаков и украинцев (русин) // Американский ежегодник. 2001. М.: ИВИ РАН, 2003. С. 51–64.
9. Матросов Е.Н. (граф Лелива). Заокеанская Русь// Исторический вестник. 1897. Т. LXVII. Р. 478–517.
10. Недзельницкий И. Галицкие и угорские русские в Соединенных Штатах Северной Америки. Доклад в публичном заседании одесского отделения Галицко-русского благотворительного общества 24 ноября 1913 года. Одесса: Типография общества «Русская речь», 1913. 20 с.
11. Неменский О.Б. «Чтобы быть Руси без Русии»: украинство как национальный проект // Вопросы национализма. 2011. № 1 (5). С. 77–123.
12. Нитобург Э.Л. Русские в США: История и судьбы, 1870–1970: Этноисторический очерк. М.: Наука, 2005. 421 с.
13. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 177. Д. 3290. По рапорту преосвященного Алеутского с представлением отчета о состоянии Алеутской епархии за 1895 г.
14. РГИА. Ф. 796. Оп. 176. Д. 3467. По предложению с ходатайством преосвященного Алеутского.
15. РГИА. Ф. 796. Оп. 178. Д. 3544. По донесению преосвященного Алеутского об учреждении во вверенной ему епархии цензурного комитета.
16. РГИА. Ф. 796. Оп. 177. Д. 3316. По предложенному ходатайству прихожан униатской церкви города Олдфорджа.
17. Свистун Ф.И. Прикарпатская Русь под владением Австрии. Львов: Типография Ставропигийского института, 1896. Ч. 2. 744 с.
18. Свобода (Svoboda). № 38. 1897. 16 сент.
19. Свобода (Svoboda). № 29. 1900. 8 авг.
20. Суляк С.Г. К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. 2019. № 55. С. 272–316. DOI: 10.17223/18572685/55/16
21. Чертина З.С. Плавильный котел? Парадигмы этнического развития в США. М.: ИВИ РАН, 2000. 164 с.
22. Brady J. Transnational Conversions: Greek Catholic migrants and Russky Orthodox Conversion Movements in Austria-Hungary, Russia, and Americas (1890–1914) [Ph.D. Thesis]. Pittsburg: University of Pittsburg, 2012. 531 p.
23. Briggs V.M. Mass Immigration and the National Interest: Policy Directions for the New Century. Armonk (NY) & London: M.E. Sharpe, 2003. 328 p. (3rd ed.).
24. Dyrud K.P. The Quest for Rusyn Soul. The Politics of Religion and Culture in Eastern Europe and in America, 1890 – World War I. Philadelphia: The Balch Institute Press; London, and Toronto: Associated University Presses, 1992. 157 p.
25. Greek Catholic Union – Greek Catholic Union official web-page. URL: <https://gcuusa.com/pages/history-heritage> (дата обращения: 17.10.2019).
26. Herbel O. Turning to Tradition: Intra-Christian Converts and the Making of an American Orthodox Church. [Ph.D. Thesis]. St. Louis: St. Louis University, 2009. 344 p.
27. Mauk D., Oakland J. American Civilization. An Introduction. 4th Edition. London; New York: Routledge, 2005. 375 p.

28. Morawska E. Immigrants, Transnationalism, and Ethnicization: A Comparison of This Great Wave and the Last // In *E Pluribus Unum? Contemporary and Historical Perspectives on Immigrant Political Incorporation* / Ed. by G. Gerstle, J. Mollenkopf. New York: Russell Sage Foundation, 2001). P.175–212.
29. Novak M. The Guns of Lattimer: The True Story of a Massacre and a Trial, August 1897 – March 1898. New York: Basic Books, 1978. 276 p.
30. Roediger D.R. Working Toward Whiteness: How America's Immigrants Became White: The Strange Journey from Ellis Island to the Suburbs. New York: Basic Books, 2006. 352 p.
31. Ukrainian National Association – Ukrainian National Association official web-page. URL: <https://unainc.org/una> (дата обращения: 17.10.2019).

REFERENCES

1. Akimov, Yu.G. & Minkova, K.V. (2016) Specificity of formation of Rusin diaspora in the United States in the late 19th century. *Rusin.* 1(43). pp. 128–144. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/43/9
2. Aksenen-Meerson, M.G. (2011) Immigrany karpatorossy, russkoe dukhovenstvo i ikh kanonicheskoe priznanie [Carpatho-Rusin immigrants, Russian clergy and their canon recognition]. *Zhurnal Moskovskoi Patriarhii.* 6. [Online] Available from: http://e-vestnik.ru/analytics/immigrany_karpatorossy_russkoe_3125 (Accessed: 29th September 2019).
3. Anatoliy, Arch. (1901) Slavyanstvo v Amerike (prodolzhenie) [Slavdom in America (continuation)]. *Amerikanskiy pravoslavnyy vestnik.* 19. pp. 410–414.
4. Glushchenko, N.A. (2016) The by-laws of the Russian Orthodox Catholic Society of mutual aid as a source for studying Rusin immigration in the United States of America. *Rusin.* 4(46). pp. 191–204. (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/46/12
5. Dragan, A. (1964) *Ukrainian National Association: Its Past and Present.* Jersey City, N.Y.: Svoboda Press.
6. Kokhanik, P. (1915) *Russkoe pravoslavnoe katolicheskoe obshchestvo vzaimopomoshchi v Severo-Amerikanskikh Soedinennykh Shtatakh: k 20-letnemu yubileyu* [Russian Orthodox and Catholic Mutual Aid Society in North-American United States: To the twentieth anniversary]. New York: ROMAS.
7. Kokhanik, P. (1920) *Rus'i pravoslavie v Severnoy Amerike: k 25-letiyu Russkogo pravoslavnogo obshchestva vzaimopomoshchi* [Russia and Orthodoxy in North America: To the twenty fifth anniversary of the Russian Orthodox Mutual Aid Society]. Wilkes-Barre: ROMAS.
8. Kryuchkov, I.V. (2003) Amerikano-vengerskie otnosheniya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka i problemy emigratsii slovakov i ukrainsev (rusin) [US-Hungary relations in the second half of the 19th – early 20th century and the problems of Slovak and Ukrainian (Rusin) immigration]. *Amerikanskiy ezhegodnik – American Yearbook.* pp. 51–64.
9. Leliva (Matrosov, E.N.) (1897) Zaokeanskaya Rus' [The Overseas Rus']. *Istoricheskiy vestnik.* LXVII. pp. 478–517.

10. Nedzelnitskii, I. (1913) *Galitskie i ugorskie russkie v Soedinennykh Shtatakh Severnoy Ameriki. Doklad v publichnom zasedanii Odesskogo otdeleniya galitsko-russkogo blagotvoritel'nogo obshchestva 24 noyabrya 1913 goda* [Russian people from Galicia and Hungary in the United States of America. Presentation at a public meeting of the Odessa Branch of Russian-Galician Charity Society on November 24, 1913]. Odessa: Russkaya rech'.

11. Nemensky, O.B. (2011) "Chtoby byt' Rusi bez Rusi": ukrainstvo kak natsional'-nyy proekt ["For Rus without Rus": Ukrainianism as a national project]. *Voprosy natsionalizma*. 1(5). pp. 77–123.

12. Nitoburg, E.L. (2005) *Russkie v SShA: Istoryya i sud'by, 1870–1970: Etnoistoricheskiy ocherk.* [Russians in the USA: History and Destinies, 1870–1970. An ethno-historical essay] Moscow: Nauka.

13. The Russian State Historical Archive (RGIA). *Po rapportu preosvyashchennogo Aleutskogo s predstavleniem otcheta o sostoyanii Aleutskoy eparkhii za 1895 g.* [On the report of the Right Reverend Aleutian Bishop with the information on the state of the Aleutian Diocese for 1895. Fund 796. List 177. File 3290.

14. The Russian State Historical Archive (RGIA). *Po predlozhenniyu s khodataystvom preosvyashchennogo Aleutskogo* [On the proposal with the petition of the Right Reverend of Aleutian Bishop]. Fund 796. List 176. File 3467.

15. The Russian State Historical Archive (RGIA). *Po doneseniyu preosvyashchennogo Aleutskogo ob uchrezhdenii vo vverennoy emu eparkhii tsenzurnogo komiteta* [On the report of the Right Reverend Aleutian Bishop on the establishment of a censorship Committee in his Diocese him]. Fund 796. List 178. File 3544.

16. The Russian State Historical Archive (RGIA). *Po predlozhennomu khodataystvu prikhozhan uniatskoy tserkvi goroda Oldfordzha* [On the petition of the parishioners of the Uniate Church of Old Forge]. Fund 796. List 177. File 3316.

17. Svistun, F.I. (1896) *Prikarpatskaya Rus' pod vladeniem Avstrii* [Subcarpathian Rus under the Austrian Rule]. Part. 2. Lvov: Tipografiya Stavropigiyorskogo instituta.

18. *Svoboda.* (1897) 16th September.

19. *Svoboda.* (1900) 8th August.

20. Sulyak, S.G. (2019) On the Carpathian Rus' terminology. *Rusin.* 55. pp. 272–316. (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/16

21. Chertina, Z.S. (2000) *Plavil'nyy kotel? Paradigmy etnicheskogo razvitiya v SShA.* [Melting pot? The US ethnic development paradigms] Moscow: RAS.

22. Brady, J. (2012) *Transnational Conversions: Greek Catholic migrants and Russky Orthodox Conversion Movements in Austria-Hungary, Russia, and Americas (1890–1914).* Ph.D. Thesis. Pittsburg: University of Pittsburg.

23. Briggs, V.M. (2003) *Mass Immigration and the National Interest: Policy Directions for the New Century.* 3rd ed. Armonk (NY) & London: M.E. Sharpe.

24. Dyrud, K.P. (1922) *The Quest for Rusyn Soul. The Politics of Religion and Culture in Eastern Europe and in America, 1890 – World War I.* Philadelphia: The Balch Institute Press; London, and Toronto: Associated University Presses.

25. Greek Catholic Union Official Webpage. [Online] Available from: <https://gcuusa.com/pages/history-heritage> (Accessed: 17th October 2019).
26. Herbel, O. (2009) *Turning to Tradition: Intra-Christian Converts and the Making of an American Orthodox Church*. Ph.D.Thesis. St. Louis: St. Louis University.
27. Mauk, D. & Oakland, J. (2005) *American Civilization. An Introduction*. 4th ed. London; Ney York: Routledge.
28. Morawska, E. (2001) Immigrants, Transnationalism, and Ethnicization: A Comparison of This Great Wave and the Last. In: Gerstle, G. & Mollenkopf, J. (eds) *E Pluribus Unum? Contemporary and Historical Perspectives on Immigrant Political Incorporation*. New York: Russell Sage Foundation. pp. 175–212.
29. Novak, M. (1978) *The Guns of Lattimer: The True Story of a Massacre and a Trial, August 1897–March 1898*. New York: Basic Books.
30. Roediger, D.R. (2006) *Working Toward Whiteness: How America's Immigrants Became White: The Strange Journey from Ellis Island to the Suburbs*. New York: Basic Books.
31. Ukrainian National Association Official Webpage. [Online] Available from: <https://unainc.org/una> (Accessed: 17th October 2019).

Акимов Юрий Германович – доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Yury G. Akimov – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: yakimov@spbu.ru

Минкова Кристина Владимировна – кандидат исторических наук, докторант кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Kristina V. Minkova – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: k.minkova@spbu.ru

УДК 94(47)"1903–1915"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/58/5

ПРОБЛЕМАТИКА РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В СТАТЬЯХ И ПРОПОВЕДЯХ МИТРОПОЛИТА АНТОНИЯ (ХРАПОВИЦКОГО)*

А.А. Иванов

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Авторское резюме

В статье впервые подробно исследуется отношение видного деятеля Русской православной церкви, известного богослова, митрополита (в рассматриваемый период – епископа и архиепископа) Антония (Храповицкого) к идеологии и практике русского национализма в начале XX в. Особое внимание уделено критике с православно-консервативных позиций «племенного», «язычествующего», «зоологического» национализма, отношению архиерея к «русскому вопросу», антисемитизму и космополитизму. Принимая классическое славянофильство как течение национальной мысли, не противоречащее церковному мировоззрению, владыка отвергал неславизм и национализм западнического образца как идеологии, конфликтующие с православным учением. Не являясь противником русского национализма как такового (точнее, необходимости укрепления русского национального самосознания и защиты русских интересов в Российской империи), владыка Антоний, будучи приверженцем консервативных политических взглядов, не избегал сотрудничества и с русскими националистами. При этом архиерей неоднократно обращался в их адрес с критикой, имевшей характер пастырского наставления, призванного удержать русских националистов от копирования идеологии и практики западноевропейских форм национализма, осуждая такие неприемлемые для него явления, как расизм, радикальный антисемитизм, ксенофобия, секуляризм, национальный эгоизм. Вместе с этим Антоний (Храповицкий) предпринимал попытки направить русский национа-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 19-09-00096 «Российское православное духовенство и русский национализм в конце XIX – начале XX века».

лизм в церковно-патриотическое русло, поставив его на службу мессианской идеи – сохранению и защите чистоты православной веры и православного характера российской государственности. В основу исследования легли статьи, речи и проповеди Антония (Храповицкого), опубликованные в дореволюционной церковной и светской периодике. Часть публицистического наследия православного архиерея вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Антоний (Храповицкий), Русская православная церковь, православное духовенство, русский национализм, русский консерватизм, неославизм, православие и национализм, антисемитизм.

PROBLEMS OF RUSSIAN NATIONALISM IN PAPERS AND SERMONS OF METROPOLITAN ANTHONY (KHRAPOVITSKY)*

A.A. Ivanov

St. Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Abstract

The paper for the first time takes a close look at the attitude of the prominent figure of the Russian Orthodox Church, well-known theologian, Metropolitan (formerly Bishop and Archbishop) Anthony (Khrapovitsky) to the ideology and practice of Russian nationalism in the early 20th century. Special attention is given to the orthodox and conservative criticism of “tribal”, “pagan”, “zoological” nationalism, Metropolitan’s attitude to the “Russian question”, anti-Semitism and cosmopolitanism. Having accepted the classical Slavophilism as a flow of national thoughts compatible with church worldview, Metropolitan repudiated neoslavism and a western model of nationalism as an ideology opposed to the Orthodox teachings. Being anything but an opponent of Russian nationalism per se (more exactly, the need to strengthen the Russian national self-awareness and protection of Russian interests in the Russian Empire), Metropolitan Anthony, as an adherent of conservative political opinions, was ready to cooperate with Russian nationalists as well. However, he used to criticise them in his homiletics, trying to dissuade Russian nationalists from copying the ideology and practice of West

* Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 19-09-00096.

European nationalism and reviling against such reckless phenomena as racism, radical anti-Semitism, xenophobia, secularism, and national egotism. Anthony (Khrapovitsky) made efforts to guide Russian nationalism to the church and patriotism to harness it to the betterment of the messianic idea – preservation and protection of Orthodox faith purity and the Orthodox nature of Russian statehood. The study is based on papers, speeches and sermons of Anthony (Khrapovitsky) published in pre-revolutionary church and secular periodicals. Some of these works have never been introduced to the academic discussion before.

Keywords: Anthony (Khrapovitsky), Russian Orthodox Church, Orthodox clergy, Russian nationalism, Russian conservatism, neoslavism, Orthodox Christianity and nationalism, anti-Semitism.

Биография митрополита Антония (в миру Алексея Павловича Храповицкого, 1863–1936) – видного иерарха Русской православной церкви – в целом достаточно подробно изучена исследователями [24; 29; 33]. В связи с этим напомним лишь основные вехи его жизненного пути. Выходец из старинного дворянского рода (генеральский сын), известный богослов, духовный писатель и публицист, ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии (1890), Московской (1891–1895) и Казанской (1895–1900) духовных академий, Антоний (Храповицкий) последовательно служил епископом Чебоксарским (с 1897 г.), Чистопольским (с 1899 г.), Уфимским и Мензелинским (с 1900 г.), Волынским и Житомирским (1902–1914, с 1906 г.– архиепископ), архиепископом Харьковским и Ахтырским (1914–1917) [23]; был членом Государственного совета (1906–1907) и Святейшего синода (1912–1916). В 1917–1918 гг. владыка являлся членом Поместного собора, на котором активно выступал за восстановление патриаршества, был избран кандидатом на патриарший престол и получил наибольшее число голосов (но по жребию из трех кандидатов патриархом был избран митрополит Московский Тихон). В годы гражданской войны Антоний (Храповицкий) недолго занимал кафедру митрополита Киевского и Галицкого (1918), был арестован петлюровцами, а затем, находясь на территориях, контролируемых белым движением, возглавлял Временное высшее церковное управление юго-востока России. Покинув страну после поражения врангелевской армии, митрополит Антоний внес большой вклад в сохранение русской церковной организации в эмиграции, возглавлял Архиерейский синод Русской православной церкви за границей и вплоть до своей кончины в 1936 г. являлся ее первоиерархом, сохраняя титул митрополита Киевского и Галицкого [44].

Однако если биографии, богословию, церковной, политической и общественной деятельности [14; 25; 37] владыки посвящен в общей

сложности не один десяток работ, то его отношению к набиравшему в начале XX в. силу русскому национализмуделено значительно меньше внимания. Кратко эта проблема затрагивалась в монографии американского историка, посвященной отношению дореволюционной православной российской церкви к национализму (хотя акцент в ней был сделан не столько на национализме, сколько на патриотизме) [1], а также в статье о воззрениях архиерея на еврейский вопрос [40], в исследовании о взаимоотношениях монархических организаций Малороссии и украинского национального движения [39] и в работе о неоднозначном отношении российского православного духовенства к русскому национализму [20]. Однако предметом специального исследования взгляды митрополита Антония (Храповицкого) на идеологию и практику русского национализма начала XX в. до настоящего времени не становились.

Прежде чем перейти к анализу отношения Антония (Храповицкого) к русскому национализму, важно отметить, что архиерей исповедовал консервативные политические взгляды и являлся активным участником монархического движения. Владыка был почетным членом элитарной монархической организации – Русского собрания [26: 32], в котором неоднократно выступал с докладами [37: 35]. Он поддерживал черносотенное движение (в 1909 г. даже обратился с ходатайством об издании Священным синодом циркулярного распоряжения, чтобы в православных храмах члены Союза русского народа могли беспрепятственно выставлять свои знамена [30: 236], был участником ряда монархических форумов, являлся почетным председателем почаевского отдела Союза русского народа [37: 35] и входил в правую группу Государственного совета [16: 302]. По сообщению подольского губернатора, «деятельность этого архипастыря как на ниве религии, так и на арене защиты русских интересов в крае была неизмеримо плодотворна, а благодаря выдающейся его трудоспособности нужно признать деятельность его незаменимой» [30: 67–68]. Как отмечается в биографической статье об Антонии (Храповицком), опубликованной в официальном издании Московского патриархата «Православная энциклопедия», правые монархические взгляды и активная поддержка монархического движения снискали ему «в либеральных и революционных кругах репутацию черносотенца» [44: 648].

К правому политическому спектру (хотя и с определенными оговорками) принадлежали и основные политические объединения русских националистов начала XX в.– Всероссийский национальный союз, Всероссийский национальный клуб, Киевский клуб русских националистов, думская фракция националистов и умеренно-правых, группа правого центра Государственного совета и другие род-

ственные им структуры. Однако отношения между крайне правыми (черносотенцами) и националистами, для которых было характерно сочетание как консервативных, так и умеренно-либеральных принципов, были далеко не безоблачными. С одной стороны, крайне правые и националисты нередко блокировались и заключали тактические союзы (как на выборах в Государственную Думу, так и при отставании ряда консервативных ценностей), с другой – их разделяли идеологические противоречия (для первых приоритетным была защита православия и самодержавия, для вторых – нации), и конкурентная борьба [20].

Таким образом, важно учитывать, что на взгляды Антония (Храповицкого) на русский национализм и националистов, помимо церковных воззрений, накладывали отпечаток его личные политические предпочтения и конкретные политические реалии думской монархии.

Несмотря на свою принадлежность к крайне правому политическому лагерю, Антоний (Храповицкий), исходя из православного отношения к национальному вопросу, был чужд воинствующего антисемитизма. После кровавого кишиневского погрома, случившегося в пасхальные дни 1903 г., волынский архиепископ выступил в житомирском кафедральном соборе с проповедью, позже растиражированной в газетах и опубликованной отдельной брошюрой, в которой резко осуждал насильственные действия христиан над иудеями, называя их «печальными» и «позорными», а сам погром – «жестоким, бесчеловечным избиением несчастных евреев» [35]. При этом, несмотря на неприятие им иудаизма и его критику с христианских позиций, владыка указывал пастве, что «и поныне отвергнутое племя еврейское дорого Духу Божию», а потому «прогневляет Господа всякий, кто пожелал бы обижать его». Более того, называя иудеев «врагами христовой веры», архиепископ призывал русских людей учиться у них преданности своему закону, трудолюбию, отношению к семье и послушанию. «Страхись же, христианин, обижать священное, хотя и отвергнутое племя. Страшная казнь Божия постигает тех злодеев, которые проливают кровь, родственную Богочеловеку, Его Пречистой Матери, апостолам и пророкам. Не говори, что эта кровь священника только в прошедшем, а знай, что и в будущем их ожидает приобщение Божескому естеству (2 Петр. 1, 4)... <...> Ни об одном народе – ни о русском, ни о греках – не сказано, что все потомки их спасутся в свое время, а об евреях это сказано. Пусть же знают жестокие кишиневские убийцы, что они истребляли будущих христиан, находящихся в чреслах теперешних евреев, что они явились дерзкими противниками промысла Божия, мучителями народа, возлюбленного Богу и по самом его отвержении (11, 28)» [35].

С критикой «племенного» антисемитизма, свойственного как многим крайне правым, так и националистам, Антоний (Храповицкий) выступал и в других своих статьях и речах. Указывая христианам-антисемитам на то, что они должны руководствоваться в своем отношении к еврейству православным вероучением, владыка осуждал нападки по национальному признаку, которые приводили некоторых русских национал-патриотов к критике Ветхого Завета и ветхозаветных еврейских праведников. «Можно ли, например, без горячего негодования читать рассуждения покойного генерала Драгомирова об Иосифе Прекрасном как фокуснике, пройдохе и вымогателе? [17: 415] – возмущенно писал архиерей в 1907 г. – Боже мой! Ведь этот великий праведник более всех ветхозаветных угодников Божиих уподобился Христу по своим подвигам правдолюбия, братолюбия, целомудрия и неповинных страданий; в церкви мы молимся ему во дни говения Великого Понедельника; а в домах читаем безрассудные хулы на святого. Считайте современных евреев вредными людьми, боритесь с ними всеми законными средствами, если это согласно с вашими мыслями о нуждах родины, но *“не прикасайтесь помазанным Моим и пророкам Моим не мыслите зла”*» (Пс. 104, 15)» [2: 123].

Высказывание бывшего киевского, подольского и волынского генерал-губернатора М.И. Драгомирова, видимо, так возмутило архиерея, что в 1913 г., обращаясь к командующему Киевским военным округом генерал-адъютанту Н.И. Иванову, архиепископ Антоний снова обратился к этому примеру: «К сожалению, в наше время не только нигилисты-революционеры, но и многие монархисты, консерваторы находят вполне достаточным для себя как военачальника обнаруживать лишь внешнее почтение к Церкви и не стыдятся говорить и даже печатать, якобы во имя национализма и юдофобства, кощунственные отзывы о святых Божиих, напр. об Иосифе Прекрасном, которого они представляют типичным евреем – политическим интриганом, и которому мы, православные люди, а с нами и православные солдаты, молимся, как и святителю Николаю или преподобному Сергию» [32: 57].

Разделяя позицию архиепископа Антония в «еврейском вопросе», другой видный православный богослов, священник А.А. Глаголев, писал: «В этих словах нашего авторитетного богослова, просвещенного архиастыря и пламенного патриота дано определенное указание, что Церковь не может благословлять никаких замахов на свои святыни, одною из которых является Ветхий Завет, хотя бы эти замахи мотивировались самою благородною, например, патриотическою целью; что спасение отечества не может достигаться кощунственными вылазками против святых писаний и священных лиц Ветхого Завета» [15: 11].

Считая, что подлинное братство между православными русскими и евреями-иудеями не может быть достигнуто, поскольку такого братства с христианами не желают и сами иудеи, архиерей призывал обе стороны к «взаимному уважению, взаимному терпению и взаимной помощи», что считал вполне достижимым, если евреи «возвратятся к быту религиозному и прекратят свою революционную и деморализационную деятельность» [2: 134].

Не испытывая особых симпатий к современному ему еврейству, архиепископ Антоний твердо выступал против беззакония в отношении евреев, критиковал «племенной» антисемитизм, уравнивавший ветхозаветных праведников, евреев-талмудистов и атеистов-революционеров еврейского происхождения. Допуская религиозное, экономическое и политическое противодействие еврейству (которое в частном письме к философу Н.А. Бердяеву назвал «племенем в общественной жизни вредным – и в экономическом, и в нравственном отношении» [40: 324]), владыка считал такое противодействие возможным только в строго законных рамках, не противных христианскому учению. Решение «еврейского вопроса» в религиозном отношении виделось ему, как и большинству православных богословов, в принятии евреями христианства, а в бытовом плане архиерей видел пути к его ослаблению в отказе русских националистов от этнического подхода к еврейству, а иудеев – от своих «революционеров-безбожников», которые провоцируют рост антисемитских настроений в русском обществе. «Пусть они (революционеры-атеисты еврейского происхождения. – А.И.) погибнут в бесславии вместе с отщепенцами русского народа, – заключал владыка. – Мы, русские христиане и чущие Бога отцов своих иудеи, рождены для познания воли Господней, для научения людей добродетели, для умерщвления греховных страстей. В этом всемирное призвание священного Востока, и не нам, и не вам менять его на жалкую суetu безбожной западной культуры, работающей только чреву и карману» [2: 137].

Впрочем, в зависимости от конкретной ситуации владыка мог быть как защитником, так и обличителем еврейского народа, но то же самое справедливо будет сказать и о его отношении к народу русскому. И хотя, как отмечает современный исследователь, владыка порой грешил «кантиеврейскими пассажами», в целом «отношение к евреям у него было исключительно религиозным, терпимым. Неприемлемыми для него оставались лишь революционеры и атеисты, какой бы национальности они ни были» [40: 326].

Поддерживая русское монархическое движение, архиепископ Антоний пытался удерживать его от националистических крайностей, указывая черносотенцам на необходимость сверять свои взгляды и

действия с евангельскими заветами и церковным преданием. В одной из бесед с членами житомирского отдела Союза русского народа архиерей около часа рассказывал черносотенцам о русской народности и ее месте в системе православных ценностей. Как сообщало епархиальное издание, во время этой беседы «высокий лектор выяснил разницу между любовью русских людей к своей народности и западным национализмом. Разница эта заключается в том, что другие народы целью своих стремлений поставляют свое земное благополучие, господство и власть над другими народами, которые должны работать для их обогащения, а русский народ ставит выше своих земных интересов распространение Христовой веры и благочестия, и свое земное благополучие ставит ни во что в сравнении с этими идеальными задачами» [21: 333–334]. В западном национализме архиерей видел возрождение «себялюбивого и жестокого язычества», в правильном же понимании задач русской народности – «усвоение евангельских добродетелей», сохранение и распространение христианской веры, а также верность самодержавию, т. к. «существование идеальных стремлений русского народа немыслимо, если во главе его не будет стоять помазанник Божий» [21: 334].

В 1909 г. архиепископ Антоний развил эти идеи во время выступления на торжественном собрании другой черносотенной организации – Русского народного союза имени Михаила Архангела. Отмечая, что национализм у «современных племен Европы» уже стал преобладающим началом общественной и государственной жизни, «их политической аксиомой», владыка указывал, что русский политический национализм появился в «подражание народностям западным», сродни тому, как ранее образованное русское общество увлеклось противоположной национализму, но также заимствованной на Западе идеей космополитизма [7: 1015].

Развитие в Европе «племенного» национализма Антоний (Храповицкий) связывал с традицией римского язычества, которое оказало влияние на формирование западного общества. С ослаблением христианских начал языческое самолюбие и «стадный эгоизм» стали основой европейского национализма, в результате которого сильные западные народности включились в борьбу за господство над народностями более слабыми. «Это иногда, пожалуй, и естественно, но здесь нет ничего высокого, вдохновляющего, святого, – наставлял архипастырь. – <...> Не старайтесь придавать вашему западническому патриотизму характера нравственного, этического, а поставьте его на один уровень с любой акционерной компанией или торговым союзом» [7: 1016]. Альтернативой такому национализму владыка считал русский патриотизм, проникнутый «подлинными историческими

основами жизни народной», в котором ценности духовного порядка стоят выше самосохранения, а также внешнего усиления государства и народности: «Не так чувствовал и чувствует свою любовь к родине народ русский. Не целью своей деятельности мыслит он свою страну и себя самого, а служебной силой для иной высшей цели, цели святой, божественной и всемирной. Нося в себе непоколебимую уверенность в неповрежденном сохранении учения Христова, народ русский защищал и отстаивал с таким самоотвержением свою страну именно как хранилище божественной истины, как служительнице евангельского благочестия: не себя самого, не свое благополучие, а это духовное сокровище, ему вверенное, его охранение и расширение почитают русские люди высшим направителем своей и личной, и общественной, и государственной жизни». Таким образом, резюмировал владыка, «самосознание русское, народное есть самосознание не расовое, не племенное, а вероисповедное, религиозное». И именно поэтому русский народ не должен принимать западнический «расовый национализм», оставаясь верным «религиозному, вселенско-церковному патриотизму» [7: 1016–1017].

Очевидно, что становление в 1908–1910 гг. первой в истории России партии русских националистов – Всероссийского национального союза [27, 34], пользовавшейся поддержкой П.А. Столыпина, развитие активной деятельности фракции националистов в III Государственной Думе, возникновение национал-демократических структур [41, 42] и общественная полемика о национализме [28] вынуждали Антония (Храповицкого) раз за разом возвращаться к этой теме. Не последнюю роль играло и то обстоятельство, что национализм встречал поддержку у части православного русского общества, увидевшего в нем противоядие либеральному космополитизму и левому интернационализму. Приведенные выше доводы против национализма западноевропейского образца владыка повторял во время беседы с наследником сербского престола кронпринцем Георгием, отметив, что «патриотизм сербский поучителен, во-первых, потому, что он не подобен европейскому беспринципному национализму, который является просто расширенным себялюбием, коллективным эгоизмом, коллективной гордыней», а во-вторых, тем, «что он не отрывает сердце своих последователей от другого духовного отечества <...> от вселенской Христовой Церкви» [22: 807]. Практически каждый год, начиная с 1908-го, владыка касался темы национализма либо в проповедях, либо в беседах, либо в статьях.

В марте 1910 г. Антоний (Храповицкий) провел беседу о национализме с будущими пастырями – семинаристами. Как кратко сообщало епархиальное издание, архиерей в своей беседе указывал на

то, что «это направление появилось собственно в последние годы и заявило о себе с особой силой как результат отрезвления общества от космополитических идей, усердно проповедуемых социалистами и революционерами». Но, несмотря на это, православному духовенству следует идти вместе с националистами только тогда, когда последние «не нарушают прав Церкви и не восстают против религии». «Нужно сказать, что националисты нередко становятся во враждебные отношения к православию, – говорил архиерей. – По своему характеру наш национализм является направлением весьма неустойчивым и неопределенным».

Проведя далее разделение между национализмом государственным и племенным, владыка признавал первый ненадежным («объединение людей различных верований в одном государстве является непрочным»), а второй – искусственным и безыдейным («одно только племенное родство людей между собою не имеет большой цены»). К «племенному» национализму владыка Антоний отнес неославизм, особо подчеркнув, что «самым близким к православной церкви направлением является славянофильство в том виде, в каком оно выражено в сочинениях Киреевского, Ив. Аксакова и др.», поскольку славянофилы, проповедуя и защищая национальную идею, были «во всем согласны с учением православной церкви» [13: 362].

Последнее замечание было неслучайным. Идеологи русского национализма неоднократно навлекали на себя критику православного духовенства, указывавшего им на порой весьма вольное понимание православного вероучения, недопустимость ревизии церковных канонов и предания, нападок на церковь и ее служителей. В частности, архиепископ Антоний был вынужден дать отповедь известному публицисту, идеологу Всероссийского национального союза М.О. Меньшикову, нередко позволявшему себе весьма сомнительные, с православной точки зрения, пассажи. Считая Меньшикова «дельнее других фельетонистов», человеком «несомненных дарований» и «недюжинного ума», владыка категорически не соглашался с выводами публициста о разложении православного монашества и «потери им даров» и обращал внимание на тот прискорбный для него факт, что автор широко известных «Писем к близким» «чужд религиозности, чужд христианства, чужд церкви и молитвы» и, по сути, совершил языческое отступление от христианской веры и жизни [5: 543–546]. «Нет, г. Меньшиков, если желаете быть русским националистом и народником, то советую вам монахов любить да жаловать, – писал архиерей. – Смотрите, как их полюбили, когда узнали их наши лучшие писатели – Достоевский, Апухтин, А. Толстой, Киреевский, Муравьев, Норов и др.» [6: 565].

Наиболее полную и законченную форму суждения Антония (Храповицкого) о русском национализме, его месте, опасностях, перспективах и соотношении с православным вероучением нашли отражение в статьях, вышедших в январе 1914 г. В первой из них, с говорящим названием «Что значит быть русским националистом?», опубликованной сначала в газете «Киев» [11], а затем перепечатанной рядом других изданий, архиерей в духе предшествовавших своих выступлений и статей противопоставлял русскую (восточную) культуру западной. В первой из них, писал владыка, религиозно-моральный принцип довлеет над формально правовым, а потому тот русский национализм, что вслед за европейским со странц «больших и модных газет» демонстрирует свою отрешенность от «религиозных и иных высших целей жизни» и, не стесняясь, призывает общество к энергичной борьбе ради «зоологического самосохранения», для православного человека приемлемым быть не может. «Защищать свой угол, свою берлогу свойственно всякому живому существу, – отмечал он, – но ведь иное дело животное самосохранение, а иное – святое самопожертвование, служение родине как святыне, а не только как коллективному эгоизму: последнее может быть очень энергичным, как служба своему трактиру, своему коммерческому банку, но считать его возвышенным, одушевляющим, требовать на таком служении жертв возможно ли по какой логике?» [11].

По убеждению архиерея, если общими чертами какого-либо племени оказываются не моральные ценности, а только общий язык и происхождение, то «брататься на таком внешнем, даже ничтожном признаке» – то же самое, что объединяться рыжим, лысым или курносым для отстаивания своих природных особенностей. Разве «не сумасшествие, – рассуждал владыка, – что предлагают поклонники «зоологического национализма», желающие объединить нацию вне ее исторических задач и заветов, вне ее веры, вне всего святого и возвышенного? Одно из двух: или признаите самою нацию носительницей высшей идеи, которую она призвана осуществить в истории, или освободите патриотизм от всякой нравственной обязательности и признаите его простой защитой своей шкуры, своей берлоги, своей мелочной лавочки». Но в последнем случае, предупреждал архиепископ Антоний, русские люди в массе своей не пойдут за националистами, «потому что русские люди, не исключая самых рьяных нигилистов, могут идти только за принципом – иногда химерическим, иногда диким, иногда даже прямо разрушительным; но быть стадом обезьян, которые очень дружно и охотно отстаивают свое беспринципное существование, русские люди не могут» [11].

Во второй статье, «Наш национализм и загадка Пушкина» (в дру-

гом варианте – «Наш национализм и задача Пушкина», увидевшей свет в то же самое время, что и первая [3; 4], архиерей указывал, что русский национализм не всегда оказывается истинно национальным. «Иное дело, – отмечал он, – быть националистом по настроению, по симпатиям, по убеждениям национальным и нравственным; иное дело примыкать к политической программе национальной партии. <...> Националистов принципиальных меньше, чем националистов партийных или политических. Почему? Да потому, что для национализма первого типа нужен нравственный подъем, а для второго – только здравый смысл. При императоре Николае I почти все члены русского общества были политическими националистами по своим государственным убеждениям, но по симпатиям, по государственному настроению духа, по обычаям своей жизни большинство были западниками, скучали в России и в русской деревне, а утешались в Петербурге и в Париже; они молились (изредка, конечно) преподобному Сергию, но восхищались Байроном, слушали в церкви покаянные мефимоны, но наслаждались Поль де Коком» [3; 4: 52].

Однако означала ли критика Антония (Храповицкого), что архипастырь был убежденным противником любых проявлений русского национализма? Очевидно, нет. В тех же публикациях архиерей делал важные оговорки. «У нас мало националистов принципиальных, националистов в полном смысле слова» [3; 4: 53], – с сожалением отмечал владыка, поясняя, что под таковыми он понимает тех, кто ведет борьбу за нравственные идеалы русского народа, т. к. «и внешнее благосостояние государства упрочилось бы при таком направлении жизни гораздо крепче, чем при грубо эгоистическом настроении государственного законодательства; но цель жизни народной была бы не в самом этом благополучии, а в достижении высших нравственных целей, благополучие же явилось бы как следствие» [11].

Антоний (Храповицкий) призывал партийных вождей и идеологов русского национализма отрешиться «от начал только утилитарных», быть «националистами по принципу», «разъяснить и в печати, и на кафедре школьной, и на кафедре представительных учреждений, во имя чего следует отстаивать русское государство, русское племя, русский язык, русский быт», т. е. проповедовать религиозное призвание русского народа, который «теперь один из всех народов сохранил в своем сознании, своем сердце неповрежденным то драгоценное сокровище, которое дано всему человечеству небом, т. е. христианство, и кроме, как от русского народа, неоткуда его теперь заимствовать всем прочим народам», т. к. «только у нас сохранилось разумение первой заповеди Евангелия о смиренномудрии, без коего тщетны все прочие доблести; только у нас сохранился взгляд на жизнь не

как на наслаждение, а как на подвиг, на подвиг самоотвержения и самоусовершенствования» [11].

Таким образом, по мнению архиерея, главнейшая задача русского национализма заключалась в сохранении, преумножении и защите своего духовного наследия и противодействии «безнравственной культуре Запада». «Наш национализм должен обратить душу нашего общества к оставленному им народу, должен выяснить нравственные нужды нашего народа, должен Россию сделать Русью, Святою Русью, должен снова быть для нее равноапостольным Владимиром», – резюмировал архипастырь [11].

Критикуя вождей русского национализма, Антоний (Храповицкий) не чурался общения с ними и был открыт к конструктивному сотрудничеству. Во время выборов в IV Государственную Думу волынский архиепископ возглавил предвыборный комитет, выпустив воззвание, в котором указывал приемлемые, по его мнению, принципы политического объединения православных русских избирателей во время выборов (таковыми провозглашались «исторические начала русской народной политической жизни: православие, самодержавие и русская народность») и одобрял создание в ходе избирательной деятельности блоков и соглашений «с партиями не левее националистов» [31: 267–268; 38: 337].

Таким образом, русские националисты, несмотря на критику их идеологии, рассматривались владыкой пусть и сбившимися с прямого пути, но все же союзниками, а не противниками. При этом архипастырем-монархистом подчеркивалось, что его поддержки на выборах не найдут не только революционеры-атеисты, либералы-космополиты и иноверцы, но и «самые строгие монархисты... отрицающие нашу святую веру, формальные, черстевые консерваторы, даже крепостники, надеющиеся обеспечить общественный порядок только усилением карательной власти без веры и Церкви или допускающие последнюю только в качестве пугала для простого народа». Не стоит также искать поддержку у него и «верующим в Бога и верным законной власти лицам, которые захвачены западничеством, англоманией или галломанией, которые полагают задачу России и русского правительства только в том, чтобы пересажать к нам западноевропейские порядки и глубоко презирают наш народ, взирая на него как на *tabula rasa*, как на безвольный материал для всяких административных и мнимо-просветительных упражнений интеллигентных фантазеров» [8]. Приведенные строки наглядно показывают, что владыка был готов дать отповедь не только националистам, но и правым монархистам, если те теряли живую связь с церковью, а также и тем православным христианам, которые, утратив национальное чувство, готовы были

строить в России общество и государство по западноевропейскому образцу.

Показательно, что и русские националисты относились к архиепископу Антонию (Храповицкому) с большим уважением, позволяя ему выступать с наставлениями и критикой (впрочем, всегда корректной и доброжелательной) в их адрес на страницах своих изданий (статья «Национализм и загадка Пушкина» была написана как обращение к читателям-националистам и опубликована на страницах националистического издания «Голос Руси»). Один из лидеров русских националистов В.В. Шульгин вспоминал о владыке: «В прошлом я был с ним глубоко связан, потому что это именно он три раза посыпал меня в Государственную Думу. Я долго носил три крестика, символизирующие архипастырское благословение, но утерял их в превратностях жизни» [43: 119]. Другой видный депутат-националист Ф.Н. Безак также отзывался о волынском архиерее с большим уважением, называя его «одним из виднейших иерархов нашей Церкви» [12: 413]. Когда на владыку было совершено покушение, думские националисты послали ему телеграмму следующего содержания: «Глубоко возмущенные кощунственно злодейским преступлением, душою радуемся заступничеству Пречистой, сохранившему самоотверженную жизнь вашего святого первосвященства в прославление веры православной и на благо народности русской» [18: 879].

Однако вожди русского национализма в большинстве своем так и не пошли по пути, который указывал им архиепископ Антоний. Поэтому критику этого идейного течения владыка продолжал фактически вплоть до революционных событий 1917 г. В 1914 г. в одной из своих проповедей владыка называл националистов «мнимыми радетелями народного блага, на самом деле очень далеких от русской нации», так и не сумевшими уловить «своим духовным слухом <...> биение сердца жизни народной» и понять, «чего оно просит от Бога и от тех, кому вверена Богом его судьба». А пока этого не произошло, заключал архиерей, у подобных деятелей нет законного права именоваться националистами [36: 371]. В годы Первой мировой войны в статье «Чей должен быть Константинополь?», позже изданной отдельной брошюрой [9; 10], волынский архипастырь снова возвращался к тем же оценкам и суждениям, что звучали в его речах и текстах ранее. «Не будем уже распространяться о том, что современный "национализм" в русском обществе, в политической партии такого наименования и в литературе всячески старается совершенно отрешить себя от вероисповедного начала, от православия, от философского учения, с ним связанного, т. е. славянофильства, и открыто провозглашает себя "зоологическим", т. е. беспринципным национализмом, союзом

государственной и племенной самозащиты – и только. <...> Перенося свой патриотизм на почву такого безрелигиозного, а только юридического и экономического жизнепонимания, наши писатели, ораторы и деятели должны бы именоваться не националистами, но антнационалистами, строителями не исторической России, а петербургской, не Святой Руси, а русской Англии или Германии, русского языческого Рима», – констатировал Антоний [9: 639].

Приведенные выше факты и свидетельства наглядно показывают, что отношение митрополита к идеологии и практике русского национализма было критическим. Для архипастыря были неприемлемы ни «зоологический» антисемитизм, ни западнические секулярные тенденции, проявлявшиеся в русском национализме в начале XX в. Но, в отличие от огульной критики русского национализма, звучавшей из левого и леволиберального лагеря с интернационалистических или космополитических позиций, волынский архиерей критиковал националистов с позиций церковных, консервативных и национально-патриотических. Он, как и представители современного ему русского национализма, не был сторонником еврейского равноправия, ратовал за самобытный национальный путь развития России (в классическом славянофильском его понимании), верил в особое призвание русского народа, критиковал интернационализм и космополитизм, но при этом считал глубоко ошибочным превращать русский национализм в копию национализма западного, имевшего в своем основании римские языческие корни, ведущие к расизму, национальной гордыне и коллективному эгоизму. При этом владыка не был противником употребления термина «национализм» в позитивном ключе, если подразумевать под ним, в первую очередь, борьбу за духовно-нравственные устои нации, а отнюдь не за ее господство, преобладание и осуществление ею материального благополучия как основополагающей цели. Являясь критиком национализма, который проповедовали политические силы, называвшиеся русскими националистами, Антоний (Храповицкий) не отрицал его как таковой, а лишь призывал следовать «истинному национализму», подчиненному религиозному идеалу и отстаивающему самобытность русской жизни. Критика, которую архиерей обрушивал на русских националистов, имела характер пастырского увещевания и наставления, имевших целью не сокрушить политических конкурентов, а лишь направить их деятельность в церковно-патриотическое русло, поставив ее на службу мессианской идее – сохранению и защите чистоты православной веры и православного характера Российской государственности. Но убедить русских националистов следовать этим путем у Антония не получилось. Несмотря на поддержку националистами православ-

ной церкви и их заявления о приверженности «исконным русским началам», русский национализм к концу существования Российской империи все больше и больше приобретал светские западноевропейские черты и постепенно двигался в направлении либерального представления о благополучии нации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Strickland J. The Making of Holy Russia. The Orthodox Church and Russian Nationalism before the Revolution.* New York: Holy Trinity Publications, 2013. 317 р.
2. Антоний (Храповицкий). Еврейский вопрос и Святая Библия // Митрополит Антоний (Храповицкий). Сила Православия / Сост., предисл., прим., указатель имен А.Д. Каплина. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. С. 123–137.
3. Антоний (Храповицкий). Наш национализм и загадка Пушкина // Волынские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1914. № 4. С. 52–54.
4. Антоний (Храповицкий). Наш национализм и задача Пушкина // Голос Руси. 1914. 3 янв.
5. Антоний (Храповицкий). Нравственность черного и белого духовенства // Волынские епархиальные ведомости. Неофициальная часть. 1908. № 31. С. 543–548.
6. Антоний (Храповицкий). Нравственность черного и белого духовенства // Волынские епархиальные ведомости. Неофициальная часть. 1908. № 32. С. 561–567.
7. Антоний (Храповицкий). О национализме и патриотизме. (Речь, сказанная на годичном празднике Русского народного союза имени Архангела Михаила 8 ноября за панихией по убиенным крамольниками патриотам) // Волынские епархиальные ведомости. Неофициальная часть. 1909. № 51/52. С. 1015–1022.
8. Антоний (Храповицкий). Русская правда. (От председателя волынского предвыборного комитета) // Колокол. 1912. 9 авг.
9. Антоний (Храповицкий). Чей должен быть Константинополь? // Волынские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1915. № 44. С. 638–641.
10. Антоний (Храповицкий). Чей должен быть Константинополь? Ростов н/Д: Типография «Электра», 1916. 11 с.
11. Антоний (Храповицкий). Что значит быть русским националистом? // Киев. 1914. 3 янв.
12. Безак Ф.Н. Воспоминания о Киеве и о гетманском перевороте // Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов / Сост. и ред. А.А. Иванов; вступ. ст., биограф. словарь и comment. А.А. Иванова, С.Г. Зириня. М.: НП «Посев», 2008. 748 с.
13. Беседы Высокопреосвященнейшего архиепископа Антония, произнесенные в духовной семинарии // Волынские епархиальные ведомости.

Часть неофициальная. 1910. № 19. С. 361–363.

14. Бородин А.П. Антоний (Храповицкий) // Государственный совет Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 10.

15. Глаголев А.А. Ветхий Завет и его непреходящее значение в христианской Церкви. Киев: Типография «Петр Барский», 1909. 61 с.

16. Демин В.А. Верхняя палата Российской империи. 1906–1917. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 376 с.

17. Драгомиров М.И. Наши делишки. (Одннадцатая дюжина) // Разведчик. 1905. № 761. С. 415–416.

18. Злодейское покушение на архиепископа Антония // Волынские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1911. № 45. С. 878–879.

19. Иванов А.А. Были ли русские националисты черносотенцами? (О статье И.В. Омельянчука) // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 171–175.

20. Иванов А.А., Чемакин А.А. Православное духовенство и русский национализм в начале XX в. // Вопросы истории. 2018. № 9. С. 153–166.

21. Из церковной жизни епархии // Волынские епархиальные ведомости.

Часть неофициальная. 1908. № 16. С. 333–334.

22. Из церковной жизни епархии // Волынские епархиальные ведомости.

Часть неофициальная. 1908. № 46. С. 806–807.

23. Известия и заметки по Харьковской епархии. 1914. № 8. С. 275–279.

24. Иустин (Попович), архим. Тайна личности митрополита Антония и его значение для православного славянства // Православная жизнь (Джорданвиль). 1976. № 8. С. 1–13.

25. Калюжина И.В. Антоний (Храповицкий А.П.) // Общественная мысль русского зарубежья: энциклопедия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 180–182.

26. Кирьяннов Ю.И. Русское собрание 1900–1917. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 352 с.

27. Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 528 с.

28. Национализм. Полемика 1909–1917 / Сост. М.А. Колеров. 2-е изд. М.: Модест Колеров, 2015. 304 с.

29. Никон (Рклицкий), архиеп. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк, 1956–1963. Т. 1–10.

30. Омельянчук И.В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев: МАУП, 2006. 744 с.

31. Разные известия и заметки // Минские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1912. № 9. С. 267–268.

32. Речь архиепископа Антония генерал-адъютанту Н.И. Иванову // Волынские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1913. № 4. С. 56–57.

33. Росляков Е.С. Митрополит Антоний (Храповицкий) в советской историографии 1920–1930-х годов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 6 (110). С. 170–174.

34. Санькова С.М. Русская партия в России: образование и деятельность

Всероссийского национального союза (1908–1917). Орел: Издатель Светлана Зенина, 2006. 370 с.

35. Слово в неделю св. жен-мироносиц, сказанное в житомирском кафедральном соборе 20-го апреля 1903 года епископом Антонием // Волынь. 1903. 2 мая.

36. Слово Высокопреосвященнейшего Антония при погребении Преосвященнейшего Арсения, архиепископа Харьковского и Ахтырского 1 мая 1914 года // Волынские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1914. № 22. С. 368–371.

37. Степанов А.Д. Антоний (Храповицкий) // Черная сотня. Историческая энциклопедия. 1900–1917. М.: Крафт+, Институт русской цивилизации, 2008. С. 34–37.

38. Съезд волынских деятелей в Киеве // Волынские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1912. № 16. С. 337–338.

39. Федевич К.К., Федевич К.І. За Віру, Царя і Кобзаря. Малоросійські монархісти і український національний рух (1905–1917 роки). Київ: Критика, 2017. 308 с.

40. Хижий М.Л. Архиепископ Антоний (Храповицкий) и евреи // Труды по еврейской истории и культуре Материалы XXIII Международной ежегодной конференции по иудаике / Отв. ред. В.В. Мочалова. М.: Пробел-2000, 2017. С. 321–326.

41. Чемакин А.А. Истоки русской национал-демократии: 1896–1914 годы. СПб.: Владимир Даль, 2018. 651 с.

42. Чемакин А.А. Русские национал-демократы в эпоху потрясений: 1914 – начало 1920-х годов. СПб.: Владимир Даль, 2018. 606 с.

43. Шульгин В.В. Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны / Сост., вступ. ст., послесл. Н.Н. Лисового. М.: ОЛМА-ПРЕСС, Звездный мир, 2002. 588 с.

44. Э.П.Р. Антоний (Храповицкий Алексей Павлович) // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. Т. 2. С. 646–652.

REFERENCES

1. Strickland, J. (2013) *The Making of Holy Russia. The Orthodox Church and Russian Nationalism before the Revolution*. New York: Holy Trinity Publications.
2. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky). (2012) *Sila Pravoslaviya* [The Power of Orthodoxy]. Moscow: Institute of Russian Civilization, Algorit. pp. 123–137.
3. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky). (1914a) Nash natsionalizm i zagadka Pushkina [Our nationalism and the mystery of Pushkin]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 4. pp. 52–54.
4. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky). (1914b) Nash natsionalizm i zadacha Pushkina [Our nationalism and Pushkin's task]. *Gолос Руси*. 3rd January.
5. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky). (1908a) *Nravstvennost' chernogo i belogo dukhovenstva* [Morality of black and white clergy]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 31. pp. 543–548.

6. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky). (1908b) *Nravstvennost' chernogo i belogo dukhovenstva* [Morality of black and white clergy]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 32. pp. 561–567.

7. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky). (1909) O natsionalizme i patriotizme. (Rech', skazannaya na godichnom prazdниke Russkogo narodnogo soyusa imeni Arkhangela Mikhaila 8 noyabrya za panikhidoy po ubiennym kramol'nikami patriotam) [About nationalism and patriotism. (Speech made at the annual festival of the Archangel Mikhail's Russian People's Union on November 8 for a memorial service for patriots killed by seditionists)]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 51/52. pp. 1015–1022.

8. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky). (1912) *Russkaya pravda*. (Ot predsedatelya volynskogo predvybornogo komiteta) [Russian truth]. *Kolokol*. 9th August.

9. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky). (1915) Chey dolzhen byt' Konstantinopol? [Whom should Constantinople belong to?]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 44. pp. 638–641.

10. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky). (1916) *Chey dolzhen byt' Konstantinopol?* [Whom should Constantinople belong to?]. Rostov on the Don: Elektra.

11. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky). (1914c) Chto znachit byt' russkim natsionalistom? [What does it mean to be a Russian nationalist?]. Kiev. 3rd January.

12. Bezak, F.N. (2008). *Vospominaniya o Kieve i o getmanskom perevorte* [Memories of Kiev and the Hetman coup]. In: Ivanov, A.A. (ed.) *Vernaya gvardiya. Russkaya smuta glazami ofitserov-monarkhistov* [Faithful Guard. Russian unrest through the eyes of monarchist officers]. Moscow: Posev.

13. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky). (1910) Besedy Vysokopreosvyashchenneyshego arkhiepiskopa Antoniya, proiznesennye v dukhovnoy seminarii [Conversations of His Eminence Archbishop Antony, delivered at the Theological Seminary]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 19. pp. 361–363.

14. Borodin, A.P. (2008) *Antony (Khrapovitsky)* [Anthony (Khrapovitsky)]. In: Ivanov, B.Yu. et al. (eds) *Gosudarstvennyy sovet Rossiiyskoy imperii: 1906–1917* [The State Council of the Russian Empire: 1906–1917. Encyclopedia]. Moscow: ROSSPEN. pp. 10.

15. Glagolev, A.A. (1909) *Vetkhiy Zavet i ego neprekhodyashchee znachenie v khristianskoy Tserkvi* [Old Testament and its intrinsic significance in the Christian Church]. Kiev: Petr Barskiy.

16. Demin, V.A. (2006) *Verkhnyaya palata Rossiyskoy imperii. 1906–1917* [The Upper Chamber of the Russian Empire. 1906–1917]. Moscow: ROSSPEN.

17. Dragomirov, M.I. (1905) *Nashi delishki* [Our business]. *Razvedchik*. 761. pp. 415–416.

18. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1911) Zlodeyskoe pokushenie na arkhiepiskopa Antoniya [The villainous attempted assassination of Archbishop Anthony]. 45. pp. 878–879.

19. Ivanov, A.A. (2008) *Byli li russkie natsionalisty chernosotentsami? (O stat'e I.V. Omel'yanchuka)* [Were Russian Nationalists a Kind of "Black Hundreders"?]. *Voprosy istorii – Issues of History*. 11. pp. 171–175.

20. Ivanov, A.A. & Chemakin, A.A. (2018) *Pravoslavnoe dukhovenstvo i russkiy natsionalizm v nachale XX v.* [Orthodox clergy and Russian nationalism in the early 20th century]. *Voprosy istorii – Issues of History*. 9. pp. 153–166.
21. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1908a) Iz tserkovnoy zhizni eparkhii [From the church life of the diocese]. 16. pp. 333–334.
22. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1908b) Iz tserkovnoy zhizni eparkhii [From the church life of the diocese]. 46. pp. 806–807.
23. *Izvestiya i zametki po Khar'kovskoy eparkhii*. (1914) 8. pp. 275–279.
24. Iustin (Popovich). (1976) Tayna lichnosti mitropolita Antoniya i ego znachenie dlya pravoslavnogo slavyanstva [The Mystery of the personality of Metropolitan Anthony and its Role for the Orthodox Slavs]. *Pravoslavnaya zhizn'*. 8. pp. 1–13.
25. Kalyuzhina, I.V. (2009) Antony (Khrapovicky, A.P.) [Antoni (Khrapovitskiy A.P.)]. In: Zhuravlev, V.V. (ed.) *Obshchestvennaya mysль russkogo zarubezh'ya: entsiklopediya* [Social life of the Russian abroad. Encyclopedia]. Moscow: ROSSPEN. pp. 180–182.
26. Kiryanov, Yu.I. (2003) *Russkoe sobranie 1900–1917* [Russian Assembly 1900–1917]. Moscow: ROSSPEN.
27. Kotsyubinsky, D.A. (2001). *Russkiy natsionalizm v nachale XX stoletiya: Rozhdenie i gibel' ideologii Vserossiyskogo natsional'nogo soyusa* [Russian nationalism in the early 20th century: The birth and death of the All-Russian National Union ideology]. Moscow: ROSSPEN.
28. Kolerov, M.A. (ed.) (2015) *Natsionalizm. Polemika 1909–1917* [Nationalism. Controversy 1909–1917]. Moscow: Modest Kolerov.
29. Nikon (Rklickij). (1956–1963) *Zhizneopisanie blazhenneyshego Antoniya, metropolita Kievskogo i Galitskogo* [Biography of His Beatitude Anthony, Metropolitan of Kiev and Galicia]. New York: [s.n.]
30. Omelyanchuk, I.V. (2006) *Chernosotennoe dvizhenie v Rossiyskoy imperii (1901–1914)* [Black Hundred Movement in the Russian Empire. (1901–1914)]. Kiev: MAUP.
31. *Minskie eparkhial'nye vedomosti*. (1912). Raznye izvestiya i zametki [Miscellania]. 9. pp. 267–268.
32. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky). (1913) Rech' arkhiereiska Antoniya general-ad'yutantu N.I. Ivanovu [The speech of Archbishop Anthony to General N.I. Ivanov]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 4. pp. 56–57.
33. Roslyakov, E.S. (2016) Bishop Antoniy(Khrapovitsky) in the Soviet historiography in the 1920–1930s. *Izvestiya Volgogradskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 6(110). pp. 170–174. (In Russian).
34. Sankova, S.M. (2006) *Russkaya partiya v Rossii: obrazovanie i deyatel'nost' Vserossiyskogo natsional'nogo soyusa (1908–1917)* [The Russian Party in Russia: Formation and Activities of the All-Russian National Union (1908–1917)]. Orel: Svetlana Zenina.
35. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky). (1903) Slovo v nedelyu sv. zhen-mironosits, skazannoe v zhitomirskom kafedral'nom sobore 20-go aprelya 1903 goda episkopom Antoniem [The speech on the day of the holy myrrh-bearing

women delivered in the Zhytomyr Cathedral on April 20, 1903, by Bishop Anthony]. *Volyn'*. 2nd May.

36. Metropolitan Anthony (Krapovitsky). (1914d) *Slovo Vysokopreosvyashchenneyshego Antoniya pri pogrebenii Preosvyashchenneyshego Arseniya, arkhiereiskopa Khar'kovskogo i Akhtyrskogo 1 maya 1914 goda* [The word of His Eminence Anthony at the burial of the Monk Arseny, the Archbishop of Kharkov and Akhtyrsk, on May 1, 1914]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 22. pp. 368–371.

37. Stepanov, A.D. (2008). Antoniy (Krapovitskiy). In: Platonov, O.A. (ed.) *Chernaya sotnya. Istoricheskaya entsiklopediya. 1900–1917* [The Black Hundred. Historical Encyclopedia] Moscow: Kraft+. pp. 34–37.

38. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. (1912) S'ezd volynskikh deyateley v Kieve [The congress of Volhynia figures in Kiev]. 16. pp. 337–338.

39. Fedovich, K.K. & Fedovich, K.I. (2017) *Za Viru, Tsarya i Kobzarya. Malorosiys'ki monarchisti i ukrains'kiy natsional'niy rukh (1905–1917 roki)* [For Faith, Tsar and Kobzar. Ukrainian monarchists and the Ukrainian national movement (1905–1917)]. Kyiv: Kritika.

40. Khizhiy, M.L. (2017) Arkhiepiskop Antoniy (Krapovitskiy) i evrei [Archbishop Anthony (Krapovitsky) and the Jews]. In: Mochalova, V.V. (ed.) *Trudy po evreyskoy istorii i kul'ture* [Works on Jewish History and Culture]. Moscow: Probel-2000. pp. 321–326.

41. Chemakin, A.A. (2018) *Istoki russkoy natsional-demokratii: 1896–1914 gody* [The origins of the Russian national democracy: 1896–1914]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.

42. Chemakin, A.A. (2018) *Russkie natsional-demokraty v epokhu potryaseniy: 1914 – nachalo 1920-kh godov* [Russian National Democrats in an era of upheaval: 1914 – early 1920s]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.

43. Shulgin, V.V. (2002) *Posledniy ochevidets: Memuary. Ocherki. Sny* [The last witness: Memoirs. Essays. Dreams]. Moscow: OLMA-PRESS, Zvezdnny mir.

44. E.P.R. (2001) Antoniy (Krapovitskiy Aleksey Pavlovich) [Anthony (Krapovitsky, Aleksey Pavlovich)]. In: Patriarch of Moscow and All Russia. (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol.2. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 646–652.

Иванов Андрей Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Andrei A. Ivanov – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

УДК 94(47).083+94(438).071
UDC
DOI: 10.17223/18572685/58/6

РУССКИЕ МОНАРХИСТЫ НАЧАЛА ХХ в. О ПОЛОЖЕНИИ ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОГО КРАЯ

Д.И. Стогов

Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)
Россия, 197376, г. Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5
E-mail: bel-grigorij@yandex.ru

Авторское резюме

В статье рассматривается деятельность славяно-русского населения Западного края сквозь призму трудов известных публицистов, общественных деятелей, политиков правомонархической направленности. Подробно исследуются сюжеты, связанные с социально-экономическим положением православного населения Западного края, с его общественно-политической жизнью, с религиозной и культурной жизнью православных. В качестве источников по изучению данной проблемы использованы труды правых (черносотенных) публицистов и политиков. Хронологические рамки исследования определяются периодом с 1900 г., когда возникла первая черносотенная организация – Русское собрание, до конца 1920-х гг. Русские правые публицисты и политики на страницах своих произведений и в публичных речах защищали права славяно-русского населения Западного края, осуждали дискриминацию по национальному и религиозному признакам, которая имела место в западных регионах Российской империи. Вместе с тем по вопросу о принятии столыпинского законопроекта о введении земств в западных губерниях далеко не все монархисты были солидарны с П.А. Столыпиным, считая, что его меры будут малоэффективными и, более того, вредными. Многих монархистов настораживали и планы правительства по осуществлению повальной грубой русификации западных губерний. Они справедливо полагали, что идея стричь всех под одну гребенку вредна по своей сути и может привести к непредвиденным последствиям.

Ключевые слова: Российская империя, Западный край, Холмская губерния, Государственный совет, Государственная Дума, правые, монархисты, черносотенцы, национальность, вероисповедание.

RUSSIAN MONARCHISTS OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY ABOUT THE SITUATION OF THE ORTHODOX POPULATION IN WESTERN PROVINCES

D.I. Stogov

St. Petersburg State Electrotechnical University
5 Professor Popov Street, Saint Petersburg, 197376, Russia
E-mail: bel-grigorij@yandex.ru

Abstract

The article deals with the activity of the Slavonic-Russian population in Russian western provinces through the lens of the works of well-known right-wing publicists, public figures, and politicians. Drawing on the works of the right-wing publicists and politicians (Black Hundreders), the author focuses on the socio-economic situation as well as socio-political, religious and cultural life of the Orthodox population in the western provinces within the chronological framework from 1900, when the first Black-Hundred organisation – the Russian Assembly – was established, to the end of the 1920s. In their works and public speeches, Russian right-wing publicists and politicians defended the rights of the Slavic-Russian population in the western provinces, condemned discrimination on national and religious grounds spread in the western provinces of the Russian Empire. Moreover, not all monarchists supported P.A. Stolypin's bill on introducing township Zemstvos into the Russian western provinces, believing that this measure would be ineffective and even harmful. Many monarchists were also alarmed by the government's plans to implement the wholesale rough Russification of western provinces. They rightly believed that the idea to tar everyone with the same brush was harmful per se and could lead to unforeseen negative repercussions.

Keywords: Russian Empire, Western region, Chelm Governorate, State Council, State Duma, rights, monarchists, "Black Hundreds", nationality, religion.

В последнее время среди историков, публицистов, писателей, политиков, общественных деятелей все больше появляется интерес к рассмотрению и детальному изучению трудов правоконсервативных политических деятелей начала XX в. Данное обстоятельство обусловлено многими факторами, среди которых можно выделить снятие цензурных ограничений в постперестроечное время, наметившийся

в наше время «консервативный поворот» в общественно-политической жизни современной России, возрождение православной жизни в многочисленных приходах Русской православной церкви и др.

Правоконсервативная монархическая публицистика начала XX в. затрагивала широкий спектр актуальных для того времени вопросов и проблем: это и обстоятельства русской деревни, и рабочий вопрос, и положение церкви, и, конечно же, национальные проблемы, которые в условиях существования и развития полигэтнического государства всегда оставались крайне актуальными. Особый вопрос, также детально рассмотренный правыми публицистами и политиками, связан с жизнью, бытом и перспективами развития православного населения т. н. Западного края. Традиционно под Западным краем Российской империи принято понимать бывшие территории Речи Посполитой, вошедшие в состав России в период с 1772 по 1807 г. и составлявшие к началу XX в. девять губерний: Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую, Витебскую, Подольскую, Волынскую и Киевскую. При этом, как отмечается в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефона, «преимущественно под З[ападным] краем разумеют первые 6 сев[еро]-зап[адных] губ[ерний]» [6]. Хотя Люблинская и Седлецкая губернии Царства Польского (впоследствии Привислинского края; с 1912 г. часть Люблинской губернии и упраздненная Седлецкая губерния сформировали Холмскую губернию с преобладавшим православным крестьянским населением [16: 1]), а также Бессарабская губерния напрямую в Западный край не входили, однако, поскольку значительную их часть населяло православное (малороссийское, белорусское, русинское) население, мы также рассмотрим положение православного населения данных территорий в контексте общей ситуации по этому вопросу в Западном крае.

К славяно-русскому населению Западного края следует отнести великороссов, малороссов (в современной терминологии – украинцев), белорусов, русинов. Все они, как с точки зрения официальной власти Российской империи, так и с точки зрения правоконсервативных публицистов и политиков, рассматривались как ветви единого русского народа. Славяно-русское население региона испокон веков вело борьбу за выживание и участвовало в столкновениях с неславянским населением, по преимуществу литовцами и поляками. В результате уже к XVI в. положение в целом было таковым, что поляки-католики, составлявшие по численности населения меньшинство, занимали привилегированное положение на этой территории, владели землями, находились на государственных должностях и т. д. Славяно-русское же население, исповедовавшее православие, оказалось в заведомо худшем и приниженнем положении. Переход населения Западного

края в русское подданство в конце XVIII в. несколько смягчило русско-польские противоречия, но, как это ни парадоксально, кардинальным образом не решило проблемы дискриминации православного населения края.

Рассмотрим проблему существования и перспективу развития славяно-русского населения Западного края сквозь призму трудов известных публицистов, общественных деятелей, политиков право-монархической направленности. Остановимся на некоторых, на наш взгляд, наиболее важных категориях:

1) социально-экономическое положение православного населения Западного края;

2) общественно-политическая жизнь православного населения Западного края;

3) религиозная жизнь православного населения Западного края;

4) культурная жизнь православного населения Западного края.

В качестве источников по изучению данной проблемы мы используем труды правых (черносотенных) публицистов и политиков, которые либо входили в состав тех или иных черносотенных организаций (Русское собрание, Союз русского народа, Русский народный союз имени Михаила Архангела и др.), либо тесным образом были связаны с черносотенными политиками (князь М.М. Андроников и др.).

Хронологические рамки нашего исследования определяются периодом с 1900 г., когда возникла первая черносотенная организация – Русское собрание, до конца 1920-х гг., т. е. до того времени, пока еще сохранялось относительное единство в рядах русских монархистов-эмигрантов, а значительная их часть еще не успела «замарать» себя сотрудничеством с германским нацизмом.

Существует большое количество исследований, посвященных деятельности правых начала XX в., а также положению православного населения Западного края на тот период. В частности, проблеме регионального развития монархического движения (на примере Киева и Киевской губернии) пристальное внимание уделено в объемном труде Т.В. Кальченко [9]. И.И. Верняев в статье, посвященной решению холмского вопроса, рассматривает некоторые думские речи и произведения публицистики, касающиеся дискуссии о Холмском законопроекте [2], однако практически не затрагивает суждения черносотенцев по данному вопросу.

В статье А.А. Иванова и А.Э. Котова, посвященной экономической публицистике газеты «Окраины России» (1906–1912 гг.), цитируются материалы об экономическом положении православного населения Виленской губернии, подписанные псевдонимом «Эльфи», говорится о «польском засилье» в сфере виленской розничной торговли,

делаются выводы о том, что газета выступала за «экономическую русификацию» края [7: 60].

Проблема экономического положения западнорусского населения затронута в статье С.Г. Суляка, посвященной деятельности отделов Союза русского народа в Хотинском уезде Бессарабской губернии. Касаясь вопроса о необходимости улучшения экономического положения западнорусских крестьян, исследователь справедливо отмечает, что местные «черносотенцы призывали население к бойкоту лавочников, перекупщиков, ростовщиков из близлежащих городов и местечек» [22: 172].

Отметим, что до настоящего времени в историографии не предпринималось попыток рассмотреть правую публицистику, так или иначе описывавшую деятельность православного населения Западного края, комплексно. В нашей работе мы прежде всего обозначаем проблемы и сюжеты, касающиеся существования и будущности западнорусского населения, рассматривавшиеся в правой публицистике и речах.

Социально-экономическое положение православного населения Западного края

Правые политики и публицисты на страницах своих работ часто писали о бедственном положении православного крестьянского населения Западного края, о притеснениях, которые творили по отношению к нему польские землевладельцы. Монархисты требовали принятия мер для решения этих проблем.

Известный правый политик и публицист Клавдий Никандрович Пасхалов (1843–1924) в нескольких статьях, посвященных русским на Холмщине, обрисовал тяжелую картину, связанную с положением православного населения края. В 1911 г. в очерке «Холмская волокита» он отмечал, что «русское население края и русские в нем государственные интересы были так долго в полном небрежении, что совершенно стушевались перед инородческим и иноверческим нацизмом» [17: 292]. Далее К.Н. Пасхалов указывает на факты, связанные с чрезмерным влиянием польских панов на ситуацию в крае [17: 293]. По его словам, самым негативным образом на столь печальную ситуацию влияло «невнимание, с которым до сих пор относилось правительство к положению православного дела в Холме», которое, как отмечал автор статьи, «превосходит решительно всякое вероятие» [17: 293]. Государственная Дума, отмечает публицист, должна немедленно принять законопроекты, в положительном ключе решающие «вопрос об отделении русской Холмщины для охранения ее от окатоличения и ополячения» [17: 289]. Но, пишет К.Н. Пасхалов, надежд

на принятие соответствующих законов мало, ибо, как отмечает он, как правило, «законопроекты, существенно необходимые для восстановления и охранения прав русского народа, остаются без всякого движения в комиссиях и канцеляриях» [17: 289].

Вслед за К.Н. Пасхаловым об «экономической кабале» со стороны польских землевладельцев писал депутат Государственной Думы (фракция правых) Георгий Георгиевич Замысловский (1872–1920). Говоря о неблагоприятных последствиях революции 1905–1907 гг., он подчеркивал необходимость недопущения подобного рода ситуации впредь [5: 363–364]. Для решения проблемы, по словам политика, нужно создать «на западных окраинах» «сильный класс крестьянского землевладения, русский по духу» [5: 364]. Возникает вопрос: каким образом можно это осуществить? И Г.Г. Замысловский указывает пути решения проблемы: нужно создать для православного населения края «правильный кредит», а затем «мы должны позаботиться, чтобы подготовить такую площадь землепользования, которую со временем можно было бы ему передать» [5: 364].

Об экономической эксплуатации православного населения со стороны «инородцев» писали и правые публицисты, проживавшие непосредственно в самом Западном крае. Так, к примеру, один из членов Союза русского народа (СРН) рабочий Н. Ворон отмечал: «Обманутый революционерами и демократами русский крестьянин и рабочий хотя уже и проснулся от своей спячки, но что делать ему, когда жид, лях, немец и другие инородцы сидят на его несчастной шее?» [3]. Вторила ему «известная деятельница на патриотическом поприще» М.Н. Мариуц-Гринева, выступая с приветствием одному из вновь открытых отделов СРН в Киевской губернии: «...руssкие люди дошли до того, что уже оказались не хозяевами в своей русской стране: во всем взяли верх чужие пришельцы. На русскую землю явились приймаки и выгнали хозяев из хат» [19].

Группа членов Союза русского народа из Белоруссии в письме на имя председателя СРН А.И. Дубровина указывала на факты «еврейского засилья»: «Везде является слугой еврей. Он покупает – он и продает, и в плохие времена выручает крестьянина, но только того, с которого он надеется через очень непродолжительное время слупить в три раза больше, то есть взять у него товар, какой только окажется, за бесценок» [20: 21].

Об экономическом засилье «инородцев» говорил и правый депутат Государственной Думы Николай Евгеньевич Марков (1866–1945). Вспоминая в эмиграции историю создания и развития отделов черносотенного Союза русского народа на Волыни, он отмечал, что «замечательный организатор архимандрит Виталий придал волынским

союзам не только политический, но и экономический характер» [11: 581], организовав бойкот союзниками еврейской торговли.

Бросается в глаза особое внимание черносотенных политиков к проблеме бедственного экономического существования славяно-русского православного населения западных губерний Российской империи. При этом, как правило, основным источником бед, по мнению правых, являлись «инородцы», главным образом, польские землевладельцы и еврейские арендаторы и торговцы. Соответственно, главный путь решения проблемы, по мнению монархистов, состоял в законодательном ограничении «произвола» «инородцев», а также в экономической поддержке православного населения (льготные кредиты, выделение дополнительной земли русским и т. д.).

Общественно-политическая жизнь православного населения Западного края

Хотя монархисты и выражали поддержку славяно-русскому населению западных губерний, тем не менее, как показывает реальная практика, она не всегда была строго последовательной.

25 ноября 1911 г. в Думе началось обсуждение законопроекта «О выделении из состава губерний Царства Польского восточных частей Люблинской и Седлецкой губерний с образованием из них особой Холмской губернии». Основной докладчик по законопроекту националист Д.Н. Чихачев ревностно поддержал его, указав, что русская народность в Холмском крае преобладает и составляет 450 тыс. чел. Однако, по мнению многих правых, реализация закона-проекта привела бы к административной ломке, к массе неудобств, в т. ч. военно-стратегического характера. Г.А. Шечков высказывал мнение, что при выделении Холмщины «мы создаем фикцию польской национальности, ту фикцию, с которой мы должны бороться». Он подчеркивал: «Берите линейку и линуйте так, как это требуется: вы на это имеете полное право; вы действуете у себя дома, и вам не перед кем извиняться и приводить в свое оправдание довод, что мы имеем право вести границу так-то потому, что здесь такой-то процент русского населения, а такой-то – польского; это совершенно сюда не идет, все это совершенно лишнее» [4: 260, 262, 264–265]. Н.Е. Марков охарактеризовал закон как никчемную бумажку, заявив, что «законопроект ограничивается испытыванием бумаги» и фактически является «обложкой к законопроекту» [4: 319–321, 323].

Яркий пример, когда у значительной части монархистов корпоративная дворянская солидарность взяла верх над национальной солидарностью, связан с принятием в 1911 г. столыпинского законо-

проекта о земстве в Западном крае, по которому в целях уменьшения представительства поляков предлагалось снизить избирательный ценз в западных земствах вдвое против общерусского и создать курии по национальному признаку.

Законопроект был поддержан царем и Государственной Думой, но Государственный совет отклонил его. Лидеры правых в Госсовете В.Ф. Трепов и П.Н. Дурново [8: 72] выступили против столыпинского законопроекта. Правоконсервативный публицист и общественный деятель князь Владимир Петрович Мещерский (1839–1914) на страницах своего «Гражданина» также резко критиковал националистическую политику Столыпина [12]. А когда премьер предложил проект введения земства в девяти западных губерниях, то Мещерский даже заявил об «когромном заговоре против России» [14: 414]. Оценивая позицию князя по польскому вопросу в целом, отметим, что он считал необходимым введение польского языка для осуществления дело-производства в городских управлениях Привислинского края, дабы избежать повторения беспорядков [13].

Впрочем, некоторые правые оказали поддержку Столыпину. В частности, это член Совета министра внутренних дел, организатор крупнейшего правомонархического салона Петербурга генерал Евгений Васильевич Богданович (1829–1914). В начале 1911 г., когда в Петербурге поползли слухи о возможной отставке П.А. Столыпина, Богданович написал письмо императору, в котором советовал «не отпускать Столыпина, удержать его непременно премьером» [21: 135 об.].

Критик столыпинской аграрной реформы К.Н. Пасхалов также выразил поддержку действиям премьера по вопросу о западном земстве. Сочувствуя столыпинской реформе о создании земств в Западном крае, он, как уже отмечалось, настаивал и на создании отдельной Холмской губернии, которая, по его мнению, должна быть выделена из состава Привислинского края [17: 290].

По мнению публициста, «вопрос о западном земстве возник не вследствие сознания правительства, что он назрел, а как простейший и удобнейший способ разрешить вопрос о выборах в Государственный совет в интересах русского населения Западного края, которому, в свою очередь, правительство не придавало особенного значения ввиду равнодушия, с которым относилось к ходатайствам местных русских людей» [17: 288].

Бюрократическая волокита, косность чиновников, их нежелание вникать в конкретные проблемы российских регионов – вот, по мнению К.Н. Пасхалова, главные проблемы сложного положения славяно-русского населения в западных губерниях.

На наш взгляд, в некотором роде срединную позицию по вопро-

су о введении земств в Западном крае занимал Г.Г. Замысловский. Теоретически сочувствуя столыпинскому законопроекту, осознавая необходимость расширения прав русского населения в западных губерниях, парламентарий выражал скептическое отношение к этим мерам, считая, что с практической точки зрения они вряд ли принесут реальную пользу. Вот что он говорил в Думе в апреле 1908 г.: «Выражаю крайнее сомнение, чтобы нашелся такой администратор или такой законодатель, который мог бы создать земское положение, кое практически можно было бы ввести на деле в западных губерниях» [5: 373–374].

Итак, правые публицисты и политики сочувствовали идеи о расширении прав крестьянского населения западных губерний, видели в ее реализации возможность реального улучшения положения славяно-русского населения края, однако к столыпинскому законопроекту о западном земстве далеко не все черносотенцы относились положительно. Происходило это по разным причинам. С одной стороны, на позицию правых влияла дворянская корпоративная солидарность с поляками, с другой стороны, многие черносотенцы считали действия П.А. Столыпина по данному вопросу слишком плохо продуманными и скоропалительными, далекими от реального практического воплощения, с третьей – многих монархистов беспокоила неизбежная демократизация западного земства по сравнению с земствами центральных губерний в случае принятия столыпинского законопроекта.

Религиозная жизнь православного населения Западного края

Пожалуй, именно проблема религиозной дискриминации православного населения западных губерний вызывала у правых наибольшую тревогу. Об этом свидетельствует хотя бы то огромное количество публикаций и выступлений черносотенцев в парламенте, в которых так или иначе затрагивается данная проблема.

Г.Г. Замысловский приводил примеры надругательств католиков над православными святынями. В частности, он сослался на дело, хранившееся в Виленском окружном суде, согласно которому «в начале 1906 г. в Виленской губ[ернии], недалеко от гор[ода] Сморгони толпа местных жителей-католиков ворвалась в православную Венславенентскую церковь, выломала двери, вынесла всю церковную утварь за ограду храма, где и свалила все в кучу», а через несколько дней католики сожгли утварь, и «зарево пожара освещало местность на несколько верст в окружности» [5: 360–361].

Ему вторил член Главного совета Союза русского народа, правовед,

профессор римского права Борис Владимирович Никольский (1870–1919), который в начале 1910-х гг. выступил гражданским истцом по делу о кощунственной охоте католиков на лисиц в приписной церкви Николая Чудотворца (1911 г.) [15: 193].

Дальнейшее разбирательство этого дела к осуждению и наказанию виновных не привело. По словам Б.В. Никольского, главная причина состояла в том, что полицейские власти состояли в приятельских отношениях с поляками-католиками, а некоторые из них и сами исповедовали католицизм либо сочувствовали католикам [15: 194].

Однако местные крестьяне-белорусы смогли выйти на епископа Минского Михаила и члена Государственной Думы от Минской губернии священника Вячеслава Андреевича Якубовича, которые добились пересмотра дела. Вот как оценивал итоги процесса Б.В. Никольский: «Гора с плеч свалилась у русских людей. Увидали они, что есть еще правда на земле. Бог злодеев обличил, а царский суд наказал» [15: 195].

В свою очередь, К.Н. Пасхалов выражал озабоченность религиозной дискриминацией, фактически имевшей место в Холмской епархии. По его словам, после царского указа от 17 апреля «Об укреплении начал веротерпимости» религиозные отношения в регионе еще более обострились: сразу же «началась кипучая деятельность по совращению православного населения края в католицизм», «ксендызы, землевладельцы, ординаты крупных магнатов, наконец, само католическое польское население набросилось на несчастных, никем не огражденных, никем не защищаемых православных, и число не "перешедших" в католичество, но *совращенных* (Выделено в тексте источника. – Д.С.) считается уже десятками тысяч...» [17: 252].

Пасхалов приводит и конкретные факты, связанные с насилием католиков над православными. Так, он описывает случай, когда к ногам епископа Холмского Евлогия (Георгиевского) «припала женщина с воплями о спасении», муж которой, перейдя в католичество, заставил ее «побоями и насилием» отречься от православия [17: 258].

Как отмечает публицист, «если правительство не примет самых энергических мер против такого применения так называемой свободы совести, то пройдет немного времени и в крае погаснет последняя искра православия, а с ним исчезнет и русское население, ибо переход в католичество значит в то же время и ополячение» [17: 252].

В «Записке», посвященной положению православных в Холмской епархии, К.Н. Пасхалов предлагает конкретные меры, необходимые, с его точки зрения, для решения религиозного вопроса. Среди них, в частности, – «всенародное объявление в селениях на сходах, в церквях, костелах, гминах решительного запрещения ксендзам сов-

ращения православных в католичество»; «открытие сети православных обществ взаимопомощи, мелкого кредита, благотворительных, просветительных и других»; «выкуп при содействии крестьянского поземельного банка, по средней нормальной оценке, всех майоратных владений, в которых владельцы, получившие их после бунта 1863 г., не живут постоянно, и переселение на них православных крестьян из внутренних густонаселенных губерний» и, наконец, «выделение Холмской Руси в отдельное самостоятельное от Варшавского епископство» [17: 261–262].

Резюмируя основные идеи многочисленных публикаций, посвященных холмскому вопросу, публицист пишет: «Холмский вопрос требует решения сейчас, немедленно: он поважнее всех бюджетных, штабных и броненосных и славянских вопросов. Посмотрим, кто, какая власть спасет этих русских людей, и увидим, есть ли в России власть, способная защитить русский народ и веру православную. Но, конечно, это будет не Государственная Дума» [17: 269].

В целом правые публицисты и политики выражали возмущение фактами, связанными с дискриминацией православного населения западных губерний, и тем более сообщениями о кощунствах, творимых католиками. Впрочем, справедливости ради отметим, что одновременно черносотенцы продолжали выступать за сохранение дискриминации по религиозному признаку иудеев, утверждая, в частности, что «чертова оседлость и еврейские законы <...> крайне недостаточны, но отменять их теперь, и притом не в интересах замены их чем-либо более действенным, было бы для России гибельным» [18: 125]. Монархисты требовали от законодательной и исполнительной власти самых решительных мер для защиты православно-русского населения края, которые, на наш взгляд, в наиболее последовательном виде выражены К.Н. Пасхаловым.

Культурная жизнь православного населения Западного края

Практически все русские монархисты подчеркивали важность, с одной стороны, сохранения культурной самобытности славяно-русского населения западных губерний, с другой же стороны, не допускали проявления какого бы то ни было сепаратизма населения западных окраин. Юрист, видный черносотенец Павел Федорович Булацель (1867–1919) искренне возмущался: «Дошло до того, что даже добродушным малороссам, так искренно полюбившим при Екатерине Великой свое русское отечество, и тем теперь начали внушать мечты о какой-то особой Малой Украине! Смешно как будто, но в то же время, право, грустно» [1: 67]. В другом своем очерке под названием «Иностранное министерство» Булацель восхищался дея-

тельностью русских дипломатов XVII в., благодаря которым «Украина присоединилась к Московскому царству без всяких оговорок, мирно и тихо слившись в одно великое Русское государство» [1: 513–514].

Впрочем, все вышесказанное не мешало правым отстаивать убеждение о том, что грубая русификация, приведение к неким единым «великороссийским стандартам» православного населения края будут иметь самые пагубные последствия. Вот что в этой связи писал К.Н. Пасхалов: «Боже сохрани, если оно (русское правительство. – Д.С.) вздумает выравнивать ее (Холмскую губернию. – Д.С.) во всем по образцу русских губерний и пренебрежет всеми местными особенностями, в которых народ привык жить, к которым приспособились его нравы, надобности, взаимоотношения, словом сказать, весь его жизненный обиход, очень отличный от великорусских, а, может быть, и от соседних малорусских губерний» [17: 277].

Сходные идеи находим у Павла Александровича Крушевана (1860–1909), известного черносотенца, выходца из Бессарабии, который в 1903 г. составил вместе с сотрудниками издаваемой им газеты «Бессарабец» большой альбом под названием «Бессарабия». В нем публицист довольно подробно описывал характерные особенности славянских народов, населяющих регион, в т. ч. русинов [10: 457]. По словам П.А. Крушевана, «сохранив язык и печать славянского племени в своем физиономическом типе, русины приняли местную молдавскую одежду» [10: 458].

В другой работе под названием «Что такое Россия?» публицист обращал внимание на различия между типами малоросса и великоросса: «В натуре киевлянина, несмотря на смесь с великороссом, все-таки преобладает малорусский элемент. <...> В нем как-то больше простоты и мягкости, с оттенком какой-то поэтической и симпатичной жилки, чего-то задушевного» [10: 213].

Тем не менее, как бы отражая тезис о единстве в многообразии, П.А. Крушеван в этом же очерке подчеркивал, что Киев, наряду с Москвой, – город русский и является «колыбелью русской души»: «Киев – город не только русский, но и народный, такой же народный, как и Москва. <...> Полтораста тысяч богомольцев, стекающихся сюда ежегодно, как бы еще больше подчеркивают значение Киева как народного города» [10: 214–215].

Идеи о недопущении украинского сепаратизма высказывали и другие консерваторы. Так, монархический журнал «Голос России», издававшийся чиновником особых поручений при обер-прокуроре Святейшего синода князем Михаилом Михайловичем Андрониковым (1875–1919), выражал надежду, что большинство жителей Малороссии отвергнут «украинофильство» и по-прежнему будут осознавать

себя представителями одной из ветвей триединого русского народа: «Облекшись в овечью шкуру и проникнув в доверчивые сердца простого народа, нынешние украинофилы самым бесцеремонным образом узурпируют его мысли и настроения. Пора покончить с этой узурпацией народной мысли» [23].

Отметим, что многие правые публицисты обращали внимание на весьма низкий культурный уровень православного населения Западного края. М. Мариуц-Гринева заявляла, что «вся цель жизни западнорусских крестьян сводится к тому, чтобы заработать побольше денег, а затем эти деньги расшвырять на ветер». «Западнорусский народ употребил свою свободу главным образом лишь для личного удобства. Оттого мы видим в Западной Руси много деревень, где нет церквей, нет просторных школ, так что дети остаются без всякого обучения», – указывала она, выражая уверенность, что со временем население усвоит «значение слов, начертанных на знамени Союза русского народа: «за веру православную, за царя самодержавного и за русский народ»» [9: 852]. Впрочем, многие правые видели причины низкого культурного уровня населения в «кознях инородцев». К примеру, в одной из публикаций «Почаевского листка» говорилось о том, что одном из сел «нет ни церкви, ни училища», зато есть пивная: «Пивные содержатся евреями и развращают народ хуже старинных шинков и шинкарей, внучки и правнучки коих вместе с состоящими при них мужьями наполнили все юго-западные села» [9: 853].

Итак, правые, отстаивая идеи сохранения культурного своеобразия славяно-русского православного населения западных губерний, жестко боролись с любыми проявлениями сепаратизма, подобного «украинству», постепенно широко распространявшемуся в предреволюционное время и захватившему умы многих малороссов. Идея о единстве русского народа в трудах правых получила свое дальнейшее развитие и переосмысление в тревожных предреволюционных реалиях начала XX в.

Подведем итоги. Русские правые публицисты и политики на страницах своих произведений, в публичных речах защищали права славяно-русского населения Западного края, осуждали дискриминацию по национальному и религиозному признакам, которая имела место в западных регионах Российской империи. Вместе с тем по вопросу о принятии столыпинского законопроекта о введении земств в западных губерниях далеко не все монархисты были солидарны с П.А. Столыпиным, считая, что его меры будут малоэффективными и, более того, вредными. Многих монархистов настораживали и планы правительства по осуществлению повальной грубой русификации западных губерний. Они справедливо полагали, что идея стричь всех

под одну гребенку вредна по своей сути и может привести к непредвиденным последствиям самого отрицательного свойства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булацель П.А. Борьба за правду. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 704 с.
2. Верняев И.И. Решение холмского вопроса: дискурсивные практики в Российской империи начала XX в. // Русин. 2018. № 53. С. 97–114. DOI: 10.17223/18572685/53/7
3. Ворон Н. Радомысьль // Русское знамя. 1911. № 124. С. 4.
4. Государственная Дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. Сессия пятая. СПб.: Государственная типография, 1911. Ч. 2.
5. Замысловский Г.Г. В борьбе с ненавистниками России. М.: Институт русской цивилизации, 2013. 720 с.
6. Западный край // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона: в 86 т. СПб.: Типолитография И.А. Ефона, 1894. Т. 23. С. 247.
7. Иванов А.А., Котов А.Э. Экономическая публицистика газеты «Окраины России» (1906–1912) // Вопросы истории. 2019. № 8. С. 50–63. DOI: 10.31166/VoprosyIstoriiei201908Statyi06
8. Калашников В.В. и др. Реформы и революция в России. Век XX. СПб.: Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2009. 199 с.
9. Кальченко Т.В. Монархическое движение в Киеве и на территории Киевской губернии (1904–1919). Историческая энциклопедия. Киев: Интерконтиненталь-Украина, 2014. 976 с.
10. Крушеван П.А. Знамя России. М.: Институт русской цивилизации, 2015. 720 с.
11. Марков Н.Е. Думские речи. Войны темных сил. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 704 с.
12. Мещерский В.П. Дневники. Вторник, 29 марта // Гражданин. 1911. № 13. С. 14.
13. Мещерский В.П. Дневники. Понедельник, 2 декабря // Гражданин. 1913. 8 декабря. № 48. С. 13.
14. Милуков П.Н. Воспоминания. М.: Вагриус, 2001. 640 с.
15. Никольский Б.В. Сокрушить крамолу. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 464 с.
16. О племенном составе народонаселения Западного края Российской империи / Сост. М. Лебедкин // Вестник Юго-Западной и Западной России. Историко-литературный журнал. Киев: Университетская типография, 1862. Т. II. С. 1–33.
17. Пасхалов К.Н. Русский вопрос. М.: Алгоритм, 2009. 720 с.
18. Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 113–133.
19. Приветствие вновь открытому отделу Союза русского народа в селах Большом и Малом Чернотине, произнесенное известной деятельницей на

- патриотическом поприще М.Н. Мариуц-Гриневой // Двуглавый орел. 1911. № 26. С. 4.
20. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 786. Оп. 1. Д. 2. От крестьян Белоруссии.
 21. РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 451. Дневник А.В. Богданович.
 22. Суляк С.Г. За веру, царя, отечество и землю крестьянам (о деятельности отделов Союза русского народа в Хотинском уезде Бессарабской губернии) // Русин. 2018. Т. 54, вып. 4. С. 169–188. DOI: 10.17223/18572685/54/10
 23. Узурпация народной мысли // Голос России. 1916. № 2. С. 4.

REFERENCES

1. Bulatsel, P.A. (2010) *Bor'ba za pravdu* [The Fight for the Truth]. Moscow: The Institute of the Russian Civilization.
2. Vernyaev, I.I. (2018) The solution to the Chelm question: discursive practices in the Russian Empire in the early 20th century. *Rusin.* 53. pp. 97–114 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/53/7
3. Voron, N. (1911) Radomysl' [Radomyshl]. *Russkoe znamya.* 124. p. 4. (in Russian).
4. The State Duma. (1911) *Gosudarstvennaya Duma. Tretiy sozyv: Stenograficheskie otchety Sessiya pyataya* [State Duma. Third Convocation: Verbatim reports. Session 5]. St. Petersburg: [s.n.].
5. Zamyslovsky, G.G. (2013) *V bor'be s nenavistnikami Rossii* [In the fight against the enemies of Russia]. Moscow: The Institute of the Russian Civilization.
6. Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. (ed.) (1894) *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t.* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron in 86 vols]. Vol. 23. St. Petersburg: Tipolitografiya I.A. Efrona. pp. 247.
7. Ivanov, A.A. & Kotov, A.E. (2019) Economic journalism on the newspaper “Okrainy Rossii” (1906–1912)]. *Voprosy istorii – Issues of History.* 8. pp. 50–63. (In Russian). DOI: 10.31166/Voprosylstorii201908Statyi06
8. Kalashnikov, V.V. et al. (2009) *Reformy i revolyutsiya v Rossii. Vek XX* [The reforms and revolution in Russia. The 20th century]. St. Petersburg: ETU LETI.
9. Kalchenko, T.V. (2014) *Monarkhicheskoe dvizhenie v Kieve i na territorii Kievskoy gubernii (1904–1919). Istoricheskaya entsiklopediya.* [Monarchist movement in Kiev and in Kiev province (1904–1919). Historical Encyclopedia]. Kyiv: Interkontinental'-Ukraina.
10. Krushevan, P.A. (2015) *Znamya Rossii* [The Banner of Russia]. Moscow: The Institute of the Russian Civilization.
11. Markov, N.E. (2011) *Dumskie rechi. Voyny temnykh sil* [Duma Speeches. The Wars of Dark Forces]. Moscow: The Institute of the Russian Civilization.
12. Meshchersky, V.P. (1911) Dnevniki. Vtornik, 29 marta [Diaries. Tuesday, March, 29]. *Grazhdanin.* 13. p. 14.
13. Meshchersky, V.P. (1913) Dnevniki. Ponedel'nik, 2 dekabrya [Diaries. Monday, December, 2]. *Grazhdanin.* 48. p. 13.

14. Milyukov, P.N. (2001) *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Vagrius.
15. Nikolskiy, B.V. (2009) *Sokrushit' kramolu* [To crush sedition]. Moscow: The Institute of the Russian Civilization.
16. Lebedkin, M. (1862) O plemennom sostave narodonaseleniya Zapadnogo kraja Rossiyskoy imperii [About the tribal structure of Western Region population in Russian Empire]. *Vestnik Yugo-Zapadnoy i Zapadnoy Rossii. Istoriko-literaturnyy zhurnal.* 2. p. 1–33.
17. Paskhalov, K.N. (2009) *Russkiy vopros* [The Russian Question]. Moscow: Algoritm.
18. Kiryanov, Yu.I. (ed.). (1996) *Perepiska pravykh i drugie materialy ob ikh deyatel'nosti v 1914–1917 gg.* (1996) [Correspondence of the Rights and other materials about their activities in 1914–1917]. *Voprosy istorii – Issues of History.* 1. pp. 113–133.
19. Mariuts-Grineva, M.N. (1911) Privetstvie vnov' otkrytomu otdelu Soyuza russkogo naroda v selakh Bol'shom i Malom Chernyatine, proiznesennoe iz-vestnoy deyatel'nitsey na patrioticheskom poprishche M.N. Mariuts-Grinevoy [Greeting to the newly opened Department of the Union of the Russian People in the villages Bolshoy and Maly Chernyatin, delivered by the famous patriot M.N. Mariuts-Grineva]. *Dvuglavyy orel.* 26. p. 4.
20. The Russian State Historical Archive] (RGIA). *Ot krest'yan Belorussii* [From the peasants of Belarus]. Fund 786. List 1. File 2.
21. The Russian State Historical Archive] (RGIA). *Dnevnik A.V. Bogdanovich* [The Diary of A.V. Bogdanovich]. Fund 1620. List 1. File 451.
22. Sulyak, S.G. (2018) For Faith, Tsar, Fatherland and the land to the peasants (about the activities of the departments of the Union of the Russian people in Khotyn County Bessarabia province. *Rusin.* 54. pp. 169–188. (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/10
23. Anon. (1916) Uzurpatsiya narodnoy mysli [The usurpation of people's thoughts]. *Golos Rossii.* 2. p. 4.

Стогов Дмитрий Игоревич – доцент кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина) (Россия).

Dmitrii I. Stogov – St. Petersburg State Electrotechnical University (Russia).
E-mail: bel-grigorij@yandex.ru

УДК 94(4):903.59 "1914/1918"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/58/7

ЗАХОРОНЕНИЯ РУССКИХ СОЛДАТ В ПРИКАРПАТЬЕ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Б.П. Савчук¹, Г.В. Билович²

Прикарпатский национальный университет им. В. Стефаника
Украина, 76018, г. Ивано-Франковск, ул. Т. Шевченко, 57

¹ E-mail: boris_savchuk@ukr.net

² E-mail: ifosuhcvash@gmail.com

Авторское резюме

Реконструирована столетняя ретроспектива формирования и описано современное состояние русского военного некрополя периода Первой мировой войны в Прикарпатье (территория современной Ивано-Франковской области Украины), а также показано отношение к нему русинов края, которое в значительной степени определяло этот процесс при разных политических режимах. В результате кровопролитных сражений 1914–1918 гг. территория региона покрылась густой сетью индивидуальных и групповых могил русских и воинов других армий. Большинство из захоронений находилось в полях, лесах, а также на военных кладбищах и отдельных участках сельских и городских кладбищ. В межвоенный период, когда территория края пребывала под властью Польши, произошло их некоторое упорядочение за счет переноса останков солдат на кладбища. В советское время большая часть могил «солдат царской армии» была уничтожена. В современном русском некрополе Прикарпатья периода Великой войны выделены две основные группы захоронений: общие – для воинов русской и австро-венгерской армий (зафиксировано около 25) и отдельные – для солдат Русской императорской армии (сохранилось до 10). Представлена их характеристика по количеству похороненных, особенностям расположения, другим признакам. Показана деятельность общественных организаций по поиску новых и упорядочиванию мест захоронений солдат Первой мировой войны.

Ключевые слова: военный некрополь, военные захоронения, Первая мировая война, русины, Прикарпатье.

BURIAL SITES OF RUSSIAN SOLDIERS IN CARPATHIA DURING THE FIRST WORLD WAR

B.P. Savchuk¹, G.V. Bilavych²

Vasyl Stefanyk Precarpathian National University
57 Shevchenko Street, Ivano-Frankivsk, 76018, Ukraine

¹ E-mail: boris_savchuk@ukr.net

² E-mail: ifosuhcvas@gmail.com

Abstract

The article reconstructs the centennial retrospective of the formation and the current state of the WWI Russian military necropolis in Carpathia (the territory of the modern Ivano-Frankivsk region of Ukraine) and shows the attitude to it of the Rusins, who largely determined this process under various political regimes. After the bloody battles of 1914–1918, there appeared a dense network of individual and group burials of Russian and other army soldiers in the region. Most graves were on fields, in forests, in military cemeteries and separate sections of rural and urban graveyards. In the interwar period, when the territory of the province was controlled by Poland, some remnants of soldiers were transferred to church cemeteries. However, in the Soviet times, most graves of “tsarist soldiers” were destroyed. The modern Russian necropolis in Subcarpathia dated to the Great War has two main groups of burials: a common one for the soldiers of the Russian and Austro-Hungarian armies (about 25 burials) and a separate section for the soldiers of the Russian Imperial Army (up to 10 burials). The article characterises them in terms of the number of buried people and location, with the focus on the activity of civic organisations aimed at finding new burial sites and arranging the burial sites of the WWI soldiers.

Keywords: military necropolis, military burials, First World War, Rusins, Subcarpathia.

История Первой мировой войны многогранна, противоречива, драматична. Она охватывает международную, государственно-политическую, военную, социально-экономическую, культурно-бытовую сферы общественной жизни во всем разнообразии их проявлений. Эти и другие аспекты фокусирует проблема воинских захоронений, которая остается предметом научного и общественных дискурсов и патриотических инициатив. Современная ситуация относительно изучения, сохранения, восстановления мест захоронений воинов, погибших в двух мировых войнах XX ст., имеет много общего и на-

ционально особенного в европейских и постсоветских странах, что фокусируется на уровне отдельных областей и регионов.

С таких позиций обращение к изучению воинских захоронений 1914–1918 гг. в Прикарпатье выглядит целесообразным и обоснованным. При этом важно отметить, что в концептуальной работе по терминологии Карпатской Руси С.Г. Суляк справедливо утверждает, что термин *Прикарпатье (Восточное Прикарпатье)* применяется как синоним исторического региона Галичина (или Галичины вместе с Буковиной) [28: 276]. В нашем исследовании исходим из сложившихся в определенных кругах историков Украины и современных общественных представлений, согласно которым термин *Прикарпатье* соотносится с территориально-административными границами Станиславского воеводства в 20–30-х гг. XX в., когда оно находилось в составе Польши, и современной Ивано-Франковской областью Украины. Такой подход обусловлен тем, что основная работа по созданию, учету, сохранению, мемориализации мест воинских захоронений всегда происходила в рамках отдельных административных единиц. В нашем случае термин *Прикарпатье* соотносим с территорией Ивано-Франковской области.

История военного некрополя современной Ивано-Франковщины как в зеркале отражает общие и особенные черты, характерные для всего русинского населения Карпато-Днестровских земель и Украины, Словакии, Сербии, Хорватии, Венгрии, Польши, Румынии. Их объединяет и тот важный момент, что на территории области сохранилось много захоронений польских легионеров, а в последние годы открываются ранее не известные захоронения хорватских и венгерских солдат. Русинское население Карпато-Днестровских земель имеет общие традиции, культуру, историю, в частности, страницы, связанные с его репрессиями в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны [26], и общую историческую память о событиях того времени [2].

Изучение поставленной проблемы предусматривает реконструкцию процесса создания и развития русского некрополя 1914–1918 гг. в Прикарпатье в столетней ретроспективе. В таком контексте оказывается отношение к нему местного населения края, которое в определенной мере влияло на его развитие при разных политических режимах.

В процессе формирования и сохранения захоронений русских солдат времен Первой мировой войны в Прикарпатье и ментальных трансформаций¹ в отношении к ним местного населения отслеживаем четыре основные периода: 1) 1914–1918 гг., когда появилась основная масса военных захоронений; 2) 1919–1939 гг., когда во время пребывания в составе Польши на Станиславщине сформиро-

вались основные контуры военного некрополя прошедшей войны; 3) 1939 – конец 1980-х гг., когда в советское время он подвергся значительному разрушению; 4) с конца 1980-х гг., когда на фоне трансформации общественного сознания кардинально изменилось отношение к захоронениям времен Великой войны.

Согласно общепринятым гуманистическим принципам, война не заканчивается до тех пор, пока не похоронен последний солдат, а каждый погибший должен быть погребен, и место его захоронения считается священным. Следовательно, Великая война 1914–1918 гг. еще не закончилась и не закончится никогда, потому что и через сто лет продолжают находить останки погибших воинов, а разница между количеством погибших и тех, что были похоронены и чьи имена известны, потрясающая.

Об этом свидетельствуют и потери воевавших армий в сражениях в Прикарпатье. Их краткая реконструкция необходима для представления общего фона и главного фактора, который обусловливал характер и масштабы формирования военных некрополей.

В 1914–1917 гг. линия фронта несколько раз перекраивала территорию Прикарпатья, что определяло изменение сложных отношений местных русинов с солдатами сражавшихся армий и устанавливавшимися политическими режимами². В результате изучения приведенных ниже работ, которые детально реконструируют ход военных операций, и источников, которые локализуют архитектонику военных захоронений, отслеживается причинно-следственная связь, согласно которой эти явления (бой – потери – могилы) совпадают как пазлы трагической картины сотен и тысяч смертей.

Наступлением 17 августа 1914 г. русских войск Юго-Западного фронта началась 33-дневная кровавая Галицкая битва. Они прошли на 200–300 км в глубь монархии Габсбургов. Потери австро-венгерской армии составляли 300 тыс. убитыми, русской – до 230 тыс. Для управления новыми территориями царское правительство создало Галицийское генерал-губернаторство [1].

В ходе Карпатской операции (январь – апрель 1915 г.) потери Русской императорской армии (РИА) составили около 1 млн чел., а ее противник потерял до 800 тыс. [15: 3–17]. В ходе Горлицкой битвы (2 мая – 10 июня 1915) австро-германские войска отбросили РИА за Днестр и почти дошли до старой государственной границы. Потери русских войск составили 40 тыс. чел., австро-венгерских – 13 тыс. В результате Брусиловского прорыва (4 июня – 20 сентября 1916 г.) русские войска Юго-Западного фронта подошли к карпатским перевалам. Их потери составили 500 тыс. чел., а австро-германских войск – около 1,5 млн. Проведенная летом 1917 г.

последняя крупная наступательная операция РИА не принесла успеха: армия отошла к Днестру [3].

Потери враждующих армий в Прикарпатье, которое находилось в эпицентре битв, были колоссальными, и его территории покрылась густой сетью воинских захоронений. Более точные представления о них дают данные, касающиеся территории Львовского австро-венгерского военного командования, согласно которым в 1920 г. насчитывалось 610 военных кладбищ 1914–1919 гг., из них 467 отдельных. Среди похороненных на них 227 130 чел. было 108 220 воинов австро-венгерской армии, 26 320 – немецкой, 78 675 – русской, а также 13 180 неизвестных. Их останки покоились в 118 730 отдельных и 10 840 групповых захоронениях [18]. Поскольку Станиславщина занимала почти треть этой структурной единицы, можем в соответствующей пропорции условно соотнести эти показатели к ее территории.

Командование РИА имело определенную доктрину в вопросе захоронения и учета погибших солдат. Во фронтовых частях такие функции возлагались на погребальные команды, в Галицийском генерал-губернаторстве – на органы полиции.

Однако представляется, что в похоронных структурах как русской, так и австро-венгерской армий возникли значительные трудности с погребением огромного количества павших на территории Галиции. Этот процесс изучен недостаточно, поэтому реконструируем его в общих чертах на основе по крупицам собранных материалов архивов, научных исследований, свидетельств участников событий и т. п.

В начальной стадии войны процесс захоронения происходил стихийно³. Во времена затишья между боями солдаты фронтовых частей и санитарные службы собственными силами хоронили товарищей по оружию преимущественно на месте гибели: рыли ямы или переносили тела в ближайшие воронки, окопы, делали могильные насыпи. Отдавали воинские почести. Реже хоронили на возвышениях, при дорогах, на опушках леса, погребали в гробах, отпевали со священниками, на могилах устанавливали кресты с личными данными.

К такой работе привлекались местные русины, которые и сами были вынуждены ее выполнять, поскольку погибшие лежали в их усадьбах, на огородах, общинных полях и пастбищах. Если их было немного, то крестьяне справлялись с этим сами, если тел были десятки, тогда привлекали членов сельской общины. В местах захоронений делали насыпи, которые по размерам соответствовали индивидуальным или групповым могилам. При погребении присутствовали сельские старосты и приходские священники, которые совершали соответствующий христианским традициям обряд. Часто групповые захоронения расширялись за счет погребения тел новых погибших

воинов, поэтому зафиксированные в официальных документах данные об их количестве не всегда точные.

В общих братских могилах погребали воинов обеих армий. В mentality местного населения на подсознательном уровне укоренилось благоговейное отношение к телу покойника. Это было связано с главным догматом христианства о воскресении всех умерших. В понимании русинов тело каждого человека – это храм души, поэтому оно должно быть погребенным по христианским традициям. Они верили в бессмертие душ, которые воскреснут после второго пришествия Спасителя, независимо оттого, при каких обстоятельствах погиб человек и каким образом его тело предано земле.

При этом местные жители понимали, говоря современным языком, и санитарно-эпидемиологическую необходимость быстрого и надежного погребения погибших воинов. В условиях войны, когда в районе боевых действий иммунитет большинства людей ослаблен, а основным источником водоснабжения были неглубокие колодцы, пополнявшиеся верхними водами, трупы погибших могли стать источником инфекционных заболеваний. С таких позиций братские могилы двух мировых войн справедливо называют «санитарными захоронениями».

Со стабилизацией линии фронта процесс захоронения приобрел более организованный характер. С одной стороны, военные органы Российской и австро-венгерской армий начали создавать военные кладбища. С другой стороны, крестьяне телегами свозили тела погибших солдат на приходские кладбища и хоронили их на «свободных» местах, указываемых церковными старостами и священниками. В других случаях при участии офицеров на кладбищах закладывались отдельные участки воинских захоронений.

В таких условиях начал формироваться военный некрополь Прикарпатья периода Великой войны. Полная реконструкция его архитектоники априори невозможна, однако представления о ее характере и особенностях дают архивные документы о местах расположения и состоянии воинских захоронений. Для типологии этого явления акцентируем внимание на материалах, которые позволяют воссоздать наиболее полную картину в отдельных местностях.

В составленном органами полиции «Сведениях о количестве могиль павших русскихъ воиновъ, находящихся въ районе 2-го полицейского участка Коломийского уезда», согласно нашим подсчетам, было зафиксировано 429 могил, которые находились в 42 селах. Менее трети из них располагалось на сельских и церковных кладбищах нескольких сел: Каменке Большой (19), Слобидке Лесной (40), Раковчике (15), Жукотине (18), Лесном Хлибичине (28) [13]. В другом

списке в 23 селах, принадлежащих к 1-му полицейскому участку этого уезда, где острота военных действий была меньшей, фиксируются 102 могилы воинов русской и австро-венгерской армий. Из них 50 и 40 находились на кладбищах в селах Малый Гвиздец и Гвиздец [13; 14]. Такая детализация имеет принципиальное значение для сопоставления с современным состоянием военных захоронений.

Органы русской полиции тщательно обследовали и захоронения австро-венгерской армии. В качестве примера приведем «Списокъ могиль воиновъ неприятельской армии въ районе Косовского уезда», где описано около 65 фактов захоронений по таким признакам: а) место нахождения (село, дорога, другой объект); б) наличие крестов, из какого материала они изготовлены, надписи на них; в) чем ограждены; в) общее состояние, особые признаки. Анализ показал, что около 20 зафиксированных в нем могил размещалось на сельских кладбищах и около 10 – вдоль дорог, на гминных землях, пастбищах. В другой половине захоронений, находящихся на частных усадьбах и огородах, насчитываем сотни индивидуальных и три групповые могилы. Большинство из них были увенчаны тесаными или нетесанными крестами из дуба, буква, березы, пихты, на некоторых могилах были каменные постаменты и проволочные ограждения. Только на нескольких крестах имелись надписи с данными об австрийских, польских, венгерских воинах [7].

Эти факты могут свидетельствовать о том, что большинство могил были выкопаны самими русинами, которые увенчивали их крестами и, будучи христианами, изъявляли готовность ухаживать за погребениями «чужаков», несмотря на разное вероисповедание.-

Несколько иной была ситуация с захоронениями солдат российской армии возле населенного пункта Старые Куты Косовского уезда, который охватывал семь горных сел. Зафиксированы данные о более чем 70 могилах, в которых было захоронено около 350–400 воинов преимущественно Белгородского полка, погибших 15–16 июля 1916 г. в ходе Брусиловского прорыва. Здесь было больше братских могил, разбросанных вдоль дорог, на полях, в лесах. Например, на окраинах сел Старые Куты и Кобаки в них были похоронены 20, 40, 45, 40 и 50 солдат [8]. «Округление» данных может свидетельствовать об их неточности, но в целом этим цифрам можно доверять.

Список могил воинов враждовавших армий на территории Устрицкого участка Косовского уезда фиксирует их национальности. Так, в результате боев в августе – сентябре 1916 в с. Яблоница появились захоронения офицера 23-го резервного корпуса (в документе – полка) немецкой армии Вильяна Корде и нескольких десятков воинов русской, австро-венгерской, немецкой армий. На могильных крестах

в этом и других селах встречаем много украинских фамилий воинов (Гордийко, Пахольченко, Савчук, Чентай, Шевчук и др.), воевавших в составе Новоуземского и Корсунского полков РИА [9].

Важные черты захоронений выявляет «Списокъ могил павшихъ воиновъ русскихъ и австрийскихъ в районе Чернелицкого участка Городенковского уезда». Он фиксирует множество совместных групповых захоронений. Например, в с. Монахиня в трех братских могилах, расположенных на старом кладбище, возле его ограды и на новом кладбище, было похоронено соответственно 22, 27 и 29 солдат обеих армий. Документ свидетельствует о таком широком явлении, как введение больших групповых захоронений на частных владениях местных жителей. Например, в гмине Кунисовцы «на поле Николая Димашича под назв[анием] Хопко» находились братские могилы 78 солдат австро-венгерской и 65 российской армий; в гмине Далешово «на поле <...> Касперка под назв[анием] Лыса» – могилы соответственно 32 и 11 воинов этих армий; в могилах, расположенных на полях в гминах Кунисовцы и Хмелевка, были похоронены 24 и 39 воинов, которые в разное время умерли от ран (очевидно, находились в частных домах крестьян и ими же похоронены. – Б.С., Г.В.), поэтому их принадлежность к военным подразделениям осталась неизвестной, и т.д. На большинстве из обозначенных в этом списке 623 могил были кресты без надписей, многие ограждены [10]. Кстати, указанные документы фиксируют десятки захоронений русских казаков, донских казаков и черкесов на территории Городенковского и Косовского уездов.

О постоянном увеличении количества индивидуальных могил и численности воинов в братских могилах в результате нахождения новых тел и по причине смерти раненых в госпиталях и частных домах свидетельствует донесение главного врача I-й Заамурской пограничной заставы. В нем сообщалось, что в июне 1915 г. умерли 12 ее солдат, которых похоронили в селах Гавриловка, Чертовец, Окно Коломыйского уезда [11].

Таким образом, исходя из фрагментарного, но презентабельного представления высокой степени насыщенности воинских захоронений в отдельных уездах Станиславщины, с одной стороны, и продолжительности кровавых боев на территории края – с другой, можем утверждать, что в период Великой войны она покрылась густой сетью могил солдат русской и австро-венгерской армий. Этот важный промежуточный вывод дает основание для перехода к рассмотрению дальнейшего развития и современного состояния русского военного некрополя Прикарпатья.

Обобщение накопленных данных позволяет зафиксировать факт сохранения более 140 захоронений солдат различных армий и на-

циональных воинских подразделений на территории Прикарпатья периода Первой мировой войны в виде военных кладбищ, участков воинских захоронений на городских и сельских кладбищах и больших братских могил. Это число не учитывает индивидуальных могил и разбросанных на отдельных кладбища, а также в лесах, на полях и дорогах.

В русском некрополе Прикарпатья выделяем две основные группы захоронений: 1) общие для воинов русской и австро-венгерской армий; 2) отдельные для солдат РИА. Охарактеризуем их в одном контексте, исходя из количества похороненных, локализации, особенностей расположения, состояния надгробных знаков, других признаков.

Исходя из количества погибших воинов и состояния их захоронений на момент окончания Первой мировой войны, можем утверждать, что русский военный некрополь был не меньшим, чем австро-венгерский, однако сохранился он хуже. Об этом свидетельствует анализ результатов некрополистических и памятковедческих исследований [20, 21]. Они не фиксируют ни одной большой братской могилы, которые существовали в 1915–1918 гг. в указанных выше или других населенных пунктах.

Такая ситуация стала следствием политики господствующих на территории Прикарпатья государственных режимов. Относительно межвоенной Польши ситуацию нельзя оценить однозначно. С одной стороны, в русле общеевропейского движения по сохранению памяти о жертвах Великой войны активно функционировала система переноса, перезахоронения, упорядочения военных могил и кладбищ. С другой стороны, имело место предвзятое отношение к захоронениям воинов разных, особенно русской, армий, что обуславливалось характером внешнеполитических отношений и внутренними идеологическими установками.

В то время в общественном сознании украинцев Галиции активно формировался культ «украинских героев-воинов» минувшей войны, но в этой идейной установке не всегда было место для памяти о погибших солдатах других армий. Однако, благодаря живым носителям народной памяти о Великой войне, в их сознании не произошло разделения воинских захоронений на «свои» и «чужие», и люди продолжали ухаживать за теми и другими [2: 97–100]. Такое противопоставление появилось в советское время, когда стало возможным и «нормальным» уничтожение могил «враждебных» солдат царской армии, погибших в империалистической войне, чтобы на их месте поставить памятники «своим» советским воинам.

Фиксируем около 25 сохранившихся на территории Прикарпатья в начале XXI в. совместных захоронений солдат русской и австро-венгерской армий времен Первой мировой войны. На одном из крупнейших военных кладбищ в урочище Ривня, возле с. Тишковцы Городенковского района, в трех братских могилах похоронено около тысячи солдат обеих армий, погибших в июньских боях 1916 г. Другие крупные военные кладбища с несколькими сотнями усопших воинов расположены в с. Корнив Городенковского района, в г. Долина (сохранилось более 300 небольших бетонных крестов) и с. Вышков Долинского района [20: 99, 102].

Отдельную трагическую страницу в летопись русских некрополей Первой мировой войны вписывают кладбищенские захоронения г. Ивано-Франковска. Ее восстановление стало возможным благодаря сопоставлению разных источников. В архивных фондах сохранилось два рапорта полицейского пристава г. Станиславова. В первом, от 28 марта 1915 г., сообщалось о захоронении «23 чел. нижних чинов» на православном кладбище в пригороде Княгинин-горки и описывалось его место расположения: «На этой могиле поставлен деревянный крест с надписью, указывающей численность погибших. Кладбище находится на расстоянии 200–250 сажень от полотна железной дороги к г. Галич, от Галицкой улицы на расстоянии в 300 сажень, в 150 сажень от р. Солотвинской Черной Быстрицы» [12: 13–14].

В рапорте от 8 апреля 1915 г. информировалось о погребении 132 русских солдат и офицеров на центральном городском православном и католическом кладбище по улице Франца Иосифа. Прилагаемая схема свидетельствует, что их незначительную часть похоронили в левом крыле кладбища (рядом с могилами почетных горожан, а также моргом и церковью), в двух крайних рядах, которые с востока и севера сходились прямым углом. А большинство – в южном, правом крыле, где не было других захоронений [12: 15–17].

В первом рапорте речь шла о «новом» (заложенном в 1912 г.) кладбище Станиславова, где с начала войны хоронили воинов русской, затем и других армий (всех около 200 чел.). Однако их могилы не сохранились, поскольку в 1950-х гг. на их месте появились захоронения военнослужащих советских спецслужб [21: 26–27].

Во втором рапорте речь шла о городском кладбище Станислава, одном из старейших в Украине, основанном в 1782 г. С переходом города под власть Галицийского генерал-губернаторства в его южной части – на «новом поле» – заложили военное кладбище (о чем свидетельствует упомянутая схема). Сначала тут хоронили русских солдат, всего около 800 чел. в 317 могилах. После отхода русских войск туда начали свозить воинов австро-венгерской армии, погибших на фронте

или умерших в госпиталях (в городе находился один из старейших в Восточной Европе военный госпиталь) [23].

После реконструкции в 1924–1927 гг. кладбище стало главным военным некрополем Станислава, на котором располагалось 665 приведенных в порядок могил воинов, погибших в 1914–1919 гг. В годы Второй мировой войны оно подверглось незначительным разрушениям, а в послевоенное время стало целенаправленно уничтожаться. С негласного одобрения местных властей надгробия растаскивались строительными организациями и горожанами для укрепления фундаментов, дорог и т. п. Доведя кладбище до полуразваленного состояния, в 1960-х гг. по его территории проложили трассу, позже на ней появились частные гаражи [23].

Такая же часть постигла заложенную на этом кладбище во время войны военную аллею, где хоронили солдат, которые умирали в госпиталях (среди 200 чел. были и русские). Ее разрушили в 1970–1980-х гг. в результате актов вандализма, совершившихся при откровенном попустительстве местных органов власти. Варвары разбивали надгробия, разбрасывали останки, на могилах устраивали пьяные оргии. Наибольшему осквернению подвергались захоронения воинов Первой мировой войны [21: 58–62; 23].

Эти характерные и для других военных некрополей события стали результатом глубокой трансформации общественного сознания советского периода, когда подходы кувековечиванию памяти участников Первой мировой войны стали определятьсяискаженными представлениями, навязанными партийными идеологами. Моральная деградация стала следствием сформированного атеистического сознания: Бога нет, значит, нет и души, а есть только мертвец, труп, бренное тело, с которым можно поступать, как с любой другой материей.

Изучение разных источников и собственные полевые исследования позволяют утверждать, что наилучшим образом сохранились военные захоронения и их надгробные знаки, расположенные на отдельных участках сельских и церковных кладбищ. Причем это результат не политики польской, а тем более советской власти, а сохранения в ментальности местного населения глубоко укоренившегося христианского понимания души и сформировавшегося на основе традиционной памяти культа погибших воинов.

Среди полутора десятка таких примеров отметим кладбище в с. Блюдники Галицкого района, где похоронено около сотни солдат российской и австро-венгерской армий, павших в бою 4 июня 1916 г. Их венчают 25 невысоких земляных насыпей с латинскими крестами [19: 85]. В 1920-х гг. останки более 150 воинов этих армий были

перенесены из урочища Загостище на сельское кладбище с. Брынь этого же района и перезахоронены в братской могиле, которая сохранилась в виде высокой конусообразной насыпи с символическим склепом наверху [19: 86].

Согласно нашим полевым исследованиям, стараниями местных общин и церковных братств в хорошем состоянии сохранились несколько десятков военных могил 1914–1916 гг. солдат русской и австро-венгерской армий на старинном кладбище с. Нижний Березов Косовского района. В третьем-четвертом поколении местные жители из уст в уста передают вспоминания о том, кто и когда в них был похоронен. Местные мастера реставрировали надгробия и кресты (надписей практически не сохранилось), и сегодня во время церковных праздников здесь, на братской могиле, где 1915 г. были погребены воины австро-венгерской и русской армий, местные жители молятся, отправляют панихиды, зажигают свечи, втыкают освященные веточки вербы в могильную землю накануне Пасхи, колядуют во время Рождества.

Заслуживает внимания история большой братской могилы, расположенной на частной усадьбе в урочище под Дилом в с. Белые Ославы Надвирнянского района. В 1960-х гг. о ней напоминал лишь небольшой холмик, поэтому крестьяне привели ее в порядок, восстановили дубовый крест. В начале 1990-х гг. они сделали на могиле высокую насыпь и на собранные средства установили кованый крест с надписью: «Ісусе, Ісусе! Згадай про мене / Як прийдеш у царство своє! / (Луки 23:42) / Пам'ятний хрест / Під Ділом встановлений / на братській могилі, / на місці кровопролитного бою / Першої світової війни, / де захоронені вояки / австрійської та / російської армії, яких / приймила / українська галицька земля. / Мир праху їхньому / с. Білі Ослави. 2007» [5].

Упомянутая ранее литература фиксирует и дает довольно скучные сведения только о 9–10 отдельных захоронениях русских солдат 1914–1918 гг. Среди них отметим три большие братские могилы: в с. Устье Снятинского района, где покоятся прах 60 воинов; на Белой горе в с. Невисъко Городенковского района, где в честь погибших в январе 1915 г. воздвигли обелиск в виде массивной квадратной пирамидальной колонны, который и сегодня просматривается со всех сторон сквозь густые заросли [4]; в с. Коленки этого же района, где в 1959 г. установили памятник в виде трехступенчатого постамента с обелиском и надписью на нем: «Героям, павшим в боях, 23-го Амурского конного полка 8.04.1915» (после разрушения под воздействием природных факторов его восстановили в 1991 г. члены Российского культурного центра [20].

Историки и краеведы предполагают, что, кроме известных больших братских могил русских солдат на кладбищах поселка Верховина [20: 77] и с. Куты Косовского района, именно в предгорных и горных районах Ивано-Франковщины, где в 1915–1917 гг. проходили кровавые бои, должны в нетронутом виде находиться и другие захоронения. Их уверенность подтверждают три факта, которые также свидетельствуют об активизации деятельности по установлению и благоустройству мест воинских захоронений общественных организаций, поддерживаемых зарубежными фондами.

Так, в результате поисково-полевых работ у подножья самой высокой на Украине горы Говерлы по проекту федерации скаутов «Галицкая Русь» были перезахоронены в 41 индивидуальной именной и трех братских могилах найденные в горах останки более сотни российских, австрийских, немецких, украинских воинов, погибших в августе 1916 г. Их освятили 28 августа 2010 г. в рамках акции «Помнить. Воздордить. Сохранить» при участии скаутов из Львова, Киева, Сум, Ужгорода, Запорожья, Тулы, Москвы [6]. А во время проведенной поисковыми ассоциациями, входящими в состав организации «Союз "Народная память"», военно-мемориальной экспедиции «Карпаты-2018» в районе Гриняевского хребта Верховинского района нашли останки 27 погибших воинов. По военной амуниции времен Первой мировой войны идентифицировали 19 солдат русской, 7 – немецкой и 1 – австро-венгерской армий [17].

Благодаря поисковой деятельности организации «Народная память» в с. Татарив Яремчанского района были перезахоронены найденные на Карпатских перевалах останки 93 воинов российской и австро-венгерской армий. Построенный в их честь мемориальный комплекс освятили 11 ноября 2018 г. [24].

Рамки статьи позволяют ограничиться констатацией таких фактов, как совместные захоронения воинов русской и других армий, умерших от инфекционных болезней, на т. н. холерных кладбищах (более 250 могил в г. Рогатын; десятки могил в г. Калуше и др.); общие похороны на сельских кладбищах русских воинов и местных русинов, погибших от репрессий и при других обстоятельствах в 1914–1919 гг.; обнаружение около десятка могил узников Талергофа (с. Пидгирки Калушского района), которых, очевидно, сохранилось значительно больше, и др. Все они требуют предметного исследования.

В качестве вывода отметим, что положение, которое сложилось с проблемой сохранения и изучения русского некрополя периода Первой мировой войны на Ивано-Франковщине, касается и захоронений национальных воинских подразделений поляков, венгров, хорватов, сербов, которые принимали участие в боевых действиях на террито-

рии края. Оно во многом характерно для всего Карпато-Днестровского региона, где русинское население, несмотря на идеологическое влияние действовавших государственно-политических режимов, в силу культурно-исторических традиций и запрограммированных на ментальном уровне христианских ценностей продолжало чтить память о погибших воинах как «своих», так и «чужих» армий. Сегодня на Украине есть перспективы для изменения ситуации благодаря гуманизации массового сознания и усилиям общественно-патриотических организаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. С позиций исторической антропологии [16] рассматриваем ментальность русинов как их образ мышления, общую духовную настроенность, социально-психологические установки, которые сформировались под влиянием особенностей исторического развития и традиционной культуры. Вместе с тем ментальность сама служит средством анализа исторического процесса и истории Великой войны.

2. Эта проблема имеет значительную историографическую традицию. С одной стороны, ученые аргументированно приводят примеры лояльности русинов Галиции к русской армии в период Первой мировой войны по причине схожести обычая, языка, а также усиления против них австро-венгерских репрессий [25–27]. С другой стороны, надо помнить, какие действия против русинов предпринимали отступавшие русские войска, а также тот факт, что они были подданными Австро-Венгерской монархии и воевали в составе ее армии.

3. Только 10 сентября 1917 г. в войска Юго-Западного фронта было отправлено «Наставление о порядке погребения убитых на полях сражений и оздоровления этих полей», которое детально регламентировало этот процесс, начиная со сбора тел, учета погибших, параметров захоронений и заканчивая запретом погребения солдат русской и других армий в одних могилах [22]. Эти нормы ранее не соблюдались, в частности, по той причине, что значительную часть погибших хоронили сами русины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белой А.С. Первая схватка за Львов. Галицкое сражение 1914 года. М.: Алгоритм, 2014. 432 с.
2. Буркут И. Первая мировая война в исторической памяти галичан и буковинцев // Русин. 2010. № 1 (19). С. 97–111.
3. Бобров А.А. Брусиловский прорыв. М., 2014. 400 с.

4. Військовий цвинтар та обеліск I Світової війни (с. Невисько). URL: <https://drymba.com/uk/1054717-viyskovyy-tsvyntar-obelisk-pamyati-zhertyv> (останній перегляд: 28.08.2019).
5. Відомчий архів науково-редакційного відділу «Звід пам'яток історії та культури. Івано-Франківська область». Звіт про відрядження З. Федунківа у с. Білі Осливи Надвірнянського р-ну 28.10.2008 р.
6. Вшанували полеглих у Першій світовій // Галичина. 2010. 31 серпня.
7. Государственный архив Ивано-Франковской области (далее – ГАИФО). Ф. 12. Оп. 1. Д. 167. Л. 29–34. Список могил погибших воинов австро-венгерской армии на территории Косовского уезда. 1916 г.
8. ГАИФО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 168. Л. 33–36. Список могил погибших воинов российской армии на территории Кутского участка Косовского уезда. 1916 г.
9. ГАИФО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 169, Л. 13–43. Список могил погибших воинов российской армии на территории Косовского уезда в 1916 г.
10. ГАИФО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 25. Л. 4–7. Список могил погибших воинов российской и австро-венгерской армий в районе Чернелицкого участка Городенковского уезда. 1916 г.
11. ГАИФО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 25. Л. 14. Список солдат русской армии, которые умерли от ран в июне 1915 г. и были похоронены на территории Коломыйского уезда.
12. ГАИФО. Ф. 528. Оп. 1. Д. 16. Л. 13–17. Рапорта полицейского пристава второго участка г. Станиславова о местах захоронения, погибших воинов российской армии на территории города 1915 г.
13. ГАИФО. Ф. 605. Оп. 1. Д. 20. Л. 4–9. Сведения о количестве могил погибших российских воинов, находящихся на территории Коломыйского уезда. 1916 г.
14. ГАИФО. Ф. 605. Оп. 1. Д. 20. Л. 11. Список могил российских и австро-венгерских воинов, которые похоронены на кладбищах и в полях на территории Коломыйского уезда. 1916 г.
15. Из истории Карпатской операции 1915 г. Сборник документов. СПб.: Нестор-История, 2016. 520 с.
16. История ментальностей, историческая антропология. М., 1996. 256 с.
17. «Карпати-2018»: Знайшли останки 27 солдатів Першої світової. URL: <http://dzerkalo-zakarpattyia.com/?p=132458> (дата обращения: 20.08.2019).
18. Козак О. Організація меморіальної справи на території Східної Галичини та Львівського воєводства із 1914 до 1939 року (2016). URL: <http://geroika.org.ua> (дата обращения: 20.01.2019).
19. Міста і села Галицького району: історія, пам'ятки, особистості. Івано-Франківськ: Нова Зоря, 2002. 784 с.
20. Некрополі Прикарпаття. Івано-Франківськ, 2000. 178 с.
21. Некрополі Івано-Франківська. Івано-Франківськ: НВ-Лілея, 2012. Кн. IV. 221 с.
22. Новиков П. Могилы солдат Русской императорской армии под Лодзью. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=424610> (дата обращения: 20.01.2019).
23. Орел Л., Чорненький Р., Гаврилишин П. Міфи старого некрополя // Галицький кореспондент. 2016. 5 квітня.

24. Перепоховання 93-х солдатів до сторіччя Великої війни. 11 листоп. 2018 р. URL: <https://unm.org.ua/uk/perepohovannya-93-h-soldativ-do-storichchya-velykoyi-viyny> (дата обращения: 25.01.2019).

25. Суляк С.Г. Русины в период Первой мировой войны и Русской смуты // Русин. 2006. № 1 (3). С. 46–65.

26. Суляк С.Г. Геноцид русинов Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны. Краткий обзор проблематики // Bylye Gody. 2015. Vol. 36, is. 2. C. 359–365.

27. Суляк С.Г. Русины в воспоминаниях участников Великой войны // Русин. 2016. № 2 (44). С. 73–92. DOI: 10.17223/18572685/44/6

28. Суляк С.Г. К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. 2019. Т. 55. С. 272–316.

REFERENCES

1. Beloy, A.S. (2014) *Pervaya skhvatka za L'vov. Galitsiyskoe srazhenie 1914 goda* [The first battle for Lviv. The Battle of Galicia in 1914]. Moscow: Algoritm.
2. Burkut, I. (2010) *Pervaya mirovaya voyna v istoricheskoy pamyati galichan i bukovintsev* [The First World War in the historical memory of Galicia and Bukovina people]. *Rusin.* 1(19). pp. 97–111.
3. Bobrov, A.A. (2014) *Brusilovskiy proryv* [The Brusilov Offensive]. Moscow: Veche.
4. Drymba.com. (2017) *Viiskovyi tsvyntar ta obelisk / Svitovoii viiny (s. Nezvysko)* [Military cemetery and obelisk of the First World War]. [Online] Available from: <https://drymba.com/uk/1054717-viiskovyy-tsvyntar-obelisk-pamyati-zhertyv> (Accessed: 28th August 2019).
5. Fedunkiv, Z. (2008) *Zvit pro vidriadzhennia Z. Fedunkiva u s. Bili Oslavy Nadvirnianskoho r-nu 28.10 2008 r.* [Trip report of Z. Fedunkiv to Bili Oslavy, Nadvirna District, on October 28, 2008]. The Departmental Archive of the Scientific-Editorial Branch “Collection of historical and cultural Monuments. Ivano-Frankivsk region.
6. *Galichina.* (2010) *Vshanuvaly polehlykh u Pershii svitovii* [Hailed the fallen in the First World War]. 31st August.
7. The State Archive of Ivano-Frankivsk Region (GAIFO). (1916a) *Spisok mogil pogibshikh voinov avstro-vengerskoy armii na territorii Kosovskogo uezda. 1916 g.* [The list of graves of fallen Austro-Hungarian soldiers in Kosiv Uezd. 1916]. Fund 12. List 1. File 167.
8. The State Archive of Ivano-Frankivsk Region (GAIFO). (1916b) *Spisok mogil pogibshikh voinov rossiyskoy armii na territorii Kutskogo uchastka Kosovskogo uezda. 1916 g.* [The list of graves of fallen soldiers of the Russian army in Kuty sector of Kosiv Uezd. 1916]. Fund 12. List 1. File 168.
9. The State Archive of Ivano-Frankivsk Region (GAIFO). (1916c) *Spisok mogil pogibshikh voinov rossiyskoy armii na territorii Kosovskogo uezda v 1916 g.* [The list of graves of fallen soldiers of the Russian army in Kosiv District. 1916]. Fund 12. List 1. File 169.

10. The State Archive of Ivano-Frankivsk Region (GAIFO). (1916d) *Spisok mogil pogibshikh voinov rossiyskoy i avstro-vengerskoy armiy v rayone Chernelitskogo uchastka Gorodenkovskogo uezda. 1916* [The list of graves of fallen soldiers of the Russian and Austro-Hungarian armies in Chernelitsky sector of Gorodenka District. 1916]. Fund 15. List 1. File 25.

11. The State Archive of Ivano-Frankivsk Region (GAIFO). (1915a) *Spisok soldat russkoy armii, kotorye umerli ot ran v iyune 1915 g. i byli pokhoroneny na territorii Kolomyyskogo uezda* [The list of soldiers of the Russian army who died from wounds in June 1915 and were buried in the territory of Kolomyia District]. Fund 15. List 1. File 25.

12. The State Archive of Ivano-Frankivsk Region (GAIFO). (1915b). *Raporta politseyskogo pristava vtorogo uchastka g. Stanislavova o mestakh zakhoroneniya, pogibshikh voinov rossiyskoy armii na territorii goroda 1915 g.* [The reports of the police officer of the second station of the city of Stanislavov on the burial sites, dead soldiers of the Russian army in the city in 1915]. Fund 15. List 1. File 16.

13. The State Archive of Ivano-Frankivsk Region (GAIFO). (1916e) *Svedeniya o kolichestve mogil pogibshikh rossiyskikh voinov, nakhodyashchikhsya na territorii Kolomyyskogo uezda. 1916 g.* [Information about the number of graves of fallen Russian soldiers in Kolomyia District in 1916]. Fund 605. List 1. File 20.

14. The State Archive of Ivano-Frankivsk Region (GAIFO). (1916f) *Spisok mogil rossiyskikh i avstro-vengerskikh voinov, kotorye pokhoroneny na kladbischchakh i v polyakh na territorii Kolomyyskogo uezda. 1916 g.* [The list of graves of Russian and Austro-Hungarian soldiers who are buried in cemeteries and fields in Kolomyia District]. Fund 605. List 1. File 20.

15. Garkusha, I.O. (ed.) (2016) *Iz istorii Karpatской operatsii 1915 g. Sbornik dokumentov* [From the history of the Carpathian operation in 1915]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

16. Mikhina, E.M. (1996) *Istoriya mental'nostey, istoricheskaya antropologiya* [The history of mentalities, historical anthropology]. Moscow: Russian State University for the Humanities.

17. Stefanyo, O. (2018) "Karpati-2018": *Znayshli ostanki 27 soldativ Pershoї svitovoї* [The remains of 27 soldiers of the First World War are found]. [Online] Available from: <http://dzerkalo-zakarpattyia.com/?p=132458> (Accessed: 20th August 2019).

18. Kozak, O. (2016) *Organizatsiya memorial'noi spravi na teritorii Skhidnoi Galichini ta Lviv'skogo voevodstva iz 1914 do 1939 roku* (2016) [Organization of the memorial in Eastern Galicia and the Lviv Voivodeship from 1914 to 1939]. [Online] Available from: <http://geroika.org.ua> (Accessed: 20th January 2019).

19. Arsenich, P., Fedunkiv, Z. & Gandzyuk, R. (2002) *Mista i sela Galits'kogo rayonu: istoriya, pam'yatki, osobistosti* [Cities and villages of Galych district: history, monuments, personalities]. Ivano-Frankivsk: Nova Zorya.

20. Anon. (2000) *Nekropoli Prikarpattyia* [Necropolis of Precarpathians]. Ivano-Frankivsk: [s.n.]

21. Fedunkiv, Z. (ed.) (2012) *Nekropoli Ivano-Frankivs'ka* [Necropolis of Ivano-Frankivsk]. Issue 4. Ivano-Frankivsk: NV-Lileya.

22. Novikov, P. (2018) *Mogily soldat Russkoy imperatorskoy armii pod Lod'yu* [Graves of the Russian Imperial Army soldiers under Lodz]. [Online] Available from: <http://geroika.org.ua> (Accessed: 20th January 2019).
23. Orel, L., Chornenkiy, R. & Gavrilishin, P. (2016) Mifi starogo nekropolya [The myths of the old necropolis]. *Galits'kiy korespondent*. 5th April.
24. GRLG.at.ua. (n.d.) *Perepokhovannya 93-kh soldativ do storichchya Velikoї viyni. 11 listop. 2018 r.* [The reburial of 93 soldiers to the centennial of the Great War]. [Online] Available from: <https://unm.org.ua/uk/perepohovannya-93-h-soldativ-do-storichchya-velykoyi-viyny> (Accessed: 25th January 2019).
25. Sulyak, S.G. (2015) Genocide of the Rusins in Austro-Hungary during WWI. A Short Review of the Question. *Bylye Gody*. 36(2). pp. 359–365 (in Russian).
26. Sulyak, S.G. (2019) On the Carpathian Rus' terminology. *Rusin*. 55. pp. 272–316 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/16
27. Sulyak, S.G. (2006) Rusiny v period Pervoy mirovoy voynyi i russkoy smutyi [The Rusins during the First World War and the Russian turmoil]. *Rusin*. 1(3). pp. 46–65.
28. Sulyak, S.G. (2016) Rusins in the memoirs of the participants of the Great War. *Rusin*. 44. pp. 73–92 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/44/6

Савчук Борис Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры педагогики им. Б. Ступарика Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (Украина).

Boris P. Savchuk – Vasyl Stefanyk Precarpathian National University (Ukraine).

E-mail: boris_savchuk@ukr.net

Билавич Галина Васильевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики начального образования Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (Украина).

Galyna V. Bilavych – Vasyl Stefanyk Precarpathian National University (Ukraine).

E-mail: ifosuhcvas@gmail.com

УДК 341.39+94(367)(571.1/5)"1918/1920"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/58/8

ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА СЛАВЯН И ОБЩЕСТВЕННОСТЬ СИБИРИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. 1918–1919 гг.*

Н.И. Наумова

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: tomnин@yandex.ru

Авторское резюме

Идея славянской общности, взаимоотношений между славянскими народами получила свое развитие в условиях окончания Первой мировой войны. Изменились международные отношения. Славяне Австро-Венгрии, России, Османской империи получили свободу, создали свои государства – Югославию, Польшу, Чехословакию. Представители новых государств, общественные и политические лидеры действовали в Сибири при правительстве адмирала А.В. Колчака. Некоторые из них пытались прогнозировать будущее славян на основе преодоления разобщенности славянского мира, сделав его мощным и единым, geopolитически значимым. Россию в этих условиях рассматривали в качестве главного фактора единения, защитника славян при условии возрождения ее единства и могущества. Идея мессианства России звучала в выступлениях и интервью славянских представителей, белогвардейских лидеров, официальных лиц и общественных деятелей Сибири. До окончания войны осенью 1918 г. важной основой единства действий славянских представителей и антисоветских сил являлась борьба против Германии, Австро-Венгрии, а затем и большевиков, которые «предали славянские народы, Россию», заключив Брестский договор. Славянские государства стали участниками новой реальности. В послевоенном мире сибирская общественность, созданные здесь славянские организации в лице «Союза славянского», «Славянского братства» отводили славянам роль творцов нового сообщества государств, основанного не на подчинении, но на равенстве и

* Статья написана в рамках научного проекта (№ 8.1.27.2018), выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

добровольности. Высказывались идеи неославизма, развития сотрудничества, конструирования его с помощью доверия, широких связей в культурной (знакомство с историей, образованием и национальной жизнью славян) и экономической (финансовой, торговой, производственной) сферах. Идеологическое обоснование и политическое воплощение стратегии сближения славян были направлены на решение настоящих проблем и на перспективу.

Ключевые слова: славянское единство, белогвардейские правительства, Сибирь, общественные лидеры, гражданская война.

SLAV UNITY AND SIBERIAN SOCIETY DURING THE CIVIL WAR. 1918-1919*

N.I. Naumova

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050 Russia
E-mail: tomnin@yandex.ru

Abstract

The idea of Slav unity started to develop towards the end of the First World War, when international relations were changing. The Slavs in Austro-Hungary, Russia, Ottoman Empire received freedom and founded their own states – Yugoslavia, Poland, and Czechoslovakia. Following that, representatives of the new states, public and political leaders became active in Siberia under the government of A.V. Kolchak. Some of them saw the future of the Slavs in their unity, renewed power, and geopolitical importance, expecting that Russia would help unite and protect the Slavs. This mission of Russia was reiterated in speeches and interviews of the Slavs, White movement leaders, and Siberian public figures. Before the end of World War I in the autumn of 1918, the Slav representatives and anti-Soviet powers united on the basis of the fight against Germany and Austria-Hungary, and later against the Bolsheviks, who “betrayed Slavic peoples and Russia” by concluding the Treaty of Brest-Litovsk. The Slavic states woke up to a new reality. In the post-war world, Siberia public and Siberian Slav organisations, such as The Slav Union and Slavic Brotherhood, thought the Slavs to be the creators of a new society based not on obedience but on equality and free choice. They spread the ideas of neo-Slavism, cooperation through trust, and development of relationships in

*The research is supported by the Tomsk State University Competitiveness Enhancement Programme, Project Nr. 8.1.27.2018.

culture (spreading knowledge about the Slav history, education, and life as such) and economy (including aspects of finance, trade, and production). Ideological foundation and political realisation of the strategy to achieve Slav unity were equally important for the resolution of current problems at the time and for the future.

Keywords: Slav unity, White Guard governments, Siberia, public leaders, Civil War.

Славянский мир и вопросы изучения славянского единства представляют значительный научный интерес. Российские исследователи А.А. Григорьева, Е.П. Серапионова, Ю.В. Ромашов и др. уделяют внимание изучению потребности славян в консолидации, причинам возникновения панславизма и неославизма, их формам, региональным особенностям и трансформациям в разные исторические периоды [10; 22; 24]. Авторы подчеркивают, что не существовало единства взглядов сторонников славянского единения. Происходит расширение исследовательского поля. Представляет интерес особенность политики единения славян, когда они получили свободу и государственную независимость после окончания Первой мировой войны.

Начало XX в. ознаменовалось активизацией славянского движения в различных формах, развитием славянской идеи в России и за ее пределами. Все эти вопросы широко обсуждались на славянских съездах. Общественно-политические деятели развернули дискуссии о будущем славян, роли самой большой славянской страны – России. Получило развитие представление о новом содержании отношений славянских народов на основе славянской взаимности и сплоченности. В XIX в. появилась идея панславизма – идея единства и культурной общности славян. Затем она стала включать политическое и языковое единение славян под властью России, которая могла бы стать защитницей славян и помочь их освобождению из-под власти Австро-Венгерской империи и Турции.

В годы Первой мировой войны идея единения славян и русофильские настроения использовались в значительной мере в военно-пропагандистских целях. В августе 1914 г. Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич обратился к народам Австро-Венгрии с воззванием, в котором продекларировал цели России о «восстановлении права и справедливости» для них, свободы и осуществления народных желаний. Он подчеркнул, что основное стремление России – обеспечить «благоденствие народов, сохранить драгоценное достояние отцов язык и веру», возможность «жить в мире и согласии с соседями, уважая их самобытность» [24: 221]. Но конкретного плана для решения славянских проблем и послевоенного устройства Европы в то время не имелось [24: 221]. Свою позицию в

славянском вопросе в полном его объеме Временное правительство не выработало.

Одним из проектов о судьбе славян в рамках единого сообщества стал предложенный чешским политиком К. Крамаржем еще в довоенное время (1914 г.) славянский союз – «Славянская империя» – в качестве нового бесконфликтного объединения свободных славян при учете национальных интересов каждого народа. В состав его включались Россия, Болгария, Сербия, Черногория, Польша и Чехия. Проект предполагал присоединение к Российской империи Восточной Галиции, Угорской Руси, Северной Буковины и части Восточной Пруссии с Кенигсбергом. Все они должны были находиться «под скрипетром императора всея Руси и славян» [24: 190]. Таким образом, интегративность и идентичность получили своеобразное толкование. Здесь отразились осознание этнического родства и необходимость политического объединения под эгидой одного из народов и государства. Одной из причин создания подобного союза являлось противостояние германскому влиянию. Рост экономической и военной мощи Германии в начале XX в. осознавался как великая опасность для славян.

После ликвидации советской власти в отдельных регионах (на юге России, в Сибири, Поволжье) сформировалось множество политических центров и государственных структур. В Сибири летом – осенью 1918 г. установилась власть антисоветских правительств. Самым длительным по времени являлось существование Российского правительства во главе с Верховным правителем адмиралом А.В. Колчаком (ноябрь 1918 – январь 1920 г.). Именно эта власть претендовала на ведение внутренней и внешней политики от имени всей России, включая решение славянского вопроса. Сибирская общественность, представленная политическими партиями, объединениями, общественно-политическими деятелями и организациями, стала активно обсуждать его различные аспекты.

Сибирский регион представлял собой многонациональное сообщество, которое в годы войны в значительной мере пополнилось беженцами из разных национальных областей России и военнопленными-славянами: сербами, чехами, словаками, русинами, поляками. В Западной Сибири их насчитывалось 200 тыс. в 1917 г. Они проявили достаточно высокий уровень самоорганизации и создали свои военно-политические структуры: Польский национальный совет, Польский военный комитет, Югославянский национальный совет, Центральный карпаторусский совет, Чехословацкий национальный совет. Задачи этих организаций были весьма широкими и формировались на съездах. Они представляли свои интересы перед российской властью

и одновременно защищали собственные, высказывали отношение к войне, созданию национальных государств, в той или иной мере пытались определять свое будущее. Созданные в Сибири украинцами рады представляли национально-культурные интересы украинской диаспоры Сибири, но не являлись представителями украинского государства.

В условиях окончания войны изменились международные отношения, после распада Австро-Венгерской империи, Российской империи, Отоманской империи славяне получили свободу, создали свои государства. Суверенными стали Чехословакия, Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Югославия), Польша, которые в тот период находились в сложных условиях становления государственности. Созданные русинами небольшие государства просуществовали недолго [26; 27: 198]. Часть представителей общественности, политических лидеров новых государств пыталась прогнозировать будущее славян на основе преодоления разобщенности, сделав славянский мир единым и мощным, важным фактором международных отношений. Став участниками новой реальности в условиях еще продолжавшейся войны, они рассматривали Россию как защитника славян при условии возрождения ее прежней мощи, нераздельности, величия.

Представители славян, которые находились в российских реалиях, официальные лица славянских государств (в частности, Сербию представлял генеральный консул Г.И. Миланкович) Октябрьскую революцию и большевизм отрицали, поскольку большевики, заключив Брестский мир, «предали славян и расчленили Россию». Поэтому они оказывали помощь антибольшевистским силам в свержении советской власти. Подобная позиция отвечала интересам белогвардейцев. Неприемлема была для них идея интернационализма, которая противоречила национальным устремлениям славян. Общность цели сближала представителей славян и российских белогвардейцев для совместных действий, создания единого фронта «славянской солидарности» в настоящем и направлена была на преодоление противоречий. В опубликованных материалах подчеркивалось, что окончательно «не сломлен еще главный враг – германизм», а «слуги его большевики ведут разрушительную работу» [18: 1]. В одной из статей их называли «интернациональными бандитами». В ней обосновывалась необходимость помочь России, чтобы остановить большевизм как «врага общей цивилизации» [17: 1–2].

Белогвардейцы полагали, что внешние обстоятельства требуют от славянских народов «быть связанными в единое, неделимое целое», «имеющее свои определенные интересы и мировые задачи, не за-

висяющие от воли ни от одной другой державы или отдельных международных союзов и соглашений». Делался вывод о том, что только на основе единства славяне могут стать полноценным субъектом международных отношений. Обращали в публикациях внимание на необходимость единства в силу другого обстоятельства. Как утверждала белогвардейская пресса, в новой «запутанной» международной ситуации сохранялась опасность существования общих врагов у «малых славянских государств» и России. Для «дела славянского объединения» и судеб младших славянских народов важное значение имеет наличие «одной бескорыстной и надежной заступницы» – России [18: 1]. Ее мессианская роль, как отмечали некоторые авторы, должна была сохраниться и в будущем, поскольку «без сильной России славяне не найдут надлежащей поддержки» [23: 2–3].

Авторы публикаций указывали на верность идеи всеславянского объединения, существовавшей в России еще в XIX в., которая стала «облекаться в более реальные формы» только после окончания войны. Лидеры белого движения были названы инициаторами ее воплощения. Борцом за идею объединения славянства как «единого залога возможности достижения прочного мира на всем земном шаре» (так представлялась историческая миссия славянства) был назван генерал М.В. Алексеев. И в этом виделись его заслуги не только перед родиной, но и перед всем славянским миром. Продолжили его работу «единоплеменные нам славяне» – добровольческие сербские и чешские отряды [16: 2].

Политика по поддержке «сближения всех членов великой славянской семьи» была названа приоритетной для колчаковской власти, и защита ее предполагалась на Мирной конференции [12: 3]. Таким образом, объединение славянства становилось государственной задачей. При этом подчеркивалась как сложность ее воплощения «в полной мере», так и реализация ее в «реальных формах» [19: 1].

В конкретно-исторических условиях белогвардейская власть ставила задачу консолидировать славянство не только как важнейшего союзника при наличии общего врага. Активно пропагандировалась на страницах газет идея об общности славян на основе этнического фактора, духовной жизни, происхождения. В частности, в органе информационного отдела штаба Верховного главнокомандующего А.В. Колчака газете «Русская армия» подчеркивалось значение единства: «В единении – сила». Тем более прочным было единство славян, как полагал автор статьи, поскольку оно было «естественным, связано племенным родством, родством языков, культуры и духа». В новых условиях противоречия, даже польско-российские, «выйдут из ложного противостояния» перед настоящим врагом – Германией

и большевизмом [3: 2]. Верховный правитель адмирал А.В. Колчак выразил свое отношение к этому вопросу в телеграмме к Русскому народному совету Прикарпатской Руси: «Желаю совету плодотворной работы, разделяю его взгляды на светлое будущее народов славянских в единении с великой, свободной и мирно развивающейся Россией» [2: 2]. Следует отметить, что Колчак на протяжении всего периода своей деятельности встречался с делегациями славянских национальных советов и имел представление о намерениях и целях представителей этих структур.

С призывами к единению славянства выступали не только официальные лица и организации. Приветствовались единение карпатороссов (они оценивались как пример истинного проявления отношений славянских народов) с Россией и сближение славянства. Представители партии кадетов на Втором карпаторусском съезде в Омске в апреле 1919 г. в лице профессора Н.В. Устрялова выразили одобрение идеи «воссоединения славянства» [8: 3]. Приветственные телеграммы съезду карпатороссов отправил епископ Томский и Алтайский Анатолий (Каменский), иркутское Славянское собрание, Семиреченское казачество [7: 1].

Славяне рассматривались как семья, отношения внутри нее – братские. Именно таким виделось будущее народов. В газете «Русская армия» по случаю годовщины выступления чехословаков против советской власти появился огромный стихотворный заголовок перед всем газетным текстом о том, что чехословаки – славяне стали свободными, «но враг наступает, не медли, союзник и брат-славянин... спешите на помощь, спешите, вставайте все, как один; единой славянской семьей мы дружно в веках заживем...» [13: 2–3].

Некоторые авторы отмечали, что для сближения славян были созданы условия. В частности, П. Семипалатинский отметил, что в период существования «деспотического строя» в России не было возможности установить тесные связи славянской интеллигенции с «прогрессивной русской интеллигенцией». Постепенно эти препятствия устраивались. Стали проходить славянские съезды, и была поставлена задача устранения разногласий. Это способствовало развитию доверия в славянском мире, что помогало сближению славян и России, которое необходимо обеим сторонам. Без сильной России их интересы не могли получить должной поддержки в Европе. При этом автор считал необходимым для укрепления связей сохранять экономические отношения между славянскими государствами, создать таможенный союз [23: 2–3].

Другие политические силы тоже предпринимали попытки по созданию славянского союза. По сведениям Всероссийского нацио-

нального центра, ведущей организации общественно-политической либеральной оппозиции большевистской власти в годы гражданской войны, в Вене организовывали встречи украинские политические деятели, которые стремились создать «Придунайский славянский союз». В его состав предполагалось включить Чехию, Югославию, Сербию, Болгарию и Украину. Сведения об этом сохранились в журнале заседания правления Всероссийского национального центра [6: 333]. Таким образом, это свидетельствовало о желании объединить славян на уровне государств с другим центром в противовес России. Объединительные тенденции после образования новых славянских государств присутствовали, но потенциал их, возможность реализации зависели от многих факторов.

Наибольшую активность в этом процессе проявляли власти и общественность Сибири. Об этом свидетельствуют содержание газетных материалов, стиль изложения, заявления, интервью официальных лиц. В газетах использовались такие термины, как «братьский польский народ», «братья сербы», «братья чехи и словаки», «братья карпатороссы», «братья славяне» как отражение новых отношений между славянами. В свою очередь, славянские представители именовали Россию «старшей сестрой», «родной матерью». Такой подход являл собой новое качество отношений. Можно подчеркнуть, что в статьях содержались благожелательные оценки состояния взаимодействий между славянами, а вся сложность проблем не получала должного анализа. Пропагандистский характер материалов преувеличивался.

Омские власти и общественность пытались не только объяснить необходимость формирования новых отношений между славянскими народами и государствами. Предложен был механизм процесса сближения и единения славянства. Составной частью стало создание славянских союзов и организаций на территории, подвластной омскому правительству. Иркутское «Славянское общество» было сформировано осенью 1918 г. Главная цель его определялась как объединение славян и «содействие укреплению в общественном сознании бытовых начал славянских народов» [25: 4]. За рубежом тоже создавались славянские общества, которые стремились взаимодействовать с омской властью. Так, в Белграде было образовано «Общество славянской взаимности». В нем действовал русский отдел. В приветствии Верховному правительству председатель русского отдела М. Челноков подчеркнул, что общество обратилось «ко всем славянам и друзьям славянства и России с призывом о помощи к ее возрождению», ибо без «Великой России невозможен мир в Европе и невозможно процветание славянских народов» [21: 3].

В задачи харбинского «Славянского братства» входило объединение и воссоздание России; «содействие образованию мощных славянских государств, одухотворенных общими целями»; «распространение созидательных идей по всему славянскому миру». В своем возвании «Братья славяне!» общество выражало надежду на бесконфликтное содружество славян, в котором члены его «будут отстаивать свою самобытность», сохранять независимость, «займут почетное место в ряду великих народов мира». Объединиться славян призывали на основе христианских ценностей и «на единении народа со своей властью». Покровителями «торжества славянского мира», свободного от братоубийственных войн, назывались Пресвятая Матерь Божья и покровители славянства – преподобный Сергий Радонежский и святые равноапостольные первоучители Кирилл и Мефодий [20: 4].

Одной из значимых организаций стал «Союз славянский», созданный в Омске. Особенность его заключалась в том, что образован он был представителями славян новых государств. На территории Сибири произошло «единение всех славян», по мнению его создателей. Сибирь являла собой особое конкретно-историческое пространство и представлялась в этом случае как прообраз будущего сотрудничества славян. Учредителями общества стали А.В. Копытнянский, председатель Карпаторусского совета; И.Я. Кошек, представитель Чехословацкого правительства; Б.И. Иеремич, председатель Югославянского национального совета; К.В. Бинлер, член Объединенного польского совета г. Омска; Я.Я. Палюх, представитель Польского военного комитета в России; два представителя от России – А.И. Булдеев и В.Ю. Язвицкий, член Центрального правления Всероссийского национального союза. Окружной суд зарегистрировал организацию в марте 1919 г. [9: 4, 13].

Цели общества были определены в его уставе. «Главнейшей и неотложной задачей» становилось сближение и объединение славян на культурно-экономической почве. Предполагалось открытие отделов в различных местностях. Пропаганду идей намечалось вести «через создание своей прессы на славянских языках». В задачу союза входили «участие в теоретической и практической разработке вопросов культурной и экономической жизни, посылка своих представителей в научные и экономические общественные организации», заключение договоров о совместной деятельности с родственными или преследующими аналогичные цели структурами. В функции общества входила широкая просветительская деятельность: устройство учебных курсов, читален, библиотек, культурных и экономических выставок, театров, концертов, клубов, организация лекций, собраний, чтений, а также создание типографий, киосков, магазинов. Общество предполагало

организовывать экскурсии в славянские страны. Отдельным пунктом выделена была экономическая сторона работы союза: «...содействие созданию славянских предприятий и учреждений в форме торговых палат, банков и т. п.» [9: 6]. Представители славян приняли идею сближения славян на культурно-экономической основе. Адмирал А.В. Колчак одобрил новые основы сближения славян. Приветствовал создание организации министр иностранных дел С.Д. Сазонов. Но существовали иные предложения об основах «славянской взаимности» – объединиться в борьбе с увеличившимся количеством врагов славянства, «против пангерманизма и панамериканизма» [1: 2–3].

Осенью 1919 г. стала издаваться газета «Наш путь» – орган «славянского единения» под редакцией главы славянского отдела Министерства иностранных дел В.И. Язвицкого. Одновременно он выполнял функции чиновника особых поручений при председателе Совета министров. Главная задача его заключалась в обеспечении связи со славянскими общественными организациями «в их объединительной работе по возрождению России». Издание расширяло возможности пропагандистской работы, позволяло знакомить население и представителей славян с деятельностью «Союза славянского», помогало консолидировать славянство. Союз публиковал воззвания, отчеты о своей организаторской и просветительской деятельности и в других газетах. «Союз славянский» в одном из своих воззваний призвал славян «оказаться единой плотью с единым духом», забыть все распри и создать качественно новый тип отношений государств – славянское братство [5: 4].

Процесс сближения и формирования единства славян был сложным даже в психологическом отношении. Трудности заключались в разном типе идентификации. В одной из статей отмечалось: «Движение славянских народов предполагает, чтобы входящие в него единицы сознавали себя именно как славяне». Такие изменения означали формирование нового типа сознания, что трудно было осуществить, поскольку необходимо было изменить национальное сознание [15: 2].

«Союз славянский» достаточно активно начал свою деятельность. Одним из направлений стало знакомство с жизнью славянских народов, политическими лидерами, важными национальными и религиозными праздниками сербов, югославян, чехословаков, поляков. «Союз славянский» организовывал и чтение докладов по разным проблемам развития славянских государств – экономическим, социальным, культурным [4: 2; 11: 2; 14: 3].

Идеи неославизма, которые стали формироваться еще в начала XX в., получили достаточно полное развитие в планах «Союза славянского». По существу, были предложены конструирование новых

отношений и механизм их реализации. В. Жуковский, заместитель министра иностранных дел, в одной из своих статей предложил более развернутый этап развития сотрудничества, которое предлагалось начинать с завоевания доверия между славянскими народами и знакомства с жизнью каждого из них. Подобный процесс должен был закладываться в школе. Продолжать знакомство можно было через студенческие обмены и предоставление молодежи возможности поступать в университеты славянских государств. Предполагалось увеличить публикацию работ о жизни славян, издательскую деятельность по выпуску учебной и популярной литературы. Важнейшей частью укрепления сотрудничества являлось развитие экономических отношений. Планировались создание финансовых, торговых, производственных, таможенных институтов, обмен рабочей силой.

Газетные статьи и материалы позволяют проследить эволюцию взаимодействия славян – от военного до культурно-экономического – в сибирских условиях. Последнее проявило себя в организации торговых российско-чехословацкой и российско-польской палат. Военнопленным славянам Министерство народного просвещения предложило курсы по изучению русского языка и истории.

В новых условиях создания независимых славянских государств потребовалось по-новому осмыслить принципы государственных отношений. Основная тенденция в этих отношениях была направлена на преодоление противоречий, сближение и единство. Для этого была создана такая структура, как «Союз славянский», который предложил создание славянского единства не на военных и политических, а на культурно-экономических принципах. Но реализовать этот план оказалось невозможным: слишком сильны были противоречия между славянскими государствами. Строительство национальных государств для них оказалось важнее, чем укрепление единства и оказание военной помощи России.

ЛИТЕРАТУРА

1. 2 августа. Обращение к славянам // Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1919. 2 авг. № 118. С. 2–3.
2. Благодарность Верховному Правителю от Русского народного совета Прикарпатской Руси // Русская армия. Омск. 1919. 27 марта. № 63. С. 3.
3. В-в А. К славянскому единению // Русская армия. Омск. 1919. 13 июня. № 122. С. 2.
4. Верус. Вечер славянского единения // Правительственный вестник. 1919. 7 мая. № 129. С. 2.

5. Воззвание «Союза славянского» // Русская армия. Омск. 1919. 5 марта. № 44. С. 4.
6. Всероссийский национальный центр. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 608 с.
7. Второй карпаторусский съезд // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 4 мая. № 10. С. 1.
8. Второй карпаторусский съезд // Русская армия. Омск. 1919. 17 апреля. № 80. С. 3.
9. Государственный архив Омской области. Ф. Р-346. Оп. 1. Св. 15. Д. 480. Материалы о регистрации «Союза славянского».
10. Григорьева А.А. Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2010. 26 с.
11. Жуковский В. Задачи общеславянской культурной работы // Наш путь. 1919. 22 (9) сент. № 2. С. 2.
12. Из особого Совещания при Министерстве иностранных дел // Русская армия. 1919. Омск. 1 февр. № 23. С. 3.
13. К годовщине освобождения Сибири от большевиков // Русская армия. Омск. 1919. 7 июня. № 118. С. 2–3.
14. Н. Среди славян // Русская армия. Омск. 1919. 25 марта. № 61. С. 3.
15. Объединение славян // Сибирская жизнь. Томск. 1919. 27 февр. № 40. С. 2.
16. Объединение славянства // Сибирская жизнь. Томск. 1919. 18 окт. № 220. С. 2.
17. Омск, 1 апреля // Русская армия. Омск. 1919. 1 апр. № 67. С. 1–2.
18. Омск, 22 октября // Русская армия. Омск. 1919. 22 окт. № 228. С. 1.
19. Омск, 6 августа // Русская армия. Омск. 1919. 6 авг. № 167. С. 1.
20. Отовсюду (из газет) // Русская армия. Омск. 1919. 19 июня. № 127. С. 4.
21. Приветствия Верховному правителью // Правительственный вестник. Омск. 1919. 30 июля. № 197. С. 3.
22. Ромашов Ю.В. Образ Южных славян и идея славянского единства в панславистских концепциях в России второй половины XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2013. 20 с.
23. Семипалатинский П. Несколько заметок о славянском сближении // Русская армия. Омск. 1919. 9 марта. № 48. С. 2–3.
24. Серапионова Е.П. Карел Крамарж и Россия (1890–1937 годы). М.: Наука, 2006. 512 с.
25. Славянское общество // Сибирский голос. Иркутск. 1918. 1 нояб. № 32. С. 4.
26. Суляк С.Г. Русинская идентичность (на примере участия галичан в гражданской войне) // Русин. 2015. № 42. С. 107–125. DOI: 10.17223/18572685/42/9
27. Суляк С.Г. «Свободное слово. Ежемесячный Карпато-русский журнал» как важный источник по истории Подкарпатской Руси межвоенного периода // Русин. 2019. № 57. С. 195–229. DOI: 10.17223/18572685/57/12

REFERENCES

1. Anon. (1919) Obrashchenie k slavyanam [Appeal to the Slavs]. *Dal'nevostochnoe obozrenie*. 2nd August. pp. 2–3.
2. Anon. (1919) Blagodarnost' Verkhovnomu Pravitelyu ot Russkogo narodnogo soveta Prikarpatskoy Rusi [Gratitude to the Supreme Ruler from the Russian People's Council of Carpathian Rus]. *Russkaya armiya*. 27th March. p. 3.
3. V-v A. (1919) K slavyanskому edineniyu [On Slavic Unity]. *Russkaya armiya*. 13th June. p. 2.
4. Verus. (1919) Vecher slavyanskogo edineniya [An Evening of Slavic Unity]. *Pravitel'stvennyy vestnik*. 7th May. p. 2.
5. Anon. (1919) Vozzvanie "Soyuza slavyanskogo" [Appeal of the "Slavic Union"]. *Russkaya armiya*. 5th March. p. 4.
6. Kanishcheva, N.I. (ed.) (2001) *Vserossiyskiy Natsional'nyy Tsentr* [All-Russian National Centre]. Moscow: ROSSPEN.
7. *Karpatorusskoe slovo*. (1919) Vtoroy Karpatorusskiy s"ezd [Second Carpatho-Russian Congress]. 4th May. p. 1.
8. *Russkaya armiya*. (1919) Vtoroy Karpatorusskiy s"ezd [Second Carpatho-Russian Congress]. 17th April. p. 3.
9. The State Archive of Omsk Region (GAOO). *Materialy o registratsii "Soyuza slavyanskogo"* [Materials on the registration of the "Slavic Union"]. Fund P-346. List 1.15. File 480.
10. Grigorieva, A.A. (2010) *Panslavizm: ideologiya i politika (40-e gody XIX – nachalo XX vv)* [Panslavism: ideology and politics (the 1840s – early 20th century)]. Abstract of History Cand. Diss. Irkutsk.
11. Zhukovsky, V. (1919) Zadachi obshcheslavjanskoy kul'turnoy raboty [Tasks of the Slavic cultural work]. *Nash put'*. 22nd (9th) September. p. 2.
12. *Russkaya armiya*. (1919a) Iz osobogo Soveshchaniya pri Ministerstve inostrannykh del [From the special meeting at the Ministry of Foreign Affairs]. 1st February. p. 3.
13. *Russkaya armiya*. (1919b) K godovshchine osvobozhdeniya Sibiri ot bol'shevikov [On the anniversary of the liberation of Siberia from the Bolsheviks]. 7th June. pp. 2–3.
14. N. (1919) Sredi slavyan [Among the Slavs]. *Russkaya armiya*. 25th March. p. 3.
15. *Sibirskaya zhizn'*. (1919). Ob'edinenie slavyan [Association of the Slavs]. 27 February. p. 2.
16. *Sibirskaya zhizn'*. (1919). Ob'edinenie slavyanstva [Association of Slavs]. 18th October. p. 2.
17. *Russkaya armiya*. (1919c) 1st April. pp. 1–2.
18. *Russkaya armiya*. (1919d) 22nd October. p. 1.
19. *Russkaya armiya*. (1919e) 6th August. p. 1.
20. *Russkaya armiya*. (1919f) Otovsyudu (iz gazet) [Miscellania]. 19th June. p. 4.
21. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1919) Privetstviya Verkhovnomu pravitelyu [Greetings of the High Ruler]. 30th July. p. 3.
22. Romashov, Yu.V. (2013) *Obraz Yuzhnykh slavyan i ideya slavyanskogo edinstva v panslavistskikh kontsepsiakh v Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.*

[The ideas of Slavic unity in the Pan-Slavic concepts of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Saratov.

23. Semipalatinsky, P. (1919) *Neskol'ko zametok o slavyanskom sblizhenii* [A few notes about the Slavic rapprochement]. *Russkaya armiya*. 9th March. pp. 2–3.

24. Serapionova, E.P. (2006) *Karel Kramarzh i Rossiya (1890–1937 gody)* [Karel Kramarge and Russia (1890–1937)]. Moscow: Nauka.

25. *Sibirskiy golos*. (1918) *Slavyanskoe obshchestvo* [Slavic society]. 1st November. p. 4.

26. Sulyak, S.G. (2015) The Rusin identity (a case study of Galicians' participation in the Civil War). *Rusin*. 42. pp. 107–125. (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/9

27. Sulyak, S.G. (2019) Journal “Free Word: Carpatho-Russian Monthly” as an Important Source on the History of Subcarpathian Rus in the Inter-War Period. *Rusin*. 57. pp. 195–229. (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/57/12

Наумова Наталья Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения Томского государственного университета (Россия).

Natalia I. Naumova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: tomnin@yandex.ru

УДК 94(437.7):438.081:437:1935/1936

UDC

DOI: 10.17223/18572685/58/9

ПОДКАРПАТСКАЯ РУСЬ В КЛЮЧЕ ПОЛЬСКО-ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ОТНОШЕНИЙ (ВЕСНА 1935–1936 гг.)

С.В. Морозов

Белгородский государственный национальный исследовательский
университет

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: roland60@mail.ru

Авторское резюме

Рассматриваются малоизвестные аспекты польско-чехословакских отношений в контексте их направленности относительно Подкарпатской Руси в период 1935–1936 гг., т.е. в период переформатирования варшавским режимом «санации» своих «восточных планов», поставленных под вопрос после смерти маршала Пилсудского, в пользу создания т.н. «нейтрального блока». Обязательным условием для его создания подразумевалось установление общей польско-венгерской границы за счет земель Подкарпатской Руси. Договоры о взаимопомощи, заключенные весной 1935 г. Москвой, Парижем и Прагой, позволили последней, с одной стороны, в значительной степени обезопасить себя от возможной агрессии, а с другой – вынудили искать пути осуществления своей безопасности, в т. ч. с помощью модернизации Малой Антанты и сближения с Бухарестом.

Ключевые слова: Польша, Чехословакия, Подкарпатская Русь, 1935–1936 гг., Малая Антант, «нейтральный блок», «междуречье», польско-венгерская граница.

SUBCARPATHIAN RUS IN THE CONTEXT OF POLISH-CZECHOSLOVAKIAN RELATIONS (THE SPRING OF 1935–1936)

S.V. Morozov

Belgorod State National Research University
85 Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: roland60@mail.ru

Abstract

The author focuses on the unrenowned aspects of the Polish-Czechoslovak relations in connection with Subcarpathian Rus in 1935–1936, when the Warsaw Regime of Sanation was shaping their “eastern plans” to create the so-called “neutral block” after Marshal Piłsudski’s death. The neutral block required a common Polish-Hungarian border at the expense of Subcarpathian Rus territories. The mutual assistance agreements concluded in the spring of 1935 by Moscow, Paris and Prague allowed the latter to protect itself from a possible aggression, on the one hand, while on the other, forced them all to look for ways to implement their security through modernization of the Little Entente and rapprochement with Bucharest.

Keywords: Poland, Czechoslovakia, Subcarpathian Rus, 1935–1936, the Little Entente, “neutral block”, Polish “intersea project”, common Polish-Hungarian border.

Время мчится стремительно, неумолимо внося свои корректизы в жизнь людей, народов и государств, которым приходится не только существовать, приспосабливаться, но и влиять на непрерывно изменяющиеся обстоятельства в международных отношениях. Не успели президенты Д. Трамп и А. Дуда подписать 12 июня с. г. в Вашингтоне соглашения о создании в Польше т. н. «Форта Трамп», предусматривающего размещение в дополнение к уже имеющимся 4,5 тыс. дополнительной тысячи военнослужащих США, а также о приобретении 30 истребителей F-35, как уже 9 июля появились сообщения о том, что президент В. Путин и его заокеанский визави в рамках возможного «Ялтинского говора 2.0» могут лишить Польшу буферной зоны, в т. ч. в виде Украины [10; 15]. О грядущих новых Ялтинской и Бреттон-Вудской конференциях, на которых Путину и Трампу предстоит юридически оформить крах глобалистских замыслов, что предполагает, в частности, восстановление влияния России в Восточной Европе, заговорили видные российские экономисты [19]. Ослабление там американского влияния может иметь следствием повышение политической активности не только восточных регионов Украины, но и юго-западных, прежде всего Закарпатья¹, «часть населения которого, являясь потомками русинов, до настоящего времени идентифицирует себя с этим народом» [12: 252].

В межвоенный период обстоятельства на политической арене менялись хоть и не столь молниеносно, но в течение 1932–1936 гг.

свидетельствовали, среди прочего, с одной стороны, о великорегионных амбициях варшавского режима «санации», а с другой – о той изобретательности, с которой он действовал в стремлении восстановить «былое величие» Польши. И если в период 1932 – весны 1935 г. польское руководство, прежде всего в лице маршала Ю. Пилсудского, в глубокой тайне совместно с гитлеровской Германией и милитаристской Японией вынашивало планы антисоветской интервенции, то с лета 1935 по осень 1936 г. идеиные наследники покинувшего бренный мир 12 мая 1935 г. «дедушки»², среди которых одну из главных ролей играл глава варшавского МИД Ю. Бек, делали ставку на создание оси Варшава–Будапешт–Рим, или т. н. нейтрального блока. Его обязательным условием должно было стать *установление общей польско-венгерской границы за счет земель Подкарпатской Руси*, входившей тогда в состав Чехословакии.

Целью данной статьи является рассмотрение польско-чехословацких отношений с учетом интересов Праги и Варшавы в Подкарпатском регионе. Хронологические рамки определены весной 1935–1936 г., когда пилсудчики³, вследствие, с одной стороны, заключения советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи, а с другой – усиления позиций нацистского Берлина, были вынуждены начать корректировку своих «восточных» планов посредством вовлечения в совместные политические комбинации прежде всего Будапешта. Сопутствующая цель статьи – показать взаимосвязь преемственности польской внешней политики путем демонстрации авантюризма, заключающегося в стремлении выстраивать, преследуя химерные цели восстановления великорегионности, сомнительные военно-политические комбинации: в настоящее время – за счет навязываемого нынешними властями Польши сближения с США, в прошлом – посредством попыток сближения с Венгрией.

Согласно мнению авторитетного исследователя А.И. Пушкаша, выбор идеиными наследниками Пилсудского именно данной страны был в определенной степени закономерен: «И у Венгрии, и у Польши в этот период были общие интересы: антисоветизм, антикоммунизм и ненависть к Чехословакии» [14: 103]. Данное утверждение основано на архивных материалах. В служебной записке будапештского МИД, созданной накануне визита 19 октября 1934 г. премьер-министра Д. Гёмбёша в Варшаву, отмечалась геополитическая важность присоединения Подкарпатской Руси к Чехословакии, что обусловливало «общий венгеро-польский интерес», суливший «возможность далеко идущего сотрудничества». Отмечалась оптимальность установления общей венгеро-польской границы и одновременно неосуществимость этой цели на тот момент [14: 105; 27: К-64. 1934. 17. 573]. Следова-

тельно, ее достижение ставилось в зависимость от такого фактора, как время.

Третий месяц весны 1935 г. был богат важными событиями, в корне изменившими политическую обстановку в европейских международных отношениях. 2 мая в Париже советский полпред В.П. Потемкин и министр иностранных дел Франции П. Лаваль подписали договор о взаимной помощи между СССР и Францией. А 16 мая в Праге последовало заключение полпредом С. Александровским и главой МИД Э. Бенешем аналогичного договора между СССР и Чехословацкой Республикой [7: 309–312, 333–336]⁴. Эти документы кардинальным образом «изменили ситуацию в правовом поле международных отношений. Идея коллективной безопасности была фактически реализована в составе всего лишь трех участников – СССР, Франции и Чехословакии. <...> была создана система *малой коллективной безопасности*» (выделено автором. – С.М.) [11: 50]. Это откладывало на неопределенный срок реализацию планов Пилсудского, Гитлера и японских милитаристов по антисоветской агрессии, намечавшейся в глубокой тайне на вторую половину 1935 г.

Изменения политической обстановки в европейских международных отношениях, способствовавшие началу процесса корректировки режимом «санации»⁵ участия Вежбовой в «восточных планах», никак не повлияли на тенденции, имевшие место в польско-чехословацких отношениях. В результате длившегося уже долгое время процесса их охлаждения еще 25 марта 1935 г. покинул Варшаву тогдашний посланник ЧСР Вацлав Гирса [25: 166].

Вскоре за этим двусторонние отношения подверглись обострению вследствие «эскалации [польским меньшинством Тешенской Силезии] конфликта, который вспыхнул в июле – октябре 1935 г.». Документы свидетельствуют, что первые сообщения об этом относятся к последней декаде июня. Демонстрации и газетные кампании привели к кризису в польско-чехословацких отношениях, достигшему своей кульминации осенью, когда он распространился и на дипломатическую сферу: были отзваны польский и чехословацкие консулы, а Прагу покинул посланник В. Гжибовский [25: 166].

Избрание 18 декабря 1935 г. на пост президента ЧСР Э. Бенеша, по мнению Е. Козеньского, «перечеркивало возможность какого-либо соглашения Варшавы с Прагой, ибо в польском лагере не усматривали никаких общих целей, а взаимная неприязнь Бека и Бенеша исключала любые личные контакты». Польский исследователь вполне справедливо отметил, что «первый остался на прежней должности министра, а второй, пользующийся еще большим авторитетом как на западе, так и на востоке, был избран главой государства» [25: 167].

В качестве своеобразного послесловия к итогам 1935 г. можно привести мнение М. Пулаского: «На пороге 1936 г. между обоими государствами существовала значительная дистанция, и они были далеки от достижения соглашения, хотя, несмотря на это, более рационально мыслящие чехословацкие политики не отказались от попыток в этом направлении» [30: 116].

Не способствовала улучшению двусторонних отношений и вышедшая в Берлине книга К. Витта «Тешенский вопрос», где, в частности, говорилось о стремлении польской внешней политики создать общую границу с Венгрией [32: 118–232]. Наличие данной цели у последней усматривали и некоторые из западных дипломатов. В частности, французский посол в Берлине А. Франсуа-Понсе заявил 23 января 1936 г. венгерскому посланнику Д. Стояи об опасности внешнеполитических целей премьера Гёмбёша, поскольку тот «вместе с поляками стремится задушить Чехословакию и установить общую венгеро-польскую границу» [14: 182; 26: К-83. 1936. 15. 1-3.1].

Относительно опуса Витта пражские политики не промолчали, и в «печатном органе тогдашнего чехословацкого премьера» М. Годжи кошицкой газете «Виход республики» от 8 февраля 1936 г. была опубликована статья, где в завуалированном виде присутствовала Подкарпатская Русь. В частности, в последнем абзаце публикации говорилось следующее: «Здесь только будет один крепкий орешек: в Европе этих коридоров немного больше. Один из них составляет украинскую землю, присоединенную к Польше. Она отделяет наших русинов (курсив мой. – С.М.) от Великой Украины. Если судьба укажет, а Польша начнет – славянская Россия поймет свой исторический долг и подаст Чехословакии дружескую руку через Дукельский перевал. Это положило бы конец польским химерам и истерическому братанию с Венгрией за наш счет, так же, как и польскому диктаторскому правлению и польским политическим авантюрам» [16: 190].

Дабы подкрепить слова делом, чехословацкие власти проводили политику выселения польских граждан из страны, о чем свидетельствовали донесения польской военной разведки. В частности, в сообщении от 25 февраля 1936 г. речь шла о принудительном выселении из Подкарпатской Руси в Польшу украинских эмигрантов, участников бывшей «галицкой» армии, в качестве ответной меры за выселение чехов из Польши [16: 192]. Следует отметить, что иногда происходило не выселение, а принудительное переселение поляков и иностранных граждан, например, с территории повета Гуменнэ, в связи со строительством объектов стратегического значения – железной дороги и системы складов: северной магистрали и военного лесного резерва [16: 185].

Тем временем французский парламент 27 февраля проголосовал за ратификацию договора о взаимопомощи, а ранним утром в субботу⁶ 7 марта 1936 г. германские войска вошли в демилитаризованную зону⁷, нарушив тем самым Версальский и Локарнский договоры. Статьи 42 и 43 Версальского договора запрещали Германии укреплять левый берег Рейна, а также 50-километровую полосу к востоку от Рейна на его правом берегу, равно как и держать в этой зоне вооруженные силы. Статья 44 однозначно предупреждала, что в случае какого бы то ни было нарушения этих положений Германия будет рассматриваться как «совершившая враждебный акт» [23: 329].

Усиление позиций Берлина привело к тому, что Варшава в рамках политики изоляции Праги стала наращивать сотрудничество с Венгрией, для чего польский премьер М. Зиндрам-Косцялковский с 23 по 26 апреля 1936 г. посетил Будапешт, чтобы продвинуть замыслы министра Ю. Бека о создании оси Варшава – Будапешт–Рим. Имелся в виду т. н. план «междуморья», или «Третьей Европы», который исходил из теоретического положения, что советско-германский антагонизм позволит Польше не только сохранить между ними равновесие, но и создать новый блок из центральноевропейских государств под ее главенством. С этой целью уже с середины 1935 г. Бек прилагал усилия, чтобы увлечь этим планом прибалтийские и скандинавские страны во главе со Швецией и Финляндией, которые в соответствии с ним должны были объявить нейтралитет. Наряду с балтийскими государствами важную роль в этом плане предстояло сыграть Румынию, Югославию, Италию, Венгрию. Роль же статиста была отведена Чехословакии, в состав которой входила тогда Подкарпатская Русь.

Основной чертой этого плана была его противоречивость, заключавшаяся в несовместимости, с одной стороны, его участников, а с другой – методов создания и целей. Румыния и Югославия были членами Малой Антанты и стремились к сохранению Версальской системы, а Италия и Венгрия – странами, подписавшими Римские протоколы и стремившимися к ревизии границ. По этой причине они не могли существовать в рамках одного блока. Еще один элемент плана – общая польско-венгерская граница в Закарпатье – предполагал ревизию чехословацких границ. Наконец, с его объективной целью – стать третьей силой в Европе, «Третьей Европой», неким арбитром между Западом и Востоком – не могли согласиться ни западные державы, ни Советский Союз. В Лондоне не возражали против этого плана, но полагали, что Польша слаба для его осуществления. Венгерские дипломаты считали его нежизнеспособным, не учитывавшим реальное положение, уже существовавшие политические блоки [14: 182]¹⁸.

Бек посвящал немало времени его воплощению, используя в качестве орудия борьбы с советскими планами по созданию системы коллективной безопасности, а также для сближения с Румынией и Югославией. Поскольку последние были членами Малой Антанты и не могли участвовать в рамках другого блока одновременно с Венгрией, то объективной целью проводившейся им политики в связи с планом «Третьей Европы» должен был стать развал данного блока.

Эта цель не могла не импонировать и общему характеру польско-венгерского сотрудничества, что проявилось во время переговоров Косцялковского с венгерским министром иностранных дел К. Каней. Последнего интересовали польско-чехословацкие отношения в связи с советско-чехословацким договором, а также открытие чехословацких аэродромов для советских самолетов. Министр также выразил удовлетворение в связи с согласованностью действий в отношении финансировавшихся Венгрией и Польшей партий в Закарпатье⁹. В частности, если бы этой области была предоставлена автономия, как обещал премьер Годжа, то Каня предлагал сорвать ее утверждение в чехословацком парламенте при помощи партии И. Куртяка и хотел выяснить, как «польская сторона оценивает возможность решения "рутенского вопроса" в будущем» [14: 224–225].

Как можно заметить, польские и венгерские партнеры понимали друг друга с полуслова, ибо сразу же по окончании переговоров в Варшаве прошло собрание Союза польской государственной идеи, где прозвучала мысль, что советско-чехословацкое сближение угрожает Польше и поэтому необходим союз с Венгрией. После этого было принято решение потребовать от Лиги Наций предоставить «Венгрии мандат на Закарпатскую Украину (подкарпато-рутенскую землю), ставшую в руках чехов самым опасным источником бурь в Европе, а в Словакии провести плебисцит, чтобы выяснить желание населения относительно государственной принадлежности» [14: 227].

Руководство ЧСР в лице, прежде всего, президента Бенеша вынуждено было предпринимать действия нейтрализационного характера, а также кооперироваться с зарубежными партнерами. Проходившие весной 1936 г. переговоры между Москвой, Прагой и Бухарестом предусматривали заключение советско-румынского договора о взаимной помощи и соглашения о пропуске через румынскую территорию, в случае возникновения угрозы для независимости Чехословакии, советских войск во исполнение условий советско-чехословацкого договора [28: 236–237]. Переговоры шли очень медленно, ибо встречали на своем пути значительное противодействие со стороны влиятельных придворных и военных кругов Румынии, которые решительно выступили против возможности предоставления советским

войскам права прохода через Буковину для помощи Чехословакии. От позиции Румынии в тот момент зависела дальнейшая судьба как Балкан, так и всей Европы, ибо это был реальный шанс для создания серьезного противодействия на пути возможной агрессии. Поэтому усилия определенных западных кругов, прежде всего Берлина, были направлены на то, чтобы сорвать достижение договора между Советским Союзом и Румынией и соглашения о пропуске войск. В качестве непосредственных исполнителей этих планов активную роль сыграли Югославия и Польша [3: 129].

В частности, для того чтобы продемонстрировать свою обеспокоенность, санкционный МИД через своего посланника в Бухаресте М. Арцишевского во время советско-румынских переговоров весной 1936 г. запросил румынское правительство, признает ли оно по-прежнему договор о дружбе с Польшей и соглашение их Генеральных штабов. Не удовлетворившись этим шагом, Бек, к удивлению дипломатических кругов, в конце мая нанес визит в Белград, где ему вскоре удалось достичь взаимопонимания со Стоядиновичем [20: 118–121]¹⁰.

В результате Югославия, угрожая пойти на раскол Малой Антанты, оказала сильнейшее давление на Румынию¹¹. Переговоры были вновь приостановлены, а бухарестская встреча глав государств Малой Антанты, прошедшая 6–9 июня 1936 г., окончилась безрезультатно¹². И хотя Бенеш во время официальных контактов стремился продемонстрировать, что положение дел как внутри блока, так и в Чехословакии находится на приличном уровне¹³, «бухарестское совещание явилось тем переломным моментом, с которого разложение Малой Антанты пошло более быстрыми темпами» [3: 131].

Таким образом, усиление германских позиций в Центральной Европе после ремилитаризации Рейнской области способствовало, с одной стороны, поискам Парижем и Прагой новых путей противодействия возраставшему германскому влиянию, в т. ч. налаживанию более тесного взаимодействия с Варшавой, а с другой – укреплению прогерманской политики Бека. В частности, в результате совместного польско-германского давления на Югославию были сорваны подписание советско-румынского договора, который должен был дополнить советско-чехословацкий договор 1935 г., а также заключение нового пакта Малой Антанты, предполагавшего гарантию против любого агрессора, прежде всего, против нацистского рейха.

Учитывая возраставшую угрозу со стороны Германии, а также нарастание противоречий внутри Малой Антанты, Град стремился укрепить свои позиции внутри страны. 23 июня 1936 г. был принят закон о защите республики, в соответствии с которым предпринимался целый ряд мер, укреплявших государственную власть на местах¹⁴, а также

введен режим приграничной зоны в 23 районах, включая Тешенскую Силезию. Этот закон вызвал резко негативную реакцию в Германии и Венгрии, отрицательное отношение ряда политических партий, включая генлейновцев, глинковцев, а также венгерского и польского меньшинств [24: 203]. Видимо, для того чтобы продемонстрировать твердость и последовательность в проведении этой политики, министр Крофта заявил 25 июня 1936 г. в парламенте о прежнем курсе правительства в отношении польского населения [24: 38]¹⁵.

После смерти Пилсудского режим санации оказался в состоянии кризиса, который продолжался и в 1936–1937 гг. Его характерной чертой была политическая нестабильность, проявлявшаяся, в частности, в замене одних организаций «санации» другими. Прекратил свое существование ББВР¹⁶ – основная опора режима, функции которого приняло объединение, созданное А. Коцом, – Лагерь национального объединения (ОЗОН). Одновременно идеологи режима, в частности, один из его основных представителей Б. Медзыньский¹⁷, вели усиленный поиск путей обновления правящего лагеря.

Тем временем гитлеровской дипломатии удалось добиться важного достижения на международной арене. 11 июля 1936 г. Германия подписала с Австрией двустороннее соглашение, формально подтверждавшее ее суверенитет. Однако оно включало статью, гласившую, что «правительство австрийского федерального государства будет постоянно руководствоваться в своей общей политике и, в частности, в своей политике по отношению к Германии тем принципом, что Австрия признает себя немецким государством» [9: 574]. Этот пункт свидетельствовал о том, что Гитлер сделал важнейший шаг к завоеванию господствующих позиций в Центральной Европе, что приведет, с одной стороны, к вытеснению Италии из этого региона, а с другой – к будущему аншлюсу.

Таким образом, германо-австрийское соглашение от 11 июля 1936 г. означало, во-первых, завоевание рейхом ключевой позиции «к овладению Центральной Европой», а во-вторых, неизбежную перспективу дальнейшего ослабления в этом регионе внешнеполитических позиций Чехословакии, т. к. сюда в скором времени последует экономическое и политическое проникновение Германии, а также Венгрии и Польши¹⁸.

Реализуя линию на сближение с Будапештом, Варшава стремилась придать некий динамизм своему влиянию в Словакии, дабы расшевелить там сепаратистские тенденции, в т. ч. при помощи т. н. людаков во главе с католическим священником А. Глинкой. Возрастание активности братиславского консульства началось еще зимой 1936 г. и реализовалось по двум направлениям. Первое было связано со

стремлением Вежбовой подорвать значение советско-чехословацкого договора 1935 г., для чего предполагалось объединить религиозные и националистические элементы Словакии на антикоммунистической основе. В феврале директор политического департамента варшавского МИД Т. Кобылянский рекомендовал братиславскому консульству «использовать деликатные намеки, имеющийся опыт и связи, чтобы вызвать активную антикоммунистическую кампанию, которая бы показала, что распространение коммунистического влияния в Чехословакии является прямым следствием той благоприятной позиции, которую заняли чешские круги в отношении подрывных влияний, идущих с Востока».

В рамках этого поручения консул Лачиньский установил тесный контакт с католической организацией Списка Катула, «проявлявшей активную заинтересованность и симпатию к Польше». Ее возглавлял епископ Я. Воташчак, по инициативе которого в начале мая 1936 г. было организовано заседание с участием польского консула. В итоге была принята резолюция, что в случае усиления коммунистического влияния в Словакии вопреки сопротивлению духовенства «следовало бы обратиться с просьбой о помощи к Польше или даже к Венгрии» [25: 205].

Второе направление деятельности братиславского консульства было связано с попыткой оказать влияние на крупнейшую словацкую молодежную католическую организацию – Католическое объединение, насчитывавшее 11 500 членов и 250 кружков, в котором ведущую роль играл депутат К. Сидор. Однако возлагавшихся на него надежд последний не оправдал, предпочитая демонстрировать готовность к сотрудничеству, но уклоняясь от конкретной деятельности [25: 202–204].

Из Праги уже давно наблюдали за деятельностью польского консульства в Братиславе и за сближением людаков с Польшей. Попытка прервать эти контакты была предпринята в связи с визитом в ЧСР деятеля Фронта Морж, политического эмигранта В. Корфанты. Ему была поручена миссия убедить Глинку в том, что санационный режим Польши не является идеальным партнером для политического сотрудничества. В начале августа 1936 г. Корфанты в сопровождении нескольких соратников по движению отправился к Глинке в Ружемберк, где, в соответствии с донесением консула Лачиньского, передал ему в дар ценную шкатулку и затем во время беседы убеждал его в губительности для Польши правления военных, заявив, что это правительство состоит из «безбожников и радикалов». Корфанты также пытался доказать, что тактика сотрудничества Сидора с санационными дипломатами ведет к катастрофе, и просил Глинку ее изменить,

добавив, что католиков в Польше представляет он сам и поэтому вынужден находиться на чужбине¹⁹.

Лачиньский сообщал, что Глинка некоторое время находился под впечатлением от встречи с Корфанты, но позднее понял «истинную цель этого визита и вновь полностью одобрил тактику Сидора». Если учесть, что Глинка прекрасно понимал прагматичную подоплеку политической активности «санационной» дипломатии (суть тактики Сидора заключалась в демонстрации сотрудничества, а не самом сотрудничестве), то, похоже, что в Граде были склонны несколько преувеличивать значение санационно-людацкого альянса [25: 207].

Тем временем 14 сентября 1936 г. в Братиславе на очередную сессию Постоянного совета собирались союзники по Малой Антанте. На ней обсуждался новый чехосlovakий проект, предусматривавший совместное противодействие всякой агрессии как предпосылки для будущего заключения пакта между Малой Антантой и Францией. Участие Франции в союзе Малой Антанты усилило бы в ней позиции Чехословакии и воспрепятствовало намечавшемуся отходу от нее Югославии. Однако на братиславской сессии, где, кстати, уже не присутствовал ревностный поборник новой концепции пакта румынский министр Титулеску²⁰, проект Бенеша не был принят, т.к. Чехословакия оказалась перед лицом общего фронта Югославии и Румынии²¹.

Учитывая опыт братиславской сессии, следовало предварительно договориться о совместных чехословако-румынских действиях в рамках Малой Антанты, с помощью которых можно было бы преодолеть сопротивление Югославии. О путях осуществления этой идеи говорили в конце октября 1936 г. Бенеш с королем Каролем во время его визита в Прагу.

Согласно договоренности Бенеша с Каролем, положение Малой Антанты предполагалось усилить пактом с Францией, в результате чего было бы создано необходимое условие для включения Малой Антанты как единого целого в переговоры о новом Локарно. В отношении Германии было высказано мнение, что предпочтительным может стать германо-малоантантовский пакт или же пакты о ненападении между Германией и отдельными странами Малой Антанты. В частности, допускалась возможность заключить такой пакт только с Чехословакией с согласия членов Малой Антанты и Франции.

С одной стороны, перспектива этих планов должна была способствовать консолидации членов Малой Антанты, в особенности Югославии, а с другой – этот расширенный союз укрепил бы международный авторитет Малой Антанты настолько, что «если при переговорах о новом Локарно возвратились бы к вопросу о пакте четырех либо о пакте пяти с участием Польши, тогда Малая Антанта предъявила бы

требование о своем участии» [3: 431]. В целом итоги встречи Бенеша с Каролем, с точки зрения дальнейших внешнеполитических перспектив, можно было рассматривать как удачные для Града.

В то же время существуют документы, представляющие ее в несколько ином свете и рисующие ее возможную подоплеку в связи с дипломатическими комбинациями на международной арене. Так, источник польской военной разведки²² накануне визита, 23 октября 1936 г., сообщал: «В тех [французских] кругах, где внимательно следят за событиями в Центральной Европе, впечатление таково. Поездка короля, несомненно, входит в программу дипломатического наступления, имеющего целью совершенно уничтожить советское влияние в Центральной Европе, разорвав советско-чехословацкий пакт. Она подготовлена и несколькими событиями, в частности, свиданием Бека и фон Папена²³ в Далмации, поездкой фон Папена в Прикарпатье и в район Марамароша (встреча с Бераном²⁴), крахом французского влияния в Бельгии (последнее также приписывается решающим разговорам Бека с ван Зееландом во время пребывания Бека в Бельгии, причем Бек выступал в данном вопросе агентом сэра Роберта Ванситтарта²⁵, т. е. представлял интригу некоторых английских консервативных кругов), проникновением Германии на Балканы в результате поездки Шахта и предстоящим соглашением Рима с Берлином после переговоров Чиано.

В этом аспекте отставку Титулеску и предстоящие вскоре перемены в румынском кабинете, разоблаченные национал-царанистами, рассматривают как победу Варшавы и поворот Румынии на рельсы польской политики, причем объявленная уже в прессе предстоящая поездка Бека в Лондон чрезвычайно беспокоит французские круги, так как там считают, что эта поездка составляет также одно из звеньев антисоветской интриги Бека-Ванситтарта в Центральной Европе» [17: 50–51].

Перечислив участников возможной политической комбинации, источник переходил непосредственно к возможным целям этой международной дипломатической комбинации: «Много говорят (в ближайшие дни это появится в "Энтроне" за подписью Руже Вильмона, по линии Кэ д'Орсэ), что в Праге будут обсуждаться и комбинации, идущие дальше простого разрыва Праги с Москвой. Речь идет о реализации старого польского плана установления общей границы с Венгрией и уничтожении чешско-румынской общей границы. Считают, что этот план разработан в очень ловкой постановке, а именно – уступить земли не Венгрии, что невозможно для Румынии и Чехии по соображениям престижа, а Польше, усилив польские гарантии Румынии по военному союзу и раз и навсегда ликвидировав поль-

ско-чешские недоразумения и трения из-за Тешена. Не исключена возможность, что этот план уступки земель сыграет в руках Кароля роль козыря против Бенеша, если последний проявит желание идти до конца в своем соглашении с Москвой. В таком случае Румыния может пригрозить, что поможет польскому плану установления общей границы Польша–Венгрия, уступив небольшой кусок земли вдоль своей границы с Чехией, не дожидаясь присоединения Праги к таким планам и фактически прерывая единый стратегический фронт Малой Антанты и оставляя Прагу один на один с Берлином и Варшавой» [17: 51].

В заключение подводились немногословные, но весьма важные итоги: «Надо считать, что Бек успел привлечь на свою сторону Стоядиновича во время своего пребывания в Далмации и личных встреч, поэтому нынешняя поездка Татареску в Белград и личные встречи его со Стоядиновичем рассматриваются как последняя подготовка объединенного румыно-югославского нажима на Прагу» [17: 51].

Таким образом, основной целью визита короля Кароля в Прагу было добиться от Бенеша обещания отказаться от сближения с Москвой в обмен на расширение сотрудничества в рамках Малой Антанты, чего, вероятно, ему удалось достичь. Определенным парадоксом выглядит тот факт, что, желая договориться с Каролем о совместной чехословацко-румынской позиции в отношении Югославии, Бенеш сам был определен в качестве объекта румыно-югославского давления. Представляется также, что одним из значимых для Града результатов встречи было согласие Кароля с потенциальной возможностью заключения германо-чехословацкого пакта.

Не способствовали укреплению уверенности чехословацкого руководства и слухи о существовании планов раздела Чехословакии. Например, в письме от 26 ноября 1936 г. советскому полпреду в Праге С. Александровскому нарком иностранных дел СССР М. Литвинов, в частности, сообщал: «Из источника, за безусловную достоверность которого я не ручаюсь, известно, что Муссолини предлагал Белграду следующую комбинацию. Германия получает согласие на аншлюс, Италия, Югославия и Венгрия заключают блок, к которому присоединяется Польша, которая в результате раздела Чехословакии получает общую границу с Венгрией. Чехословакия делится между Венгрией, Польшей и Германией, взамен чего Германия отказывается от дальнейшей экспансии на Восток и поворачивается фронтом к Франции и Великобритании, добиваясь колоний» [8: 781].

Казалось бы, что предупреждение наркома о возможной ненадежности источника практически ставило под сомнение его дальнейшее использование, но в ответном письме от 1 декабря 1936 г. Александ-

ровский подтверждал эту информацию, но уже полученную от чешской стороны. «В разговоре со мной 1 ноября с. г. Крофта упоминал о польском проекте раздела Чехословакии. Сейчас по Праге ходит слух, преподносящий вопрос о плане раздела Чехословакии в следующей развернутой версии. Судето-немецкие части отходят к Германии. Словакия присоединяется к Венгрии. Польша получает Моравскую Силезию и ряд исправлений на своей границе в Татрах и Карпатах. Закарпатская Русь отходит к Венгрии лишь в незначительной части. Карпатские же горы отходят к Румынии с тем, чтобы румынская граница приняла в стратегическом отношении "естественный характер".

Я ни в какой степени не выдаю изложенное за сколь-нибудь серьезный план. Разговоры на эту тему слышны в журналистских кругах. Однако, поскольку изложенное в главных чертах совпадает с тем, что Вы сообщаете мне в Вашем письме от 26 ноября, я решил Вас осведомить об изложенном и попытаться следующей почтой произвести проверку в первоисточниках» [8: 626].

К сожалению, дополнительных сведений об этой информации найти не удалось, но обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Если в первом письме авторство инициативы приписывалось Муссолини, то во втором Крофта упомянул о «польском проекте раздела Чехословакии», дав таким образом повод говорить о его санкционном происхождении. Поскольку Италии отводилось заметное место в планах Бека по созданию т. н. «междуморья», к тому же в этих проектах были задействованы и другие предполагаемые их участники – Венгрия, Румыния, Югославия, то версия о санационных корнях формирования и распространении слухов об участии в этом процессе польских правящих кругов определенно заслуживает внимания. Следует отметить, что спокойствия чехословацкому руководству эти слухи не прибавляли.

Поскольку к концу 1936 г., с одной стороны, в политике членов Малой Антанты проявились заметнее центробежные тенденции и ее политические связи с Францией были ослаблены, а с другой – политика и планы соседних стран, в т. ч. Германии и Польши, приобретали все более недружественный характер²⁶, Град начал изыскивать дополнительные средства для обретения уверенности в политическом будущем, активизируя сотрудничество с Кремлем. Данные о нем весьма немногословны. Например, источник пражского МИД сообщает, что 9 ноября 1936 г. из советского Генерального штаба поступило предложение углубить и укрепить существующие связи между чехословацкими и советскими военными деятелями путем обсуждения между «соответствующими военными представителями основных линий стратегического плана действий». Проинформировав

Париж об этом предложении, Бенеш предлагал использовать русский козырь лишь в том случае, если усилия к достижению соглашения с Германией натолкнутся на трудности и препятствия [4: 434]²⁷.

К концу 1936 г., когда планы заключения германо-чехословацкого и франко-малоантантовского союза потерпели фиаско, а положение чехословацкого руководства осложнилось, похоже, настал именно такой момент. Во всяком случае, такой вывод можно сделать на основании информации, поступавшей по линии польских дипломатических и разведывательных источников. Интерес к возможным военным аспектам реализации советско-чехословацкого договора от 16 мая 1935 г. польская дипломатия проявила вскоре после его подписания. В беседе с М. Литвиновым 4 июня 1935 г. посол Польши в СССР Ю. Лукасевич предположил, что договор с Чехословакией ввиду географического положения как будто «висит в воздухе», и ему представляется неясной его цель²⁸. Он также обратил внимание на совпадение заключения договора с подписанием воздушного соглашения, и что эти акты, очевидно, между собою связаны. Литвинов в ответ заметил, что география обеим странам известна, тем не менее они нашли интересным для себя заключение договора, совпадение которого по времени с воздушной конвенцией носит чисто случайный характер [7: 378].

Однако в Варшаву поступала и иная информация. Так, 28 ноября 1936 г. в «двойку»²⁹ поступило донесение источника польской военной разведки о реализации советско-чехословацкого военного сотрудничества. Сообщалось, что в Ужгороде, Кошицах, Жилине, Тренчине, Нитре и Пахе началось строительство аэродромов, а еще в 38 районах ведется подготовка к их строительству [17: 50–51].

Это донесение свидетельствовало о том, что в Граде, по всей видимости, действительно решили, что подходящий момент для использования «советского козыря» наступил. Учитывая тот факт, что общей сухопутной советско-чехословацкой границы на тот момент не существовало, а советско-румынские переговоры о пропуске советских войск через румынскую территорию были провалены не без участия Бека, чехословацкое политическое руководство вполне адекватно отреагировало на неблагоприятные внешнеполитические перспективы и приняло решение о строительстве сети аэродромов, которые в случае необходимости можно было использовать для создания воздушного коридора между Чехословакией и Советским Союзом.

Возникает вопрос о степени адекватности этой меры при существовавшей политической обстановке и, например, планах санационного руководства Польши. Ответ на этот вопрос можно попытаться найти

в беседе Бека с Шембеком, состоявшейся в декабре 1936 г., во время которой Бек представил подготовленный план завершения конфликта с Чехословакией. Он предусматривал, что дальнейшее развитие внешнеполитической ситуации не позволит Франции вмешиваться в дела Центральной Европы, в особенности Чехословакии, где ситуации предстояло осложниться в еще большей степени. В этих условиях, по мнению Бека, исключались две вещи – пассивность Польши и польско-чехословацкий союз против Германии. В связи с этим вполне реальной становилась возможность отчуждения Тешенской Силезии Польшей и Подкарпатской Руси Венгрией, на основе чего была бы создана польско-венгерская граница. Что касается Словакии, которую в своих планах учитывала и Венгрия, то ей предстояло превратиться в буферное государство под протекцией Польши. Единственное обстоятельство, которое ставило под угрозу реализацию этого плана, – возможное вмешательство Советского Союза, но на этот случай была предусмотрена концентрация на советско-польской границе польских войск [27: 267; 31: 220].

Еще одно донесение польской военной разведки «Новые пути чехословацкой внешней политики» от 10 декабря 1936 г. свидетельствовало о том, что данные о сближении с СССР в военной области были не эпизодом, а говорили о долговременном сотрудничестве. Источник анализировал экспозе Крофты в комиссиях по иностранным делам обеих палат парламента, ставшее своеобразным подведением итогов внешней политики Чехословацкой Республики за 1935–1936 гг. И хотя в выступлении министра тема отношений с СССР и мер обеспечения безопасности государства на случай нападения Германии не была затронута напрямую, главной была именно она. В донесении содержался весьма важный вывод, что «при необходимости обеспечить безопасность государства от внешних угроз, в первую очередь со стороны Германии, и в условиях весьма ухудшившихся отношений с Польшей самая влиятельная парламентская партия – аграрии – отказалась от проводимого с момента возникновения республики сопротивления политике сближения с СССР и дала свое согласие на соответствующий союз» [17: 53].

Таким образом, к концу 1936 г. польско-чехословацкие отношения вступили в новый этап. Внешняя политика правящих кругов Польши в регионе была направлена, с одной стороны, на дальнейшее укрепление сотрудничества с Германией и Венгрией, а с другой – на ослабление связей между странами Малой Антанты. Одновременно политика в отношении Чехословакии становится составной частью планов Бека о «междуморье», предполагавших открытую ревизию чехословацких границ за счет земель Подкарпатской Руси. Расчет делался на то, что

решение проблемы судетских немцев неминуемо приведет к распаду ЧСР и либо Будапешту, либо Варшаве удастся «оттяпать» этот регион для установления совместной польско-венгерской границы, необходимой для создания этого самого «нейтрального блока».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. 10 июля с. г. бывший президент Украины А. Порошенко был освистан и вынужден покинуть митинг в поддержку своей партии «Европейская солидарность» в закарпатском г. Свалява [1].

2. Одно из ласковых прозвищ, которым называли за глаза соратники маршала Ю. Пилсудского.

3. Под данным термином подразумеваются идейные наследники Пилсудского, преследовавшие те же цели во внутренней и внешней политике и действовавшие его методами.

4. Еще раньше, 26 марта 1935 г., в Праге был заключен договор между СССР и Чехословакией о торговле и судоходстве. 17 мая последовало сообщение советской печати о заключении советско-чехословацкого соглашения о воздушном сообщении, а 4 июня – о заключении кредитного соглашения между СССР и Чехословакией [7: 219, 339, 381].

5. Политический режим, установленный в Польше после майского переворота Пилсудского 1926 г., ставивший перед собой задачу т. н. санации внутренней и внешней политики.

6. Гитлер, видимо, неслучайно многие агрессивные акты назначал на выходные дни, т. к. в правительственные учреждениях в то время отсутствовали руководители.

7. Германские войска заняли Кельн, Дюссельдорф, Могунцию и Мангейм, перейдя на левый берег Рейна.

8. Окончательно они потерпели фиаско в 1938 г., когда Италия, которой отводилась роль основной опоры в проведении политики «Третьей Европы», в марте перешла в германский лагерь, а польское влияние было полностью вытеснено рейхом из Словакии, равно как и из остальных предполагаемых стран – участниц «Третьей Европы». В историографии неоднократно высказывалось мнение о нереальности плана «междуморья» [22: 265–278; 28: 228–238; 30: 273].

9. «Подобного рода сотрудничество [с финансировавшимися Венгрией и Польшей партиями в Закарпатье] прослеживалось в течение всего межвоенного периода. Начиная с 1922 г. в поле зрения чехословацкой службы безопасности попал <...> лидер П[одкарпатского] З[емледельческого] С[оюза] <...> Андрей Бродий. Его провенгерская деятельность потерпела политическое фиаско в октябре 1938 г. <...>. Некоторые другие русофильские деятели заигрывали и с иностранным дипломатами. Несомненно, что за такие услуги венграм местные

псевдопатриоты получали материально-финансовую благодарность» [5: 121; 6: 207].

10. Стоядинович тогда заверил Бека, что, несмотря на принадлежность к Малой Антанте, Югославия не имеет планов препятствовать присоединению Австрии к Германии или же защищать Чехословакию в случае венгерской агрессии [3: 129].

11. Для того чтобы избежать раскола, Титулеску был вынужден на кануне бухарестской встречи посетить Белград, где Югославия дала ясно понять, что она не желает участия СССР в делах Центральной Европы. Только при этом условии она согласилась участвовать в бухарестской встрече.

12. Бухарестское совещание имело для чехословацкого руководства ключевое значение, т. к. предстояло изменить направленность блока Малая Антанта. На нем рассматривался основной вопрос – необходимость укрепления союза стран-участниц блока. Чехословакия выдвинула на этом совещании проект нового пакта Малой Антанты, дававшего гарантию против агрессии с *любого направления* (раньше направленность была антивенгерская). Основным противником чехословацкого предложения стал принц-регент Павел, заявивший, что в случае заключения пакта «мы восстановили бы против себя Германию» [4: 414]. В то же время Чехословакия также представила проект договора между Малой Антантой и Францией. Правительство Франции, сославшись на то, что ведутся переговоры локарнских держав о новом союзе, рекомендовало отложить всякие официальные переговоры относительно укрепления связей между Францией и Малой Антантой, дабы не дать Германии предлога уклониться от участия в них и не нанести удара по этим переговорам [24: 9–11, 115, 545].

13. Советский полпред в Румынии Островский сообщал 7 июня 1936 г. о беседе с Бенешем, заявившим, что «очень доволен результатами сегодняшнего совещания, что происки Варшавы против Малой Антанты не увенчались успехом, что Чехословакия ведет свою политическую линию, невзирая и не страшась польского шантажа, ни немецких угроз, что Чехословакия упорно вооружается» [8: 292].

14. В частности, была расширена компетенция военных властей, от которых теперь требовалось разрешение на возведение зданий культового, общественного характера, а также дорог, водопроводов и т.д. Власти получили право определять степень лояльности работников объектов стратегического значения [26: 203].

15. Следует отметить, что из Варшавы внимательно следили за политической жизнью польского населения Тешенской Силезии, регулярно составляя по этой теме обзоры. Например, 24 июня 1936 г. во II отделе Главного штаба был подготовлен обзор сектора

«W» «Характеристики польских деятелей в Тешенской Силезии» от т.н. тамошней польской элите – поляках, пользовавшихся доверием со стороны местных чешских властей [18: 93–101].

16. Беспартийный блок вспулпрацы з жондем (Беспартийный блок сотрудничества с правительством) – политическая организация, объединявшая с конца 20-х гг. сторонников политической линии Пилсудского, в т. ч. и в сейме.

17. Доверенное лицо режима санации, главный редактор полуофициозной «Газеты польской».

18. После германо-австрийского соглашения от 11 июля 1936 г. в Будапеште рассчитывали, что Гитлер заставит Чехословакию предоставить судетским немцам автономию, далее последует создание автономной Словакии, а затем Венгрия и Польша получат возможность реализовать свои территориальные претензии. В Будапешт специально прибыл за инструкциями один из руководителей венгерского автономистского движения в Южной Словакии граф Я. Эстергази [13: 53].

19. По-видимому, Корфанты подразумевал, что истинный католик не может и не должен сотрудничать с режимом санации ввиду его излишнего радикализма.

20. Несмотря на противодействие со стороны Бенеша, в результате совместных германо-итальянских усилий и не без участия польской дипломатии Титулеску 29 августа 1936 г. был вынужден уйти в отставку [21: 425–426; 28: 104–123; 33: 96].

21. Бухарест все в большей степени склонен был учитывать польскую позицию, о чем свидетельствовал предпринятый 26–28 сентября 1936 г. визит в Варшаву нового министра иностранных дел Румынии В. Антонеску. А во время пребывания короля Кароля в Варшаве в июле 1937 г. ранг дипломатических представительств был повышен до посольского [4: 424; 17: 50; 26: 211–212].

22. Как следует из контекста, источник имел французские корни. Учитывая тот факт, что материал написан на русском языке, а также неплохую осведомленность автора в издательской кухне, можно предположить, что это русский эмигрант, вероятно, бывший военный, из репортерской среды, живший в Париже.

23. Франц фон Папен – германский политик и дипломат, канцлер (1933–1934), посол в Австрии (1934–1938).

24. Один из лидеров чехословацких аграриев, симпатизировавших режиму санации [26: 200].

25. Постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании.

26. В декабре 1936 г. состоялся доверительный разговор статс-секретаря Вежбовой Я. Шембека с Беком, согласно которому раздел Чехословакии предполагался уже в 1937 г. [33: 220].

27. Вероятно, чехословацкий президент отдавал себе отчет, что практическое сотрудничество между французским и советским Генеральными штабами вряд ли осуществимо. Так, например, «когда в ноябре 1936 г. в связи с итало-германским соглашением и начавшимся распадом Малой Антанты Блюм созвал совещание военных руководителей, на котором было решено приступить к установлению контактов французского Генерального штаба с Генштабами стран Малой Антанты, о соглашении с Генштабом Советского Союза вопрос даже не был поставлен» [2: 282].

28. Лукасевич имел в виду тот факт, что у Чехословакии не было с СССР общей сухопутной границы и это создавало значительные проблемы в сфере военной реализации советско-чехословацкого договора от 16 мая 1935 г.

29. II отдел Главного штаба Войска Польского – разведка и контрразведка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апuleев И. «Он всех обокрал!» Как Порошенко выперли с Закарпатья. 11.07.2019. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2019/07/11_a_12491725.shtml?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 24.09.2019).
2. Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность. М.: Наука, 1976. 418 с.
3. Волков В.К. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты. 1933–1938. М.: Наука, 1966. 271 с.
4. Внешняя политика Чехословакии 1918–1939: сб. ст./Под ред. В. Сояка. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 660 с.
5. Гиря В.І. Угорська іредента в міжвоєнному Закарпатті (угорський фактор у суспільно-політичному житті). Ужгород: Всеукр. держ. вид-во «Карпати», 2012. 200 с.
6. Державний архів Закарпатської області. Ф. 2. Оп. 2. Спр. 302.
7. Документы внешней политики СССР. Т. XVIII. М.: Политиздат, 1973. 720 с.
8. Документы внешней политики СССР. Т. XIX. М.: Политиздат, 1974. 824 с.
9. История дипломатии / Под ред. акад. В.П. Потемкина. М.: Политиздат, 1945. Т. III. 884 с.
10. Лури А. The Wall Street Journal (США): Трамп и Дуда договорились об увеличении военного контингента США в Польше более чем на 1000 человек // Иносми. 13.06.2019. URL: <https://inosmi.ru/politic/20190613/245263607.html> (дата обращения: 24.10.2019).
11. Морозов С.В. «Варшавская мелодия» для Москвы и Праги. Документы из личного архива И.В. Сталина, Службы внешней разведки Российской Федерации, II отдела Главного штаба Войска Польского и др. (1933–1939). М.: Междунар. отношения, 2017. 592 с.
12. Морозов С.В. Подкарпатская Русь во внешней политике Польши и

- Чехословакии (1932–1935 гг.) // Руцин. 2018. № 4 (54). С. 251–263. DOI: 10.17223/18572685/54/14
13. Пол И.И. Чехословацко-венгерские отношения. 1935–1939. М.: Наука, 1972. 247 с.
14. Пушкаш А.И. Внешняя политика Венгрии. Февраль 1934 – январь 1937 г. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996. 303 с.
15. Пшибыльский Я. Do Rzeczy (Польша): Путин стремится к новому Ялтинскому соглашению // Иносми. 09.07.2019. URL: https://inosmi.ru/politic/20190709/245437883.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 24.10.2019).
16. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 308к. Оп. 3. Д. 360.
17. РГВА. Ф. 308к. Оп. 3. Д. 357.
18. РГВА. Ф. 308к. Оп. 12. Д. 270.
19. Хазин М. О том, что мир ждет новая Ялтинская и новая Бреттон-Вудская конференция // 15.04.2019. URL: https://zen.yandex.ru/media/human_resources_inform/mhazin-o-tom-chto-mir-jdet-novaia-ialtinskaia-i-novaia-brettonvudskaia-konferenciia-5cb4563419ea8500b3f60c48 (дата обращения: 24.11.2019).
20. Beck J. Dernier rapport. Politique Polonaise 1926–1939. Neuchâtel: La Baconnière s.d., 1951. 366 p.
21. Batowski H. Rumuńska podróż Becka w październiku 1938 r.// Kwartalnik Historyczny. 1958. № 65. S. 423 – 439.
22. Batowski H. Środkowoeuropejska polityka Polski w latach 1932–1939. Tezy // VIII Powszechny Zjazd Historyków Polskich. Historia najnowsza Polski. Wrocław: PWN, 1960. 1120 s.
23. Benoist-Méchin J. Niemcy i armia niemiecka 1918–1938. T. I. W.: Towarzystwo wydawnicze Rój, [1938]. 341 s.
24. Chronologia stosunków międzynarodowych Polski 1936–1937. Zestawiła Mgr Maria Safianowska. W., 1961. 159 s.
25. Kożerński J. Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932–1938. Poznań: Instytut Zachodni, 1964. 319 s.
26. Magyar Országos Levéltár (Венгерский национальный архив). K-64 (Reservált politikai iratok (Зарезервированные политические документы)). 1934; K-83 (Külügymintiszterium Levéltára. Képviseletek. Magyar követség. Berlin (МИД. Архивы. Дипломатические учреждения. Венгерское представительство. Берлин)). 1936.
27. Mikulicz S. Wpływ dyplomacji sanacyjnej na obalenie Titulesku // Sprawy Międzynarodowe. 1959. № 7–8. S. 104–123.
28. Ort A. Malá dohoda a Mnichov // Československý časopis historický. 1954. Roč. II. № 2. S. 203–259.
29. Otázka třetí Evropy v polské zahraniční politice roku 1938 // Kdo zavinil Mnichov: Sborník z mezin. věd. zasedání k 20. výročí Mnichova [25–27.9.1958 v Praze]. 1. vyd. Praha: SNPL, 1959. 358 s.
30. Pułaski M. Stosunki dyplomatyczne polsko-czechosłowacko-niemieckie w latach 1933–1938. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1967. 223 s.

31. Szembek J. Journal 1933–1939. Paris: Plon, 1952. 335 p.
32. Witt K. Die Teschener Frage. Berlin: Volk und Reich, 1935. 291 s.

REFERENCES

1. Apuleev, I. (2019) “*On vsekh obokral!*” *Kak Poroshenko vyperli s Zakarpat’ya* [“He has robbed everyone!” As Poroshenko was kicked out of Transcarpathia]. 11th July. [Online] Available from: https://www.gazeta.ru/politics/2019/07/11_a_12491725.shtml?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (Accessed: 24th September 2019).
2. Belousova, Z.S. (1976) *Frantsiya i evropeyskaya bezopasnost’* [France and European Security]. Moscow: Nauka.
3. Volkov, V.K. (1966) *Germano-yugoslavskie otnosheniya i razval Maloy Antanty. 1933–1938* [German-Yugoslav relations and the collapse of the Little Entente. 1933–1938]. Moscow: Nauka.
4. Soyak, V. (ed.) (1959) *Vneshnyaya politika Chekhoslovakii 1918–1939* [Czechoslovakian foreign policy in 1918 – 1939]. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury.
5. Girya, V.I. (2012) *Ugors’ka irendenta v mizhvoennomu Zakarpattii (ugors’kiy faktor u suspil’no-politichnomu zhittii)* [Hungarian irredent in Trans-war Transcarpathia (Hungarian factor in socio-political life)]. Uzhgorod: Karpati.
6. *The State Archive of Transcarpathian Region*. Fund 2. List 2. File 302.
7. Gromyko, A.A. (ed.) (1973) *Dokumenty vnesheyny politiki SSSR* [Documents of the USSR Foreign Policy]. Vol. 18. Moscow: Politizdat.
8. Gromyko, A.A. (ed.) (1974) *Dokumenty vnesheyny politiki SSSR* [Documents of the USSR Foreign Policy]. Vol. 19. Moscow: Politizdat.
9. Potemkin, V.P. (1945) *Istoriya diplomatiyi* [History of Diplomacy]. Vol. 3. Moscow: Politizdat.
10. Leary, A. (2019) Trump, Duda Agree on Deal for 1,000 More U.S. Troops in Poland. *The Wall Street Journal*. 12th June. [Online] Available from: <https://www.wsj.com/articles/trump-duda-agree-on-deal-for-1-000-more-u-s-troops-in-poland-11560379122> (Accessed: 24th October 2019).
11. Morozov, S.V. (2017) “*Varshavskaya melodiya*” dlya Moskvy i Pragi. *Dokumenty iz lichnogo arkhiva I.V. Stalina, Sluzhby vnesheyny razvedki Rossiyskoy Federatsii, II otdela Glavnogo shtaba Voyska Pol’skogo i dr.* (1933–1939) [“Warsaw Melody” for Moscow and Prague. Documents from I.V. Stalin’s personal archive, Foreign Intelligence Service of the Russian Federation, Department II of the General Staff of the Polish Army, etc. (1933–1939)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2017.
12. Morozov, S.V. (2018) Subcarpathian Rus in the foreign policy of Poland and Czechoslovakia (1932–1935). *Rusin.* 4(54). pp. 251 – 263. (in Russian). DOI: 13.17223/18572685/54/14
13. Pop, I.I. (1972) *Chekhoslovatsko-vengerskie otnosheniya. 1935–1939* [Czechoslovak-Hungarian relations. 1935–1939]. Moscow: Nauka.
14. Pushkash, A.I. (1996) *Vneshnyaya politika Vengrii. Fevral’ 1934 – yanvar’*

1937 g. [Hungary's foreign policy. February 1934 – January 1937]. Moscow: Institute of Slavic Studies and Balkan Studies RAS.

15. Przybylski, J. (2019) Putin chce nowej Jałty [Putin wants a New Yalta]. *Do Rzeczy*. 7th July. [Online] Available from: <https://www.dorzeczy.pl/swiat/107552/Putin-chce-nowej-Jalty.html> (Accessed: 24th November 2019).
16. The Russian State Military Archive (RSMA). Fund 308k. List 3. File 360.
17. The Russian State Military Archive (RSMA). Fund 308k. List 3. File 357.
18. The Russian State Military Archive (RSMA). Fund 308k. List 12. File 270.
19. Khazin, M. (2019) *O tom, chto mir zhdet novaya Yaltinskaya i novaya Bretton-Vudskaya konferentsiya* [About the fact that the world is waiting for a new Yalta and a new Bretton Woods conference]. 15th April. [Online] Available from: https://zen.yandex.ru/media/human_resources_inform/mhazin-o-tom-ctho-mir-jdet-novaia-ialtinskaia-i-novaia-brettonvudskaia-konferenciiia-5cb4563419ea8500b3f60c48 (Accessed: 24th November 2019).
20. Beck, J. (1951) *Dernier rapport. Politique Polonaise 1926 – 1939*. Neuchâtel: La Baconnière s.d., 1951.
21. Batowski, H. (1958) Rumuńska podróż Becka w październiku 1938 r. [Romanian journey of Beck in October 1938]. *Kwartalnik Historyczny*. 65.
22. Batowski, H. (1960) Środkowoeuropejska polityka Polski w latach 1932 – 1939. Tezy [Central European policy of Poland in 1932 – 1939. Theses]. VIII Powszechny Zjazd Historyków Polskich. Historia najnowsza Polski. Wrocław: PWN.
23. Benoist-Méchin, J. (1938) *Niemcy i armia niemiecka 1918–1938* [Germany and the German army in 1918–1938]. Vol. I. Warsaw: Towarzystwo wydawnicze Rój.
24. Safanowska, M. (1961) *Chronologia stosunków międzynarodowych Polski 1936–1937*. Warsaw: [s.n.].
25. Koźeński, J. (1964) *Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932–1938*. Poznań: Instytut Zachodni.
26. The Hungarian National Archives. (1936) K-64. *Reservált politikai iratok. K-83 (Külügyminisztérium Levéltára. Képviselők. Magyar követség)*. Berlin: [s.n.].
27. Mikulicz, S. (1959) Wpływ dyplomacji sanacyjnej na obalenie Titulesku. *Sprawy Międzynarodowe*. 7–8. pp. 104–123.
28. Ort, A. (1954) Malá dohoda a Mnichov. *Československý časopis historický*. 2. pp. 203–259.
29. Kvacek, R. et al. (1959) *Kdo zavinil Mnichov*. Prague: SNPL.
30. Pułaski, M. (1967) *Stosunki dyplomatyczne polsko-czechosłowacko-niemieckie w latach 1933–1938*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.
31. Szembek, J. (1952) *Journal 1933–1939*. Paris: Plon.
32. Witt, K. (1935) *Die Teschener Frage*. Berlin: Volk und Reich.

Морозов Станислав Вацлавович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, регионоведения и политологии Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия).

Stanislav V. Morozov – Belgorod State University (Russia).

E-mail: roland60@mail.ru

УДК 261.7

UDC

DOI: 10.17223/18572685/58/10

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУМЫНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ РСФСР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПОЗИЦИЯ РУСССКИХ АРХИЕРЕЕВ*

И.В. Петров

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: i.petrov@spbu.ru

Авторское резюме

В период Второй мировой войны крупнейшей поместной православной церковью, которая шла в фарватере захватнической политики стран «оси», стал Румынский патриархат. Желая распространить свое влияние на территорию, которую румынские власти считали своей по праву (речь идет о Бессарабии и т. н. Транснистрии), румынские архиепископы и пастыри пожелали усилить свое влияние и на занятых немцами территориях России. Наибольшее влияние румынское духовенство смогло оказать на верующих Крымского полуострова. В Таврии румыны начали процесс религиозного возрождения, впоследствии найдя себе союзников среди духовных лиц самой разной юрисдикционной принадлежности: от «обновленцев» до украинских автокефалистов. Столь активная деятельность румын в 1941–1942 гг. не могла понравиться немцам, у которых были свои планы на православные приходы полуострова. Уже в 1943 г. миссионерская деятельность румын была запрещена немцами и их сторонниками среди местного российского населения, а служение духовенства ограничилось только румынскими воинскими частями. Еще одной зоной, где румынам удалось распространить свое влияние, стал юг России – Ростов-на-Дону. Пребывавшее ранее в обновленческом расколе местное православное духовенство посчитало

* Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 18-78-00048 «Служение русского православного пастырства на временно оккупированных районах РСФСР в 1941–1944 гг.».

возможность подчинения румынскому патриарху наиболее каноничным решением собственных проблем. Кратковременная оккупация города привела к тому, что бывшие «обновленцы» перешли в подчинение Румынской православной церкви, находясь уже на территории Украины. Аппетиты румын росли: симпатии к ним питали и «обновленцы» оккупированных районов Северного Кавказа. Примечательно, что многие перешедшие под румынское покровительство российские иерархи впоследствии бежали в Румынию, где их настигла Красная армия. Благое дело попыток начала возрождения приходской жизни на временно оккупированной территории для румынского духовенства успехом так и не увенчалось – во многом из-за неприязненной и опасливой позиции немцев.

Ключевые слова: Румынская православная церковь, Вторая мировая война, Крым, Ростов-на-Дону, нацистская оккупация, автокефалия, «обновленчество».

MISSIONARY ACTIVITIES OF THE ROMANIAN ORTHODOX CHURCH IN THE OCCUPIED TERRITORY OF THE RSFSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR AND THE POSITION OF THE RUSSIAN BISHOPS*

I.V. Petrov

St. Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: i.petrov@spbu.ru

Abstract

During the Second World War, the Romanian Patriarchate was the largest Local Orthodox Church that pursued the expansion policy of the Axis powers. Wanting to extend their influence to the territory that the Romanian authorities considered to be legitimately theirs (Bessarabia and Transnistria), the Romanian archpastors and pastors also wanted to strengthen their influence in the Russian territories occupied by Germans. The Romanian clergy could exert a greatest influence on the believers in the Crimean Peninsula. In Tavria, the Romanians began the process of religious revival and found

*This research is supported by the “Russian Science Foundation”, Project Nr.18-78-00048 “Orthodox Clergy in the Occupied Areas of the RSFSR in 1941-1944”.

allies among the local clergy of various jurisdictions: from Renovationists to Ukrainian autocephalists. The Germans, who had their own plans for the Orthodox parishes of the Crimean Peninsula, did not like this activity of the Romanians in 1941–1942. In 1943, the Germans and their supporters among the local Russian population prohibited the missionary activity of the Romanians. The service of the Romanian clergy was limited only to Romanian military units located in Crimea. Another zone where the Romanians managed to spread their influence was the South of Russia and, specifically, Rostov-on-the Don. The local Orthodox clergy, who had previously been in the renovationist schism, considered the possibility of submission to the Romanian patriarch as the most canonical solution to their own problems. The short Nazi occupation of the city led to the fact that the former “renovationists” transferred to the jurisdiction of the Romanian Orthodox Church while being already on the territory of Ukraine. The Romanians’s craving was growing, as they were supported by the “renovationists” of the occupied regions in the North Caucasus. It is noteworthy that many Russian hierarchs who transferred to the Romanians subsequently fled to Romania, where later the Red Army captures them. Surprisingly, such a good cause as the revival of parish life in the occupied territories failed, largely due to the hostile and cautious position of the Germans.

Keywords: Romanian Orthodox Church, World War II, Crimea, Rostov-on-the Don, Nazi occupation, autocephaly, Renovationism.

Начало войны между фашистской Германией и Советским Союзом в июне 1941 г. ознаменовало и начало новой вехи церковной истории в СССР. 24 прошедших года непрерывных и предельно жестких гонений со стороны советских властей стали причиной неприязненного, а зачастую и открыто враждебного отношения части православного духовенства и верующих к гражданской власти и привели немалое количество клириков и активных мирян в стан сторонников Германии. Лишь репрессивный режим, установившийся на временно оккупированной территории, стал причиной отрезвления многих симпатизировавших немцам и их союзникам коллаборационистов из среды православных пастырей и пасомых.

Большинство православных приходов, переживших возрождение с появлением вермахта, стали ориентироваться на соседние церковные юрисдикции. К примеру, у православных, проживавших на территории Восточной Белоруссии, была возможность обратиться к опыту собратьев, прибывших после нападения нацистов с территории Западной Белоруссии [16: 114–116]. Большая часть территории Украины с началом войны стала ареной борьбы между церковными автокефалистами и автономистами [4: 259–263]. Сложнее дело обстояло с теми районами, где не было епископата и невозможно было

установить каноничное епархиальное управление. Образовавшийся «юрисдикционный» вакуум тут же стали заполнять миссии из других стран, в особенности союзной Германии Румынии.

Наиболее точное определение целей Румынской православной церкви в вопросе восстановления деятельности православных приходов на территории СССР дал в одной из своих многочисленных работ профессор Михаил Шкаровский: «Уже в начальный период войны с СССР Румынская церковь развернула активную миссионерскую деятельность на юго-западе Украины, рассчитывая распространить ее и дальше на Восток. Согласно обзору бухарестской печати от 11 сентября 1941 г., составленному германским МИД, в газетах "Порунка времий" и "Курентул" утверждалось, что сейчас самая сильная православная церковь – Румынская и она единственная находится в непосредственной близости от России. Поэтому именно эта церковь призвана снова пробудить христианский дух на Востоке. Русское же православие называлось "величайшей панславянской опасностью"» [25: 184]. Даже в этой довольно выдержанной характеристики видно, насколько серьезно представители Румынской православной церкви планировали взяться за восстановление религиозной жизни, подспудно увеличивая влияние собственной юрисдикции. Важно отметить, что зона этого влияния ушла далеко за пределы Бессарабии и Транснистрии и дошла до Крыма и юга России.

Молдавский историк Н.В. Стратилат также показывает двойственность позиции Румынской православной церкви в годы войны в деле восстановления приходской жизни в Молдавии. С одной стороны, на ее территории были открыты монастыри и храмы, закрытые советскими властями за «первый советский год». С другой – оборотной стороной этого возрождения стали ползучая румынизация богослужения, вытеснение церковнославянского языка, а также борьба с юлианским календарем [17: 191].

Исследователь П.М. Шорников показал ретроспективу церковной политики румынских властей в Бессарабии в период с 1918 по 1940 г. Он приходит к неутешительному выводу: данная политика подорвала авторитет православного духовенства, внесла в его ряды раскол и способствовала изменению национального состава клира, к 1940 г. состоявшего в Бессарабии исключительно из лиц румынской национальности [27: 166].

Некоторые же румынские и молдавские историографы по-иному оценивают позицию Румынской православной церкви в вопросе восстановления религиозной жизни соседних территорий. Так, в изданном в Киеве в 2010 г. и ставшем классическим сборнике статей «Православная церковь в Восточной Европе в XX веке» молдавский историк

Э.Драгнев характеризует период Второй мировой прежде всего как возвращение православных приходов Молдавии в лоно Румынской православной церкви, отстранение священников, отказавшихся за «первый советский год» от сана и ставших сторонниками советских партийных функционеров, переход на новый стиль и восстановление разрушенных и отобранных большевиками церквей [10: 189–190]. В опубликованной в том же самом сборнике исследований статье румынского профессора, священника М. Пэкурариу говорится лишь о борьбе Румынии с Советским Союзом и о возвращении аннексированных ранее территорий, без подробного описания перипетий миссионерской деятельности румынского духовенства [15: 168–169].

Важными отличительными чертами миссионерской деятельности Румынской православной церкви можно назвать следующие: стремление к румынизации богослужения, насаждение новоюлианского календаря, поддержка любых церковных сил на территории СССР, которые готовы были бы признать главенство церковных властей в Бухаресте. Под последними понимаются, в первую очередь, «обновленческие» архиереи и священники, наиболее беспринципная и лояльная к любой власти часть православного духовенства, готовая ради собственного блага перейти в подчинение самых разных церковных структур. Однако, в отличие от украинских, белорусских или эстонских автокефалистов, чей канонический статус и притязания могли казаться необоснованными, поместная Румынская православная церковь представлялась многим православным священникам и мирянам наиболее каноничной церковной юрисдикцией.

Сами представители Румынского патриархата могли быть довольно гибкими в своем отношении к мирянам, а также к гражданским властям. Яркий пример – архимандрит Антим (Ника). Поздней осенью 1943 г. он возглавил миссию в Транснистрии вместо более расположенного к русским и украинцам митрополита Виссариона (Пью) и добился сокращения трансляции церковнославянских богослужений по румынскому радио, а также ограничил многоаспектную деятельность русскоязычного духовенства [23: 480]. Однако в период установления в Румынии просоветского режима владыка Галацкий Антим (Ника) одним из первых посетил приехавшего с визитом епископа Кировоградского, викария Одесской епархии Сергия (Ларина) (бывшего честолюбивого «обновленческого» архиерея) и ярче всех высказывался за «демократические» преобразования в своей стране в духе сталинской модели социализма, скорейшего принятия «старого календаря» и отхода от влияния Ватикана [26: 242]. Таких мгновенных «перевоплощений» в Румынской православной церкви было предостаточно.

Нельзя сказать, что грандиозные планы румынского духовенства вызывали понимание у германских властей. По данным М.В. Шкаровского, уже 1 декабря 1941 г. руководитель группы религиозной политики Рейхсминистерства занятых восточных территорий Карл Розенфельдер отмечал в докладе «Церковное положение на Украине», что деятельность Румынской православной церкви планируется расширить не только до Транснистрии, но и во всей Украине [23: 478]. Уже в конце 1942 г. своего рода разведывательную поездку по территории Украины совершил отец Дмитрий Попеску, главной задачей которого была оценка реальных возможностей перехода православных приходов Украины в подчинение Румынского патриархата. Курьезно, но противниками данных замыслов были украинские автокефалисты, понимавшие, что румынизация станет камнем преткновения в их собственных планах по украинизации православия на украинской земле. А вот «обновленцы», испытывавшие наибольший дискомфорт от оккупации и критикуемые как сергианами («тихоновцами»), так и автокефалистами, в некоторых оккупированных районах (к примеру, в Ворошиловске), напротив, стали напрямую обращаться к авторитету румынских архиереев и просили последних утвердить их на церковных кафедрах [23: 478]. На рубеже 1942 и 1943 гг., когда вермахт и войска союзных ему государств «оси» достигли наибольшего успеха, «миссионерские планы» Румынского патриархата стали распространяться и на оккупированную территорию РСФСР.

Из известных российских архипастырей, тяготевших к переходу в подчинение Румынской православной церкви, наибольшую известность получил архиепископ Ростовский и Новочеркасский Николай (Амасийский). Личность владыки до сих до конца не раскрыта в российской историографии. Дело в том, что в начале 1920-х гг. он принял активное участие в «обновленческом» расколе, участвовал в т. н. Втором поместном соборе, организованном по инициативе «обновленцев» в 1923 г. Однако еще при жизни патриарха Тихона (Беллавина) епископ Николай принес покаяние и стал епископом Кустанайским, викарием Челябинской епархии. Современный специалист по истории «обновленчества» протоиерей Валерий Лавринов отмечает, что еще в 1923 г. епископ Николай был готов к примирению с «обновленцами» и «склонялся к участию в 3-м обновленческом поместном соборе» [11: 391]. В середине 1920-х гг. епископ Николай служил в Челябинской епархии. В 1924 г. он вновь перешел в подчинение «обновленцев», после чего вскоре был арестован. В 1928 г. владыка Николай получил назначение на Северный Кавказ, став епископом Ейским, викарием Ставропольской епархии. С ноября 1931 г. он временноправлял Ростовской епархией, пока не стал в

1933 г. епископом Ростовским и Таганрогским. Через год главу Ростовской епархии возвели в сан архиепископа [11: 392]. Как и многие представители православного епископата в Советском Союзе, в 1930-е гг. архиепископ Николай находился в ссылке и освободился незадолго до нападения Германии на СССР.

В историографии существуют разные версии осуждения и нахождения в ссылке владыки Николая. Самарский историк, доктор исторических наук В.Н. Якунин отметил, что в 1938 г. епископ Николай был приговорен советскими властями к расстрелу и от печального исхода его спасли прихожане. В епископа стреляли, но промахнулись, и после тяжелого ранения Амасийский был спасен своими почитателями (ему были устроены мнимые похороны в Ростове-на-Дону) [28: 197]. Источником такого изложения злоключений владыки Николая был видный историк Русской православной церкви за границей протопресвитер Михаил Польский. В нашумевшей книге этого автора довольно красочно описан неудавшийся расстрел архиепископа Николая: «Дан залп из ружей по мне, я упал, обливаясь кровью. Дальше не помню ничего. Оказывается, меня сочли убитым, когда я находился лишь в долгом обмороке. Много средств и усилий стоило моим верным духовным чадам вызволить мое тело. И тут обнаружили, что я еще жив. Меня тщательно спрятали, обманув бдительность властей мнимыми похоронами. Лечили, выхаживали и таким образом спасли. По занятии города немцами я вышел из подполья и снова занял митрополичью кафедру в Ростове» [14: 121]. Протоиерей Валерий Лавринов отмечает, что 23 мая 1935 г. архиепископ Николай был арестован и в ноябре того же года постановлением Особого совещания при НКВД СССР был приговорен к трем годам ссылки в Башкирию. В мае 1938 г. решением Особого совещания при НКВД СССР архиепископа Николая (Амасийского) вновь приговорили к трем годам ссылки – на этот раз в Казахстан [11: 392]. Удивительно, но в версии отца Валерия Лаврина не упоминается факт «чудесного спасения» архиепископа Николая, а также его нелегального проживания у прихожан, что невольно наводит на мысль о том, что данное утверждение является не чем иным, как довольно стандартным подведением под единый «канон» жизни всего подвергшегося репрессиям православного духовенства. Представляется, что незадолго до начала войны владыка Николай отбыл срок заключения и перебрался на юг РСФСР.

Волею судьбы престарелый архипастырь (1859 г.р.) оказался в Ростове-на-Дону. До нападения Германии на Советский Союз он проживал на территории Ейска. В 1942 г. включился в процесс религиозного возрождения на территории юга России. По подсчетам современной исследовательницы Л.В. Табунщиковой, на территории

Ростовской области к моменту начала нацистской оккупации действовала только одна церковь (храм в хуторе Обуховка Азовского района), причем в Ростове-на-Дону не работал ни один приход [19: 82]. Если внимательно отследить публикации официального печатного органа ростовского бургомистрата «Голос Ростова», уже в сентябре 1942 г. владыка Николай стал почетным председателем комитета наблюдения за восстановлением кафедрального собора города [21: 40 об.]. Сложно сказать, насколько реально руководил епархией владыка, разменявший восьмой десяток. Одну из главных ролей в деле руководства епархией играл настоятель собора протоиерей Вячеслав Сериков, ранее принадлежащий к «обновленцам» («лобовцам») [20: 36–37]. По мнению Л.В. Табунщиковой, именно отец Вячеслав начал процесс возрождения приходской жизни в Ростове-на-Дону в августе 1942 г., став ростовским благочинным и настоятелем восстановившегося кафедрального собора [19: 83–84]. Архиепископ Николай же являлся фигурой весьма номинальной, главной функцией которой было внешнее руководство ростовскими приходами. В то же самое время рукоположения священнослужителей проводились владыкой Николаем достаточно часто. Ростовская исследовательница А.В. Шадрина отмечает, что только в 1942 г. архиепископ Ростовский хиротонисал священников В.П. Чернавского, М.Ф. Курдюмова, С.П. Васильева, диаконов Г.П. Чередниченко и И.К. Бутенко [22: 233]. В том же 1942 г. архиепископ Ростовский перешел в подчинение Украинской автономной православной церкви, в годы фашистской оккупации сохранявшей верность церковным властям в Москве. Исследовательница Л.В. Табунщикова также отметила, что на епархиальном съезде в украинском Мариуполе он получил титул митрополита Ростовского и Приазовского [18: 372].

В период своего пребывания на территории Украины владыка Николай снова меняет юрисдикцию и переходит в подчинение Румынской православной церкви. Сразу отметим, что данное решение было крайне негативно воспринято митрополитом Сергием (Страгородским). В послании православной пастве города Ростова-на-Дону в середине марта 1943 г. архиепископ Николай именовался не иначе как «жалкий старец», не отдающий себе отчет в своих действиях. Его привлечение к управлению епархией охарактеризовано как «показное возглавление» с неизменным подчеркиванием неканоничности решения об учреждении консистории и епархиального управления. Архиепископу и сослужившему с ним духовенству обещалась суровая кара в виде церковного суда. Предостережением выглядело и предупреждение архиепископа Николая, что в случае его отъезда за пределы СССР наказание церковного суда будет более жестким [28:

197]. Наконец, не все исследователи между строк увидели важную отличительную черту послания будущего патриарха Сергия (Страгородского): он упомянул, что обращение главы Ростовской епархии к представителям Румынской православной церкви было обусловлено давлением со стороны немцев. Так, с одной стороны, престарелый глава Московского патриархата строго заявлял о невозможности изменения канонической территории Русской православной церкви. С другой стороны, он незримо перекладывал ответственность за решение о переходе Ростовской епархии в ведение румын с пожилого архиепископа Николая на немцев, которые открыто объявлялись настоящими виновниками неканоничных поступков русских архиастырей.

По версии протопресвитера Михаила Польского, владыка Николай мог спастись исключительно благодаря расположению к нему со стороны немцев, в буквальном смысле слова уберегших его от неминуемой расправы со стороны советских властей, вернувшихся в Ростов вместе с частями Красной армии. В своей работе священник РПЦЗ говорит о том, что до архиепископа Николая доходили слухи, что оставшиеся в городе священники были «распяты на крестах», а спастись, помимо архиепископа, удалось только соборному протоиерею, регенту церковного хора, протодиакону, двум соборным священникам (примечательно, что имена их в тексте не упомянуты) [14: 121]. Также небезынтересно отметить, что в книге Михаила Польского лишь вскользь сказано о том, что владыка Николай служил в православных храмах Одессы (особо упомянут «факт», что он показывал во время проповедей свои шрамы), после чего отправился на территорию Румынии, где один из местных митрополитов поселил его в монастыре [14: 122]. В данном фрагменте также заметна очень важная нестыковка: протопресвiter Польский подчеркнул, что доподлинно не знает точного возраста архиепископа Николая, отмечая, что последнему было или 70, или 80 лет. Также он предполагает, что архиепископ скончался сразу после занятия Румынией Красной армией, о чём стало известно «из испанских газет» [14: 122].

Еще одним «клакомым куском» для Румынской православной церкви был Крымский полуостров. Дело осложнялось тем, что в Крыму пересекались интересы представителей четырех враждовавших между собой православных юрисдикций: украинских автокефалистов, считавших Крым зоной своего влияния, украинских автономистов, сохранявших лояльность церковным властям Москвы, «обновленцев», имевших существенный политический вес на полуострове в предвоенные годы, и румынских священников, которые прибыли на территорию Крыма вместе с румынской армией. Кроме того, на

территории полуострова находились духовные и светские лица, симпатизировавшие представителям РПЦЗ и желавшие войти в подчинение русского белого священноначалия [13: 377]. Однако пальма первенства в деле возрождения приходской жизни на территории Крыма принадлежала румынам: военный капеллан румынской армии И. Ерхан в Симферополе 8 ноября 1941 г. совершил первое богослужение в церкви Всех святых на местном кладбище [5: 2].

Однако очень скоро на территории полуострова стала ощущаться опасность влияния и других церковных юрисдикций. В основном рупоре крымской коллаборационистской администрации газете «Голос Крыма» 15 марта 1942 г. были напечатаны заметки о том, что лидеры украинских автокефалистов архиепископы Луцкий и Ковельский Поликарп (Сикорский) и Пинский и Полесский Александр (Иноземцев) совершили архиерейские хиротонии и выступили с архипастырским посланием, призывавшим бороться не только с большевизмом, но и с церковными властями в Москве [6: 4]. Несложно догадаться, что подобного рода заявления появились в рупоре симферопольского городского управления неспроста: церковные новости с территории Украины распространились и на полуостров.

Между тем статей, описывавших религиозную жизнь на территории Румынии, в 1942 г. в «Голосе Крыма» не выходило. В издании часто освещалась политика Румынии в Трансильвании, в т. ч. культурная ее составляющая, красочно описывался визит маршала Иона Антонеску на полуостров, давалась самая лестная и подробная характеристика румынского генерала Георге Аврамеску, воевавшего на территории Крыма [7: 2]. В чем причина подобного молчания? На наш взгляд, опасения по поводу возможности усиления румынского влияния на церковную жизнь Крымского полуострова разделяли не только немцы, но и подконтрольные им коллаборанты из местного населения. Глава симферопольского церковного подотдела Александр Семенов был человеком, тонко разбиравшимся в церковных вопросах (за плечами у него было обучение в казанских дореволюционных духовных школах) [12: 274]. Резкое неприятие у Александра Дмитриевича вызывали сторонники «обновленчества», пустившего свои корни в приходскую жизнь полуострова в 1920–1930-е гг. Лидером раскольников стал епископ Викентий (Никипорчик), попытавшийся узурпировать власть над религиозной жизнью полуострова в период фашистской оккупации.

В своих работах мы уже подробно рассматривали биографию епископа Викентия [13: 378–381]. Следует отметить, что владыка Викентий достаточно стремительно попытался вернуться к управлению православными приходами полуострова и отодвинуть всех

возможных конкурентов. Однако у него было несколько «особенностей» в биографии, которые сразу же ставили под сомнение успех запланированных действий по узурпации церковной власти в Крыму. Во-первых, за ним давно закрепилась стойкая репутация сторонника советских властей, в т. ч. органов безопасности. Молва об обвинениях в прямом доносительстве на собратьев в рясе в условиях Второй мировой войны и немецкой оккупации не могла не дойти до немцев и коллаборационистов. Во-вторых, на территории Крыма проживал малолетний внук «обновленческого иерарха», отцом которого был еврей [2: 39–45]. Наконец, в-третьих, с течением времени обнаружился факт, что владыка Викентий за деньги выдает еврейскому населению свидетельства о крещениях, тем самым спасая его от неминуемой расправы [13: 381–383].

Существует авторитетное мнение профессора Санкт-Петербургской Духовной академии Михаила Витальевича Шкаровского, согласно которому владыка Викентий был сторонником перехода в подчинение Румынской православной церкви. Источником такой позиции историка стал доклад генерального комиссара Крыма от 28 декабря 1942 г., в котором отмечалось, что епископ Викентий сначала перешел в Украинскую автокефальную православную церковь, а затем уже, «по указанию румынского командования», подчинился румынскому патриарху [24: 387]. Немцы же не только не восприняли данный шаг положительно, но и полицейскими мерами старались препятствовать переходу епископа Викентия в лоно Румынской православной церкви.

Напрашивается вывод о том, что именно германские власти были сторонниками распространения на полуострове влияния украинских автономистов и лично епископа Серафима (Кушнерука). Представляется, что причина скрыта не только в этом. Тот же М. Шкаровский справедливо отметил, что представители румынского духовенства смогли организовать в Крыму широкую миссионерскую деятельность, однако плодами ее были не только массовое открытие приходов, но и конфликты, вызванные, в первую очередь, переходом богослужений на новоюлианский календарь. В некоторых храмах (например, в Симферополе и Феодосии) подобного рода «реформаторский запал» и вовсе приводил к активным столкновениям между мирянами и румынскими клириками [24: 387]. Более того, уже в начале 1943 г. немецкие власти решили строго определить рамки дозволенного для румын: отныне им разрешалось проводить богослужения исключительно для собственных военнослужащих, а также велено было не присыпать на полуостров новых представителей православного и армяно-григорианского духовенства из Румынии.

К концу 1942 г. епископ Викентий покинул территорию Крымского полуострова [13: 382]. У местных коллаборационистов и представителей православного духовенства, оказывавших непосредственное влияние на вектор развития приходской жизни в регионе, вырабаталось резкое неприятие деятельности епископа Викентия. Из-за их интриг он был скомпрометирован в глазах немцев.

В ходе одного из допросов советскими следователями Александр Дмитриевич Семенов отметил, что во время очередного собрания духовенства полуострова обсуждался вопрос «недопуска к богослужениям священников из воинских частей румын» [1: 6]. Любопытно, что поначалу советские следователи охарактеризовали самого Семенова как ставленника именно «немецко-румынских властей» [1: 22 об.]. Он же, напротив, всячески демонстрировал свое отрицательное отношение к румынам и приверженность двум другим «русским» юрисдикциям: Украинской автономной православной церкви и Русской православной церкви за границей. Именно Александр Семенов инициировал обращение к митрополиту Германскому и Берлинскому Серафиму (Лядэ) с просьбой отправить в Крым епископа Венского Василия (Павловского), однокашником которого глава церковного подотдела симферопольской городской управы был еще в годы обучения в духовных школах [13: 376]. С молчаливого согласия местной российской администрации в официозе «Голос Крыма» в апреле 1943 г. на двух полосах был напечатан материал о Русской православной церкви за границей, в котором митрополит Берлинский и Германский был назван архипастырем «энергичным, проникнутым чувством глубокой веры, действительно жемчужиной церкви» [8: 2]. Факты же разрешения на служение представителей румынского военного духовенства Семенов на допросе подтверждал, однако датировал их только серединой и концом 1942 г. и локализовал Свято-Троицкой греческой церковью Симферополя, в которой служили глубокий старец протоиерей Митрофан Василькиотти и отец Павел Бобров [1: 28]. В этой церкви в конце 1942 г. литургию отслужил архиепископ Николай из Румынской православной церкви (представитель военного духовенства), который, судя по показаниям Семенова, выступил с резким осуждением советских властей и призвал собравшихся к вере в то, что немецко-румынские войска освободят Россию «от большевистского ига» [1: 28 об.].

Впоследствии Семенов еще не раз называл себя ставленником «немецко-румынской власти» и проводником «немецко-румынской ориентации» [1: 37 об.], однако факты его деятельности говорят о прямо противоположном. Прекрасно зная каноны православия, именно он стал поборником идеи подчинения церковной власти,

которая бы строго хранила верность Московской патриархии (был выбран епископ Мелитопольский Серафим (Кушнерук) из Украинской автономной церкви). Более того, выбор мелитопольского епископа Серафима из юрисдикции украинских автономистов объясняется именно этим обстоятельством. К сожалению, епископ Серафим не посещал территорию полуострова, и к нему в Мелитополь 4–6 мая 1943 г. приехал глава симферопольского церковного подотдела. В ходе переговоров они обсудили дальнейшую судьбу православных на полуострове и приняли решение об учреждении Совета благочинных, который бы занимался управлением православными приходами Крыма в отсутствие нормально функционирующей канонической власти.

Ирония событий военного времени заключалась в том, что немцам не хотелось допускать к управлению церковной жизнью Крыма архиерея, находившегося вне крымской территории, в связи с чем в конце 1943 г. поминование мелитопольского епископа было прекращено. После этого Александр Семенов вновь попытался придерживаться канонических правил и на этот раз обратился к авторитету РПЦЗ. Но все пути поисков каналов связи с православными иерархами в Берлине успехом так и не увенчались: германские власти строго запрещали какие-либо формы сотрудничества с представителями РПЦЗ, т. к. боялись, что последние станут центром формирования русской национальной идеи в пику нацистской идеологии.

В дальнейшем упоминания о помощи религиозному возрождению полуострова представителей Румынской православной церкви в издании «Голос Крыма» можно было встретить крайне редко. Исключением стали те сообщения, которые посвящены сугубо «румынской» повестке. К примеру, на Пасху 1943 г. комиссия румынского правительства выпустила специальное обращение «Ко всем румынам и молдаванам Крыма». В нем отмечалось, что румынские власти решили провести перепись всего румынского и молдавского населения Крыма в апреле 1943 г. Первоначально должны были быть переписаны этнические румыны и молдаване Симферополя и только потом все остальные представители этих национальностей в остальных районах Крыма. В обращении особо отмечалось, что во время осуществления переписи румынские и молдавские семьи получат специальный подарок к Пасхе [9: 2]. Еще одно упоминание, так или иначе связанное с румынской историей, касалось небольшой заметки, посвященной вопросу возрождения монастыря в Херсонесе. 7 июня 1943 г. в «Голосе Крыма» среди целой плеяды российских и зарубежных монарших особ фигурировало имя румынского принца Карла [10: 2].

Сопоставив показания человека, контролировавшего процесс религиозного возрождения на территории Крыма, с опубликованными данными немецких докладов, можно сделать вывод о том, что представители Румынской православной церкви дали импульс началу роста приходов на территории Крыма. К авторитету румынского православия обратились представители самых разных политических взглядов и юрисдикций: от бывшего «обновленческого» епископа Викентия (Никифорчика) до жесткого противника советской власти 90-летнего священника Митрофана Василькиотти. Но специфика религиозного возрождения в Крыму заключалась в том, что немецкие власти не относили полуостров к зоне румынского влияния. Именно поэтому к сдерживающим факторам деятельности Румынской православной церкви на российской территории можно также отнести немецкую позицию. Уже в середине 1942 г. активность румынского военного духовенства стала удивлять и вызывать недовольство немцев. В 1943 г. она и вовсе была ограничена военнослужащими союзной немцам румынской армии. На этом миссия Румынского патриархата на территории Крыма по большему счету закончилась.

Еще один зигзаг судьбы заключается в том, что жизненный путь формально управлявшего таврическими православными приходами епископа Серафима (Кушнерука) также в заключительный период войны был непосредственно связан с Румынией. Владыка Серафим опасался возможных репрессий со стороны советских властей, в связи с чем покинул в конце 1943 г. пределы собственной епархии и перемещался по территории современной Украины. Осенью 1944 г. он оказался на территории Румынии и поселился в местном монастыре Черника [3: 226–228]. Хрестоматийным фактом церковной истории стала точка зрения посланника Московского патриархата епископа Сергия (Ларина) об отношении епископа Мелитопольского Серафима и отца Иоанна Наговицына к возвращению весной 1945 г. в СССР. Находясь в монастыре Святого Георгия под Бухарестом, оба представителя «подсоветского» православного духовенства слезно просили румынского патриарха Никодима (Мунтяну) воспрепятствовать их возвращению на родину. Данной позицией они вызвали у главы Румынской православной церкви невероятное замешательство, ведь они, по сути, тогда были единственными русскими «церковниками» на территории Румынии, наотрез отказывавшимися вернуться в СССР [26: 417–418]. Владыка Серафим вынужден был отправиться в Польшу. Впоследствии он оказался на Волыни и сгинул в застенках советских карательных органов.

Любопытно отметить, что территорией Крымского полуострова

и Ростовской областью не ограничивались районы, имевшие возможность перейти под омофор румынского патриарха. Выше мы уже говорили о подозрительности немецких чиновников по поводу масштабности планов румынского священноначалия по организации миссионерской деятельности на территории Советского Союза. Тот же pragmatik Карл Розенфельдер в меморандуме от 31 января 1943 г. отмечал, что православное духовенство Северного Кавказа ищет возможности перехода в подчинение Румынского патриархата [23: 479]. Отметим, что Северный Кавказ был в довоенный период территорией наибольшего влияния представителей «обновленческой» юрисдикции, а с приходом немцев управление местными православными приходами узурпировал «епископ» Николай (Автономов) [23: 116–118]. М. Шкаровский придерживается мнения, что именно немецкие ведомства смогли пресечь дальнейшее продвижение румынского церковного влияния на восток. Он подчеркивает, что подходы немцев и румын в деле отношения к православным были абсолютно разными. Так, если первые считали религиозное возрождение лишь одной из частей антисоветской пропагандистской кампании, часто смешивали в подконтрольной прессе материалы о восстановлении приходской жизни и православных праздников с постулатами собственной, далекой от христианских заветов идеологии, румыны, наоборот, на первый план выставляли вопросы возвращения местного населения к Богу, традиции местного крестьянства, уничтоженного большевистским террором [23: 479].

В отношении российской территории стоит говорить несколько о другом процессе. Румыны, во-первых, просто-напросто не успели развернуть широкую пропагандистскую кампанию среди местного духовенства и мирян, способную впоследствии трансформироваться в миссионерскую работу. Во-вторых, они встречали неприятие со стороны «тихоновцев» и автокефалистов, а также тех представителей местной русской администрации, которые поддерживали или сторонников сохранения верности митрополиту Сергию (Страгородскому), или поборников скорейшего отделения от канонической верности ему. В глазах наиболее консервативного архиепископства и пастырства Русской православной церкви представители Румынского патриархата были наиболее каноничной миссией, подчинение которой не означало бы разрыва с духовными властями Москвы. Следует отдать должное румынам: их планы были достаточно широкими, а возможности в первый год войны – практически ничем не ограниченными. К серьезным ошибкам, допущенным представителями румынского духовенства, можно отнести стойкую приверженность новоюлианско-му календарю, враждебность к церковным властям Москвы, а также

весьма неразборчивое отношение к тем представителям российского духовенства, которые планировали перейти в румынское подчинение. «Обновленцы», автокефалисты, приверженцы митрополита Сергия (Страгородского) – все они в условиях немецкой оккупации попали под обаяние распространявшейся на временно занятой врагом территории пропаганды жизни в Транснистрии и Бессарабии, где условия рисовались гораздо более мягкими, чем в прифронтовых российских районах. Но подобного рода «мягкость» не могла понравиться самим немцам: они моментально поняли, что распространение влияния Румынской православной церкви в Крыму идет вразрез с интересами Третьего рейха, и фактически сузили деятельность военного румынского духовенства пределами воинских частей. Парадоксально, но на территории Румынии оказались и многие служившие на временно оккупированной российской территории епископы, те же Николай (Амасийский) и Серафим (Кушнерук). Именно в этой стране они надеялись обезопасить себя от возможных советских репрессий, однако в итоге оказались в условиях установления просоветского режима – на этот раз румынского. Румынский фактор являлся далеко не первостепенным, но все же важным в деле восстановления религиозной жизни на оккупированных российских территориях, и не учитывать его при описании деятельности православного духовенства России в годы Великой Отечественной войны нельзя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Главного управления Федеральной службы безопасности по Республике Крым и городу Севастополю. Д. 8152. Т. 1. Дело Семенова А.Д. Дело Ковальского Е.А.
2. Берлин Б.Г., Шульженко М.Н. Эпизод войны. Деятельность православных священников Крыма по спасению иудейского населения // Крымский архив. 2015. № 4 (19). С. 39–48.
3. Борщевич В. Єпископ Мелітопольсько-Таврійський Серафим (Кушнерук): повернення із небуття // Юго-Запад Одесська. Историко-краеведческий научный альманах. 2009. № 7. С. 223–228.
4. Вишиванюк А.В. Об отношениях между Украинской автономной православной церковью и «Украинской автокефальной православной церковью» на Западной Украине в годы немецкой оккупации // Вестник церковной истории. 2014. № 3–4 (35–26). С. 236–268.
5. Государственный архив Республики Крым. Ф. 156. Оп. 1. Д. 2.
6. Голос Крыма. 1942. 15 марта. С. 4.
7. Голос Крыма. 1942. 28 мая. С. 2.
8. Голос Крыма. 1942. 16 апреля. С. 2.
9. Голос Крыма 1943. 25 апреля. С. 2.

10. Драгнєв Э. Православная церковь в Молдавии в XX столетии // Православная церковь в ХХ веке. Киев: Дух і Літера, 2013. С. 179–202.
11. Лавринов В., свящ. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М.: Общество любителей церковной истории, 2016. 736 с.
12. Петров И.В. Органы управления религиозной жизнью Крыма в период нацистской оккупации // Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки: материалы VIII междунар. науч.-богослов. конф. С.-Петербург. Духовной акад. СПб.: Изд-во СПбДА, 2017. С. 270–281.
13. Петров И.В. Политические настроения православного духовенства Крыма в период нацистской оккупации // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 375–388. DOI: org/10.21638/11701/spbu24.2019.205
14. Польский М., прот. Новые мученики российские. М.: Светлячок, 1993. Ч. 2. 319 с.
15. Пэкураиу М. Румынская православная церковь в ХХ столетии // Православная церковь в ХХ веке. Киев: Дух і Літера, 2013. С. 161–178.
16. Слесарев А.В. Новооткрытые сведения о миссионерском служении преподобномуученика Серафима (Шахмутя), архимандрита Жировичского // Церковно-исторический альманах «ХРОНОΣ». 2017. № 4. С. 113–122.
17. Стратилат Н.В. Восточная церковная политика Румынии и положение православной церкви в Молдавии во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Христианское чтение. 2013. № 1. С. 167–193.
18. Табунщикова Л.В. Церковная жизнь на территории Ростовской области в период немецкой оккупации в годы Великой Отечественной войны // Значение сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне: материалы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.) / Отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 369–375.
19. Табунщикова Л.В. Церковная жизнь Ростова-на-Дону в период нацистской оккупации в годы Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы социальной истории. Новочеркасск: Лик, 2016. С. 82–87.
20. Табунщикова Л.В., Шадрина А.В. Церковные расколы в Донской области. 1920–1930-е годы. Ростов н/Д: Антей, 2015. 640 с.
21. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 69.
22. Шадрина А.В. Священнослужители Ростовской области в годы Великой Отечественной войны // Значение сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне: материалы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.) / Отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростод н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 231–237.
23. Шкаровский М.В. Нацистская Германия и православная церковь (нацистская политика в отношении православной церкви и религиозное возрождение на временно оккупированной территории СССР). М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2002. 521 с.
24. Шкаровский М.В. Крест и свастика. Нацистская Германия и православная церковь. М.: Вече, 2007. 512 с.

25. Шкаровский М.В. Православная церковь Румынии в 1918–1950-х годах // Вестник церковной истории. 2011. № 1/2 (21/22). С. 173–223.
26. Шкаровский М.В. Православные церкви Юго-Восточной Европы (1945–1950 гг.). М.: Познание, 2019. 432 с.
27. Шорников П.М. Политика румынских властей и кризис Православной церкви в Бессарабии. 1918–1940 годы // Отечественная история. 1998. № 5. С. 158–167.
28. Якунин В.Н. Русская православная церковь на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара: Самарский университет, 2001. 243 с.

REFERENCES

1. The Archive of the Main Directorate of Federal Security Service in Crimea and city of Sevastopol (Archive of GU FSB of Crimea and Sevastopol). File 8152. Volume 2. A. Semenov and E. Kovalsky.
2. Berlin, B.G. & Shulzhenko, M.N. (2015) Epizod voyny. Deyatel'nost' pravoslavnnykh svyashchennikov Kryma po spaseniyu iudeyskogo naseleniya [War's Episode. Activities of the Orthodox priests of Crimea to save the Jewish population]. *Krymskiy arkhiv*. 4(19). pp. 39–48.
3. Borshchevich, V. (2009) Episkop Melitopol's'ko-Tavriys'kiy Serafim (Kushneruk): povernenna iz nebuttya [Melitopol-Tavrida bishop Seraphim (Kushneruk): return from nothingness]. *Yugo-Zapad Odessika. Istoriko-kraevedcheskiy nauchnyy al'manakh*. 7. pp. 223–228.
4. Vishivanyuk, A.V. (2014) Ob otnosheniyah mezdu Ukrainskoy avtonomnoy pravoslavnoy tserkov'yu i "Ukrainskoy avtokefal'noy pravoslavnoy tserkov'yu" na Zapadnoy Ukraine v gody nemetskoy okkupatsii [On the relationship between the Ukrainian Autonomous Orthodox Church and the "Ukrainian Autocephalous Orthodox Church" in Western Ukraine during the years of German occupation]. *Vestnik tserkovnoy istorii*. 3–4 (35–26). pp. 236–268.
5. The State Archive of the Republic of Crimea. Fund 156. List 1. File 2.
6. Golos Kryma. (1942a) 15th March. p. 4.
7. Golos Kryma. (1942b) 28th May. p. 2.
8. Golos Kryma. (1942c) 16th April. p. 2.
9. Golos Kryma. (1943) 25th April. p. 2.
10. Dragnev, E. (2013) Pravoslavnaya tserkov' v Moldavii v XX stoletii [Orthodox Church in Moldova in the 20th century]. In: *Pravoslavnaya tserkov' v XX veke* [The Orthodox Church in the Twentieth Century]. Kyiv: Dukh i Liter. pp. 179–202.
11. Lavrinov, V. (2016) *Obnovlenceskiy raskol v portretakh ego deyateley* [Reformation split in the portraits of its figures]. Moscow: Obshestvo lyubiteley tserkovnoy istorii.
12. Petrov, I.V. (2017) [Crimean religious authorities during the Nazi occupation]. *Aktual'nye voprosy sovremennoego bogosloviya i tserkovnoy nauki* [Current Issues of Modern Theology and Ecclesiastical Science]. Proc. of the Eighth International Conference. St. Petersburg: SPbDA. pp. 270–281 (In Russian).

13. Petrov, I.V. (2019) Politicheskie nastroeniya pravoslavnogo dukhovenstva Kryma v period na-tsistskoy okkupatsii [The Political Mood of Orthodox Clergy in Crimea during the Nazi Occupation]. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 9(2). pp. 375–388. DOI:10.21638/11701/spbu24.2019.205
14. Pol'sky, M. (1993) *Novye mucheniki rossiyskie* [New Russian Martyrs]. Moscow: Svetlyachok.
15. Pekurariu, M. (2013) Rumynskaya pravoslavnaya tserkov' v XX stoletii [The Romanian Orthodox Church in the 20th Century]. In: *Pravoslavnaya tserkov' v XX veke* [The Orthodox Church in the Twentieth Century]. Kyiv: Dukh i Liter. pp. 161–178.
16. Slesarev, A.V. (2017) Novootkrytie svedeniya o missionerskom sluzhenii prepodobnomuchenika Serafima (Shakhmutya), arkhimandrita Zhirovichskogo [New information about the missionary activity of Monk Martyr Seraphim (Shakhmut), Archimandrite of Zyrovici]. *Tserkovno-istoricheskiy vestnik XPONOΣ*. 4. pp. 113–122.
17. Stratilat, N.V. (2013) Vostochnaya tserkovnaya politika Rumynii i polozhenie pravoslavnoy tserkvi v Moldavii vo vremya Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. [East church policy of Romania and the life of Orthodox Church of Moldova during Great Patriotic War. 1941–1945]. *Khristianskoe chtenie*. 1. pp. 167–193.
18. Tabunshchikova, L.V. (2015) Tserkovnaya zhizn' na territorii Rostovskoy oblasti v period nemetskoy okkupatsii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The church life in Rostov Region under German occupation during the Great Patriotic War]. In: Matishov, G.G. (ed.) *Znachenie srazheniy 1941–1943 gg. na yuge Rossii v Pobede v Velikoy Otechestvennoy voynы* [The Role of the Battles of 1941–1943 in the South of Russia in the Victory in the Great Patriotic War]. Rostov on the Don: RAS. pp. 369–375.
19. Tabunshchikova, L.V. (2016) Tserkovnaya zhizn' Rostova-na-Donu v period natsistskoy okkupatsii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The church life of Rostov-on-the Don during the Nazi Occupation in the Great Patriotic War]. In: Tsitkilov, P.Ya. (ed.) *Aktual'nye problemy sotsial'noy istorii* [Topical Problems of Social History]. Novocherkassk: Lik. pp. 82–87.
20. Tabunshchikova, L.V. & Shadrina, A.V. (2015) *Tserkovnye raskoly v Donskoy oblasti. 1920–1930-e gody* [Church splits in the Don region. 1920s–1930]. Rostov-on-the Don: Antey.
21. The Center for Documentation of the Recent History of Rostov Region. Fund R-3. List 2. File 69.
22. Shadrina, A.V. (2015) Svyashchennosluzhiteli Rostovskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Priests of the Rostov region during the Great Patriotic War]. In: Matishov, G.G. (ed.) *Znachenie srazheniy 1941–1943 gg. na yuge Rossii v Pobede v Velikoy Otechestvennoy voynы* [The Role of the Battles of 1941–1943 in the South of Russia in the Victory in the Great Patriotic War]. Rostov on the Don: RAS. pp. 231–237.
23. Shkarovsky, M.V. (2002) *Natsistskaya Germaniya i pravoslavnaya tserkov'* (*natsistskaya politika v otnoshenii pravoslavnoy tserkvi i religioznoe vozrozhdenie na vremenne okkupirovannoy territorii SSSR*) [Nazi Germany and the Orthodox

Church (Nazi policy on the Orthodox Church and religious revival in the temporarily occupied territory of the USSR]. Moscow: Izd-vo Krutitskogo podvorya.

24. Shkarovsky, M.V. (2007) *Krest i svastika. Natsistskaya Germaniya i pravoslavnaya tserkov'* [Cross and swastika. Nazi Germany and the Orthodox Church]. Moscow: Veche.

25. Shkarovsky, M.V. (2011) *Pravoslavnaya tserkov' Rumynii v 1918–1950-kh godakh* [The Orthodox Church of Romania in the 1918–1950s]. *Vestnik tserkovnoy istorii*. 1/2 (21/22). pp. 173–223.

26. Shkarovsky, M.V. (2019) *Pravoslavnye tserkvi Yugo-Vostochnoy Evropy (1945–1950 gg.)* [Orthodox churches of Southeast Europe (1945–1950)]. Moscow: Poznanie.

27. Shornikov, P.M. (1998) *Politika rumyńskikh vlastey i krizis Pravoslavnoy tserkvi v Bessarabii. 1918–1940 gody* [Romanian authorities' policy and the Orthodox Church crisis in Bessarbia. 1918–1940]. *Otechestvennaya istoriya*. 5. pp. 158–167.

28. Yakunin, V.N. (2001) *Russkaya pravoslavnaya tserkov' na okkupirovannykh territoriyakh SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [The Russian Orthodox Church in the Occupied Territories of the USSR in the Years of the Great Patriotic War of 1941–1945]. Samara: Samara State University.

Петров Иван Васильевич – кандидат исторических наук, ассистент кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Ivan V. Petrov – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: i.petrov@spbu.ru

УДК 930:378.4

UDC

DOI: 10.17223/18572685/58/11

УНИВЕРСИТЕТЫ И УЧИТЕЛЯ А.Н. ГРАБАРА: К ИСТОРИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ УЧЕНОГО-ИСТОРИКА

В.В. Левченко

Одесский национальный морской университет

Украина, 65029, г. Одесса, ул. Мечникова, 34

E-mail: levchenkolav@yandex.ua

Авторское резюме

Рассматривается процесс профессионального становления А.Н. Грабара как одного из крупнейших историков искусства XX в. на фоне общественно-политической и социально-экономической ситуаций в Российской империи в 1910-х гг. В рамках одного исследования был собран и систематизирован архивный материал, который впервые введен в научный оборот. Анализ исторических источников дал возможность выделить основные вехи жизненного и творческого пути ученого в период проживания в Российской империи. Имеющиеся в нашем распоряжении разного рода документальные материалы позволили в достаточно полном объеме реконструировать его жизненный путь в 1910-х гг., уточнить и прояснить некоторые факты, которые недостаточно освещались или по-разному интерпретировались предыдущими исследователями. В частности, уточнена последовательность университетов (Киевский – Петроградский – Киевский – Новороссийский), в которых он получил высшее историческое образование и начал свою научно-исследовательскую деятельность. Публикация некоторых документальных материалов, имеющих отношение к получению А.Н. Грабаром высшего исторического образования, позволяет выявить круг ученых, которые как учителя способствовали его профессиональному становлению и вхождению в научное сообщество.

Ключевые слова: Андрей Грабар, Петроградский университет, Киевский университет, Новороссийский университет, историческая наука, история искусств.

A.N. GRABAR'S UNIVERSITIES AND TEACHERS: ON THE HISTORY OF PROFESSIONAL FORMATION OF A HISTORIAN

V.V. Levchenko

Odessa National Maritime University
34 Mechnikova Street, Odessa, 65029, Ukraine
E-mail: levchenkolav@yandex.ua

Abstract

The article discusses the professional development of André Grabar, one of the greatest art historians of the 20th century, in the context of socio-political and socio-economic situation in the Russian Empire in the 1910s. The authors have collected and systematised the archival data that have never been studied before. The analysis of historical sources allowed identifying the milestones of Grabar's life and career during his life in Russia. Various documents provided for complete reconstruction of his life course in the 1910s to clarify some facts insufficiently covered or differently interpreted by previous researchers. In particular, the article specifies the sequence of universities (Kiev University – Petrograd University – Kiev University – Novorossiysk University), where Grabar received higher historical education and began his research. The publication of some documentary materials related to Grabar's higher education has allowed establishing a circle of scientists who contributed to his professional development and academic career.

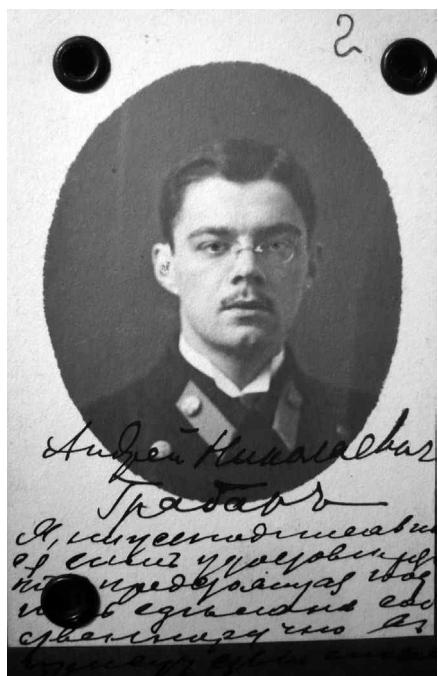
Keywords: André Grabar, Petrograd University, Kiev University, Novorossiysk University, history, art history.

В первой четверти XX в. российская историческая наука подарила нам плеяду блестящих историков, которые со временем внесли весомый вклад в осмысление процесса исторического познания на мировом уровне. Образование новой генерации ученых проходило в начале ХХ в. в своеобразных условиях развития Российской империи: с одной стороны, в обстановке революционной агрессии, военных конфликтов и поиска модели повседневной адаптации в ситуации общественно-политического и социально-экономического коллапсов в 1914–1920 гг.; с другой – в условиях идейного разномыслия, плюрализма мнений и активного поиска теории, способной объяснить происходившие в мире и стране процессы. В этих обстоятельствах

происходило профессиональное становление Андрея Николаевича Грабара (1896–1990) – в будущем ученого-историка средневекового и византийского искусства с мировым именем. Французский искусствовед, историк архитектуры, мемуарист, сын российского религиозного философа, мыслителя, одного из основателей направления интуитивизма в философии Н.О. Лосского (1870–1965) Б.Н. Лосский (1906–2001), который лично знал А.Н. Грабара, назвал его одним из виднейших представителей русской эмиграции: «Если говорить о вкладе русской ученой эмиграции во всеобщую культуру, ему как византологу следует отвести место у вершины шкалы ценностей наряду с такими учеными, как археолог Михаил Ростовцев или социолог Питирим Сорокин» [23: 311].

На сегодняшний день отдельные сюжеты истории профессионального становления А.Н. Грабара не получили освещения в научной литературе. За последние почти тридцать лет после смерти ученого можно констатировать появление статей, представляющих краткое изложение его биографии [1; 17; 23–27] и этап ранней научной деятельности в период эмиграции в Болгарии [18; 19]. Как следствие, начало жизненного и творческого пути ученого до сих пор остается детально

не изученным. Процесс его профессионального становления и начала научной деятельности, безусловно, заслуживает специального исследования, что позволит реконструировать некоторые жизненные события этого незаурядного человека в период сложных общественно-политических процессов в Российской империи в 1914–1920 гг. Выявленные пробелы в биографии А.Н. Грабара помогли дополнить впервые введенные в научный оборот документы Государственного архива Одесской области, которые представлены в данном исследовании. Уникальные исторические источники впервые позволяют по-новому описать образ российского ученого-историка в эпоху смены политической

А.Н.Грабар. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2130. Л. 2.

системы, восстановить некоторые аспекты условий деятельности киевской и одесской научных корпораций второй половины 10-х гг. прошлого столетия.

Всемирно известный ученый-историк А.Н. Грабар прожил долгую и трудную жизнь. Первоначально ничто не предвещало молодому человеку особых трудностей. Он родился 26 июля (8 августа) 1896 г. в Киеве [2: 379] и был первым ребенком в состоятельной семье дворянина из Черниговской губернии [3: 12об.]. Отец Николай Степанович Грабар – потомственный дворянин, юрист. В начале XX в. был председателем Владимирского окружного суда, Киевского окружного суда, 2-го Гражданского департамента Киевской судебной палаты и почетным мировым судьей Киевского городского округа. С 1914 г. – сенатор Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената Российской империи. Мать Елизавета Ивановна происходила из семьи баронов Притвиц. Ее дед и прадед были российскими генералами, один из ее предков – российский полководец прусского происхождения, генерал-фельдмаршал И.И. Дибич-Забалканский. В автобиографии А.Н. Грабар утверждал, что их «род с XVII в. жил на севере Украины, в небольшом городке Погаре, неподалеку от Стародуба», но при этом он уточнял: «Возможно, что мои далекие предки переселились туда из Центральной Европы (фамилия Грабар не встречается в России, но ее достаточно часто можно встретить в Словакии, Галиции и в области Северных Карпат...)» [14: 11]. Таким образом, ученый не исключал происхождение своего рода из русинов (руsnakov) – коренного населения Карпатской Руси (Галиция, Буковина, Угорская Русь), чьи земли на протяжении второй половины XIV – начала XX в. находились под властью разных государств Центральной Европы. Проведя анализ всего пласта научной литературы, посвященной биографии А.Н. Грабара, констатируем, что генеалогия его рода составляет лакуну в персональной истории ученого и является открытым полем для дальнейших научных исследований.

Родители А.Н. Грабара уделяли максимум внимания воспитанию и начальному образованию своего первенца. Среднее образование он получил в 1906–1914 гг. в частной мужской гимназии Киева, открытой в 1905 г. Ее основателем и директором в 1905–1914 гг. был известный киевский педагог, просветитель, литературовед, филолог, этнограф, журналист, редактор и издатель журнала «Киевская старина» В.П. Науменко (1852–1919). Гимназия относилась к числу частных средних общеобразовательных заведений с официальной гимназической программой, соответствовавшей программе государственных гимназий. Она была самой дорогой из частных гимназий в Киеве, с высоким уровнем преподавания и таким же высоким

уровнем знаний, который получали гимназисты. В штат учителей входили авторитетные специалисты, многие из которых имели университетский опыт преподавания. Например, в 1906–1909 гг. курс математики читал К.Ф. Лебединцев – талантливый педагог-новатор, математик и методист, неутомимая деятельность которого была направлена на реформирование математического образования и внедрение демократических новейших идей в школьную жизнь, сын основателя и редактора журнала «Киевская старина» Ф.Г. Лебединцева. В 1911–1913 гг. в гимназии преподавал психолог, педагог, философ, профессор Киевского университета (с 1912 г.) С.А. Ананьин. Логику в 1913–1915 гг. читал искусствовед, хранитель Музея западного и восточного искусства в Киеве, преподаватель Киевского университета С.А. Гиляров. В 1910–1912 гг. словесности обучал музыковед, фольклорист, литературовед, переводчик, педагог, профессор Д.Н. Ревуцкий. В 1906–1917 гг. русский язык и историю преподавал Н.В. Симашкевич, выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. В 1907–1909 гг. географию читал историк и этнограф, сотрудник журнала «Киевская старина» Е.К. Требубов, выпускник историко-филологического факультета Киевского университета.

Подтверждением высокого уровня преподавания в гимназии также были ее выпускники, среди которых – известнейшие ученыe XX в. Например, в числе ровесников и близких приятелей А.Н. Грабара был литературовед, музыковед, историк культуры, текстолог, исследователь взаимовлияния русской и западноевропейских литератур, педагог, академик, доктор многих престижных университетов М.П. Алексеев (учился в 1908–1914 гг.). С 1906 г. в гимназии учился авиаконструктор, один из основателей авиации в Российской империи А.Д. Карпека. С 1908 по 1915 г. в ней обучался сын известного экономиста и публициста Т.Р. Рыльского поэт, переводчик, публицист, языковед, литературовед М.Т. Рыльский. В 1913 г. гимназию с золотой медалью окончил будущий физик, доктор физико-математических наук П.С. Тартаковский. В 1906–1916 гг. там также учился брат А.Н. Грабара, в будущем выдающийся иммунолог П.Н. Грабар [16]. Родители А.Н. Грабара дали сыну отличное среднее образование, что на базе природного таланта заложило основы для успешного получения высшего образования. Как писал сам ученик, «одну из лучших гимназий Киева» он закончил с золотой медалью в 1914 г. [14].

Однако, как ни парадоксально звучит, имея все возможности (интеллектуальные, социальные и материальные) для поступления в любой престижный вуз Российской империи, с началом Первой мировой войны А.Н. Грабар, которому исполнилось 18 лет, принял

решение записаться добровольцем-санитаром в российскую армию. В этом качестве он отправился в Галицию на фронт, который проходил на территории Австро-Венгрии. Судьба сложилась так, что ему не было суждено пережить все трудности и тяготы той войны. После нескольких месяцев пребывания на фронте он заболел дизентерией и был эвакуирован в Киев [14]. Период участия Грабара в военных действиях Первой мировой стал в его жизни единственным подобным опытом. В дальнейшем он никогда не был связан с несением воинской повинности и участием в военных конфликтах. После освобождения в 1914 г. от военной службы по болезни [3: 3], 9 июня 1916 г., за полтора месяца до достижения двадцатилетия, которое давало право призывать его к исполнению воинской повинности, он прошел медицинское освидетельствование в Стародубском уездном по воинской повинности присутствии Черниговской губернии и был признан негодным к воинской службе, что было отражено в удостоверении, выданном ему 27 ноября 1917 г. [3: 7; 6: 122]. По окончании весной 1919 г. Новороссийского университета ему, согласно действующему законодательству, надлежало отбыть воинскую повинность на общем основании, но он избежал этой участии. В то время власть в Одессе была в руках большевиков, которые на основании Декрета СНК РСФСР от 19 марта 1919 г. предоставляли отсрочку по исполнению воинской повинности профессорским стипендиатам, коим являлся и А.Н. Грабар [7: 39–39об.]. С установлением 23 августа 1919 г. в Одессе власти Добровольческой армии во главе с генералом А.И. Деникиным, ему как стипендиату 30 ноября 1919 г. также было выдано удостоверение о том, что он, в соответствии с пунктом 3 статьи 76 Устава о воинской повинности от 1915 г., пользуется правом отсрочки на отбывание воинской повинности до тридцати лет [3: 11; 6: 122]. Таким образом, согласно действующим законодательствам всех политических режимов, которые имели место в Одессе в 1919 г., Грабар избежал возможности быть призванным к исполнению воинской повинности в рядах какого-либо военного формирования. Заполучив юридически оформленное освобождение от участия в военных действиях, он сконцентрировал все свои усилия на получении высшего образования.

История получения А.Н. Грабаром высшего образования в многочисленных биографических публикациях изложена поверхностно, без указания хронологических дат и ссылок на исторические источники. Проведенный нами анализ научной литературы по этому вопросу биографии ученого не дал возможности выстроить целостной картины и однозначной последовательности его пребывания в университетах, в которых он обучался. Так, Г.В. Вернадский

пишет о Грабаре: «Поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета в 1914 году. Кончил университет в 1918 году» [2: 379]. Э.С. Смирнова указывает: «После окончания гимназии в Киеве в 1914 году Грабар отправился добровольцем на фронт... Однако вскоре он был демобилизован по болезни и поступил в Киевский университет на историко-филологический факультет... Через год, в связи с приглашением отца на новую службу в Петроград, он перевелся в Петроградский университет, также на филологический факультет. Обстоятельства войны и революции сделали учебу в Петрограде крайне затруднительной, и Грабар возвращается в Киев, а затем, стремясь окончить курс, оказывается в Одессе...» [25: 8]. Немного в другой интерпретации этот период биографии А.Н. Грабара трактует О.С. Бутырский: «В 1914 г., по окончании гимназии и после недолгого пребывания в армии, поступил на историко-филологический факультет Киевского университета, откуда в следующем году перевелся в Петроградский университет. Диплом 1-й степени защитил в Новороссийском университете в Одессе» [1: 243]. Сам Грабар «свои университеты» описывает так: «...поступил на историко-филологический факультет Киевского университета. Годом позже я перевелся на такой же факультет Петроградского университета... сдал выпускные экзамены на окончание университетского курса в 1919 г. в Одесском университете...» [14: 12]. На фоне автобиографического эскиза ученого представленные современными исследователями описания, касающиеся его обучения в трех классических университетах Российской империи, существенно расходятся в фактологической достоверности с установленными нами документальными материалами.

Изучив данные первоисточников, мы обнаружили, что свое высшее образование А.Н. Грабар начал действительно получать в Киевском университете (до 2 марта 1917 г. официальное название – Императорский университет святого Владимира). Об этом свидетельствует «Запись студента Императорского Петроградского университета историко-филологического факультета исторического отделения», в которой указано, что он переведен в данный вуз как студент Киевского университета, где обучался первые два семестра [9: 5]. Имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы не отображают полную картину его обучения в Киевском университете, что предполагает дальнейший поиск дополнительных документальных материалов.

В Петроградский университет А.Н. Грабар поступил 8 октября 1915 г. и обучался в нем до октября 1917 г., а «несколько дней спустя после переворота, который устроили большевики», он был вынужден покинуть Петроград и вернуться в Киев [14: 15]. За два года обуче-

ния в Петроградском университете он прослушал лекции многих маститых профессоров: Д.В. Айналова (история искусства, высокий ренессанс, возрождение византийского искусства в XIII–XIV вв.), И.Д. Андреева (история церкви), А.А. Васильева (история Византии), А.И. Введенского (логика, история древней философии, история новой философии), Г.В. Вернадского (русская история), А.С. Лаппо-Данилевского (методология истории), Д.К. Петрова (история западноевропейской литературы), Б.А. Тураева (история Востока), Л.В. Щербы (введение в языкознание) и др.

За это время он весьма успешно выдержал испытания по одиннадцати предметам: поверочные испытания по латинскому (20 апреля 1917 г.) и греческому языкам (25 апреля 1917 г.); общефакультетские полукурсовые испытания по логике (5 июня 1916 г.), психологии (20 января 1917 г.), введению в языкознание (13 мая 1917 г.), новому (французскому) языку (6 мая 1917 г.); полукурсовое испытание по классическому отделению – истории древней философии (23 мая 1917 г.); необязательное испытание по элементарному курсу греческого языка (18 мая 1916 г.); полукурсовые испытания по историческому отделению – истории Византии (9 сентября 1916 г.), истории церкви (22 апреля 1917 г.), истории западноевропейской литературы (17 октября 1917 г.). Также получил зачеты по двум про семинариям: истории искусств у Д.В. Айналова (21 апреля 1916 г. и 21 апреля 1917 г.) и русской истории у Г.В. Вернадского (10 декабря 1916 г.) [9: 6–11 об.]. Успешная учеба А.Н. Грабара в Петроградском университете была прервана из-за переживаемых страной исторических катаклизмов. Проведенные в Петрограде два года не дали ему возможности получить высшее образование, но зато оказались чрезвычайно плодотворными и насыщенными учебой, научной работой, знакомством и налаживанием профессиональных и дружеских контактов со старшими коллегами, которые в дальнейшем сыграли важную роль в его жизни. Пребывая в эмиграции, он вспоминал, что многим зарубежным исследователям «были знакомы имена великих ученых из Ленинграда, давших... хвалебные характеристики и пользовавшихся всеобщим уважением: имена Н.П. Кондакова, Я.И. Смирнова, Д.В. Айналова, М.И. Ростовцева» [14: 14].

Не сдав всех экзаменов по прослушанным дисциплинам в Петроградском университете из-за революционных событий в октябре 1917 г., Грабар продолжил получать высшее историческое образование в Киевском университете. Здесь он, согласно выданному 9 января 1919 г. деканом историко-филологического факультета Н.М. Бубновым удостоверению, весьма успешно прошел курсовые испытания еще по десяти дисциплинам: латинский автор, греческий автор

(30 мая 1918 г.), введение в философию, история новой философии (9 июня 1918 г.), история русской словесности (11 июня 1918 г.), история искусства, методология истории (11 июня 1918 г.), древняя история Востока, средняя история, история славян. Также получил зачет практических занятий по своей специальности у профессора Н.М.Бубнова, а 2 (15) сентября 1918 г. представил зачетное сочинение на тему «Трехсвятительская церковь в Киеве», о чем свидетельствует отметка профессора Д.В.Айналова (ГАОО 7: 6–8, 43). В Киевском университете, так же, как и в предыдущем вузе, А.Н.Грабар слушал лекции многих известных ученых (Н.М.Бубнов, А.Н.Гиляров, А.И.Покровский, Т.Д.Флоринский и др.), но из двух своих *alma mater* самыми теплыми словами отзывался о Петроградском университете, «которому... и обязан самым существенным в моем высшем профессиональном образовании» [14: 12].

Несмотря на то, что предпочтение в определении большей значимости в своем становлении как ученого А.Н.Грабар отдавал Петрограду, именно в Киеве наметились некоторые сферы приложения историко-искусствоведческого интереса, которые активно разрабатывались им в будущем. Еще в гимназические годы, а затем и в период студенчества он увлекался археологией, тесным образом связанной с историей искусства. Поскольку Киев, где он провел около двадцати лет своей жизни, знаменит многочисленными прекрасными древними церквами, его «особенно увлекала средневековая археология, а именно от искусства самых древних киевских храмов, с их прославленными мозаиками и фресками, восходящими к XI веку, до более поздних, с XIV по XIX столетия» [14: 13]. За время пребывания в Киеве Грабар не прерывал, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, своей исследовательской деятельности. Темой исследований он выбрал фрески Апостольского придела Киево-Софийского собора – одного из древнерусских памятников. В Киеве по этой тематике имелся огромный и еще слабо разработанный архивный материал, и молодой историк с увлечением погрузился в его изучение. В дальнейшем на основе этих материалов была подготовлена и издана в 1917 г. первая его самостоятельная научная работа – «Фрески Апостольского придела Киево-Софийского собора» [13]. Пребывая в Киеве, он подготовил еще один труд, посвященный древнерусскому памятнику архитектуры конца XII в., который лег в основу представленного в 1918 г. зачетного сочинения на тему «Трехсвятительская церковь в Киеве» [9: 6]. Проба научного пера А.Н.Грабара не осталась незамеченной в научном сообществе. В 1919 г. киевский историк-искусствовед Ф.Л.Эрнст дал позитивную оценку этой работе [15]. Первые шаги Грабара в науке высоко

оценили в научных кругах, о чём свидетельствуют оказанные ему поддержка и помощь маститых учёных из Петрограда (см. прил. 1).

Видевший воочию агрессию и жестокость большевиков во время революций в Петрограде в 1917 г., А.Н. Грабар стал их непримиримым врагом. Желая избежать с ними встречи в Киеве, он решил, как и многие его коллеги (например, М.П. Алексеев), в январе 1919 г. с приближением большевистских войск к Киеву бежать в Одессы. В Южную Пальмиру он переехал с матерью, с которой проживал на улице Елисаветинской, 10 [9: 3; 6: 42].

По прибытии в Одессу 28 (15) января 1919 г. он подал прошение председателю Государственной испытательной комиссии при историко-филологическом факультете Новороссийского университета о допуске к испытаниям (см. прил. 2) для получения диплома о получении высшего образования и успешно справился с этим заданием. Окончание Новороссийского университета пришлось на период нахождения Одессы во власти большевиков (8 апреля – 23 августа 1919 г.). Желая привлечь новоиспеченного дипломированного специалиста к научной деятельности, 24 мая 1919 г. на заседании историко-филологического факультета (присутствовали Н.Н. Ланге, В.Н. Мочульский, В.Ф. Лазурский, Б.М. Ляпунов, М.Г. Попруженко, Е.Н. Щепкин, Е.П. Трифильев, А.В. Флоровский, Б.В. Варнеке, А.Л. Концепионский, С.В. Троицкий, Р.М. Волков, Ф.Г. Александров, Н.Л. Окунев, М.И. Гордиевский, Е.А. Загоровский, П.М. Бицилли, Н.П. Кондаков) Н.Л. Окунев выступил с письменным представлением (см. прил. 3), а Н.П. Кондаков – с устной рекомендацией об оставлении А.Н. Грабара в университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре истории и теории искусства [3: 8, 12об.; 10: 47, 51об. – 52]. 30 мая 1919 г. комиссар университета утвердил это решение (ГАОО 1: 8), и как стипендиату Грабару было назначено жалованье в размере 1 188 руб. [12: 7 – 7 об.].

В статусе стипендиата он оставался до 21 августа 1919 г., когда за два дня до установления в Одессе власти Добровольческой армии генерала А.И. Деникина (23 августа 1919 г. – 7 февраля 1920 г.) на заседании историко-филологического факультета Новороссийского университета было решено отменить все постановления относительно комплектования штатов в период советской власти [10: 67–68]. В связи с этим А.Н. Грабару пришлось повторно пройти процедуру избрания в профессорские стипендиаты. После отзыва профессора Е.П. Трифильева на его сочинение «Фрески апостольского придела Киево-Софийского собора», подписанного 28 сентября 1919 г. (см. прил. 4), 23 октября 1919 г. историко-филологический факультет заслушал представление приват-доцента Н.Л. Окунева об оставлении

А.Н. Грабара в университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре истории и теории искусства, подвергнув его баллотировке (13 избирательных шаров и 3 неизбирательных шара) [3: 9; 11: 226]. 4 ноября 1919 г. декан факультета А.П. Добролюбский ходатайствовал перед правлением университета о назначении ему стипендии в установленном порядке (ГАОО 9: 226). 14 (1) ноября 1919 г. Грабару было выдано свидетельство Историко-филологической испытательной комиссии при Новороссийском университете за подпись ее председателя А.П. Добролюбского о том, что он подвергся установленным испытаниям по отделу исторических наук и заслужил право на получение диплома I степени [3: 10].

В Одессе одновременно с окончанием обучения началась профессиональная деятельность А.Н. Грабара как музеяного работника. В тяжелые годы гражданской смуты он взял на себя нелегкие обязанности хранителя Музея изящных искусств при Новороссийском университете. Официально эту должность он занял 13 мая 1919 г. [3: 2,5] и фактически оставался на ней до дня своего отъезда из Одессы. Де-юре это было оформлено 18 (5) февраля 1920 г., когда на заседании историко-филологического факультета на должность хранителя «вместо уехавшего в командировку» А.Н. Грабара «временно» был определен студент историко-филологического факультета М. Милеев [4: 19–20]. Из состава стипендиатов он был уволен 20 (7) февраля 1920 г. постфактум приказом от 9 мая 1920 г., попав в т. н. список 76, в который вошли все представители высшей школы Одессы, эмигрировавшие перед вступлением в город большевиков [20].

В Одессе не только началась профессиональная деятельность Грабара, но и состоялись его первые шаги на преподавательской стезе. После отъезда в октябре 1920 г. из Одессы Н.Л. Окунева молодой ученый вместо своего старшего коллеги на протяжении октября–ноября продолжил чтение лекций по истории искусств для слушателей (30–40 чел.) Одесской консерватории [5: 227–231].

Получив в Одессе возможность проводить полноценную научно-исследовательскую работу и начать педагогическую деятельность, А.Н. Грабар одновременно столкнулся с материальными и бытовыми проблемами, что привело к ухудшению его здоровья. 11 ноября 1919 г. ему была выдана справка доктором А.А. Шемаевым о том, что «состояние общего его здоровья не может препятствовать оставлению его в качестве профессорского стипендиата при Новороссийском университете» [3: 1].

Успешно начатая в Одессе Грабаром карьера ученого и преподавателя была прервана очередным наступлением большевиков на город, что привело к массовой эмиграции населения, не желавшего

становиться жертвами красного террора. Среди эмигрантов был и А.Н. Грабар, который в последних числах января 1920 г. вместе с матерью выехал в Варну (Болгария) [21; 22].

Не отрицая влияния на ученого идей многих преподавателей трех ведущих классических университетов Российской империи, следует отметить, что решающее значение в формировании его взглядов имел Д.В. Айналов. На его профессиональное становление имело влияние ознакомление с работами классиков русской исторической науки и современными исследованиями, но огромное впечатление на молодого ученого произвели труды Н.П. Кондакова и его личное содействие. Именно перу академика принадлежит программа научных занятий по истории и теории искусства профессорского стипendiата А.Н. Грабара, составленной 31 января 1920 г. (см. прил. 5). Безусловно, это нашло отражение в исследованиях молодого историка о раннехристианской и ранневизантийской архитектуре, иконографии, в работах по византийской живописи с продолжением того иконографического взгляда, который был свойствен Н.П. Кондакову и всей российской историко-искусствоведческой науке дореволюционного времени. Учитывая преемственность научной школы Н.П. Кондакова, можем назвать Грабара представителем четвертого поколения («правнуком») всемирно известной искусствоведческой плеяды ученых (Н.П. Кондаков – Д.В. Айналов – Н.Л. Окунев – А.Н. Грабар).

С полным основанием можно сказать, что Грабар учился у лучших представителей российской исторической науки начала XX в., среди которых необходимо особо отметить Д.В. Айналова, Г.В. Вернадского, А.С. Лаппо-Данилевского, Н.Л. Окунева, М.И. Ростовцева и др. Вполне естественно, что в своей последующей деятельности ученый оставался продолжателем традиций российской исторической школы в лице лучших ее представителей Петроградского, Киевского и Ново-российского университетов. А.Н. Грабар жил в сложный и во многом трагический период истории России. Тем не менее и тогда он сохранял достоинство и интеллектуальную независимость, проявлявшуюся как в личном научном творчестве, так и в поведении внутри научного сообщества.

ПРИЛОЖЕНИЯ¹

Приложение 1.

Удостоверение о прохождении А.Н. Грабаром полного курса обучения по программе историко-филологического факультета, подписанное Д.В. Айналовым 3 января 1919 г. [9: 39–40]

Заслуженный ординарный профессор Петроградского университета и приват-доцент университета св[ятого] Владимира
Дмитрий Васильевич Айналов января 3 (23 дек[абря]) 1919 года № 2
Киев. Андреевская ул[ица], д[ом] № 15

Удостоверение

Сим удостоверяю, что Грабар Андрей Николаевич действительно выслушал полный курс наук историко-филологического факультета Петроградского университета по историческому отделению, выдержал все надлежащие поверочные (элементарный и пропедевтический по греческому и латинскому языках) и полукурсовые испытания (по психологии, логике, истории древней философии, введению в языковедение, истории Византии, истории зап[адно]европейских литератур, истории церкви и французскому языку – в Петроградском университете и по введению в философию, латинскому и греческому авторам, истории новой философии, истории русской литературы, истории русского и классического искусств, методологии и философии истории – в университете св[ятого] Владимира), получив по всем этим предметам отметку весьма удовлетворительную. Получил два зачета практических занятий по истории искусства у меня, зачет практ[ических] занятий по русской истории у приват-доцента Вернадского – в Петрограде и зачет практ[ических] занятий по средней истории у проф[ессора] Бубнова – в унив[ерситете] св[ятого] Владимира.

Заслуженный ордин[арный] проф[ессор] Петроградского у[ниверсите]та и приват-доцент универс[итета] св[ятого] Владимира Д. Айналов.

Дополнение: кроме того, А.Н. Грабаром представлено курсовое сочинение на тему: «Трехсвятительская церковь в Киеве» и признано весьма удовлетворительным.

У проф[ессора] Н.М. Бубнова в Государств[енной] испыт[ательной] комиссии при универс[итете] св[ятого] Владимира им сдан экзамен по средней истории.

В той же комиссии у проф[ессора] Покровского сдал экзамен по истории Древнего Востока и, наконец, в той же комиссии у проф[ессора] Флоринского сдал экзамен по истории славян.

Проф[ессор] Д. Айналов [подпись]

Приложение 2.

Прошение А.Н. Грабара председателю Государственной испытательной комиссии при историко-филологическом факультете Новороссийского университета о допуске к испытаниям от 28 января 1919 г. [9: 1-1 об.]

Господину председателю
Государственной испытательной комиссии при историко-
филологическом факультете Новороссийского университета

прослушавшего курс
[Резолюция] историко-филологического факультета
15/28 янв[аря] 1919 Петроградского университета
[года] Андрея Николаевича Грабара

Прошение

Имея намерение подвергнуться испытаниям в настоящей сессии Государственной испытательной комиссии при Новороссийском университете, покорнейше прошу 1) допустить меня к испытаниям на основании прилагаемых документов и 2) зачесть мне экзамены, сданные в осенней сессии 1918 года Государственной испытательной комиссии при университете св[ятого] Владимира, а также все полукурсовые, сданные во время пребывания моего в Петроградском университете.

Андрей Грабар

Приложения: 1) Удостоверение, выданное деканом ист[орико]-
фил[ологического] факультета университета св[ятого] Владимира за №
443 о выдержаных мною в унив[ерситете] св[ятого] Владимира госу-
дарственных и полукурсовых испытаний и зачет практических занятий.

2) Зачетная книжка, выданная из Петроградского университета за № 2788.

3) Удостоверение, выданное заслуженным ординарным профессором Петроградского университета Д.В.Айналовым (находящимся в наст[оящее] время в Одессе, Ольгиевская 1, кв[артира] 12), подтверждающее действительность сведений о моих успехах как в Петроградском, так и в университете св[ятого] Владимира.

Примечание. Это удостоверение было выдано проф[ессором] Айналовым по моей личной просьбе, т[ак] к[ак] обстоятельства переживаемого времени не дали мне до сих пор возможности получить официальной справки о моих успехах из Петроградского университета, на основании которых могло бы быть выдано выпускное свидетельство, – каковую справку я и обязуюсь представить в Испытательную комиссию при первой на то возможности.

Приложение 3.

Представление Н.Л. Окунева в историко-филологический факультет Новороссийского университета об оставлении А.Н. Грабара для приготовления к профессорскому званию по кафедре истории и теории искусства от 24 мая 1919 г. [11: 26]

В историко-филологический факультет
Новороссийского университета

Представление

В настоящее время в нашем университете закончил высшее образование бывший студент Петербургского университета Андрей Николаевич Грабар, который в Петербурге начал свои специальные занятия по истории искусств под руководством проф[ессора] Д.В. Айналова и пр[иват]-доц[ента] Н.П. Сычева. В Одессу его привлекли не только необходимость держать государственные экзамены, но и то обстоятельство, что при создавшихся условиях он только здесь мог успешно продолжать свои занятия, обеспеченные научными пособиями и моей поддержкой. Большая трудоспособность, точность и аккуратность в занятиях, знание древних и новых иностранных языков, значительный уже запас познаний в своей специальности, умение излагать свои мысли дают уверенность в том, что из него вскоре выработкается недюжинный ученый работник, пополняющий редкие ряды историков искусства. Ввиду изложенного позволяю себе предложить факультету оставить А.Н. Грабара при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре теории и истории искусства.

Н. Окунев [подпись]
24 мая 1919 г[ода]

Приложение 4.

**Отзыв профессора Е.П. Трифильева на сочинение
А.Н. Грабара «Фрески апостольского придела
Киево-Софийского собора» от 28 сентября 1919 г. [9: 42]**

Сочинение А. Грабара «Фрески апостольского придела Киево-Софийского собора» обнаруживает в авторе знакомство с приемами исторического исследования, способность критического отношения к исследуемым вопросам, достаточное знание литературы по практикуемой теме.

Полагал бы, что данная работа может быть принята не только в качестве зачетной, но и для диплома 1 степени.

Проф[ессор] Ев. Трифильев [подпись]
28 сентября 1919 года

Приложение 5.

**Программа научных занятий по истории и теории искусства
профессорского стипендиата А.Н. Грабара, составленная
научным руководителем академиком Н.П. Кондаковым
31 января 1920 г. [8: 10–10 об.]**

В историко-филологический факультет
Новороссийского университета

Имею честь представить на обсуждение факультета следующую общую программу научных занятий по истории и теории искусства оставленного при университете для приготовления к профессорскому званию Андрея Николаевича Грабара:

1. По истории греческого искусства: изучение стилей и типов античной живописи в росписях Помпеи, Рима и пр. сравнительно с древнехристианскими росписями римских катакомб, керченских катакомб и древнейшими миниатюрами греческих рукописей.

Изучение типов и стилей расписных ваз, извлеченных из некрополей греческих колоний побережья Черного моря по собранию Одесского музея древностей.

2. По отделу христианского и византийского искусства: изучение памятников греческой и славянской живописи XIV–XVI столетий в странах Балканского полуострова.

3. По отделу русского древнего искусства: изучение новгородских стенных росписей XII–XIV столетий.

Орнамент в русских лицевых рукописях XIII–XIV веков.

4. По искусству эпохи Возрождения: изучение общего хода венецианской школы живописи в XIV и XV веках и развития ее общего стиля. Произведения Джованни Беллини.

Приват-доцент Новороссийского университета

Академик Н.П. Кондаков [подпись]

31 янв[аря] 1920 [года]

ПРИМЕЧАНИЕ

1. В представленных в приложениях документах правописание подано в соответствии с современными орфографическими нормами русского языка. Все уточнения и вторжения в авторские слова отмечены квадратными скобками. Подчеркивания в текстах сделаны авторами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутырский О.С. Грабар // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. Т. XII. С. 243–245.
2. Вернадский Г.В. Русская историография. М.: Аграф, 1998. С. 379–381.
3. Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО). Ф. 45. Оп. 4. Д. 1216.
4. ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2025.
5. ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2030.
6. ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2035.
7. ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2046.
8. ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2051.
9. ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2130.
10. ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2560.
11. ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2710.
12. ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 2716.
13. Грабар А.Н. Фрески апостольского придела Киево-Софийского собора. Петроград: Тип. Я. Башмаков и К°, 1917. [2], 9 с., 1 л.
14. Грабар А.Н. Эскиз автобиографии // Древнерусское искусство: Византия и Древняя Русь. СПб., 1999. С. 11–33.
15. Ернст Ф.Л. [Рецензия] Фрески Апостольского придела Киево-Софийского собора // Наше минуле. 1919. Січень-квітень. Ч. 1–2. С. 224–227.
16. Каганов В. Киев. Гимназия Владимира Науменко // Проза.ру. URL: <https://www.proza.ru/2014/04/14/283> (дата обращения: 23.10.2019).
17. Казански Н. Витязь византийского искусства – Андрей Грабар (1896–1990) // Русская газета в Болгарии. 2004. № 35 (54).
18. Каназирска М. Андрей Грабар в интеллектуальной жизни Болгарии 20-х годов // Проблемы славяноведения: сб. науч. ст. и материалов. 2001. Вып. 3. С. 228–237.
19. Кызласова И.Л. Новое о раннем этапе научной деятельности А.Н. Грабара (1919–1924) // Древнерусское искусство: Византия и Древняя Русь. 1999. С. 82–96.
20. Левченко В.В. Судьбы ученых Одессы на рубеже эпох (1917–1922) // Проблемы славяноведения. Брянск: РИО БГУ, 2009. Вып. 11. С. 134–146.
21. Левченко В.В. Одесские ученые в условиях русской эмиграции первой волны: пути, адаптация, судьбы // Мир глазами историка: памяти академика Юрия Александровича Полякова. М.: ИРИ РАН, 2014. С. 139–156.
22. Левченко В.В. В пучине первой волны российской эмиграции: судьбы одесских ученых-историков и последствия для исторической науки // Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы / Отв. ред. П.А. Трибунский. М.: ИРИ РАН, 2016. С. 160–171.
23. Лосский Б.Н. Памяти Андрея Грабара // Русская мысль. 1990. 9 ноября.
24. Смирнова Э. Грабар Андрей Николаевич // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в. Энциклопедический биографический словарь / Под общ. ред. В.В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 1997. С. 188–189.

25. Смирнова Э. Андрей Николаевич Грабар и его роль в мировой византистике // Грабар А. Император в византийском искусстве / Пер. с фр. М.: Ладомир, 2000. С. 6–14.

26. Смирнова Э.С. От киевских храмов к искусству Византии: Андрей Николаевич Грабар // Природа. 2001. № 2. С. 29–39.

27. Смирнова Э.С. Киевлянин профессор Андре Грабар (1896–1990) – От киевских храмов к искусству Византии... // Ассоциация европейских журналистов. 2012. 9 января. URL: <http://aej.org.ua/History/1267.html> (дата обращения: 23.11.2019).

REFERENCES

1. Butyrsky, O.S. (2006) *Grabar [Grabar]*. In: Patriarch Alexy II. (ed.) *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. Vol. 12. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya. pp. 243–245.
2. Vernadsky, G.V. (1998) *Russkaya istoriografiya* [Russian historiography]. Moscow: Agraf. pp. 379–381.
3. The State Archive of Odessa Region. Fund 45. List 4. File 1216.
4. The State Archive of Odessa Region. Fund 45. List 4. File 2025.
5. The State Archive of Odessa Region. Fund 45. List 4. File 2030.
6. The State Archive of Odessa Region. Fund 45. List 4. File 2035.
7. The State Archive of Odessa Region. Fund 45. List 4. File 2046.
8. The State Archive of Odessa Region. Fund 45. List 4. File 2051.
9. The State Archive of Odessa Region. Fund 45. List 4. File 2130.
10. The State Archive of Odessa Region. Fund 45. List 4. File 2560.
11. The State Archive of Odessa Region. Fund 45. List 4. File 2710.
12. The State Archive of Odessa Region. Fund 45. List 4. File 2716.
13. Grabar, A.N. (1917) *Freski apostol'skogo pridela Kievo-Sofiyskogo sobora* [The frescoes of the apostolic side chapel of Saint Sophia Cathedral]. Petrograd: Ya. Bashmakov i K°.
14. Grabar, A.N. (1999) *Eskiz avtobiografii* [An autobiography sketch]. In: Smirnova, E.S. (ed.) *Drevnerusskoe iskusstvo: Vizantiya i Drevnyaya Rus'* [Old Rus Art. Byzantium and Old Rus]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. pp. 11–33.
15. Ernst, F.L. (1919) [Retsenziya] Freski Apostol'skogo pridela Kievo-Sofiyskogo sobora [Review: Frescoes of the Apostolic side chamber of Saint Sophia Cathedral]. *Nashe minule*. 1–2. pp. 224–227.
16. Kaganov, V. (2014) *Kiev. Gimnaziya Vladimira Naumenko* [Kiev. Gymnasium of Vladimir Naumenko]. [Online] Available from: <https://www.proza.ru/2014/04/14/283> (Accessed: 23rd November 2019).
17. Kazanski, N. (2004) *Vityaz' vizantiyskogo iskusstva – Andrey Grabar (1896–1990)* [The Knight of Byzantine Art – André Grabar (1896–1990)]. *Russkaya gazeta v Bulgarii*. 35.
18. Kanazirska, M. (2001) *Andrey Grabar v intellektual'noy zhizni Bulgarii 20-h godov* [André Grabar in the intellectual life of Bulgaria of the 1920s]. In: Mikhalkchenko, S.I. (ed.) *Problemy slavyanovedeniya* [Problems of Slavic Studies]. Vol. 3. Bryansk: Bryansk State University. pp. 228–237.

19. Kyzlasova, I.L. (1999) Novoe o rannem etape nauchnoy deyatel'nosti A.N. Grabara (1919–1924) [New data about the early stage of the academic activity of A.N. Grabar (1919–1924)]. In: Smirnova, E.S. (ed.) *Drevnerusskoe iskusstvo: Vizantiya i Drevnyaya Rus'* [Old Rus Art. Byzantium and Old Rus]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. pp. 82–96.
20. Levchenko, V.V. (2009) Sud'by uchenykh Odessy na rubezhe epokh (1917–1922) [The fate of Odessa scientists at the turn of the era (1917–1922)]. In: Mikhalkcheno, S.I. (ed.) *Problemy slavyanovedeniya* [Problems of Slavic Studies]. Vol. 3. Bryansk: Bryansk State University. pp. 134–146.
21. Levchenko, V.V. (2014) Odesskie uchenye v usloviyah russkoy emigratsii pervoy volny: puti, adaptatsiya, sud'by [Odessa scientists in the conditions of Russian emigration of the first wave: ways, adaptation, destinies]. In: Zhiromskaya, V. (ed.) *Mir glazami istorika: pamyati akademika Yurya Aleksandrovicha Polyakova* [World through the eyes of a historian: in memory of academician Yuri Alexandrovich Polyakov]. Moscow: RAS. pp. 139–156.
22. Levchenko, V.V. (2016) V puchine pervoy volny rossiyskoy emigratsii: sud'by odesskikh uchenykh-istorikov i posledstviya dlya istoricheskoy nauki [In the abyss of the first wave of Russian emigration: the fate of Odessa historians and consequences for historical science]. In: Tribunsky, P.A. (ed.) *Rossiyskoe nauchnoe zarubezh'e: lyudi, trudy, institutii, arkhivy* [Russian Academic Emigre: People, Works, Institutions, Archives]. Moscow: RAS. pp. 160–171.
23. Lossky, B.N. (1990) Pamyati Andreya Grabara [In memory of André Grabar]. *Russkaya mysль*. 23rd November.
24. Smirnova, E. (1997) Grabar Andrey Nikolaevich [Grabar André Nikolaevich]. In: Shelokhaev, V.V. (ed.) *Russkoe zarubezh'e. Zolotaya kniga emigratsii. Pervaya tret' XX v. Entsiklopedicheskiy biograficheskiy slovar'* [Russian Emigre. The Golden Book of Emigration. The first third of the twentieth century. Encyclopedic Biographical Dictionary]. Moscow: ROSSPEN. pp. 188–189.
25. Smirnova, E. (2000) Andrey Nikolaevich Grabar i ego rol' v mirovoy vizantinistike [André Grabar and his role in the Byzantinistics]. In: Grabar, A. *Imperator v vizantiyskom iskusstve* [Emperor in Byzantine art]. Translated from French. Moscow: Ladamir. pp. 6–14.
26. Smirnova, E.S. (2001) Ot kievskikh khramov k iskusstvu Vizantii: Andrey Nikolaevich Grabar [From Kiev churches to the art of Byzantium: André Grabar]. *Priroda*. 2. pp. 29–39.
27. Smirnova, E.S. (2012) *Kievyanin professor Andre Grabar (1896–1990) – Ot kievskikh khramov k iskusstvu Vizantii* [Kiev resident Professor André Grabar (1896–1990) – From Kiev churches to the art of Byzantium]. [Online] Available from: <http://aej.org.ua/History/1267.html> (Accessed: 23rd November 2019).

Валерий Валерьевич Левченко – кандидат исторических наук, доцент кафедры украиноведения, историко-правовых и языковых дисциплин Одесского национального морского университета (Украина).

Valery V. Levchenko – Odessa National Maritime University (Ukraine).

E-mail: levchenkolav@yandex.ua

УДК 93/75.03

UDC

DOI: 10.17223/18572685/58/12

ЖИВОПИС ЯК ОДИН ІЗ ПРОЯВІВ НАЦІОНАЛЬНОГО І КУЛЬТУРНОГО ВІДРОДЖЕННЯ РУСИНІВ

О.А. Салата

Київський університет ім. Б. Грінченка
Україна, 04212, Київ, вул. М. Тимошенка, 13-Б
E-mail: oks.salata@gmail.com

Авторське резюме

У 1920–1930-х рр. суспільне і політичне життя на Закарпатті активізувалося, що дало поштовх до національного відродження в усіх галузях мистецтва, зокрема й у живописі. У ці роки зароджується й закарпатська школа живопису. Закарпатські художники, поряд із літературою і театральним мистецтвом, виконували важливу суспільну функцію – вони сприяли відродженню національної самосвідомості русинів краю. До становлення закарпатської школи живопису 20–30-х рр. та її розвитку належать Й. Бокшай, А. Ерделі, А. Коцки, Ф. Манайло, Е. Контратович, В. Борецький, Г. Глюк, З. Шолтес. Усі ці митці доклали багато зусиль до поширення далеко за межами батьківщини мистецьких традицій краю та глибокого розуміння філософії життя-буття свого народу, тогочасного суспільства, неповторних природних краєвидів рідного краю.

Важливим явищем у 30-х рр. ХХ ст. стало застосування живописних технік у декоративно-прикладному мистецтві. Твори мистецтва та досягнення русинських майстрів постійно виставлялися на виставках, організації яких сприяло місцеве керівництво та за межами краю. Міжвоєнний період на Закарпатті характеризується прагненням до самоорганізації місцевих художніх сил і творчого взаємообміну. Русинські художники творили мистецтво, яке могло уповні виразити багате життя мешканців Карпат, незрівнянний ландшафт та його барви. Це допомогло розвинути професійні навики майбутнім співзасновникам закарпатської школи живопису, серед яких А. Коцка, Е. Контратович, З. Шолтес, А. Борецький, Ш. Петкі. Таким чином, на Закарпатті консолідували свої сили і талант найкращі митці краю, вони сконцентрували свої зусилля на розвитку національного мистецтва і підняття його до європейського рівня. Було створено самодостатню систему художньої освіти для місцевої обдарованої молоді.

Ключові слова: українці Підкарпатської Русі, живопис, культурне відродження, національна свідомість.

ЖИВОПИСЬ КАК ОДНО ИЗ ПРОЯВЛЕНИЙ НАЦИОНАЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ РУСИНОВ

О.А. Салата

Киевский университет им. Б. Гринченко
Украина, 04212, Киев, ул. М. Тимошенко, 13-Б
E-mail: oks.salata@gmail.com

Авторское резюме

В 1920–1930-х гг. общественная и политическая жизнь в Закарпатье активизировалась, что дало толчок к национальному возрождению во всех областях искусства, в т. ч. и в живописи. В те годы зарождается и закарпатская школа живописи. Закарпатские художники, наряду с литераторами и театральными деятелями, выполняли важную общественную функцию – способствовали возрождению национального самосознания русинов края. К периоду становления закарпатской школы живописи 20–30-х гг. и ее развития относится творчество И. Бокшая, А. Эрдели, А. Коцки, Ф. Манайло, Е. Контратовича, В. Борецкого, Г. Глюка, С. Шолтеса. Все эти художники приложили много усилий для распространения далеко за пределами родины художественных традиций края и глубокого понимания философии житья-бытия своего народа, общества того времени, неповторимых природных пейзажей родного края. Заметным явлением в 30-х гг. XX в. стало применение живописных техник в декоративно-прикладном искусстве. Произведения искусства и достижения русинских мастеров постоянно демонстрировались на выставках, которые проходили как на родине художников, так и за пределами края. Межвоенный период в Закарпатье характеризуется стремлением к самоорганизации местных художественных сил и творческому взаимообмену. Русинские художники создавали искусство, которое могло в полной мере выразить богатую жизнь жителей Карпат, несравненный ландшафт и его краски. Это помогло развить профессиональные навыки будущих основоположников закарпатской школы живописи, среди которых А. Коцка, Э. Контратович, З. Шолтес, А. Борецкий, Ш. Петки. Таким образом, в Закарпатье консолидировали свои силы и талант лучшие художники края, они сконцентрировали свои усилия на развитии национального искусства и подняли его до европейского уровня. Была

создана самодостаточная система художественного образования для местной одаренной молодежи.

Ключевые слова: украинцы Подкарпатской Руси, живопись, культурное возрождение, национальное сознание.

PAINTING AS A MANIFESTATION OF NATIONAL AND CULTURAL REVIVAL OF RUSINS

O.A. Salata

Borys Grinchenko Kyiv University
13-B Tymoshenko Street, Kyiv, 04212, Ukraine
E-mail: oks.salata@gmail.com

Abstract

The public and political life in Transcarpathia became more active in the 1920s and 1930s, which gave impetus to national revival in all spheres of art, including painting. It was the time when the Transcarpathian School of Painting was born. Transcarpathian artists, along with writers and theatre workers, fulfilled an important social function – they contributed to the revival of national self-awareness of the Rusins in the region. The most prominent Transcarpathian artists of this period were I. Bokshay, A. Erdeli, A. Kotska, F. Manaylo, E. Kontratovich, V. Boretsky, G. Gluck, S. Sholes. They put a lot of effort to spread the artistic traditions of the region far beyond the borders of the homeland and had a profound understanding of the philosophy of life and society and deeply felt the unique nature of native landscapes. An important phenomenon in the 1930s was the pictorial techniques in decorative and applied arts. Works of art and achievements of the Rusin masters were exhibited in the region and beyond. In the interwar period, the artists of Transcarpathia were inclined to self-organisation and creative mutual exchange. The Rusinian artists created an art that could fully express the rich life of Carpathia, its incomparable landscapes and colours, which helped to develop professional skills of future co-founders of the Transcarpathian School of Painting, among whom were A. Kotska, E. Kontratovich, Z. Sholtes, A. Boretsky and Sh. Petki. Thus, Transcarpathia accumulated the best artists of the region, who concentrated their efforts to develop national art and raise it to the European level. They created a self-contained system of artistic education for local gifted youth.

Keywords: Ukrainians of Transcarpathian Rus, painting, cultural revival, national consciousness.

Становлення і розвиток мистецтва і культури Закарпаття відбувалося у тісному зв'язку з розвитком культури і мистецтва усієї Європи, зокрема й сусідніх культур та держав, до складу яких входив край історично тривалий час. Мистецтво зберегло свій неповторний самобутній характер та традиції, вони гармонійно влилися в культурний та мистецький простір європейських країн.

У кінці XIX – на початку ХХ ст. у багатьох країнах створювались та зміцнювались національні художні школи, які протиставляли свою творчість офіційному мистецтву. Передумовою створення закарпатської художньої школи була надьбанська художня школа, яка формувалась на основі народних традицій художників-реалістів. Такими ж принципами керувалась мистецька колонія на Закарпатті, яка об'єднувала творчі стосунки А. Ерделі та Й. Бокшая. Згодом до цього гурту увійшли як досвідчені, так і молоді художники: Ф. Манайло, Е. Контратович, А. Коцка, З. Шолтес, А. Борецький, А. Добош, яких сьогодні називають основоположниками закарпатської художньої школи. Домінантними принципами цієї школи є максимальне наближення до змісту народного мислення, дослідження побуту, культури, фольклору та народної філософії.

Мета статті – проаналізувати особливості розвитку закарпатської школи живопису в контексті національного і культурного відродження краю у першій половині ХХ ст., окреслити його становлення як мистецького напряму, привернути увагу на особливості регіональних осередків українського мистецтва, їхнього місця та ролі у загальнонаціональному художньому розвитку.

Розвиток художніх шкіл на Закарпатті розглядалися низкою вітчизняних істориків та культурологів, часто у контексті загальнонаціональних питань, розвитку культури та мистецтва чи історії краю. Помітне місце мистецтво Закарпаття займає у працях О. Петрової [10: 37], О. Федорука [13: 29], Г. Острівського [8: 23; 9: 10], В. Худанича [14: 539]. Ці науковці, досліджуючи творчість закарпатських художників, показують особливість тематики та її еволюцію в самих творах.

Національне та культурне відродження русинів тісно пов'язане з їхньою етнічною ідентифікацією. З другої половини XIX в. до початку Другої світової війни пройшло два русинських відродження. Міжвоєнний період – це, на думку відомого історика С. Суляка, другий етап формування історичної пам'яті русинів та збереження їхніх етнокультурних особливостей [11].

Міжвоєнний період для русинів є надзвичайно важливим саме тому, що цей період став одним із етапів становлення русинського народу. Перебуваючи у складі Угорщини, Румунії та Чехословаччини, русини прагнули зберегти свою самобутню культуру і традиції. Суспільне і

політичне життя на Закарпатті у 20–30-х рр. ХХ ст. активізувалося, з'явилися сприятливі умови для національного відродження в усіх галузях мистецтва, зокрема й у живописі. Найбільшого розвитку досягли література, театральне мистецтво та школи живопису. У ці роки формуються перші на Закарпатті мистецькі гурти та товариства. Зокрема, зароджується й закарпатська школа живопису.

Закарпатські художники, поряд із літературою і театральним мистецтвом, виконували важливу суспільну функцію – вони сприяли відродженню національної самосвідомості русинів краю. Більшість закарпатських майстрів живопису пройшла професійну підготовку в художніх академіях відомих європейських міст: Будапешті, Відні, Мюнхені, Парижі, Празі. Здобуваючи професійну майстерність за межами свого краю, вони не втрачали зв'язок зі своїми співвітчизниками.

На думку відомого дослідника А. Ізворина, справа мистецького савмовизначення Підкарпатської Русі почалася уже 1921 р. У цей період відомі русинські художники Ю. Віраг, А. Ерделі [3] та Й. Бокшай [1] організували першу виставку в Мукачеві. Їм вдалося об'єднати всіх художників, які виявили бажання брати участь у мистецькій виставці. Були представлені полотна досвідчених і вже визнаних на той час художників: Ю. Вірага, К. Ізая, Д. Іяс-Яцика, Т. Муссона та ін. [5: 156].

Головним своїм завданням сповнені творчого ентузіазму художники бачили утворення регіональної мистецької школи, а також залучення до її діяльності молодих творчих художників. У цьому контексті важливим було створення цілої мережі художніх шкіл і системи навчання живопису, яка б відповідала світовому рівню. Першим кроком до нової художньої освіти краю стала розробка нових підходів до її розвитку. Зокрема, у 1921 р. А. Ерделі та Й. Бокшай створили Клуб художників Підкарпатської Русі. Цей крок був визначеною подією не лише для художників краю, а й для всіх русинів. На жаль, ці перші кроки зазнали поразки, бо не всі митці поділяли ідею створення «нової» художньої школи [5: 157].

У 1931 р. відбулася друга спроба об'єднати художників, що працювали в регіон. За ініціативою А. Ерделі та Й. Бокшай було створене громадське об'єднання «Спілка діячів образотворчого мистецтва у Підкарпатській Русі в Ужгороді». Тепер метою товариства стало не тільки об'єднання художників, а й визначення шляхів та напрямів розвитку образотворчого мистецтва регіону. Незважаючи на різні думки та позиції, переважна більшість митців підтримала цю ідею та погодилася активізувати виставкову діяльність художників для популяризації своєї творчості перед народу. Кохен із художників розумів, що активна виставкова діяльність даст можливість демонструвати власні твори в різних європейських містах та стимулювати активну

працю над власним технологіями живопису. Така діяльність не обмежувалася тільки місцевим середовищем. Поряд з підкарпатськими митцями працювали словацькі, чеські, угорські митці. Виставки відбуваються не тільки в Празі, Брно, Кошиці, Будапешті, але й у Мукачеві, Ужгороді, Виноградові, Берегові та Хусті, про що свідчать проспекти та каталоги виставок [8: 24].

Основні напрямки діяльності спілки формували художники та фактично її засновники: Бокшай, А. Ерделі, А. Коцка, В. Дван-Шарпотокі, І. Ерделі. У 1932–1934 рр. до діяльності спілки долучаються такі відомі художники, як А. Борецький, А. Добош, Е. Контратович та З. Шолтес. Основною ідеєю цієї мистецької школи було формування власної школи живопису [13: 51].

У спілці цінувався професіоналізм та відповідальність. Ці риси були важливими з огляду на те, що постійно потрібно було організовувати виставки, обговорювати художні твори та відбирати їх.

Особливістю закарпатської школи живопису був етноромантизм, який показував життя русинського народу в усіх його проявах та колоритах [5].

30-ті рр. ХХ ст. у середовищі закарпатських художників відзначилися тим, що митці почали активно впроваджувати і застосовувати різноманітні живописні техніки у декоративно-прикладному мистецтві. Позитивним явищем стало й те, що художники брали участь не лише у виставках, організованих спілкою, а й у виставках, організованих представниками місцевої влади.

Особливістю художників краю було те, що вони досконало знали фольклор, традиції та побут місцевого населення. Про це свідчили живописні полотна, які були представлені у ці роки художниками на цілій низці виставок. Експресія у їх творах будувалася на принципах народного мистецтва. Але, незважаючи на народний характер більшості полотен, у них також помітні модерністські європейські течії початку ХХ ст. Творчість художників Закарпаття кінця 30-х рр. ХХ ст. характеризується істориками та культурологами більшим драматизмом – у своїх працях закарпатські художники відображали тяжкі реалії життя місцевого люду та їх прагнення у майбутньому.

Еволюцію творчості та формування школи живопису на Закарпатті ми можемо прослідкувати на прикладі декількох яскравих митців із цілої плеяди художників цього регіону.

Так, у ранніх творах Йосипа Бокшая можна побачити захоплення національним колоритом та романтизмом («Збір яблок», «Ужоцька церква»). У 30-х рр. ХХ ст. митця зацікавлюють теми з життя і побуту гуцулів та верховинців, про що свідчать твори цього періоду. Митець показує своїх героїв як представників русинського народу, особливим

є колорит національного вбрання на тлі характерного пейзажу. Він не зосереджується на етнографічній описовості, а намагається створити узагальнений образ-картину засобом колористичних комбінацій площини та вібрації барв... Значного обсягу втілення народних типажів, а також атрибутів національного костюму гуцулів та верховинців простежується й в сакральному живописі (картини 1, 2) [5].

Картина 1. Й. Бокшай. Збір яблук.

Картина 2. Й. Бокшай. Ужоцька церква.

Художній всесвіт Адальберта Ерделі – Карпатський край, його життя – дивовижне за напругою і місткістю, його твори – мистецька слава русинського краю і всієї України. «Я належу своєму народові, мое мистецтво належить світові», – писав свого часу сам художник. І справді, його творчість – здобуток усього людства [4].

Творчість Ерделі безмежна. До середини 1930-х рр. Ерделі був автором уже більше тисячі картин. Він відрізнявся високою працездатністю, писав легко й захоплено, викладав живопис в Ужгородській учительській семінарії, де директорував Августин Волошин. У живописі Ерделі схилявся перед творчістю Сезанна йуважав себе його послідовником [12].

Адальберт Ерделі проявив себе як колорист, майстер пейзажного та портретного живопису, натюрморту. Завдяки сміливості, динаміці та незвичності колірних композицій він створив неповторні твори, більшість із яких зайніли почесне місце в експозиціях музеїв України та зарубіжжя (картини 3, 4) [7: 111].

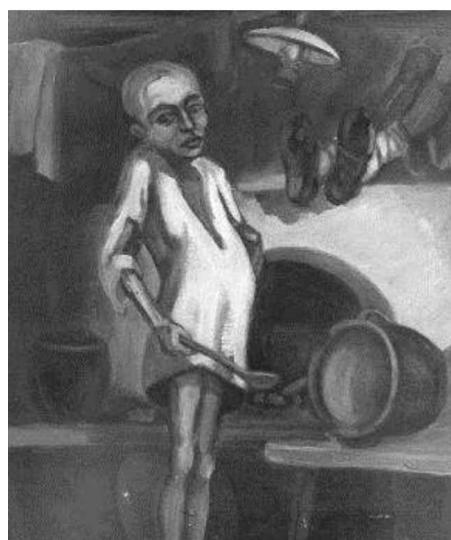
Картина 3. А. Ерделі. Околиці міста Ужгорода.

Етнічними мотивами наповнені також живописні твори Ернеста Контратовича. У його працях представлена традиційна архітектура, побуту русинського селянина та городянина, національні костюми, неповторна пластика гір та колорит навколошнього природного ландшафту. Центром задуму митця завжди є народні звичаї, традиції від народження до переходу в інші світи. Автор сам відзначається у тому, що він розділяє свою творчість на два напрямки – живопис з натури, де

з великою майстерністю передає буйння природи Карпат: ліси, гори, квіти і гірські потоки. Особливо вражають витонченістю цілий ряд його робіт з польовими травами. Буйння життя нестримно присутнє в цих роботах. Художник тут проявився як тонкий живописець.

Картина 4. А. Ерделі. Село коло річки.

Картина 5. Е. Контратович. Голод.

Характеризуючи Е. Контратовича, мистецтвознавець Г. Острівський писав про нього: «У всі часи Е. Контратовичу було притаманне поглиблена пізнання національного характеру і своєрідності світосприйняття та історичного буття закарпатських русинів, утвердження самоцінності творчої особистості та її права на імітацію життя, а на "створення світу", дуже серйозне і відповідальне ставлення до мистецтва і його призначення. І тому не дивно, що у середовищі молодших художників Закарпаття авторитет його залишався високим і міцним» (картина 5) [2].

Продовжуючи тематику народного живопису, сформувався ще один напрямок – це етнотрадиції краю. Роботи писалися в майстерні з характерною стилізацією. Усі полотна виконані з великою любов'ю до рідних карпатських ландшафтів.

Самі назви робіт розкривають свій зміст: «Мати з дитиною», «Свячення води на Верховині», «Весна в горах», «Жниці», «Відпочинок», «Процесія», «В'язання снопів», «Колядники на Верховині», «Молода з подругами», «Танці на Верховині», «Свято»,

Картина 6. А. Коцка. Жіночий портрет.

гадковістю насичення кольорів довколишнього середовища підкреслюється витонченість народного одягу, його віковічний код, мовою якого наші предки розмовляли з нами. Вони нагадують нам про наші корені. Інтенсивністю кольору в творах А. Коцки завдячуємо народним вишивкам та нашому сонячному краю (картини 6, 7) [2].

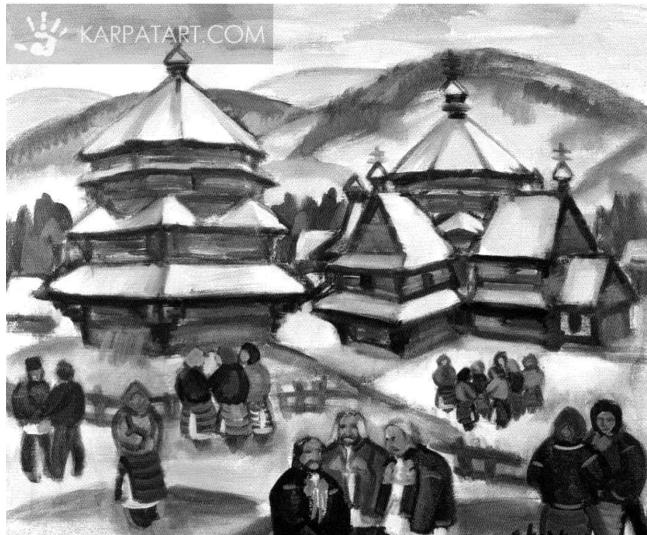
Одним із характерних мотивів у роботах А. Коцки є образ жінки. Він працював над цією темою із захопленням і творчою енергією. Створив цілу низку картин із верховинськими дівчатами, молодицями у яскравому національному одязі, веселими і радісними, інколи замисленими. Його роботи заворожують своєю чистотою і лаконічністю. Ще один напрямок у його творчості – це зображення гір, які захоплюють своїми відтінками, хати з високими стріхами серед весняних садів. У працях представлені теми із життя русинів, яскраві костюми гуцулів та верховинців збагачують наші знання про культуру і побут Закарпаття.

Заглиблюючись в аналіз творчості закарпатських митців, ми бачимо коріння школи, її походження – розуміємо, що витоки таланту знаходяться в етнокультурності регіону. Ті художник, що одночасно з майстерністю виконавця змогли втілити думки і світогляд свого народу, домоглися творчих вершин [2].

Отже, проаналізувавши діяльність товариств, шкіл живопису та

«Маски», «Зустріч молодих», «Вибрають молоду», «Мати з дитиною у полі», «Діти на вербі» та ін. Ці полотна мають велике значення у формуванні в уяві багатьох українців та місцевих жителів знань про традиції та побут Закарпаття.

А.А. Коцка – один із найяс-кравіших представників русинської художньої школи. Полотна цього художника пронизані культурою та етнотрадиціями краю. Яскраві кольори вишивок: малинові, фіолетові, сині відтінки контрастують з жовтими, червоними, зеленими. Круті стріхи верховинських хаток підкреслюють висоту гір, їх навколошніх схилів. За-

Картина І. А. Коцка. За звичаєм.

окремих художників, які діяли у міжвоєнний період на Закарпатті, можна з упевненістю сказати, що, незважаючи на складні умови, талант і мистецтво русинського краю розвивався і множився. Саме цей період характеризується прагненням до самоорганізації місцевих художніх сил і творчого взаємообміну. Русинські художники творили мистецтво, яке могло уповні виразити багате життя мешканців Карпат, незрівнянний ландшафт та його барви. Це допомогло розвинути професійні навики художникам краю та створити надзвичайно потужну закарпатську мистецьку школу.

На Закарпатті консолідували свої сили і талант найкращі митці краю. Вони сконцентрували свої зусилля на розвитку національного мистецтва і підняття його до європейського рівня. Було створено самодостатню систему художньої освіти для місцевої обдарованої молоді. Тепер мистецька освіта стала доступною для будь якого мешканця цього краю, а учні шкіл живопису отримали можливість продовжувати своє навчання у європейських школах та університетах. Школи живопису стали центрами національного і культурного відродження русинів.

ЛІТЕРАТУРА

1. Бокшай І. Мисли художника // Искусство. 1958. № 6. С. 6–7.
2. Вовчок В. Етномотиви у творчості закарпатських художників. 2016.

URL: <https://trubyna.org.ua/novyny/etnomotyvy-u-tvorhosti-zakarpatskyh-hudozhnykiv> (останній перегляд: 18.12.2018).

3. Ерделі А. IMEN: Літературні твори, щоденники, думки. Ужгород: Вид-во О. Гаркуші, 2012. 440 с.

4. Ерделі Адальберт. 2018. URL: <https://zakarpat.brovdi.art/khudozhnyky/klasyky-zakarpatskoi-shkoly/erdeli-adalbert#parentHorizontalTab1> (останній перегляд: 22.02.2019).

5. Луценко І. Інтеграційні процеси у живописі Закарпаття першої половини ХХ століття // Вісник Львівської національної академії мистецтв. 2007. Вип. 30. С. 156–157.

6. Луценко І.В. Новаторські впровадження у живописі Закарпаття першої половини ХХ століття / Мистецтвознавство. 2018. URL: <file:///C:/Users/Oksana/Downloads/154791-341644-1-PB.pdf> (останній перегляд: 24.02.2019).

7. Небесник І. Адальберт Ерделі (1891–1955) // Образотворче мистецтво. 2006. № 3. С. 108–111. URL: <http://elib.nlu.org.ua/view.html?&id=5548> (останній перегляд: 6.03.2019).

8. Островский Г. Художники Закарпатья // Искусство. 1966. № 5. С. 21–25.

9. Островський Г. Образотворче мистецтво Закарпаття. Київ: Мистецтво, 1975. С. 13–14.

10. Петрова О. Живопис як автобіографія // Образотворче мистецтво. 2006. № 1. С. 35–41.

11. Суляк С. Русины карпатского региона и русская цивилизация // Русин. 2009. № 1 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rusiny-karpatskogo-regiona-i-russkaya-tsivilizatsiya> (останній перегляд: 9.06.2019).

12. Фединишинець В. Невідомий Ерделі: мистецтвознавчі статті та есеї. Ужгород: Два кольори, 2000. 32 с.

13. Федорук О. Художники закарпатської маліарської школи // Мистецькі обрї 99. Альманах: Наук.-теоретичні пр. та публіцистика. Київ, 2000. Вип. 2. С. 48–63.

14. Худанич В.І. Міжвоєнний період в історії Закарпаття // Українські Карпати. Ужгород, 1993. С. 538–545.

REFERENCES

1. Bokshay, I. (1958) Mysli khudozhnika [Reflections of an artist]. *Iskusstvo*. 6. pp. 6–7.
2. Vovchok, V. (2016) *Etnomotivi u tvorhosti zakarpats'kikh khudozhnikiv* [Ethnomotives in the work of Transcarpathian artists]. [Online] Available from: <https://trubyna.org.ua/novyny/etnomotyvy-u-tvorhosti-zakarpatskyh-hudozhnykiv> (Accessed: 18th December 2019).
3. Erdeli, A. (2012) IMEN: *Literaturni tvori, shchodenniki, dumki* IMEN: Literary works, diaries, reflections]. Uzhhorod: O. Harkusha.
4. Erdeli, A. (2018) *Erdeli Adal'bert* [Adalbert Erdeli]. [Online] Available from: <https://zakarpat.brovdi.art/khudozhnyky/klasyky-zakarpatskoi-shkoly/erdeli-adalbert#parentHorizontalTab1> (Accessed: 22nd February 2019).

5. Lutsenko, I. (2007) Integratsiyni protsesi u zhivopisi Zakarpattya pershoї polovini XX stolittya. *Visnyk Lvivskoi natsionalnoi akademii mystetstv*. 30. pp. 156–157.
6. Lutsenko, I. (2018) *Novators'ki vprovalzhennya u zhivopisi Zakarpattya pershoї polovini XX stolittya*. [Online] Available from: file:///C:/Users/Oksana/Downloads/154791-341644-1-PB.pdf (Accessed: 24th february 2019).
7. Nebesnik, I. (2006) Adalbert Erdeli (1891–1955). *Obrazotvorche mistetstvo*. 3. pp. 108–111. [Online] Available from: <http://elib.nlu.org.ua/view.html?id=5548> (Accessed: 6th March 2019).
8. Ostrovsky, G. (1966) Khudozhniki Zakarpat'ya [Artists of Subcarpathia]. *Iskusstvo*. 5. pp. 21–25.
9. Ostrovsky, G. (1975) *Obrazotvorche mistetstvo Zakarpattya* [Fine Arts of Subcarpathia]. Kyiv: Mistetstvo.
10. Petrova, O. (2006) Zhivopis yak avtobiografiya [Fine arts as an autobiography]. *Obrazotvorche mistetstvo*. 1. pp. 35–41.
11. Sulyak, S.G. (2009) Rusins of the Carpathian region and Russian Civilization. *Rusin*. 1(15). pp. 158–162 (in Russian).
12. Fedinoshinets, V. (2000) *Nevidomiy Erdeli: mistetstvoznavchi statti ta eseï*. Uzhhorod: Dva kol'ori.
13. Fedoruk, O. (2000) Khudozhniki zakarpats'koi malyars'koi shkoli [Artists of the Transcarpathia School of Painting]. *Mistets'ki obriï* 99. 2. pp. 48–63.
14. Khudanich, V.I. (1993) Mizhvoenniy period v istorii Zakarpattya [The interwar period in the history of Subcarpathia]. In: *Ukrains'ki Karpati* [Ukrainian Carpathia]. Uzhhorod: [s.n.]. pp. 538–545.

Салата Оксана Алексеевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Украины историко-философского факультета Киевского университета им. Б. Гринченко (Украина).

Салата Оксана Олексіївна – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри історії України історико-філософського факультету Київського університету ім. Б. Грінченка (Україна).

Oksana A. Salata – Borys Grinchenko University of Kyiv (Ukraine).

E-mail: oks.salata@gmail.com

УДК 75.03+7.07-05(477.87)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/58/13

ТВОРЧІСТЬ ЗОЛТАНА ШОЛТЕСА НА ТЛІ МИСТЕЦЬКОГО СЕРЕДОВИЩА УЖГОРОДА 1948–1990 рр.

В.О. Штець¹, О.Я. Мельник²

Національний університет «Львівська політехніка»
Україна, 79000, м. Львів, вул. С. Бандери, 12

¹E-mail: victor.shtets@gmail.com

² E-mail: o.melnyk@hotmail.com

Авторське реєзюме

Закарпатська школа живопису – це повновартісне мистецьке явище на тлі української образотворчості, увиразненню якого сприяла діяльність кількох поколінь талановитих художників, серед яких Золтан Іванович Шолтес (1909–1990). Його ім'я фігурує у всіх наукових працях, присвячених дослідженню даної регіональної школи. Водночас, наявні матеріали містять лише короткі коментарі з приводу діяльності З.І. Шолтеса без заглиблення у проблематику утвердження його як митця, розвитку творчого методу та мистецької праці у різні періоди. Метою роботи є наукова реконструкція творчої діяльності Шолтеса та вияв ключових зasad його робіт на тлі культурно-мистецького життя Ужгорода другої половини ХХ ст. в умовах радянської дійсності. Розглянутий у статті часовий відтинок охоплює зрілий період творчості художника та демонструє його мистецьку самодостатність та світоглядну цілісність. З.Шолтес працює майже виключно над пейзажем. Доведено, що свідоме обмеження жанрового діапазону не стало на заваді розкриттю його оригінальної авторської концепції, а дозволило найкраще розкрити художнику його власну «картину світу» та створити живописну квінтесенцію природи закарпатського краю. Численні виставки, у т. ч. чотири персональних, засвідчили не лише унікальність мистецького хисту художника, але й загалом, міцну ідейно-творчу платформу закарпатської школи живопису.

Ключові слова: закарпатська школа живопису, виставка, критика, творчі контакти, пленер, пейзаж.

ТВОРЧЕСТВО ЗОЛТАНА ШОЛТЕСА В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СРЕДЫ УЖГОРОДА 1948–1990 гг.

В.О. Штець¹, О.Я. Мельник²

Национальный университет «Львовская политехника»
Украина, 79000, г. Львов, ул. С. Бандери, 12

¹E-mail: victor.shtets@gmail.com

² E-mail: o.melnyk@hotmail.com

Авторское резюме

Закарпатская школа живописи – это полноценное художественное явление в контексте украинского изобразительного искусства, на становление которого повлияла деятельность нескольких поколений талантливых художников, среди которых Золтан Иванович Шолтес (1909–1990). Его имя постоянно фигурирует в научных работах, посвященных исследованию этой региональной школы. В то же время в имеющихся материалах содержатся только короткие комментарии без углубления в проблему утверждения З.И. Шолтеса как художника и развития его творческого метода в послевоенный период. Целью статьи являются научная реконструкция художественной деятельности Шолтеса и выявление концептуальных принципов его творчества в контексте культурной жизни Ужгорода второй половины XX в. в условиях советской действительности. Рассмотренный в статье временной промежуток включает зрелый период творчества живописца и демонстрирует его художественную самодостаточность и мировоззренческую целостность. З. Шолтес работает исключительно над пейзажем. В то же время сознательное ограничение жанрового диапазона не только не помешало раскрытию оригинальной авторской концепции художника, но и позволило визуализировать его собственную «картину мира» через живописную квинтэссенцию природы закарпатского региона. Многочисленные выставки, в т. ч. четыре персональных, свидетельствуют о незаурядном таланте художника, а также об уникальности и мощной идеино-творческой платформе закарпатской школы живописи.

Ключевые слова: закарпатская школа живописи, выставка, критика, творческие контакты, пленер, пейзаж.

ZOLTAN SHOLTES' CREATIVITY IN THE UZHGOROD ARTISTIC ENVIRONMENT IN 1948–1990

V.S. Shtets¹, O.Ya. Melnyk²

Lviv Polytechnic National University

12 S. Bandera Street, Lviv, 79000, Ukraine

¹E-mail: victor.shtets@gmail.com

² E-mail: o.melnyk@hotmail.com

Abstract

The Transcarpathian School of Painting is an important artistic phenomenon in the Ukrainian fine arts, which was formed by several generations of talented artists, including Zoltan I. Sholtes (1909–1990). His name is constantly featured in scholarly works devoted to the study of this regional school. At the same time, the available materials contain only brief comments without deepening the problem of establishing him as an artist and developing his creative method in the postwar period. The purpose of the work is to reconstruct the artistic activity and conceptual principles of Z. Sholtes' creativity in the context of the cultural and artistic life of Uzhgorod in the second half of the twentieth century. The formation of the artist and his personal life in many ways reflect the situation in the region – he felt the changes in political and cultural system and government that influenced his artistic priorities and personal success. The time span discussed in the article covers the mature creativity of the artist and demonstrates his self-sufficiency and ideological integrity. Z. Sholtes was mainly a landscapist, which, however, did not prevent him from disclosing his original concept and allowed revealing his own “picture of the world” and creating a painted quintessence of the Transcarpathian region nature. The numerous exhibitions, including four solo shows, demonstrated not only the originality of the artistic talent, but unique and strong ideological and creative platform of the Transcarpathian School of Painting.

Keywords: Transcarpathian School of Painting, exhibition, criticism, creative contacts, open-air, landscape.

Враховуючи сьогоднішнє зростання загального інтересу до художньої культури Закарпаття, актуальним для мистецтвознавства залишається поглиблення наукових моделей розгляду найбільш значимих мистецьких явищ, зокрема, вивчення творчих досвідів провідних мистецьких персоналій. Ім'я З.І. Шолтеса незмінно фігурує у більшо-

сті наукових праць, присвячених даній регіональній школі. Однак аналіз цілого корпусу публікацій по темі, зокрема праць О. Ізворина, Г.С. Острівського, І.І. Небесника, засвідчує наявність лакун у розкритті естетично-змістової програми З. Шолтеса [12, 17, 18]. Наявні матеріали містять короткі коментарі з приводу діяльності митця, трактуючи його лише як учня Й. Бокшай та одного з плеяди закарпатців, без заглиблення у проблему становлення та діяльності художника у різні періоди творчості; впливу середовища на формування його творчого методу та жанрових пріоритетів тощо. Часто автори монографічних розвідок, зокрема, Ю.Ю. Сашко, В.П. Павлов, І.І. Чуліпа, обмежуються лише короткими біографічними даними та описом окремих робіт, упускаючи виставкову діяльність, проблематику творчої концепції повоєнного періоду [14; 21; 22].

З.І. Шолтес – один із провідних художників Закарпаття із власним розумінням натури, матеріалу та техніки, оригінальним баченням світу, який послідовно реалізовував програму пошуку квінтесенції закарпатського пейзажу засобами живопису. Відтак, метою роботи є вияв ключових зasad творчості З.І. Шолтеса у другій половині ХХ ст., в умовах радянської дійсності у контексті виставкової діяльності обласної організації Спілки художників України. Це дозволить розширити сприйняття його постави не лише як «репрезентанта» школи, але й як самодостатньої творчої особистості з власною мистецькою програмою та унікальною образотворчою методикою.

Становлення художника, що відбувалось паралельно з формуванням закарпатської регіональної школи живопису, і його особисте життя багато в чому віддзеркалює ситуацію краю: він поетапно відчув на собі і зміни політичного та культурного устрою, зміну влади, коливання мистецьких пріоритетів і пов'язані із цим особисті успіхи та утиски. Період 1948–1990 рр. окреслює роки творчої зрілості художника, його громадської та мистецької активності. Радянські реалії вносили корективи у життя та творчість закарпатських художників. Організаційними досягненнями на мистецькій ниві та факторами чіткішого увиразнення закарпатської школи в нових політичних умовах стало створення у 1946 р. обласного відділення Спілки художників УРСР (за активної участі З.І. Шолтеса) та відкриття першого державного художнього навчального закладу в Ужгороді, який успішно запрацював під керівництвом невпинного «мотору» ужгородського мистецького життя А.М. Ерделі. Серед викладачів училища були вже визнані на той час митці А.М. Ерделі, Й.Й. Бокшай, Ф.Ф. Манайло, Е.Р. Контратович, А.А. Коцка, В.І. Свіда, І.І. Гарапко. З. Шолтес не увійшов до викладацького складу новоствореного закладу, адже на той час, будучи випускником Ужгородської духовної семінарії, провадив душпастирську

діяльність у верховинських селах. Показово, що вже за кілька років педагогічна діяльність (як і будь-яка інша) стане для З. Шолтеса закритою через тавро «ворога народу» – колишнього культового служителя. Після тиску на духовенство Мукачівської греко-католицької єпархії (та її заборони у 1949 р.) З. Шолтес офіційно відмовляється від сану та переїздить до Ужгорода.

Перші роки в Ужгороді для художника позначені відсутністю офіційної роботи, матеріальною скрутою та загальною невизначеністю. Водночас, радикальна зміна усталеного укладу та вимушена переоцінка життєвих пріоритетів не зламали художника, а навпаки, спонукали до більш активних творчих дій. Талант, внутрішня сила, уміння спілкуватись з людьми дозволили З. Шолтесу перевороти тиск системи та прийняти його в культурно-мистецьке життя Ужгорода. Успіх та визнання художника на обласних, республіканських (1945, 1946) та всесоюзних виставках (1946, 1947) в Ужгороді, Києві та Москві, а також статус одного із фундаторів регіональної спілки дозволили пережити найважчі роки «перевірки на міцність». З. Шолтес, зрештою, отримує офіційну роботу у щойно створених виробничих майстернях Художнього фонду при Спілці художників УРСР, працюючи спочатку художником, а з 1965 р. – головним художником та головою художньої ради. Офіційною метою майстерень було покращення матеріального становища художників та забезпечення їх творчою роботою. Це дозволило митцям відійти, або, принаймні, сумістити роботи в інших, часто не пов'язаних із мистецтвом структурах [15: 7]. У перші роки діяльності майстерень основними замовленнями були роботи ідеологічно-пропагандистського характеру – транспаранти, лозунги, плакати, наочна агітація, оголошення, портрети вождів тощо [16: 142]. Згодом діапазон замовлень розширюється у сферу монументально-декоративного живопису. Величезна кількість панно була створена для державних установ області. Художники працюють над оздобленням стін ресторанів, лікарень та санаторіїв, клубів, дитячих таборів, кінотеатрів, турбаз та автобусних зупинок. З. Шолтес не працював безпосередньо на об'єктах, водночас його станкові полотна з'являються в державних установах – поліклініках, закладах харчування та вокзалах. Специфіка та великі площині закладів вимагали відповідних форматів робіт. Зокрема, у приміщені мукачівського залізничного вокзалу було експоновано великоформатні полотна З. Шолтеса та Ф. Манайла розміром 3 500×1 000 мм (1972). Ці твори були взяті на облік картинною галереєю як такі, що мають музейну цінність.

Зрозуміло, що організація виробничих майстерень, як і діяльність Спілки художників і робота художнього навчального закладу, хоч і

давали художникам певні кар'єрні можливості, водночас, були ланкою загальносоюзного ідеологічного контролю над художниками. Актуальні та «правильні» теми – зображення оновленого та відбудованого радянською владою Закарпаття, оспівування радянського способу життя та соціалістичного побуту, праця, індустріалізація та відновлення народного господарства, боротьба за мир. Для живопису Закарпаття, що визрів на ниві синтезу європейського досвіду та місцевої народної традиції, таке тематичне спрямування могло лише спотворити унікальний характер школи та змусити митців пристосовуватись, іти на компроміс. Особливо важко було сприйняти такий стан речей зачинателю усіх організаційних процесів на Закарпатті, художнику європейського рівня А. Ерделі, який повинен був заробляти не творчістю, а «типовими портретами... людини з вусами» [19: 8]. Для багатьох митців порятунком стало звернення до ідеологічно безпечного пейзажу (до прикладу, для Ф. Манайла, який писав виключно пейзажі протягом 10 років).

Відрадно, що перед З. Шолтесом не постало проблема компромісу чи пристосуванства. Пріоритетний для художника жанр пейзажу та реалістичний метод толерувався у радянській мистецькій критиці, відтак, за винятком небагатьох робіт з відтворенням соціалістичних змін у регіоні (заводів, ГЕС, колгоспів), З. Шолтес зміг не відступати від своєї мистецької концепції та залишився вірним своєму захопленню природою Закарпаття. Його місією стало розвивати жанр пейзажу, шукаючи квінтесенцію візуальної форми закарпатського краю, втіленої через образотворчість.

Окрім ідеологічного контролю, членство у вищезгаданих мистецьких структурах давало художникам певні можливості: постійна виставкова діяльність, замовлення на твори, обмін досвідом та спілкування з колегами з інших регіонів, творчі відрядження по Україні, в союзні республіки й за кордон, головно, у країни соцтабору. У 1948 р. разом із В.І. Свидою та Г.М. Глюком З. Шолтес відвідує творчі колонії художників у Латвії на узбережжі Балтійського моря. Основні локації для пленеру були в околицях Юрмали, що об'єднала колишні рибацькі селища Дзінтари, Майорі та Лієлупе. Ризьке надмор'я стало привабливим місцем для художників, а Спілка забезпечувала для них умови проживання. Протягом місяця З. Шолтес вдосконалював акварельну техніку, вивчаючи нову для себе морську тематику та шукаючи образ у доволі одноманітних панорамах – дюни з травою та сосновий ліс з одного боку й рівнина моря – з іншого. Примітно, що подібно до власних карпатських пейзажів, що часто межують з побутовим жанром завдяки появи на полотні людських постатей, в морських етюдах З. Шолтес застосовує той самий метод – композиція марин обов'язково розгортається довкола людини: рибалок з човнами, відпочивальників,

що гуляють берегом, дітей за грою. На сьогодні збережена достатня кількість робіт з Юрмали, що демонструють уміння митця працювати а-ля примата дозволяють прослідкувати методику роботи з кольором, світлом та побудовою композиції. Поряд із акварельними етюдами художник створив кілька довершених олійних творів, що по-новому відкривають Шолтеса-колориста та демонструють нові технічні прийоми роботи – масштабні узагальнення площин фактурним мазком, майже декоративне членування композиції, відкрита кольорова гама.

Взимку 1951 р. разом з А. Коцкою та А. Кашшаєм З. Шолтес виїздить на пленерну практику у Всесоюзний дім творчості «Сенеж» від Союзу художників СРСР (Підмосков'я). Ця творча база, організована 1945 р., гуртувала у творчі групи живописців, графіків та монументалістів з усіх союзних республік на період двох місяців з подальшим відбором кращих творів на всесоюзні виставки. Робота на базі передбачала, серед іншого, вдосконалення рисунку – закарпатці працювали в майстернях під керівництвом таких майстрів як Ф.Ф. Федоровський (театральний художник) та О.П. Бубнов (майстер історичного жанру та пейзажист) [4: 4]. Такий досвід був вкрай важливим для З. Шолтеса, який не отримав фахової академічної освіти. Цінною стала і пленерна практика в умовах зимового освітлення та обмеженого колориту як нагода вдосконалити колористичні та технічні параметри робіт. Роботи З. Шолтеса з Сенежу експонувались на групових та персональних виставках, а деякі з них були придбані музеями («Сенеж», Луганський художній музей) [21: 39]. Вже після творчої роботи закарпатці мали можливість відвідати музеї Москви та Ленінграда та ознайомитись з шедеврами епохи Відродження, творами французьких імпресіоністів, надихнувшись зразками світової культурно-мистецької спадщини.

Варто додати, що творчість і самих закарпатців ставала джерелом натхнення та певним художнім стимулом для колег з інших регіонів. Визнані київські митці, серед яких Т. Н. Яблонська, С.Ф. Шишко, М.П. Глущенко, С.Б. Отрощенко, що приїздили на Закарпаття з офіційною метою «надати допомогу та дружню критику», були захоплені мистецтвом закарпатців, їх розумінням проблем композиції, кольору та форми [1: 125; 16: 161]. Про це красномовно свідчать слова Т. Яблонської, лауреата найвищих на той час державних відзнак: «Як свіжо сприймалися в нас роботи Ерделі, Коцки, Манайла, Шолтеса, Глюка, Бокшая! Який живий струмінь улили вони в наше мистецтво!» [23]. Кияни їхали на Закарпаття за кольором, адже те, що вони бачили у закарпатських майстрів вражало відвертістю, декоративністю, декларативністю, виразністю. Улюбленими місцями для спільніх пленерів були села Апша, Ставне, Лісківці, де художники обмінювались досвідом, думками, методами роботи.

Загалом, пленери часто диктували близькість тематики та спільність сюжетів у полотнах закарпатців. Широкі гірські панорами, що дозволяли експериментувати з величими кольоровими площинами, тональними співвідношеннями, композиційно-структурними параметрами та пластичною мовою, стали домінуючими у закарпатському пейзажі, а у творчості З. Шолтеса набули особливої образності та художньої сили. Глибина пейзажного образу – це результат уважного вивчення художником природи. Майже щоденна пленерна практика сприяла умінню тонко відчувати та передавати фізичні та емоційні особливості натури, створювати повноцінний дієвий колорит реалістичного пейзажу. Протягом багатьох років вивчаючи пластику пейзажних форм, З. Шолтес збагачував свою майстерність у пошуку композиції, виборі мотивів, фактури та кольорових співвідношень на живописному полотні, передаючи невагомість повітря, мінливість світла та глибину простору. Для нього пленер став «школою» у прямому сенсі слова. Якщо у пейзажах раннього періоду творчості панує патріархальна ідилічність настроїв та холодний колорит, посилені теплими кольоровими акцентами («Зимовий пейзаж» (1941), «Листопад» (1949), «Взимку» (1937)), то роботи 1950–1960-х рр. засвідчують зміну манери письма та тяжіння до епічного відтворення пейзажних мотивів. Гама стає різноманітнішою, фактура полотна гладшає. У трактуванні багатопланових панорам часто використовується прийом, коли широкий пастозний мазок узагальнює передній план, а деталізація та ретельна проробка переходить на дальній план («Гірська панорама» (1954), «Зима в Ставному» (1957)).

Загалом, мистецька самодостатність та світоглядна цілісність художника, представлена сьогоднішніми живописними роботами, неодноразово демонструється на виставках, організованих Спілкою художників, у т. ч. пересувних, обласних, персональних, міжреспубліканських, всесоюзних, звітних, групових, міжнародних та ювілейних, приурочених конкретним датам. Ювілейні виставки закарпатських митців 1955–1958 рр., що відбулися в Ужгороді, Києві та Москві відіграли значну роль у формуванні іміджу закарпатської школи живопису та утвердженні її як самостійного явища в контексті загальносоюзної образотворчості. Виставки супроводжувались ілюстрованими каталогами з передмовами В.І. Шандора, В.П. Павлова, П.І. Говді, Л.І. Попової, а також публікаціями в загальносоюзних, українських та місцевих часописах [5; 6; 11; 24; 25]. Твори З. Шолтеса отримували високу оцінку критиків та часто здобували право експонуватись на міжнародних виставках. Пейзажний жанр, пріоритетний для З. Шолтеса, хоч і не вписувався у вузькі рамки інтересів соцреалізму, проте толерувався радянським мистецтвознавством як прийнятний художній образ.

радянської епохи [7: 4]. У 1961 р. в Закарпатській картинній галереї (Ужгород) відбулася персональна виставка художника, де був представлений живопис за період 1928–1961 рр. (разом 84 твори) [20]. Okрім традиційних для художника панорам рідного Закарпаття, на виставці були представлені роботи з Угорщини, зокрема «Пристань на озері Балатон», «Пароплав "Молода Гвардія" на озері Балатон» (обидві 1960 р.). Кілька робіт на теми «соціалістичної» трансформації закарпатських сіл, без яких проведення персонального показу було б неможливим, – «Електростанція в горах» (1959), «Лісопильний завод – Жорнава» (1959), «Рахів. Картонна фабрика» (1961), «Новобудови Закарпатської ГЕС» (1961) – дали змогу критикам вести мову про творчий шлях З. Шолтеса як шлях «...від колишнього самодіяльного митця до талановитого майстра пензля, до громадянського оспівування великих соціалістичних перетворень на Закарпатті, до ствердження правди радянського життя» [2: 4].

Якщо не приймати до уваги домінування у критичних статтях типової для радянського мистецтвознавства риторики оцінювання творів з точки зору наявності методу соцреалізму та відповідності ідеологічним критеріям, в роботах художника дослідник В. Берец виділяв «...переконливу передачу стану природи в різні пори року і дня, тонку лірику раптових вражень, правдиве відтворення атмосфери і швидкоплинних ефектів світла» як основні засоби досягнення емоційної насиченості пейзажного образу [2: 4]. О. Чернега наголошував на життєвості творів, продуманості композиції та колористичній школі Й. Бокшая [20: 4]. Голова ЗВ СХУ А. Кашшай у статті 1962 р. «Художники Закарпаття» вказав, що дана виставка «одного з провідних пейзажистів України» мала резонансний успіх в Ужгороді та Києві, а поточна діяльність пов'язана зі створенням ряду нових цікавих пейзажів [8].

Наступна персональна виставка З. Шолтеса, присвячена 60-річчю від дня народження, відкрилась 17 грудня 1970 р. в Ужгороді в приміщеннях Закарпатського художнього музею. «Глибоке розуміння природи рідних Карпат», «...різноманітність настрою, освітлення і кольору» – такі рефлексії у аналітиці здобули експоновані на виставці твори [22: 5].

Починаючи з 1966 р., З. Шолтес стає активним учасником обмінних виставок з угорськими художниками Саболч-Сатмарської області та у м. Ніредьгаза (1969, 1974), Південно-угорським союзом художників м. Годьmezьовашаргель (1968), художниками Пряшева (1972, 1974), Кошиць (1968, 1972). Архівні джерела дають інформацію про твори «Говерла та Петрос» та «Зима в Синевірі», експоновані в м. Годьmezьовашаргель (1968); «Дерев'яна церква в Сухому», «Новобудови ГЕС» представлені в Кошицькій картинній галереї (1968) [10]. У 1970 р.

З. Шолтес прийняв участь у виставці «Український пейзаж» з нагоди Днів української культури в Італії (м. Генуя) з роботою «Село Кострино зимою». Цього ж року експонати даної виставки були представлени югославській публіці у м. Белград (виставка «Українські мотиви у творах українських митців»), а далі у Києві [9]. Виставка у м. Пряшів «З творчості закарпатських живописців міжвоєнного періоду» об'єднала головним чином пейзажні твори Й. Бокшая, А. Ерделі, А. Кашшая, Ф. Манайла, А. Коцки, Е. Контратовича та на той момент кошицьких митців А. Борецького та А. Добоша. «Копи сіна під Говерлою», представлені З. Шолтесом, поряд з іншими пейзажами були високо оцінені критикою, засвідчивши «...велику майстерність автора, який зумів так безпосередньо передати типовий краєвид і настрій у природі» [13: 6].

Примітно, що у 1972 р. З. Шолтес повертається у сан священика і, на думку деяких дослідників, отримує «друге дихання», що також позначається і на творчості. «З подвійною силою після часів недобро-зичливого замовчування Шолтес демонструє натхненну віртуозність живописання ландшафтів... а його майстерність досягає висот вироочої зрілості» [3: 64]. Починаються плідні роки творчої праці, художник створює величні панорамні полотна «Гора Петрос» (1972), «Чорнотисово» (1972), «Ясіння» (1973) як підсумок творчої еволюції та остаточну орієнтацію на пейзаж-картину. Протягом 1974–1975 рр. художник приймає участь у тривалому проекті – пересувній експозиції творів радянського мистецтва у містах Японії (Хіросіма, Токіо, Кіото). Мовний бар'єр перешкоджає розгорнуто відобразити участь З. Шолтеса у кожній з виставок та інтерпретувати інформацію у супровідних десяти каталогах виданих японською мовою, однак, за спогадами сина художника С.З. Шолтеса, всі картини були куплені поціновувачами та музеями Японії [21: 45].

Успіх цієї та інших виставок мав певний ефект, адже тривалий період З. Шолтес, на відміну від більшості своїх колег, не мав необхідних атрибутів «визнаного художника» – республіканських чи союзних державних звань, і лише у 1975 р. йому було присуджено звання заслуженого художника Української РСР, а в 1979 р. нагороджено почесною грамотою Президії Верховної Ради УРСР. Ці єдині звання, якими було відзначено пізвікову діяльність художника в мистецтві, не змінили його світосприйняття та не додали привілеїв, водночас засвідчили високий рівень визнання та стали певною сatisфакцією за всі обмеження встановлені радянською системою. Після цих відзнак З. Шолтес представить ще два персональні покази та спільну з Г. Глюком (посмертно) виставку в Будапешті 1985 р. Персональна виставка 1979 р., розгорнута у стінах Закарпатського художнього музею, та остання прижиттєва виставка 1989 р., на якій експонувалось майже

150 пейзажів, довели значущість індивідуального творчого методу художника, послідовність та унікальність його мистецької концепції. Свідоме обмеження жанрового діапазону З. Шолтесом не стало на заваді розкриттю його оригінальної авторської концепції утворчості. Ймовірно ця апеляція виключно до пейзажу мала глибоко вмотивованій внутрішній зміст та дозволяла найкраще розкрити художнику його власну «картину світу».

Отже, можемо зробити висновок, що радикальна зміна та переоцінка життєвих пріоритетів на межі 1940–1950-х рр. не зламала художника, а спонукала до активних творчих дій. Мистецька само-достатність та світоглядна цілісність художника, представлена повоєнними живописними роботами, неодноразово демонструвалась на персональних та групових виставках закарпатців, засвідчуючи не лише оригінальність мистецького хисту художника, але й, загалом, унікальність та міцну ідейно-творчу платформу закарпатської школи живопису. Глибокий інтерес до місцевої тематики як культурної матриці став не лише основою творчого натхнення для художника, але й довів «пріоритет» використання такої джерельної бази у розвитку цілого напряму в українському образотворчому мистецтві ХХ ст. Реалістично-імпресіоністичний симбіоз у художній мові, тривала пленерна діяльність та глибоке вивчення натурного матеріалу рідного Закарпаття доводять, що З. Шолтесу вдалось не лише реалізувати власну творчу програму, але й створити еталон закарпатського пейзажу. За будь-якої композиції, живописної задачі чи пластичного трактування, спільним утворчості З. Шолтеса, залишається їх внутрішній закарпатський зміст. Таке звернення до регіональної тематики та послідовне її культивування протягом майже цілого ХХ ст. дають змогу трактувати творчість митця як визначне явище українського мистецтва ХХ ст.

ЛІТЕРАТУРА

1. Асєєва Н.Ю. Ремінісценції імпресіонізму в українському живопису ХХ ст. // Нариси з історії образотворчого мистецтва України ХХ ст.: у 2 кн./ Редкол.: В. Сидоренко та ін. Київ: Інтертехнолодія, 2006. Кн. 1. С. 122–162.
2. Берец В. Пейзажі рідного краю // Ужгород. 1961. 20 жовтня (№ 304). С. 4.
3. Біксей Л. Золтан Шолтес. Сторінки життя і творчості // Золтан Шолтес 1909–1990. Альбом / Упоряд. В. Штець; вступ. ст. В. Штець, Л. Біксей. Львів: Ладекс, 2009. 240 с.
4. Біксей Л. Слово про майстра // Антон Кашшай. Живопис. Альбом / Упор. О. Кашшай. Ужгород: Іва, 2011. 248 с.
5. Выставка изобразительного искусства Украинской ССР, посвященная трехсотлетию воссоединения Украины с Россией. Живопись. Скульптура.

Графика. Каталог / Сост. П.И. Говдя, И.М. Майко, Л.С. Миляева, Л.И. Попова, С.Е. Раевский, Л.И. Турунова, Л.Г. Членова, В.М. Альтерман, Ф.И. Богуславская и Р.З. Зайгерман. Київ, 1954. 36 с.

6. Выставка произведений художников Закарпатья. Живопись. Графика. Скульптура. Каталог / Сост. В.П. Цельтнер. М., 1956. 52 с.

7. Гаврош О. Перші виставки закарпатців у Києві та Москві: що залишилося за кадром // Екзиль. 2015. № 5. С. 2–4.

8. Державний архів Закарпатської області (далі – ДАЗО). Ф. 1544. Оп. 1. Спр. 120. Кашшай А. Художники Закарпатья. Рукопис статті. 1962. Арк. 3–7.

9. Державний архів Закарпатської області (ДАЗО). Ф. 1544. Оп. 1. Спр. 269 Отчет о выставочной деятельности 1970–1973. Арк. 1–28.

10. Державний архів Закарпатської області (ДАЗО). Ф. 1544. Оп. 1. Спр. 187. Списки произведений обласных выставок ВНР и ЧССР, отчеты о поездках делегации. 1968. Арк. 1–38.

11. Державний архів Закарпатської області (ДАЗО). Ф. Р–1544. Оп. 1. Спр. 69. Стенограммы и книги отзывов по выставке художников Закарпатья за 1956 год. 25 января 1956–13 июля 1956. Арк. 1–175.

12. Изворинь А. Сучасні руські художники // Зоря – Hajnal. 1942. Р. 2. Ч. 3–4. С. 387–415.

13. Зозуляк О. Чудова виставка // Нове життя. 1974. № 6. С. 6.

14. Золтан Шолтес. Альбом / Вступ. ст. В. Павлова. Київ: Мистецтво, 1973. 36 с.

15. Мясіщева О. Андрій Коцка. Життя і творчість майстра // Андрій Коцка 1911–1987 / Упор. Ф. Ерфан, О. Мясіщева та ін. Ужгород: Патент, 2011. 254 с.

16. Небесник І. Адальберт Ерделі. Львів: Видавництво Мс, 2007. 296 с.

17. Небесник І. Творчість видатних художників Закарпаття. Ужгород: Вид-во В. Падяка, 2005. 74 с.

18. Островський Г. Образотворче мистецтво Закарпаття. Київ: Мистецтво, 1974. 200 с.

19. Островський Г. Творець незбагненно прекрасного світу. Ужгород: Карпати, 1992. С. 5–10.

20. Персональна виставка творів художника З.І. Шолтеса / Передмова О. Чернеги. Ужгород: Закарпатська обласна друкарня, 1961. 24 с.

21. Персональна виставка творів заслуженого художника УРСР Золтана Шолтеса / Упоряд. Ю. Мoshay; передм. I. Чуліpi. Ужгород: Карпати, 1989. 46 с.: іл.

22. Ювілейна виставка творів Золтана Шолтеса, присвячена 60-ти річчю від дня народження художника. Каталог / Упоряд. Г. Бикова; вступ. ст. Ю. Стashko. Ужгород: Закарпатська обласна картинна галерея. Закарпатська обласна друкарня, 1971. 36 с.

23. Яблонська Т. Про себе // Дзеркало тижня, 24 червня 2005. URL: https://gazeta.dt.ua/SOCIETY/tetyana_yablonska_pro_sebe.html (останній перегляд: 20.10.2019).

24. В областная выставка работ художников Закарпатья, посвященная V годовщине воссоединения Закарпатской области с Советской Украиной и XXIII годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Каталог / Предисл. В. З. Шандор. Ужгород, 1950. 60 с.

25. IX областная выставка работ художников и мастеров народного творчества Закарпатья. Каталог / Вст. сл. О. Чернеш. Ужгород, 1958. 36 с.

REFERENCES

1. Aseeva, N.Yu. (2006) Reministsentsiï impresionizmu v ukraïns'komu zhi-vopisu XX st. [Reminiscence of Impressionism in the Ukrainian painting of the twentieth century]. In: Sidorenko, V. et al. (eds) *Narisi z istoriï obrazotvorчого mistetstva Ukrainsi XX st.: u 2 kn.* Vol. 1. Kyiv: Intertekhnologiya. pp. 122–162.
2. Berets, V. (1961) *Peyzazhi ridhogo krayu* [Landscapes of the native land]. Uzhgorod. 20rg October. p. 4.
3. Biksey, L. (20009) Zoltan Sholtes. Storinki zhittya i tvorchosti [Zoltan Sholtes. Pages of life and creativity]. In: Shtets, V. (ed.) *Zoltan Sholtes 1909–1990. Al'bom* [Zoltan Sholtes 1909 – 1990. Album]. Lviv: Ladeks.
4. Biksey, L. (2011) Slovo pro maystra [The word about the master]. In: Kashshay, O. (ed.) *Anton Kashshay. Zhivopis. Al'bom* [Anton Kashshay. Fine Arts. Album]. Uzhhorod: Iva.
5. Govdya, P.I., Mayko, I.M., Milyaeva, L.S., Popova, L.I. et al. (1954) *Vystavka izobrazitel'nogo iskusstva Ukrainskoy SSR, posvyashchennaya trekhstoletiyu vosso-edineniya Ukrainy s Rossiey. Zhivopis. Skul'ptura. Grafika. Katalog* [The exhibition of fine arts of the Ukrainian SSR, dedicated to the tercentenary of the reunification of Ukraine with Russia. Painting. Sculpture. Graphic arts. Catalog]. Kiev: [s.n.].
6. Tseltner, V.P. (1956) *Vystavka proizvedeniy khudozhnikov Zakarpat'ya. Zhivopis. Grafika. Skul'ptura. Katalog* [Exhibition of works of artists of Transcarpathia. Painting. Graphic arts. Sculpture. Catalog]. Moscow: [s.n.].
7. Gavrosh, O. (2015) Pershi vistavki zakarpattiv u Kieve ta Moskvi: shcho zalishlosya za kadrom [The first Transcarpathian exhibitions in Kiev and Moscow: what's left behind]. *Ekzil'*. 5. pp. 2–4.
8. The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). (1962a) Fund 1544. List 1. File 120. Ark. 3–7.
9. The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). (1962b) Fund 1544. List 1. File 269. Ark. 1–28.
10. The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). (1968) Fund 1544. List 1. File 187. Ark. 1–38.
11. The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). (1956) Fund R-1544. List 1. File 69. Ark. 1–175.
12. Izvorin, A. (1942) Suchasne rus'ke khudozhniki [Modern Rusin painters]. *Zorya – Hajnal*. 2(3–4). pp. 387–415.
13. Zozulyak, O. (1974) Chudova vistavka [Wonderful exhibition]. *Nove zhittya*. 6. pp. 6.
14. Anon. (1973) *Zoltan Sholtes. Al'bom* [Zoltan Sholtes. Album]. Kyiv: Mistetstvo.
15. Myasishcheva, O. (1987) Andriy Kotska. Zhittya i tvorchist' maystra [Andriy Kotska. The life and work of the master]. In: Erfan, F., Myasishcheva, O. et al. (eds) *Andriy Kotska 1911–1987* [Andriy Kotska. 1911–1987]. Uzhhorod: Patent.
16. Nebesnik, I. (2007) *Adal'bert Erdeli* [Adalbert Erdeli]. Lviv: Vidavnitstvo Ms.
17. Nebesnik, I. (2005) *Tvorchist' vidatnikh khudozhnikiv Zakarpattyia* [Works of famous painters Transcarpathia]. Uzhhorod: Vid-vo V. Padyaka.

18. Ostrovsky, G. (1974) *Obrazotvorche mistetstvo Zakarpattya* [The fine art of Transcarpathia]. Kyiv: Mistetstvo.
19. Ostrovsky, G. (1992) *Tvorets' nezbagnenno prekrasnogo svitu* [Creator of an incomprehensibly beautiful world]. Uzhhorod: Karpati. pp. 5–10.
20. Anon. (1961) *Personal'na vistavka tvoriv khudozhnika Z.I. Sholtesa* [Z.I. Sholtes personal exhibition]. Uzhhorod: Zakarpats'ka oblasna drukarnya.
21. Moshay, Yu. (ed.) (1989) *Personal'na vistavka tvoriv zasluzhenogo khudozhnika URSR Zoltana Sholtesa* [Personal exhibition of Honored Artist of the Ukrainian SSR Zoltan Sholtes]. Uzhhorod: Karpati.
22. Bikova, G. (1971) *Yuvileyna vistavka tvoriv Zoltana Sholtesa, prisvyachena 60-ti richchyu vid dnya narodzhennya khudozhnika. Katalog* [Anniversary exhibition of works of Zoltan Sholtes dedicated to the 60th anniversary of the artist's birthday]. Uzhhorod: Zakarpats'ka oblasna kartinna galereya. Zakarpats'ka oblasna drukarnya.
23. Yablonska, T. (2005) Pro sebe [About myself]. *Dзеркало тижня*. 24th June. [Online] Available from: https://gazeta.dt.ua/SOCIETY/tetyana_yablonska_pro_sebe.html (Accessed: 20th October 2019).
24. Anon. (1950) *V oblastnaya vystavka rabot khudozhnikov Zakarpat'ya, posvyashchennaya V godovshchine vossoedineniya Zakarpatskoy oblasti s Sovetskoy Ukrainoy i XXIII godovshchine Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii. Katalog* [The Fifth Regional Exhibition of Transcarpathian Artists, dedicated to the 5th anniversary of the reunification of Transcarpathian region with Soviet Ukraine and the 23rd anniversary of the Great October Socialist Revolution]. Uzhhorod: [s.n.].
25. Anon. (1958) *IX oblastnaya vystavka rabot khudozhnikov i masterov narodnogo tvorchestva Zakarpat'ya. Katalog* [The Ninth Regional Exhibition of Transcarpathian Artists and Masters of Folk Art]. Uzhhorod: [s.n.].

Штець Віктор Алексеевич – кандидат искусствоведения, доцент кафедры дизайна и основ архитектуры Национального университета «Львовская политехника» (Украина).

Штець Віктор Олексійович – кандидат мистецтвознавства, доцент кафедри дизайну і основ архітектури Національного університету «Львівська політехніка» (Україна).

Viktor O. Shtets – Lviv Polytechnic National University (Ukraine).

E-mail: victor.shtets@gmail.com

Мельник Оксана Ярославовна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры дизайна и основ архитектуры Национального университета «Львовская политехника» (Украина).

Мельник Оксана Ярославівна – кандидат мистецтвознавства, доцент кафедри дизайну і основ архітектури Національного університету «Львівська політехніка» (Україна).

Oksana Ya. Melnyk – Lviv Polytechnic National University (Ukraine).

E-mail: o.melnyk@hotmail.com

УДК 811.161(477.87)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/58/14

ОБРАЗ РОДИНЫ-МАТЕРИ В ГРАЖДАНСКОЙ ЛИРИКЕ АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА

С.В. Зеленко

Белорусский государственный университет
Беларусь, 220030, г. Минск, пр. Независимости, 4
E-mail: siarhejzelianko@gmail.com

Авторское резюме

В статье рассматриваются особенности художественного воплощения в гражданской поэзии русинского будителя Александра Ивановича Павловича архетипического образа Родины-Матери – малой родины поэта (Маковицы), общеславянской Родины – Славии, исконной Родины (Руси). Олицетворение Родины как Матери в лирике А. Павловича характеризуется разнообразными апелляциями к историко-культурном наследию русинского народа, помогает автору раскрыть для читательской аудитории сущность проблемных вопросов (языковой политики, национального самосознания, эмиграции, исторической памяти), с которыми его соотечественники неоднократно сталкивались в действительности. В статье доказывается, что использование А. Павловичем олицетворения Родины в образе Матери как одного из самых значимых для каждого человека субъектов позволяет русинскому будителю воздействовать на читательское восприятие поднимаемых в гражданских стихотворениях проблем не только на эмоциональном, но и на рациональном уровне, что в значительной степени усиливает эффект влияния художественной литературы на аудиторию. В заключении делается вывод о том, что олицетворение Родины-Матери в гражданской лирике А. Павловича следует рассматривать как условие генезиса национальной русинской литературы, как факт ее включения не только в славянский, но и мировой литературный процесс (в т. ч. и русскоязычный), а также как эффективный способ сохранения и трансляции историко-культурного наследия русинов.

Ключевые слова: образ Родины, гражданская лирика, русинская поэзия, русины, будитель, национальное возрождение, Александр Павлович.

THE IMAGE OF MOTHERLAND IN THE CIVIL LYRICS BY ALEKSANDR PAVLOVICH

S.V. Zelenko

Belarusian State University

4 Nezavisimosti Avenue, Minsk, 220030 Belarus

E-mail: siarhejzelianko@gmail.com

Abstract

The article discusses the archetypal image of the Motherland in the civil poetry by the Rusin enlightener Aleksandr Ivanovich Pavlovich, epitomized as the poet's small homeland (Makovitsa), the common Slavic Homeland – Slavia, and the original Homeland (Russia). The personification of the Motherland as Mother in A. Pavlovich's appeals to the historical and cultural heritage of the Rusin people and helps to reveal the problems (language policy, national identity, emigration, historical memory) that A. Pavlovich's compatriots repeatedly encountered in reality. The author argues that Motherland epitomised as Mother allows the Rusin educator to influence the reader's perception of the issues raised in his poetry on both emotional and rational levels, which enhances the effect of poetry on the audience. The author concludes that the personification of the Motherland in A. Pavlovich's civil lyrics should be considered as a condition for the genesis of national Rusin literature, as a fact of its inclusion not only in the Slavic, but also in the world literary process, and as an effective way to preserve and broadcast the historical and cultural heritage of Rusins.

Keywords: image of Motherland, civic lyrics, Rusinian poetry, Rusins, buditel, enlightener, national revival, Aleksandr Pavlovich.

Творческое наследие русинского будителя, публициста, поэта и общественного деятеля Александра Ивановича Павловича (1819–1900), славный 200-летний юбилей которого отмечался 19 сентября 2019 г., представлено многочисленными лирическими произведениями, вошедшими в сборник поэта «Венецъ стихотворений» [12: 12–249], житейско-бытового («Весенняя журна», «Една бѣдна мати», «Свидници школяры», «Свадьба еи»), любовно-романтического («Милого ждающая дѣвушка», «Барвѣнокъ», «Думки русскихъ красавицъ»), нравственно-поучительного («Учся мое дитя», «Умѣніе, разумность», «Блудъ, нечистота», «Лѣнь», «Родителямъ нерадивымъ о дѣтяхъ», «Пянство»), историко-культурного («Думки», «Добра русиновъ», «Стародавная

пѣснъ Маковици», «Начало исторіи Угорщины», «Давно а днесь»), автобиографического («Тужба», «Вотъ я состарѣлся», «Въ чужинѣ») и религиозного («Непоколебимость церкви», «Воздыханіе», «Милуй Бога твого, зо сердца цѣлого») содержания. Однако среди тематического разнообразия стихотворений А. Павловича обращает на себя внимание именно гражданская лирика поэта, пронизанная искренней любовью к родному краю, призывающая к истинному патриотизму, наполненная размышлениями об историческом прошлом русинов и переживаниями о будущем Отечества.

Так, анализируя творчество А. Павловича, Е. Недельский в монографии «Очерк карпаторусской литературы» подчеркивает: «Павлович начал свою литературную деятельность совершенно самостоятельно, проникнутый любовью к своему народу и краю» [11: 169]. При этом, как демонстрируют результаты идейно-художественного анализа лирических произведений русинского будителя, одним из ярчайших ключевых образов в гражданской поэзии А. Павловича является образ Родины, который олицетворяется автором в сакральной фигуре Матери – прародительницы и защитницы обездоленных ее детей-русинов, хранительницы общего для них Дома-Отчизны, слова и деяния которой должны сплотить ее сыновей и дочерей вокруг общей идеи народного единства и национального возрождения.

Стихотворение «Прощаніе», написанное А. Павловичем в 1900 г. во время продолжительной болезни, практически перед самой смертью, можно назвать духовным завещанием автора, что в значительной степени гарантирует отсутствие в анализируемом тексте излишней пафосной торжественности и неуместной патетической возвышенности, зачастую присущих гражданской лирике. Академик Ю.М. Лотман подчеркивал, что «чем поэт глубже погружается в субъект, в мир внутренних переживаний, тем безусловней, однозначнее его поэтический мир. Законами творчества становятся простота и правда. Сердечные переживания и добродетели вечны, понятны для всех и не допускают множественности точек зрения» [8: 294]. В анализируемом произведении русинский будитель перед кончиной обращается с последним «простым и правдивым» словом к своей малой родине – Маковице, называя себя ее благодарным сыном. Исследователи творчества А. Павловича отмечали: «Это не случайность, что Павловича называют “маковицким соловьем”, родной округ он не только любил, но и жил его особым бытовым укладом и воспевал его в своих стихах» [11: 170].

Олицетворенный образ Родины в стихотворении «Прощаніе» [12: 17] актуализируется набором описательных характеристик, присущих фигуре Матери не как биологическому, а как социальному субъекту

– женщине, не только зачавшей, выносившей и родившей ребенка, но и воспитавшей, взрастившей, давшей образование: «Мнѣ наступ-
ный хлѣбъ давала, // Кормила и пріодѣла, // Сына учтила, любила». Русинский будитель – любящий сын Маковицы – в последнем своем прощальном письме благодарит Родину-Мать, просит помолиться о спасении его души, как просил бы ребенок свою родительницу: «Прійми благодареніе! // Желай души спасеніе!». Олицетворение образа Родины как Матери в контексте анализируемого поэтического произведения подтверждается и перечислением ряда других актов-действий, исполнение которых возможно только по отношению к субъекту (физическому лицу – Матери), а не объекту повествования (территориальной единицей – Маковице): «Не увижу твои лица, // Перестану тя обімати, // Тебѣ пѣсеньки спѣвати».

Таким образом, в данном случае олицетворение в диахотомии Родина – Мать осуществляется на основе классического переноса качеств субъекта (Матери) на объект (Родину), отражает «процесс наделения всего сущего – Вселенной, природы, животных и растений, неодушевленных предметов и т. д. – свойствами и чертами, присущими человеку и характеризующими его деятельность» [4: 123], что демонстрирует личностное отношение А. Павловича к своей Родине. Как отмечает И. Сандромирская, «неотъемлемой частью дискурса о малой родине является тема детства, дискурс о начале сознательной жизни и о первом опыте любви, прежде всего – любви между матерью и сыном» [17: 59], что в полной мере представлено в гражданской поэзии русинского будителя. При этом Родина для А. Павловича – это не только место, где он был рожден, не территориальная единица определенного государства. Прежде всего, Родина в его стихотворениях предстает перед глазами читателей как архетипический образ Великой Матери, который, по мнению О.А. Бойко, наделяется «такими качествами, как забота, сочувствие, магическая власть женщины; мудрость и духовное возвышение, доброта, поддержка, плодородие, рождение, превращение, воскрешение» [5: 20].

Малая родина русинского будителя, Маковица, олицетворяется А. Павловичем в образе Матери и в других стихотворениях поэта: «Маковица» – «Я сынъ Маковицы, ей народъ милую, // О ей минуло-
сти писати спробую» [12: 63–65], «Думка надъ Маковицоградомъ» – «Слухайте славики! Слухайте горлици! // Вѣрный русинъ спѣвать
матки Маковицы» [12: 65–66], «Бѣдство Маковицы» – «Бѣдна, бѣдна
Маковица, // За сѣротами вдовица, // Несчастлива вдова мати, //
Трудно дѣточки ховати» [12: 100–101]. При этом можно предполагать, что прецедентность самой личности А. Павловича для русинов как будителя национального самосознания, значимой исторической,

религиозной и общественной фигуры будет являться неоспоримым фактором, опосредующим и формирующим у них при чтении этих произведений подобное же отношение к Родине, восприятие ее как одного из самых значимых субъектов в жизни каждого человека – матери (родительницы, кормилицы, заступницы, учительницы), которую необходимо свято чтить, любить, оберегать, заботиться о ней, что становится общегражданским неукоснительным долгом, непременной обязанностью, национально-идеологическим императивом.

Модель построения семейно-родственных отношений в дихотомии «мать – ребенок (дети)» (Родина – русины) наблюдаем и в других поэтических произведениях автора. Так, в стихотворении «Пѣснь подкарпатского русина» [12: 43–44] А. Павлович снова актуализирует не биологические, а социальные функции Матери при олицетворении образа Родины: «О Русь Подкарпатска земля для всѣхъ братска! // Ты меня выкормила, // Меня воспитала, // Сердцу вѣрудала, // Здравствуй, мати моя мила!». Также автор демонстрирует читателям эталонное отношение благодарного сына (ребенка) к матери, что должно восприниматься как сентенциозный призыв к подобному же действию русинов по отношению к Родине: «И помолюсь Богу // За милость премного // И за тебя, руска моя мати!».

В стихотворении «Пѣснь карпаторусская» он опять же акцентирует внимание на физическом выражении чувств и эмоций Родины-Матери по отношению к ее чадам-русинам (объятия, поцелуи, поздравления): «Святым звукомъ русска земля // Свои чадца поздравляетъ // Святымъ чувствомъ свое племя // Обимая лобызаетъ» [12: 38–39]. Отметим, что в рассматриваемых примерах олицетворение образа Родины-Матери настолько стилистически и эстетически органично включено в авторское произведение, оправданно коммуникационной целью воздействия на аудиторию, что у потенциальных читателей не должно возникать смыслового отторжения и непонимания данного средства выразительности художественной речи.

В отличие от ранее рассмотренных примеров, в стихотворении «Думки» А. Павлович напрямую называет Родину Матерью («Радуйся же отчизна мати! // Цѣлуй и привитай сыновъ!»), а себя и своих соплеменников-русинов – ее детьми («Радуйся подбескидска земле <...> Счастливы ужъ твои чада»; «Свята Подкарпатска земля <...> Любить тебе наше племя // Любить сердцемъ вѣрныхъ сыновъ»; «Я сынъ Бескидовъ») [12: 30–32].

В данном примере на первый план выходит отношение детей к матери (русинов к своей Родине), что характеризует представителей данного лингвокультурного сообщества, изображаемых автором анализируемых произведений как благодарных, верных, преданных,

любящих Отчизну людей. Показательно, что в данном стихотворении А. Павлович актуализирует образ Родины-Матери через призму не только внутрисемейной дихотомии «мать – ребенок» («Родина – я»), но и родственных отношений между братьями и сестрами – детьми одной матери («Мать – я – другие дети (братья и сестры)») («Родина – я – соплеменники»): «На Маковицѣ // Братя, сестрицы! // Вамъ пою // Духъ народности // Со мною».

Можно констатировать, что таким образом русинский будитель экстраполирует личностное, субъективное восприятие Родины как Матери на весь русинский народ – на своих братьев и сестер не по родству, а по национальной принадлежности. Своим творчеством А. Павлович переводит факт патриотических чувств к Родине в объективную реальность, опять же в силу своего прецедентного статуса, вводит его в национальную картину мира русинов. Подобный художественный перенос можно наблюдать и в других лирических произведениях А. Павловича, например, в стихотворении «Пѣснь народная» – «Воть Карпатской земли дѣти // Патріарха окружаютъ» [12: 32–33]; «Францу Деаку» – «Прими Вожатой маститой // Въ Карпатахъ прозябшій цвѣть// Кой Угорской Руси дѣтей // Благодарность приносить» [12: 69–71]; «Коломейка» – «Ликуй,ликуй веселися мила родна мати, // Мы пооремъ, мы посѣмъ будуть жати» [12: 55] и др.

Многовековая история русинов, разнообразные ее собственно исторические, а также демографические, социологические, культурологические и лингвистические аспекты изучаются современными исследователями различных научных направлений и школ. Результаты этих изысканий публикуются, в частности, в международном историческом журнале «Русин». Из новейших работ по истории русинов обращают на себя внимание статьи Д.Е. Алимова [2: 179–197], С.В. Бирюкова [3: 193–209], Р.И. Майора [9: 154–176], Е.В. Никольского и Н.Л. Юган [10: 72–89], С.Г. Суляка и В.П. Зиновьева [16: 372–388].

В контексте нашего исследования отметим, что в ряде стихотворений А. Павлович при помощи образа Родины-Матери актуализирует факты драматической истории русинского народа, нашедшие свое отражение в перечисленных научных работах. Например, в стихотворении «Воспоминаніе» русинский будитель сравнивает ситуацию многовекового иноземного угнетения русинов с тяжелой болезнью Матери-Родины: «Тысяцъ годовъ: якъ ся стала // Для русиновъ ночь окрутна, // Легла мати и не встала, // Мертвожива лежить смутна: // Странный народъ напаль на нась, // И заточиль нашу Маму, // Не внимающъ на страстный гласъ, // Бросиль нась во темну яму» [12: 36–37]. Подобный художественный образ позволяет автору стихотворения воздействовать на читательское восприятие не только на

рациональном, но и на эмоциональном уровне, что в значительной степени усиливает влияние литературного произведения на аудиторию. Павлович всего в нескольких строфах смог настолько тонко отразить в стихотворении «Воспоминаніе» болезненную для каждого представителя русинского народа историко-культурную ситуацию, что ее осознание читателями, ее переживание через ряд персональных ассоциаций становятся предельно чувственными, максимально личностными. Подобным образом русинский будитель использует олицетворение Родины в образе Матери и в стихотворении «Пѣснь подкарпатского русина», когда поднимает проблемы функционирования родного языка на территории проживания русинов, их исторической памяти и национального самосознания: «Твое слово родно туть людямъ холодно; // Не хотять тя знати, // Хулять, да ругають, // Твой родъ оскорбляютъ, – // Чимъ же согрѣшила ты имъ Мати?!» [12: 43–44]. При помощи художественного слова, олицетворяя образ Родины в фигуре Матери, А. Павлович в конце XIX в. хотел донести до своего народа ту же мысль, что и в начале XXI в. сформулировал главный редактор журнала «Русин» С.Г. Суляк в своей статье «Русины: прошлое, настоящее, будущее»: «Имея общих предков, потомки русинов сегодня относят себя к украинцам, russским, русинам (как кциальному восточнославянскому народу), румынам, молдаванам, словакам, венграм, полякам, американцам, канадцам, сербам... Но, независимо от того, кем мы, потомки русинов, считаем себя сегодня, мы не имеем права забывать о своем происхождении и должны чтить память предков» [14: 68].

Как отмечают исследователи, со второй половины XIX в. происходила массовая эмиграция русинов в Соединенные Штаты Америки и Канаду. Так, Н.А. Глущенко подчеркивает: «Карпаторусины начали иммигрировать в Северную Америку в начале 1870-х гг. из региона Карпатских гор, став одним из потоков славянских иммигрантов из Европы в Америку. В начале 1880-х гг. многие русины-мигранты, которые приезжали в США из Австро-Венгрии в поисках работы на угольных шахтах, обосновались в антрацитовом регионе штата Пенсильвания» [6: 193]. К.В. Корсаков замечает, что русины покидали родину и переселялись в Соединенные Штаты Америки «с начавшейся в 90-е гг. XIX в. и продолжавшейся до начала мировой войны 1914 г. первой волной русинских и украинских эмиграций, большинство представителей которых были выходцами из Карпатской Руси – Закарпатья, Северной Буковины, Лемковщины, Холмщины и Галиции» [7: 200]. Об этом же пишут также Ю.Г.Акимов и К.В. Минкова: «Первые эмигранты-русины появились в странах западного полушария еще в 1860-е гг. В последующие несколько десятилетий отток населения из

Закарпатья и Лемковщины за океан неуклонно усиливался. Тысячи измученных нищетой русинов покидали "Старый край" в поисках лучшей доли. Кто-то ехал в Канаду, кто-то – в экзотическую Бразилию, однако большая часть направлялась в Соединенные Штаты, где уже в 1890-е гг. образовалась достаточно крупная русинская диаспора» [1: 128]. Данная социальная проблема также раскрывается А. Павловичем в его гражданской поэзии через образ Родины-Матери. Русинский будитель в своих произведениях показывает обездоленную, осиротевшую Мать, которая лишилась своих детей, покинувших ее: «Бѣдство Маковицы» – «Маковица опущена, // Плаче, вздыхать розжалена – // Дѣточки ей охабляютъ, // Пречь за море утѣкаютъ» [12: 100–101], «Думка сына Маковицы, тамъ за моремъ въ Америцѣ» – «Я русскій сынъ Маковицы // Раскошую въ Америцѣ, // Что чрезъ тыжденъ запрацую, // Та въ неделю прогайную» [12: 102–106].

При этом в своих стихотворениях А. Павлович осуждает русинов-эмигрантов; автор показывает их как людей, которые совершили самый страшный грех, предав самого дорого человека – Мать, из-за чего на чужбине они не могут найти себе покоя, испытывают моральные терзания, страдают от бытовой и финансовой неустроенности, как герои стихотворения «Думка сына Маковицы, тамъ за моремъ въ Америцѣ»: «Ахъ тамъ бѣдны отецъ, мати // Ждуть, не могутъ ся дождати, // О нихъ я вцаль забывамъ, // Не пишу имх, не посыламъ», «Такъ про туту Америку, // Терпять нужду превелику, // Ужъ никто имъ не споможе, // Змиуйся надъ ними Боже!» [12: 102–106].

Кроме олицетворения образа малой родины через фигуру Матери, в поэзии А. Павловича находим несколько примеров актуализации образа Славии (общеславянской Родины) и Руси (исконной Родины) как Матери. Е. Недельский, анализируя его творческое наследие, справедливо подчеркивал: «От подражания народной песне он восходил к темам национальным и общеславянским; от поучения для простого народа до призыва к русским и славянам; от шарышского говора – к литературным языкам» [11: 175]. Павлович рассматривал общеславянское единство как основу для защиты национальных интересов русинов, как гарантию их избавления от многолетнего чужеродного господства, о котором писал в стихотворении «Воспоминаніе»: «Благородны дѣти Славы // Избиль, изгналь въ темны горы // Изъ луговъ въ пусты дубравы, // И оставилъ безъ подпоры» [12: 36–37]. В стихотворении «Пѣснь русскославянская» русинский будитель констатирует, что «Десятую часть земного мира // Дѣти матушки Славы занимаютъ, Плачевно гремить славянска лира: // Враги свободы славянъ оскорбляютъ. // О люде братя! честны народы // Соединитесь въ храмъ свободы!» [12: 37]. Именно в сплочении с другими славян-

скими народами видел поэт будущее своих соотечественников, о чем писал в стихотворении «Радость о свободѣ»: «Изъ сердецъ цвѣтovъ // Уплетемъ вѣночки // Народной мамѣ, // Славянской державѣ // Блаженны дѣточки» [12: 34–35].

Явные русофильские настроения, призывы к единению с русским народом прослеживаются в других лирических произведениях А. Павловича, в которых он использует олицетворение Руси в образе Матери. Например, в стихотворении «Дума карпатоборца» Русь (Святую Русь) он напрямую называет Матерью: «О родительно мила // Святая Русь мати»; «О Русь мати помолися // Съ твоими сынами» [12: 57–58]. Подобное олицетворение можно наблюдать и в стихотворении «Русска мама», в котором Павлович апеллирует к истории русинского народа: «По лѣсахъ, по горахъ – по темныхъ по дубравахъ // Дѣти розпуджено, помоши не дано // Ой плакала russка мати» [12: 46–47]. И снова подтверждение историко-культурных фактов, актуализированных Павловичем в своих поэтических произведениях, находим в современных исследованиях по истории русинского народа. Так, С.Г. Суляк в статье «Русины: уроки трагической истории» подчеркивает, что «история русинов (руsnakov) показательна тем, что, несмотря на многовековое проживание в составе других государств, полонизацию, мадьяризацию, румынизацию, коренное русское население Карпатской Руси (Галичины, Буковины, Подкарпатской (Угорской) Руси) долгое время сохраняло не только свою русскость, но и осознание своей принадлежности к единому русскому народу и единой русской культуре» [15: 7].

Олицетворение Родины в образе Матери не является неординарной художественной находкой А. Павловича. Подобный прием можно назвать классическим, он неоднократно воплощался в различных произведениях изобразительного и монументального искусства, а также в литературе разных эпох и народов. Однако тут, безусловно, следует учитывать тот неоспоримый факт, что «любой художественный образ не представляет собой механического копирования, в него вносится активное авторское пристрастно-избирательное отношение к изображеному» [13: 27]. В выявлении и анализе субъективных идеино-художественных рефлексий, которые опосредуют формирование в творчестве конкретного автора определенных художественных образов и воздействуют на потенциальную аудиторию не столько эмоционально, как идеологически, и заключается целесообразность подобных исследований. Применительно к изучению творческого наследия А. Павловича необходимо учитывать и прецедентность самой личности русинского будителя, значимость влияния на представителей русинского лингвокультурного сообщества его произведений.

Подводя итог нашим наблюдениям, отметим, что наличие в гражданской поэзии А. Павловича олицетворения Родины в образе Матери можно расценивать, во-первых, в качестве одного из обязательных признаков формирования и становления самодостаточной национальной (в данном случае – русинской) литературы; во-вторых, как маркер вхождения самобытной русинской поэзии в общеславянский и общемировой литературный дискурс; в-третьих, как свидетельство развития и бытования русскоязычной лирики за пределами России; и, наконец, в-четвертых, как действенный способ экспансивного отражения и фиксации в художественном творчестве русинского будителя богатейшего историко-культурного наследия русинского народа, а также прием его трансляции как современникам автора, так и будущим поколениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимов Ю.Г., Минкова К.В. Особенности формирования русинской диаспоры в США в конце XIX в. // Русин. 2016. № 1 (43). С. 128–144. DOI: 10.17223/18572685/43/9
2. Алимов Д.Е. Между миграционизмом и автохтонизмом: вопрос происхождения русинов Закарпатья в дискурсивном пространстве национального нарратива // Русин. 2017. № 4 (50). С. 179–197. DOI: 10.17223/18572685/50/12
3. Бирюков С.В. Австро-Венгерская империя, генезис национальных движений и русинский вопрос // Русин. 2018. № 3 (53). С. 193–209. DOI: 10.17223/18572685/53/11
4. Блинова О.И. Размышления о лингвокультурологических пометах в словаре // Вопросы лексикографии. 2014. № 2 (6). С. 122–129.
5. Бойко О.А. Проявления архетипа Великой Матери в модернистском изобразительном искусстве XX века // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 34. С. 19–35. DOI: 10.17223/22220836/34/2
6. Глущенко Н.А. Устав Русского православного кафолического общества взаимопомощи как источник для изучения русинской иммиграции в Соединенных Штатах Америки // Русин. 2016. № 4 (46). С. 191–204. DOI: 10.17223/18572685/46/12
7. Корсаков К.В. Энди Уорхол – выдающийся представитель русинской эмиграции // Русин. 2017. № 4 (50). С. 198–206. DOI: 10.17223/18572685/50/13
8. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство, 1996. 846 с.
9. Майор Р.І. Русофільство на Закарпатті в другій половині ХІХ – на початку ХХ ст.: генеза, розвиток та ідеологія // Русин. 2017. № 1 (47). С. 154–176. DOI: 10.17223/18572685/47/13
10. Никольский Е.В., Юган Н.Л. Русофильство как проявление русинского национального движения в среде униатского духовенства Галичины первой половины XIX в. // Русин. 2018. № 4 (54). С. 72–89. DOI: 10.17223/18572685/54/5

11. Недзельській Е. Очеркъ карпаторусской літературы. Ужгородъ: Типографія «Школьной помощи», 1932. 290 с.
12. Павловичъ А.И. Венецъ стихотворений. Ужгородъ: Кнігопечатня «УНІО», 1920. 258 с.
13. Семенова Е.В., Ростова М.Л., Петрова Е.В. Идейно-художественный анализ произведения (на примере литературы Англии и США). Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. 90 с.
14. Суляк С.Г. Русины: прошлое, настоящее, будущее // Русин. 2009. № 3 (17). С. 61–70.
15. Суляк С.Г. Русины: уроки трагической истории // Русин. 2008. № 3-4 (13-14). С. 7–34.
16. Суляк С.Г., Зиновьев В.П. Г.А. Де-Воллан и Угорская Русь // Русин. 2018. № 4 (54). С. 372–388. DOI: 10.17223/18572685/54/22
17. Саномирская И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. Wien: Wiener slawistischer almanach, 2001. 282 с.

REFERENCES

1. Akimov, Yu.G. & Minkova, K.V. (2016) Specificity of formation of Rusin Diaspora in the United States in the late 19th century. *Rusin.* 1(43). pp. 128–144 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/43/9
2. Alimov, D.E. (2017) Between migrationism and autochtonism: On the origin of Transcarpathian Rusins in the discursive space of the national narrative. *Rusin.* 4(50). pp. 179–197 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/50/12
3. Biryukov, S.V. (2018) The Austro-Hungarian Empire, the genesis of national movements and the Rusinian question. *Rusin.* 3(53). pp. 193–209 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/53/11
4. Blinova, O.I. (2014) Reflections on linguocultural dictionary marks. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography.* 2(6). pp. 122–129 (in Russian).
5. Boiko, O.A. (2019) The twentieth-century visual arts: The Great Mother archetype. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History.* 34. pp. 19–35 (in Russian). DOI: 10.17223/22220836/34/2
6. Glushchenko, N.A. (2016) The By-Laws of the Russian Orthodoxcatholic Society of Mutual Aid as a Source for Studying Rusin Immigration in the United States of America. *Rusin.* 4(46). pp. 191–204 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/46/12
7. Korsakov, K.V. (2017) Andy Warhol – an Outstanding Representative of the Rusin Emigration. *Rusin.* 4(50). pp. 198–206 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/50/13
8. Lotman, Yu.M. (1996) O poetakh i poezii [About Poets and Poetry]. St. Petersburg: Iskusstvo.
9. Mayor, R.I. (2017) Russophilia in Transcarpathia in the second half of the 19th – early 20th centuries: Origins, development and ideology. *Rusin.* 1(47). pp. 154–176 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/47/13

10. Nikolsky, E.V. & Yukan, N.L. (2018) Russophilia as the manifestation of the Carpatho-Russian National Movement among the Uniat clergy of Galicia in the first half of the 19th century. *Rusin.* 4(54). pp. 72–89 (in Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/54/5
11. Nedzelsky, E. (1932) *Ocherk karpatorusskoy literatury* [Essay on Carpatho-Russian Literature]. Uzhgorod: Tipografiya "Shkolnoy pomoshchi".
12. Pavlovich, A.I. (1920) *Venets stikhovorenii* [A Sequence of Poems]. Uzhgorod: UNIO.
13. Semenova, E.V., Rostova, M.L. & Petrova, E.V. (2011) *Ideyno-khudozhestvennyy analiz proizvedeniya (na primere literatury Anglii i SShA)* [Ideological and artistic analysis of a writing (a case study of English and US literature)]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
14. Sulyak, S.G. (2009) Rusins: past, present, future. *Rusin.* 3(17). pp. 61–70 (in Russian).
15. Sulyak, S.G. (2008) Rusins: lessons of a tragic history. *Rusin.* 3–4 (13–14). pp. 7–34 (in Russian).
16. Sulyak, S.G. & Zinoviev, V.P. (2018) G.A. De Wollant and Ugric Russia. *Rusin.* 4(54). pp. 372–388 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/22
17. Sandomirskaya, I. (2001) *Kniga o Rodine. Opyt analiza diskursivnykh praktik* [The Book About Motherland. Analyzing discursive practices]. Vienna: Wiener slawistischer almanach.

Зеленко Сергей Викторович – кандидат филологических наук, доцент кафедры медиалингвистики и редактирования факультета журналистики Белорусского государственного университета (Республика Беларусь).

Sergey V. Zelenko – Belarusian State University (Belarus).

E-mail: siarhejzelianko@gmail.com

УДК 81'42

UDC

DOI: 10.17223/18572685/58/15

РУСИНСКАЯ КАРТИНА МИРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИКУРСЕ ВАСИЛЯ ПЕТРОВАЯ*

**Н.Ф. Алефиренко¹, И.И. Чумак-Жунь²,
А. Петрикова³**

¹ Университет Градец Кралове

Чешская Республика, 50003, г. Градец Кралове, ул. Рокитянского, 62

E-mail: n-alefirenko@rambler.ru

² Белгородский государственный национальный исследовательский
университет

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: n-alefirenko@rambler.ru; chumak@bsu.edu.ru

³ Пряшевский университет в Пряшеве

Словакия, 08078, г. Пряшев, ул. 17 ноября, 1

E-mail: anna.petrikova@ff.unipo.sk

Авторское резюме

Представлена лингвокультурологическая интерпретация русинской картины мира в романе Василия Петровая «Русины» (1994). Предпринята попытка выявить в воссоздаваемой писателем картине русинского мира жизнесмысловую доминанту духовной жизни народа. Для героев романа характерно религиозное восприятие мира, но их религиозность не ограничивается только пребыванием в храме. Она пронизывает все их этнокультурное сознание. Концепт «Вера» представлен в лексиконе героев романа многочисленными лексическими и паремийными репрезентантами. Лингвокультурологический анализ романа позволяет: а) интерпретировать своеобразие русинской соборности; б) декодировать основные «мифоритуальные» традиции русинов; в) в народно-поэтической семиотике, обрядовых мотивах и других элементах поэтизации русинского мира выявить и осмыслить самобытный этно-

* Статья поддержана проектом «Международная мобильность для исследовательской деятельности университета Градец Кралове», Чехия 02.2.69/0.0/0.0/16_027/0008487.

культурный код, обнаруживающийся, хотя и не всегда явно, в народных суевериях и в семейном укладе крестьянской жизни.

Ключевые слова: русинская картина мира, художественный дискурс, соборность, народ, этнокультурное сознание.

RUSINIAN WORLDVIEW IN VASILY PETROVAJ'S LITERARY DISCOURSE*

N.F. Alefirenko¹, I.I. Chumak-Zhun², A. Petrikova³

¹ Univerzita Hradec Králové

62 Rokitanského Street, Hradec Králové, 50003, Česká Republika

E-mail: alefirenkon@yandex.ru

² Belgorod State National Research University

85 Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: chumak@bsu.edu.ru

³ University of Prešov in Prešov

1 17 Novembra Street, Prešov, 08078, Slovakia

E-mail: anna.petrikova@unipo.sk

Abstract

The paper discusses the linguocultural interpretation of the Rusinian picture of the world Vasily Petrovaj's Rusins (1994). The authors attempt to identify the life-meaning dominant of the people's spiritual life in the picture of the Rusinian world created by the writer. The heroes of the novel demonstrate a religious perception of the world; however, their religiosity is not limited to just going to church, but permeates all their ethnocultural consciousness. The concept "Faith" is represented in their lexicon by numerous lexical and paremiic representatives. The linguoculturological analysis of the novel allows: a) interpreting the originality of Rusinian collegiality; b) decoding the main "mythoritual" traditions of Rusins; c) analyzing folk poetry semiotics, ritual motifs, and other elements of Rusinian world poetisation to identify and comprehend a distinctive ethnocultural code that is found, although sometimes implicitly, in popular superstitions and peasant family structure.

*The paper is supported by Project "International Mobility for Research at Hradec Kralove University", Czech Republic.02.2.69 / 0.0 / 0.0 / 16_027 / 0008487.

Keywords: Rusinian worldview, literary discourse, unity, ethnocultural consciousness.

В силу различных исторических, лингвистических и этнических факторов, оказавших влияние на самосознание русинского этноса, русинская картина мира (РКМ) представляет собой не только *terra incognita* этнолингвистики, но и неординарный предмет лингвокультурологической компаративистики. Несмотря на географическую раздробленность (русины проживают в Словакии, Польше, Сербии, Украине, США, Канаде и других странах), этот народ подтверждает миру свое этническое самосознание – прежде всего, совокупностью разнородных диалектных, наддиалектных и литературно-языковых форм своего языка и самобытной лингвокультурой. В качестве лингвистического аспекта, воздействующего на укрепление этнического самосознания, следует назвать своеобразные активные процессы в развитии каждого из существующих вариантов русинского языка – лемковского (в Польше), пряшевского (в Словакии) и закарпатского (на Украине) [7: 67]. Мастерами русинского художественного слова являются Юрий Чорий, Михаил Кемень, Иван Ситарь, Михаил Чухран, Василий Молнар, Михаил Белень, Иван Петровцый, Роман Пищальник. Особое место в русинском художественном мире занимает творчество Василя Петровая, этнокультурный роман которого «Русины» служит благодатным материалом для моделирования русинской картины мира.

Картина мира этноса представляет собой целостное структурирование 1) знаний – результата познавательной деятельности людей, на основе которого формируется образ мира в форме обыденных понятий и представлений, и 2) проявлений общественного и индивидуального сознания в виде мнений, суждений, точек зрения, оценок как отдельного члена сообщества, так и целого этноса о среде своего обитания. РКМ отображает мировоззрение этноса (русины объявлены самостоятельным этносом в Конституции Словацкой Республики 1993 г. [4: 57]) как совокупности знаний, основанных на мироощущении, миропонимании и мировосприятии. Мироощущение проявляется через отношение человека к природе и окружающей действительности, через различные его чувства, настроение, действия и поступки (поэтому мироощущение выступает в качестве эмоционально-психологической основы мировоззрения). Миропонимание представляет его познавательно-интеллектуальную сторону. А в случае, если миропонимание опирается на наглядные представления, оно становится мировосприятием. Словесно-художественное картирование русинского мира даже по тексту одного романа автора ведет к достижению важнейшей для когнитивной

лингвопоэтики методологической цели: приблизиться к пониманию места русинского мира в европейском ценностно-смысловом пространстве, уяснить его генеалогические и когнитивно-дискурсивные связи с другими лингвокультурами, выявить самобытный характер РКМ. Значимость феномена «картина мира» народа сформулировал М. Хайдеггер. Согласно его концепции, с того момента, когда человек начинает понимать и изображать мир как картину и, более того, как это достаточно убедительно делает Василь Петровай, «превращать мир в картину», «с этого момента начинается его деятельность как субъекта исторического процесса» [8: 67–68]. Без единой для всего народа картины мира немыслима и этническая идентичность русинов [3: 239; 5: 107]. По данным исследований В.Н. Топорова, «в самом общем виде модель мира определяется как сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах. Модель мира не относится к числу понятий эмпирического уровня (носители данной традиции могут не осознавать модель мира во всей ее полноте). Системность и операционный характер модели мира дают возможность на синхронном уровне решить проблему тождества / различия инвариантных и вариантовых отношений, а на диахроническом уровне установить зависимость между элементами системы и их потенциями исторического развития» [6: 161].

Пожалуй, центральным понятием воссоздания русинского мира является дискурс в его лингвокогнитивном понимании, междийное звено между языком и мышлением. Художественно-когнитивный мир (дискурс) Василя Петровая – сложное коммуникативно-когнитивное явление, в состав которого входит не только сам текст романа «Русины», но и различные экстралингвистические факторы, оказавшие конструктивное воздействие на формирование смыслового содержания романа. Это знание русинской действительности, суждения персонажей, ценностные установки, играющие важную роль в понимании и восприятии РКМ. Реконструкция РКМ по тексту его романа предполагает анализ изложения событий, характеристику речевых портретов героев, извлечение первоформативной информации, учет всех обстоятельств, сопровождающих события, обращение к этнокультурному фону. Василь Петровай, как любой талантливый писатель, стремится отразить в воссоздаваемой картине русинского мира доминанту духовной жизни своей, своего народа, чтобы в ней обрести, как писал о значимости картины мира гениальный А. Эйнштейн, «покой и уверенность...» [9: 136].

Через особенности русинского языка возможно проникновение в образ мышления этноса, при этом становится реальной попытка

взглянуть на мир глазами русина. Осуществить такого рода задачу можно, только реконструировав адекватную русинскую языковую картину мира, поскольку, как известно, картина мира получает в каждом языке этнокультурную форму выражения. Русинский язык, несмотря на свою близость к украинскому, словацкому и польскому, все же оформляет самобытный образ русинского мира в соответствии со своей собственной системой этнокультурных коннотаций. В основе специфического для данного этноса «видения мира» лежат этноязыковые стереотипные установки, характерные для этноязыкового сознания всего русинского сообщества. Они определяют единообразный способ членения действительности и те черты, которые русины в первую очередь замечают в предметах и ситуациях, используя их в качестве внутренней формы наименования.

Итак, обратимся к тексту романа Василя Петровая со знаковым названием «Русины».

Культурологический комментарий. Исследование русинской картины мира проведено на материале романа Василя Петровая «Русины» (1994). Считается, что в новейшей истории эта литературная публикация романа русинского автора издана самым большим тиражом – 250 тыс. экземпляров. Автор романа родом из села Габура, находящемся в восточнословацком регионе Словакии, ныне проживает в Мариуполе.

Роман первоначально был издан в авторском переложении на русский язык в Советском Союзе (М.: Советский писатель, 1987). Василь Петровай – сторонник использования в русинской лингвокультуре латиницы, поэтому в 1994 г. на карпаторусинском языке роман был впервые издан в данном графическом исполнении (именно это издание легло в основу иллюстративного материала, использованного нами). Годом позже (в 1995 г.) на основе западноземплинского и восточноземплинского говоров был кодифицирован карпаторусинский литературный язык Восточной Словакии. В этой связи была установлена кириллическая система русинского языка.

Дискурсивно-экстралингвистические факторы (затекстовая информация)

Художественный и исторический хронотоп романа. Действие романа происходит в конце XIX – начале XX в., в период существования Австро-Венгрии (королевства Угорщины). С середины XIX в. до 1919–1920-х гг. большая часть Закарпатья была сначала в составе Австро-Венгрии, затем – Венгрии. Это время двух противоположных политических процессов: относительной свободы русинов и мадьяризации населения посредством обучения детей русинов в школах на венгерском языке.

Особенно интенсивно этот процесс проходил в Восточной Словакии. В 1918 г. в Закарпатье был образован русинский автономный край – Руська Краина.

Исторические факты в романе описаны сквозь призму судьбы нескольких поколений русинской семьи крестьян Кермешей. На фоне жизнеописания семьи отражена жизнь большинства русинских семей того времени, односельчан Кермешей: крестьянские традиции, обычаи, быт, ведение собственного хозяйства, уход за домашним скотом, обработка земли. Хотя локус романа обозначен очень точно – село Вышня Вода Лаборского региона Восточной Словакии, топос гораздо шире и определяется многочисленными упоминаниями места проживания русинов.

Концептосфера романа. Характер речевого поведения персонажей обуславливается способами и факторами вербализации т.н. эмоциональных концептов. Основным способом их презентации выступает вкладываемый в уста персонажей лексикон, а главным фактором их понимания – прагматикон.

Дискурсообразующим в анализируемом романе является мегаконцепт «Русины». В ценностной РКМ – героев романа Петровая – данный мегаконцепт членится на три концепта, которые, собственно, и образуют «ось ментальности» этого народа – концепт «Вера», концепт «Человек» и концепт «Народ». Системообразующим смыслом этой оси ментальности, объединяющим практически все художественные концепты, является уникальный феномен русинской соборности, имплицированный в самых различных языковых формах. Русинская соборность – это духовная общность рассредоточенного по разным диаспорам народа, без которой было бы невозможно сохранить национальную идентичность пространственно и религиозно разрозненному этносу. Именно такая соборность – «симфоническое» единение русинов как в мирской, так и в религиозной сфере – исторически правдиво определяет судьбу героев в романе. Соборность русинов представлена языком художественной прозы как многоконфессиональность (один из текстовых смыслов концепта «Вера»), многонациональность (один из текстовых смыслов концепта «Народ») и толерантность. Замечательно, что общеславянские паремии в русинском языке приобретают дополнительный смысл, который связан с пониманием ценности каждой жизни. Так, *každýj mať pravo na misce pid son'com* толкуется в тексте романа не просто как право на существование, а ‘достойное, высокое положение в селе’. Любовь к родине выражена в специфических культурных формах: *Rodnu spivanku, jak rodnu zemľu, ne mož zabýty*. Наконец, соборность проявляется и во внутренней форме русинского языка. Это, собственно, и обеспечивает возможность про-

никновения через речевые образы персонажей в самобытный мир русинского этноса. Осуществить такого рода задачу можно, только реконструировав (по системе художественных концептов) адекватную языковую РКМ. Русинский язык, несмотря на свою системную близость к украинскому, словацкому и польскому, обладает настолько выразительной собственной системой этнокультурных коннотаций, что способен создавать весьма самобытный образ русинского мира.

Поскольку в любой картине мира преобладают морально-нравственные представления этноса, в художественном дискурсе русинский мир раскрывается через косвенную репрезентацию (в поступках и действиях персонажей) обыденного, религиозного и эстетического сознания. В конечном итоге они (через поведение отдельных персонажей) позволяют сосредоточиться на ценностных представлениях и смысложизненной доминанте русинского этноса. При этом важной оказывается каждая вещь, каждый реальный или воображаемый персонажем объект, т. к. картина мира этноса – это, по мнению Карла Ясперса, «совокупность предметного содержания, которым обладает человек» [10: 239]. Поэтому бытовые описания в «сетке координат» романа В. Петровая несут особую культурологическую нагрузку. Нередко сквозь призму незначительной вещи открывается целый космос этнического бытия. С помощью обыденной картины мира «люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании». Разумеется, в каждой модели мира «есть этнические особенности и универсальные понятия и категории (время, пространство, изменения, причина, судьба... и т.д.)». Однако каждая такая категория «глубоко национальна по способу выражения в языке конкретного народа как отражение склада ума» [1: 26]. Немаловажное значение в воссоздаваемом дискурсе романа В. Петровая имеет поведение людей и их взаимодействие с миром. Этническая картина мира служит программой поведения персонажей (в т. ч. и поведения речевого). Она во многом определяет набор житейских действий, используемых русинами для воздействия на мир, и их мотивировку.

Обстоятельства места и времени, национальные особенности русинов способствуют развитию соборности, и понять это помогают некоторые дискурсивно-экстралингвистические факторы – фоновая информация, которая является одной из составляющих дискурсивного анализа.

Смыслы концептов «Человек» и «Народ», представленных в романе, тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Взаимодействие этих концептов определяется доминантной идеей, которая читается в названии произведения: «Русины» – это судьба народа, представленная через судьбу человека, и / или судьба человека, представленная

через судьбу народа. Необычность, странность народа, разбросанного по славянским землям, определяет и характер отдельного героя – Степана (Штефана) Кермеша, судьба которого, в свою очередь, является одной из частей, создающих неповторимую мозаику русинского узора.

«Человек» – «Народ» – истоки и пространство. Своего рода топонимической аллюзией, напоминающей, что в XIX в. Австрийская империя занимала территорию Чехии, Словакии, Польши, Сербии, Хорватии, Венгрии, можно считать информацию, что жители села не знают, откуда появился Степан Кермеш. Одни говорят, что из Жешува (Польша), другие – из Остравы (Чехия), третьи – из Альфолда (Венгрия). Упоминание нескольких славянских городов определяется тем, что в Словакии в XIX в. была сильна идея славянской взаимности. Словаки себя считали *славенами*, а наречие – *словенским*. Некоторые ученые считают, что словенское, чешское, моравское наречия – это один язык, а русинское ближе всего к малороссийскому. На самом деле одна часть словацкого языка близка к польскому, вторая – к чешскому, а третья – к русинскому наречию [2: 77]. Эти же смыслы – интернациональность, соборность этноса – несет и информация о тайне семьи Кермешей – о цыганском происхождении главного героя. Несмотря на выше-сказанное, весь роман пропитан идеей национальной идентичности русинов. Об этом свидетельствует множественность номинаций элементов русинской государственности: земля словаков, русинов и подкарпатских народов; русинская земля, русинская народность, русинское государство, Подкарпатская Русь, горный край Бескидов, русничок.

«Человек» – «Народ» – внешность и характер. Портрет Штефана Кермеша представляет некий симбиоз его противоречивых эмоциональных состояний. Человек отзывчивый (откликается на приветствия и старииков и детей: *z povahov odklykovavš'a na vytan'a i starý l'udej i d'itej*); задорный (носит лихо опущенную шляпу: *prypidnýmav nad syvov holovov po beťar'ský zahnutý dolov kalap*); щедрый (без слов помогает незнакомому человеку деньгами (*ne promýrknuvšý slova, vopchav ruku do kešen'i výsýpar pered neznytym čolovikom cílu prýhorč čtmavý grajcariv*), в то же время скрытный и немногословный (говорить о себе не любит: *pro sebe nýkotu nyc ne rospovidav*) [11: 6].

Штефан – настоящий русин, высокий, сильный, плечистый мужчина с басистым голосом. Таковым он себя и ощущает: *«ja Rusýn, býv jem i do kince dn'iv mojich budu»* [11: 6]. Эти слова Штефана перекликаются со словами из песни на стихи А. Духновича, ставшей гимном подкарпатских русинов: «Я русин был, есмь и буду»:

Я русин был, есмь, и буду,
Я родился русином,

Честный мой род не забуду,
Останусь его сыном;
Русин был мой отец, матери,
Русская вся родина,
Русины сестры, и браты,
И широкая дружина.

«Человек» – «Народ» – душа. Особую лингвокультурную нагрузку несут в тексте русинские песни – душа народа. Русины – народ очень голосистый и певучий, их мелодичные песни – любовные, семейные, родственные, бытовые – звучат не только по праздникам, но и «по случаю»: песня обрамляет любое событие русинской жизни. Особая эмоциональность русинов выражается в песнях, в т. ч. и любовных, что наглядно продемонстрировано в романе. Здесь и спокойная размеренная мелодия любви Степана с Геленой (Эй, кроком, кони, кроком гористым потоком...), и трепетная песня первой любви Николки к Геленке (Ружа била-червена, Садыла ю Гелена, А я ю полывав – Буде моя жена), и Геленки к Николаю (О, кто-то Николая любит, О, кто-то Николаю служит, Тому, святый Николай, На всякий час помогай, О, Николай, Николай!), и печальная песня-предчувствие неразделенной любви «Як за нашов стодолечков, як за нашов стодолов», которая заканчивается словами: Плакало си шварне дивча, плакало си там за мнов.

Яркая, отчаянная любовь Николайки к цыганке, фарагонке Меланке тоже находит отражение в песне:

Добри ми е, добри,
Добри ми ся водыт:
Едну ем охабыв,
Дысять за мнов ходыт...

Эта тайная любовь представлена в нескольких песенных вариациях:

Пре мене фраиркы
Почалися быти,
Я и сам уж не знам,
Котру мам любыти...

Задорные и лихие песни звучат и в русинской тюрьме (*И шили цыгане из Бардейова с гуслями, А Пукач плачет – утеряны гачи с цветами*), и в корчме, где не выпить за песню считается грехом (*А як я ся завозьму, завозьму, Оттыль жену не возьму, не возьму...*).

Песенным же фоном проходит темпераментный русинский чардаш в исполнении мужчин:

Эй, заграйте, заграйте,
Або, забубните,

Эй-гой, лебо ми на войну
 Коничка зрыхтуйте.
 Не пием паленъку,
 Лем палену воду...
 Не любим дзевчатко,
 Лем його подобу.

Русинская песня в романе приравнивается к родной земле: *Rodnu spivanku, jak rodnu zeml'u, ne mož zabýty* [11: 195].

Именно это богатство, щедрость, красота, самостоятельность народной души и позволили столь малочисленной этнической группе пронести свою культуру, религиозную принадлежность, язык и самосознание сквозь четверть тысячелетия.

Концепт «Вера» – смысл ‘соборность’

Дискурсивно-экстраконцептивные факторы (затекстовая информация). Русины очень привержены религии, но в силу сложных исторических и геополитических событий исповедуют православную или греко-католическую веру. Славянофил Александр Кошелев в письме А.С. Хомякову «Шесть недель в австрийских славянских землях» (1857) пишет о русинах, что «Восточноправославных в Австрии до 3 700 000, униатов – до 3 100 000» [2: 18].

Русинский мир представлен в романе В. Петровая через призму религиозного сознания героев. Русинов с самого рождения сопровождают элементы православной или греко-католической веры и с ней связанные обычаи. Несомненно, языковая картина мира русинов в полной мере не является экстрагированием религиозной картины мира, но во многом определяется ею.

Для героев романа характерно религиозное мировоззрение, т. е. восприятие мира (в самом широком смысле этого слова) с точки зрения верующего человека. Религиозная деятельность героев романа протекает не только в храме, но и вне его. Молитва перед и после трапезы, перед сбором урожая и после него, *за дождь* или *за солнце*, знамение креста перед каждым встречающимся крестом возле каплички у дороги. В русинском и русском языках *каплица* – это *божница* (ср. лит. *Bažnyčia* – церковь), часовня, которую ставили там, где нет церквей, и над могилами усопших. Поскольку такая часовня украшалась иконами, она и получила название *божницы*.

В лексиконе героев романа концепт «Вера» представлен многочисленными репрезентантами: *Бог, Божий свет, Христос-Бог, Иисус Христос, Господь, милосердие, ангел, Богородица, Матерь Божья, раба Божья, слуга Божий, душа, милость, часовня, храм Божий, распятие, вечерняя служба, обвенчаться, отче духовный, пастырь, процессия, крест, монастырь, ладан, иконостас, служба, хоругвь*.

Паремийный фонд повести с ритуальными сакральными маркерами необыкновенно богат: фразеологизмы с лексемой *Бог* встречаются на протяжении романа в речи практически всех героев. Показательно использование пословицы *Boh dal – Boh i vz’av* со значением ‘не стоит роптать на судьбу’, ‘на все воля божья’.

Важно акценировать внимание на том, что лексема *Бог* в коммуникативном сознании героев Петровая относится к абсолютным, безусловным доминантам. Включение конвенциональных формул с использованием имени Бога в речь героев имеет разнообразную, но не всегда «благообразную» модальность.

1. Неизменно личное обращение к Богу как к вышней силе за сочувствием или помощью: «*Bože, Bože za što taká napasť na našu holový*», – прочитала Палацания, когда испугалась ночного прихода пьяного мужа из корчмы; «*Bože nebesný*», – взывая к Богу, закричала мать Юстина, когда увидела покалеченного коня; «*Christom-Bohom proši*», – призывая Бога, умоляет Палацания не трогать пьяного мужа.

2. Апелляция к Богу (святым) занимает прочное место в перформативных высказываниях с семантикой клятвы, божбы. Лексема *святой* включается в состав единиц, представляющих концепт «Вера»: *Pris’ahav všýtkýma svyatýma* – клялся всеми святыми. В русском языке существуют эквиваленты – клянусь всеми святыми, вот тебе крест, причем идиома усиливается ритуальным жестом – крестным знамением. В сакральном пространстве грудь – это место пребывания человеческой души; когда герой клянется, то *byvs’á do hrudej, koly povidav*.

3. Обороты с лексемой *Бог* включаются и в речевые акты, которые произносятся с «предосудительными коммуникативными целями»: русины, бранясь, упоминают Бога, клянутся Богом: «*Prisam bohu!*» – например, когда Павел и Михал спорят, кому первому посчастливится провести ночь с Кристиной, женой их брата, уехавшего в Америку на заработки; «*Boha n’ahaj*» – заклинание, которое произнесла свекровь, Юстина, когда узнала, что задумал ее сын с Кристиной [11: 56].

4. Русины взывают к антихристу в ситуации полной безнадежности: «*Ancíkristý va spokarajut, i sýnív takých!*», – промолвила Юстина, когда увидела пьяных сыновей, возвращающихся домой [11: 8]. Негодование матери, ее раздражение вызвано не столько состоянием детей, сколько их неосторожным отношением к коню, который слишком дорог для небогатой деревенской семьи.

В тексте содержится и множество косвенных указаний на определяющую роль религиозной картины мира в жизни русинов: знаковым, например, является именник романа. Так, имя и фамилия главного героя Степан (*Штефан*) Кермеш изначально имеют религиозно-символическое значение.

Штефан. Антропонимический анализ этого мужского имени, обычного для русинской лингвокультуры, показал, что оно произошло от греческого имени Стефанос (*Stephanos*), что обозначает 'венок, венец, корона победителя'. В церковном «Месяцеслове» 1891 г. Днем памяти Стефана в церковном григорианском календаре считается 26 декабря, в юлианском – 27 января. В нынешней церковной жизни русинов святой Стефан – апостол, первомученик и архиdiaкон. В церковном миру в этот день проводится праздничная литургия. Но сегодня 26 декабря в Словакии отмечается и в профанием (мирском, не связанном с религиозным, священным; светском) стиле: после долгого предрождественского поста проводятся забавы с танцами.

Антропоним *Кермеш* (синоним – *отпуст, у христиан – 'благословение молящихся на выход из храма по окончании богослужения'*) обозначает храмовый праздник (церковнославянский), который празднуется в память святого или события, в честь которого установлен этот праздник. Русины – очень религиозный народ, поэтому участие на богослужбах считается обязательным. Этим же словом называют и семейный праздник, когда после богослужения вместе с приглашенными гостями русины продолжают праздновать, но уже в светской обстановке, в кругу семьи.

Текст позволяет декодировать не только религиозные представления русинов, но и «мифоритуальную» традицию данного культурно-языкового сообщества, «прочитать» в народно-поэтических знаках, мотивах и других элементах художественной поэтики национальный культурный код. Нередко мифопоэтическое мировоззрение играет роковую роль в жизни героев. Так, в романе сталкиваются народные суеверия – вера в «проклятое место» (убежденность селян в том, что дом у Властина моста стоит на проклятом месте, что и ведет к гибели героини и к несчастьям потомков) натыкается на традиционные представления о семейном укладе (Степан остается в «проклятом доме», потому что не хочет жить, как *pristaš* (приимак), ведь тот, кто переехал в дом жены (*prisťahoval sa k žene*), оказывается на правах подчиненного) – эти детали тоже способствуют осмыслинию самобытного этнокультурного кода русинов. Все же сохранившиеся островки русинского населения среди иноязычной, иноконфессиональной и инонациональной среды на Балканах – уникальный пример сохранения языка, культуры и русинского самосознания для многих народов мира.

Таким образом, путь к воспроизведению картины мира этноса с помощью словесно-художественного полотна предполагает многоэтапное перекодирование смыслового континуума: от художественного слова – к смысловому содержанию породившего данный

текст дискурса дискурсообразующего мегаконцепта (идее и замыслу художественного целого), к совокупности базовых художественных концептов и, наконец, к картине мира этноса, пусть и фрагментарной, но вполне достоверной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. 327 с.
2. Кошелев А.И. Шесть недель в австрийских славянских землях // Русская беседа. 1857. Т. IV, кн. 8. С. 1–18.
3. Резанова З.И., Шиляев К.С. Этнонимы «русин», «русский» в русской речи: корпусное исследование // Русин. 2015. № 1 (39). С. 239–255. DOI: 10.17223/18572685/39/16
4. Сипко Й. Русины: политические и этнокультурные особенности // Политическая лингвистика. 2011. № 4. С. 57–64.
5. Суляк С.Г. Русинская идентичность (на примере участия галичан в гражданской войне) // Русин. 2015. № 4 (42). С. 107–125. DOI: 10.17223/18572685/42/9
6. Топоров В.Н. Модель мира (мифopoэтическая) // Мифы народов мира: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1997. Т. 2. С. 161–166.
7. Фейса М. Актуальные процессы в русинском языке // Русин. 2015. № 3 (41). С. 67–78. DOI: 10.17223/18572685/41/5
8. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 67–85.
9. Эйнштейн А. Влияние Максвелла на развитие представлений о физической реальности. М.: Наука, 1967. 316 с.
10. Ясперс К. Философия. Книга 1. Философское ориентирование в мире. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2012. 384 с.
11. Petrovaj V. Rusyný. Prašov: Rusyn'ska obroda. 1994. 270 с.

REFERENCES

1. Gurevich, A.Ya. (1993) *Istoricheskiy sintez i Shkola "Annalov"* [Historical synthesis and School of "Annals"]. Moscow: Indrik.
2. Koshelev,A.I. (1857) Shest' nedel' v avstriyskikh slavyanskikh zemlyakh [Six weeks in the Austrian Slavic lands]. *Russkaya beseda*. 4(8). pp. 1–18.
3. Rezanova,Z.I. & Shilyaev,K.S. (2015) Ethnonyms “Rusin” and “Rusinian” in Russian discourse: a corpus study. *Rusin*. 1(39). pp. 239–255 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/39/16
4. Sipko,Y.(2011) Rusiny: politicheskie i etnokul'turnye osobennosti [Rusins: political and ethno-cultural peculiarities]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4. pp. 57–64.

5. Sulyak, S.G. (2015) The Rusin identity (a case study of Galicians' participation in the Civil War). *Rusin.* 4(42). pp. 107–125. DOI: 10.17223/18572685/42/9
6. Toporov, V.N. (1997) Model' mira (mifopoeticheskaya) [The (mythopoetic) model of the world]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira: Entsiklopediya* [Myths of the World Peoples]. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 161–166.
7. Fejsa, M. (2015) Current processes in the Rusinian Language. *Rusin.* 3(41). pp. 67–78 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/41/5
8. Heidegger, M. (1986) Vremya kartiny mira [The Age of the World Picture]. In: Gurevich, P.S. (ed.) *Novaya tekhnokraticheskaya volna na Zapade* [New Technocratic Wave in the West]. Moscow: Progress. pp. 67–85.
9. Einstein, A. (1967) *Vliyanie Maksvellya na razvitiye predstavleniy o fizicheskoy real'nosti* [The influence of Maxwell on the development of ideas about physical reality]. Moscow: Nauka.
10. Jaspers, K. (2012) *Filosofiya* []. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Kanon+; ROOI "Reabilitatsiya".
11. Petrovaj, V. (1994) *Rusyný*. Prešov: Rusyn'ska obrada.

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры русского языка и литературы Университета Градец Кралове (Чешская Республика).

Nikolai F. Alefirenko – University of Hradec Kralove (Czech Republic).

E-mail: n-alrfirenko@rambler.ru

Чумак-Жунь Ирина Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия).

Irina I. Chumak-Zhun – Belgorod State National Research University (Russia).

E-mail: chumak@bsu.edu.ru

Петрикова Анна – кандидат философских наук, доцент кафедры русистики философского факультета Пряшевского университета в Пряшеве (Словакия).

Anna Petrikova – University of Prešov in Prešov (Slovakia).

E-mail: <http://www.unipo.sk>

УДК 81'272

UDC

DOI: 10.17223/18572685/58/16

ЯЗЫКОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ МАКЕДОНИЯ (1946–1963 гг.)^{*}

Д.А. Катунин

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Авторское резюме

Рассматриваются аспекты законодательства Народной Республики Македония в составе Югославии, регулировавшие использование языков на ее территории. Особое внимание уделяется правам национальных меньшинств на употребление своих языков в различных сферах коммуникации. Данные вопросы рассматриваются в свете принципа равенства наций как главного, на котором было основано устройство послевоенного югославского государства. Даётся краткий обзор появления в официальном дискурсе этнонима «македонцы» и лингвонима «македонский язык».

Ключевые слова: Народная Республика Македония, Югославия, македонцы, македонский язык, АСНОМ, языковая политика.

LANGUAGE LAWS OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF MACEDONIA (1946–1963)^{**}

D.A. Katunin

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: katunin@mail.tsu.ru

* Исследование выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

** This research is supported by Tomsk State University Competitiveness Enhancement Program.

Abstract

The article aims to consider aspects of the laws of the People's Republic of Macedonia, part of Yugoslavia, which governed the use of languages in its territory. Particular attention is paid to the rights of national minorities to use their languages in various communication spheres. These issues are discussed in the context of nations' equality as the main foundation principle on which the post-war Yugoslavia was based. The author analyses the formation of the language laws of Macedonia, one of the republics of the former Yugoslavia. A distinctive feature of the topic is that, during 1944–1946, the “new” nation and the “new” language were officially proclaimed and fixed in laws, which was a way to solve ethnic problems in this European region, one of the most problematic in this regard. The author briefly overviews the emergence of the ethnonym “Macedonians” and the glossonym “Macedonian language” in the official discourse. He analyses the documents of Yugoslavia, Macedonia, the Anti-Fascist Council for the National Liberation of Yugoslavia (AVNOJ), the Anti-Fascist Assembly for the National Liberation of Macedonia (ASNOM) of 1943–1963 that regulated the use of languages in Macedonia during this period. Since the very nature of states that are multi-ethnic (and most of them are, as it is known) immanently suggests problems in this area, the experience of Yugoslavia seems extremely interesting and indicative. It allows analysing and illustrating diverse combinations of sociolinguistic features and situations . Based on the fact that only Macedonia and Montenegro were able to secede from Yugoslavia peacefully, avoiding a civil war, the author concludes that Macedonia made the right choice of the socio-political structure of the republic and the principles of building interethnic relations.

Keywords: People's Republic of Macedonia, Yugoslavia, Macedonians, Macedonian language, ASNOM, language policy.

Введение

Статья продолжает цикл работ, посвященных языковому законодательству республик бывшей Югославии и постюгославских государств. Задачей данного исследования является анализ документов Югославии, Македонии, Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ), Антифашистского собрания по народному освобождению Македонии (АЧНОМ) 1943–1963 гг., регламентировавших использование языков на территории Македонии в указанный период. Актуальность законодательного регулирования употребления языков (прежде всего, языков меньшинств) подтверждается новостной повесткой почти каждый день, и, например, читателям из стран бывшего СССР эта тематика близка, поскольку сама природа полиэтнических государств (а таковых, как известно, большинство)

имманентно предполагает наличие проблем в этой области. В соответствии с этим представляется крайне интересным и показательным опыт такого государственного образования, как Югославия, позволяющий рассмотреть и проиллюстрировать самые разные сочетания и комбинации социолингвистических признаков и ситуаций. В данной работе будет рассмотрено становление языкового законодательства одной из республик бывшей Югославии – Македонии. Отличительной особенностью объекта предлагаемой статьи является то, что за период 1944–1946 гг. здесь были официально провозглашены и статуированы «новая» нация и «новый» язык как способ решения этнических проблем в одном из самых сложных в этом плане регионов Европы.

Краткий исторический экскурс

Народная Республика Македония (НРМ) была образована в 1946 г. как одна из шести республик в составе Федеративной Народной Республики Югославия (ФНРЮ) и просуществовала до 1991 г. (с 1963 г. – как Социалистическая Республика Македония). НРМ была образована на части территории историко-географической области Македония, расположенной на юге Балканского полуострова. В настоящее время эта область разделена в основном между тремя государствами: Северной Македонией (правопреемницей НРМ/СРМ), Грецией и Болгарией. Такая ситуация сложилась после Балканских войн 1912–1913 гг. (до этого Македония была почти 500 лет в составе Османской империи) и окончательно закрепилась после Первой мировой войны. Население НРМ данной территории было преимущественно славяноязычным, но отсутствовало единое мнение относительно его более точной этнической отнесенности: в Болгарии считали, что вся Македония населена болгарами, в Сербии – сербами (применительно к территории будущей НРМ), а в Греции, соответственно, греками, пусть и славянанизированными. Споры об этнической принадлежности носили принципиальный характер, поскольку этот аргумент признавался всеми сторонами в качестве основного во взаимных претензиях на обладание указанной областью. Попытка России решить этот вопрос в пользу Болгарии по итогам Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. была дезавуирована т. н. Великими державами на Берлинском конгрессе. Положения принятого по его итогам Берлинского трактата, с одной стороны, позволили предотвратить назревавший общеевропейский конфликт, с другой – привели к тому, что Болгария и Сербия (при участии Греции и других стран) в первой половине XX в. три раза воевали друг против друга, и во всех этих конфликтах Болгария оказывалась проигравшей стороной:

во Второй балканской войне, в Первой мировой войне и во Второй мировой войне. Вследствие этого, несмотря на близость языка славянского населения Македонии болгарскому, контролировавшему по итогам Второй балканской войны сербской армией т. н. Вардарская Македония (Вардар – главная река региона) была включена в 1913 г. в состав Королевства Сербия, в 1918 г. составившего ядро Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС). В этом государстве славянское население Вардарской Македонии не выделялось в отдельный этнос, а рассматривалось как часть сербского народа. Такая ситуация вызвала неприятие со стороны представителей ряда политических сил края и в первую очередь – радикальной Внутренней македонской революционной организации (ВМРО), выбравшей в т. ч. и путь террора против королевской власти в крае. Так, например, в 1934 г. боевиком ВМРО Владо Черноземским был застрелен король Югославии Александр I. Заметим, что многие из этих проблем актуальны и сегодня для государств региона: Греция только в 2019 г. разблокировала европейские и евроатлантические интеграционные процессы для Македонии после того, как руководство последней согласилось на изменения названия (!) своего государства посредством добавления определения – Северная Македония, поскольку Южная Македония – это часть Греции. До этого почти 30 лет официальным названием страны (в т. ч. и в ООН) была довольно оригинальная конструкция – Бывшая югославская республика Македония.

Поворотным пунктом в истории современной Македонии явилась Вторая мировая война, во время которой ее территория была разделена между Болгарским царством и итальянским протекторатом Королевство Албания (небольшая часть на западе). И хотя осенью 1944 г. Болгария предприняла попытку создать новое государство – Независимую Республику Македония, эта идея не нашла поддержки местных политических сил, т. к. неизбежность поражения Германии и ее союзников уже ясно осознавалась всеми. Другое дело – набиравшее силу антифашистское движение под руководством Коммунистической партии Югославии. 2 августа 1944 г. было проведено первое заседание АЧНОМ, принявшее целый ряд судьбоносных для истории Вардарской Македонии решений.

Следует отметить, что во время Второй мировой войны на территории Югославии происходили крайне ожесточенные конфликты между представителями разных этносов, населявших страну, а также между приверженцами политических движений. С учетом этих обстоятельств наиболее авторитетной силой Югославии на тот момент – АВНОЮ – в 1943 г. было принято принципиальное решение о создании новой Югославии на федеративных началах, которые гарантировали бы

полное равноправие всех конституирующих народов будущей страны Югославии: сербов, хорватов, словенцев, македонцев и черногорцев, или, соответственно, народов Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории и Боснии и Герцеговины. Отдельно указывалось, что национальным меньшинствам (т. е. народам, не относящимся к перечисленным выше) гарантируются все национальные права:

2. Да би се остварио принцип суверености народа Југославије, да би Југославија претстављала истинску домовину свих својих народа и да никад више не би постала домен било које хегемонистичке клике, Југославија се изграђује и изградиће се на федеративном принципу, који ће обезбедити пуну равноправност Срба, Хрвата, Словенаца, Македонаца и Црногораца, односно народа Србије, Хрватске, Словеначке, Македоније, Црне Горе и Босне и Херцеговине.

4. Националним мањинама у Југославији обезбедиће се сва национална права [6].

Поскольку на основании положений этой декларации базировалось государственное устройство послевоенной Югославии, то представляется возможным говорить о том, что в документе зафиксировано первое официальное упоминание такого этноса, как македонцы.

И первым своим решением АСНОМ провозгласило государственность Македонии в составе федеративной Югославии (заметим, что все документы, принятые АСНОМ, опирались на принципы, выработанные АВНОЮ):

*Чл. 1. Основајќи се на суверената волја и правото на самоопределение на народот на Македонија, чии верни толкователи се представителите во ова Собрание, а во согласие со решениата донесени на II заседание на АВНОЈ (Антифашистичкото веќе на народното ослободууње на Југославија) во град Јајце – 29 ноември 1943 година – Антифашиското собрание на народното ослободууње на Македонија (АСНОМ) се конституира во врховно законодателно и исполнително представително тело на Македонија и **македонската држава**, како равноправна федерална единица во демократска федеративна Југославија [12].*

Национальный состав НРМ

Перед тем как обратиться к анализу языкового законодательства НРМ, рассмотрим ее национальный состав после Второй мировой войны. В тот период в ФНРЮ были проведены две переписи населения (1948 и 1953 гг.), опросные листы каждой из которых содержали пункт о национальности; итоговые результаты по НРМ представлены в табл. 1, 2.

Таблица 1

Перепись 1948 г. [1]

Национальность	Количество	%
Македонцы	789 648	68,5
Албанцы	197 389	17,1
Турки	95 940	8,3
Сербы	29 721	2,6
Цыгане	19 500	1,7
Влахи	9 511	0,8
Черногорцы	2 348	0,2
Хорваты	2 090	0,2
Мусульмане (неопределенные)	1 560	0,1
Русские	1 141	0,1
Болгары	889	0,1
Словенцы	729	0,1
Немцы	360	0,0
Венгры	219	0,0
Чехи	130	0,0
Румыны	77	0,0
Итальянцы	56	0,0
Словаки	29	0,0
Русины / украинцы	0	–
Прочие	1 649	0,1
Всего	1 152 986	100

Таблица 2

Перепись 1953 г. [2]

Национальность	Количество	%
Македонцы	860 699	66,0
Турки	203 938	15,6
Албанцы	162 524	12,5
Сербы	35 112	2,7
Цыгане	20 462	1,6
Влахи	8 668	0,7
Хорваты	2 770	0,2
Черногорцы	2 526	0,2
Югославы (неопределенные)	1 591	0,1
Словенцы	983	0,1
Прочие славяне	1 888	0,1
Прочие неславяне	3 353	0,3
Всего	1 304 514	100

Прокомментируем такие национальности, как «неопределенные мусульмане» (1948 г.) и «неопределенные югославы» (1953 г.).

Термин «мусульмане» в югославской этнополитике социалистического периода характеризовал прежде всего этническую принадлежность. Данная группа населения Югославии сформировалась еще во времена турецкого владычества и состояла преимущественно из потомков исламизированных славян [12].

В инструкциях к опросному листу переписи 1948 г. говорилось, что каждый опрашиваемый должен указывать свою национальность. Если человек обозначал себя как «мусульманин», то требовалось уточнить – серб-мусульманин, хорват-мусульманин и т.д. При подведении итогов переписи «определенные» мусульмане учитывались совокупно с соответствующим народом (сербами, хорватами, македонцами и т. д.), а «неопределившиеся» указывались отдельно: *Pitanje VI. Svako lice upisaće koje je narodnosti, na pr.: Srbin, Hrvat, Slovenac, Makedonac, Crnogorac, Mađar, Šiptar, Rumun itd. Muslimani će staviti: Srbin – musliman, Hrvat – musliman, neopredeljen – musliman* [1].

В 1953 г. вместо «неопределенных мусульман» появились «неопределенные югославы», к которым относились все опрашиваемые лица югославского происхождения, не указавшие свою национальность: *11. Narodnost [Svako lice upisuje koje je narodnosti na pr. Srbin, Hrvat, Slovenac, Makedonac, Crnogorac, Mađar, Šiptar, Nemac, Italijan, Čeh, Slovak, Turčin, Ciganin itd. Lice jugoslovenskog porekla koje nije bliže nacionalno opredeljeno lice upisuje: jugosloven-neopredeljen, a drugo nacionalno neopredeljeno lice upisuje: nacionalno neopredeljen]* [3].

В целом рассмотрение итогов переписей 1948 и 1953 гг. показывает наличие абсолютного большинства (две третьих) в лице тех, кто определил себя как македонцев, при значительной доле национальных меньшинств, прежде всего албанцев и турок. Албанцы в этих переписях обозначены по самоназванию как «шиптары»; в последующих переписях этот этоним не использовался как оскорбительный.

Язык в законах НРМ

Как уже было сказано, в 1944 г. АСНОМ приняло ряд принципиальных решений, одним из которых явилось утверждение официального языка в создаваемом тогда же македонском государстве; таковым объявлялся народный македонский язык (факсимиле на рис. 1):

Чл. 1. Во македонската држава *како служебен јазик се заведуе народниот македонски јазик*.

Чл. 2. Ова решение влегуе веднага во сила.

Во манастирот «Св. Отец Прохор Пчински», на ИЛИНДЕН, 2 август 1944 година [11].

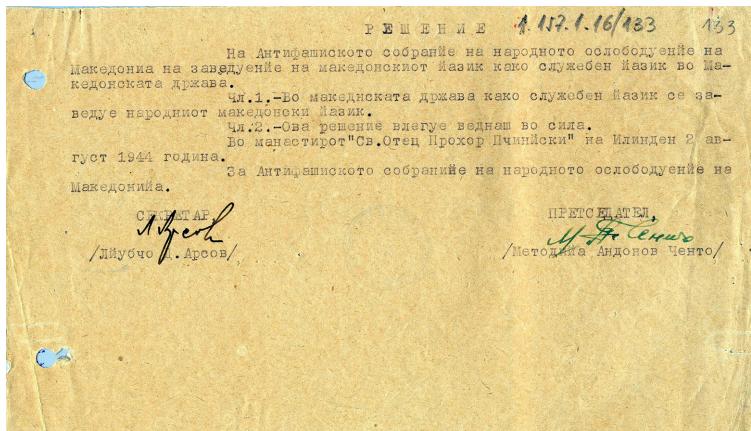

Рис. 1. Решение об объявлении македонского языка официальным.

Именно с этой даты за македонским идиомом официально закрепляется статус языка. Согласимся, что не каждый язык располагает столь четкими хронологическими реперами: до этого диалекты края не имели какого-либо однозначно определенного статуса, в болгарской лингвистике они рассматривались как западная часть болгарского диалектного континуума, в сербской, соответственно, как южные диалекты сербского языка.

В июне 1945 г. в правительенной македонской газете была опубликована резолюция Комитета по языку и орфографии при Министерстве народного образования, принятая на его заседании 3 мая 1945 г., по вопросу о македонской азбуке, в которой и был приведен утвержденный алфавит, а также даны краткие пояснения по особенностям его использования [10]. В том же месяце были утверждены нормы орфографии македонского языка.

В 1946 г. была принята Конституция Федеративной Народной Республики Югославия, нового государства, созданного как федеративное образование, состоящее из шести равноправных республик: Сербии, Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины, **Македонии** и Черногории:

Чл. 2. Федеративну Народну Републику Југославију сачињавају: Народна Република Србија, Народна Република Хрватска, Народна Република Словенија, Народна Република Босна и Херцеговина, Народна Република Македонија и Народна Република Црна Гора [16].

Каждая из народных республик должна была иметь свои органы законодательной и исполнительной власти; основными законами республик являлись Конституции. В целом же законодательство республиканского уровня создавалось по подобию федерального, в т. ч. и положения, регулирующие использование языков (о языковом законодательстве ФНРЮ см. [5]).

Уже в регламенте Учредительного собрания НРМ, на котором должна была вырабатываться Конституция, отмечалось, что каждый депутат может выступать на языке своего народа;stenографические же записи должны делаться и публиковаться на языке выступления и на македонском языке:

*Чл. 29. <...> Секој пратеник има право да зборуе **на јазикот на народот** на кој што припаѓа.*

*Чл. 63. <...> Стенографските белешки се печатат во едно издание. Секој говор мора да биде отпечатен **на јазикот на кој е изречен и на македонски јазик** [7].*

В принятой в 1946 г. Конституции НРМ (как и в Конституции ФНРЮ) отсутствовало положение об официальных языках, но за национальными меньшинствами закреплялось право на свободное использование своих языков. Кроме того, указывалось, что, хотя судебные заседания должны проходить на македонском языке, лицам, не владеющим македонским языком, предоставлялось право использовать свой собственный язык с предоставлением услуг переводчика:

*Чл. 12. Националните малцинства во Народна Република Македонија уживаат право и заштита на својот културен развиток и **на слободна употреба на својот јазик**.*

*Чл. 112. Постапката пред судовите во Народна Република Македонија се води **на македонски јазик**. Граѓаните што не го знаат **македонскиот јазик** можат да се служат **со својот јазик**. На тие граѓани им се обезбедува правото да се запознаат со целокупниот материјал и да ја следат работата на судот преку преводач [15].*

За время существования НРМ было принято три регламента работы Народного собрания (парламента) республики: в редакциях 1948, 1954 и 1958 гг. [4; 8; 9]. В каждой из них закреплялось право депутатов выступать на своих языках с уточнением, что выступления на языках меньшинств обеспечиваются переводом. В регламенте 1954 г. также содержались нормы о том, что все законы принимаются на македонском языке, на нем же выполняется текст печати парламента:

*Чл. 26. Секој народен пратеник има право да говори **на јазикот на народот** на кого му припаѓа.*

Говорите одржани на јазик на припадниците на националните малцинства веднаш се преведуваат.

Чл. 106. Законите и другите акти се донесуваат **на македонски јазик** и се објавуваат во «Службен весник на НРМ».

Чл. 118. Народното собрание има печат кој го содржи грбот на Народна Република Македонија околу кој е врезан напис **на македонски јазик**: «Народна Република Македонија – Народно собрание»... [9].

Заключение

Рассмотренные документы позволяют наблюдать достаточно неординарный подход к решению проблемы в этнически и политически крайне сложном регионе, на внутренние противоречия в котором накладывались внешние проблемы в виде притязаний на обладание этой территорией (или ее частью) со стороны соседних государств. Следует отметить и то, что появление на политической и лингвогеографической картах мира нового государства (пусть и в составе другого, федеративного) «нового» этноса и «нового» языка было также обусловлено стремлением решить не только внутренние проблемы, но и максимально воспрепятствовать притязаниям третьих стран (прежде всего, Болгарии). Эта проблема актуальна и сегодня: так, 12 декабря 2019 г. в Болгарской академии наук прошло заседание, посвященное официальному языку Республики Северная Македония, на котором было принято однозначное решение, что таковым языком является письменно-региональная норма болгарского языка: *«В този смисъл и позицията на БАН остава единодушна и непроменена – официалният език в РСМ е писмено-регионална норма на българския език»* [14].

Кроме того, анализ документов показывает пристальное внимание законодателей к проблеме использования языков национальных меньшинств. Это было обусловлено негативным опытом предшествовавшего периода королевской Югославии, когда отсутствие внимания к правам национальных меньшинств в итоге привело к резкому обострению межэтнических отношений и явилось одной из причин краха государства. Данная статья носит локальный характер, в т. ч. и с точки зрения хронологии, но, выходя за рамки рассматриваемого периода, отметим два момента. Первый. Межэтнические проблемы (наряду с экономическими) и сегодня являются едва ли не первостепенными для современной Македонии, отношения с соседними странами (Грецией, Албанией) также далеки от идеала. Второй. Несмотря на все существовавшие и существующие сложности, только Македония и Черногория сумели выйти из состава единой Югославии мирным

путем, избежав гражданской войны, что в целом может свидетельствовать о верности выбранного в свое время пути общественно-политического устройства республики и принципов выстраивания межэтнических взаимоотношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Konačni rezultati popisa stanovništva od 15 marta 1948 godine, knjiga IX: Stanovništvo po narodnosti. Beograd: Savezni zavod za statistiku FNRJ, 1955.
2. Popis stanovništva 1953. Knjiga 8, Narodnost i maternji jezik. Podaci za srezove prema upravnoj podeli u 1953 godini. Beograd: Savezni zavod za statistiku, 1959.
3. Popisnica // Службен лист на Федеративна Народна Република Југославија. 1953. № 4.
4. Деловник на Народното собрание на Народна Република Македонија // Службен весник на Народна Република Македонија. 1958. № 37.
5. Катунин Д.А. Равноправие этносов и языков в законодательстве Федерации Народной Республики Югославия (1946–1963 гг.) как один из основополагающих принципов создания государства // Русин. 2016. № 3 (45). С. 174–189. DOI: 10.17223/18572685/45/13
6. Одлука другог заседања антифашистичког већа народног ослобођења Југославије о изградњи Југославије на федеративном принципу. URL: <http://www.arhivyu.gov.rs> (датум прегледа: 21.08.2019).
7. Правилник за работењето на Уставотворното собрание на Народна Република Македонија // Службен весник на Народна Република Македонија. 1946. № 32.
8. Правилник за работата на Народното собрание на Народна Република Македонија // Службен весник на Народна Република Македонија. 1948. № 39.
9. Правилник за работата на Народното собрание на Народна Република Македонија // Службен весник на Народна Република Македонија. 1954. № 5.
10. Резолуција на Комисијата за јазик и правопис при Министерството на народната просвета, донесена на заседанието на 3 мај 1945 година, по прашанјето на македонската азбука // Службен весник на Федералната единица Македонија во демократска и федеративна Југославија. 1945. № 7–8.
11. Решение на Антифашиското собрание на народното ослободуење на Македонија за заведуење на македонскиот јазик како службен јазик во македонската држава // Службен весник на Федералната единица Македонија во демократска и федеративна Југославија. 1945. № 1.
12. Решение на Антифашиското собрание на народното ослободуење на Македонија како врховно законодателно и исполнително народно претставително тело и највисок орган на државната власт на демократска Македонија (ACHOM) // Службен весник на Федералната единица Македонија во демократска и федеративна Југославија. 1945. № 1.

13. Романенко С. Бошняци // Родина. 2001. № 1–2. С. 206–209.
14. Съобщение на Ръководството на Българската академия на науките // <http://www.bas.bg/2019/12/11> (дата на гledане: 25.08.2019).
15. Устав на Народна Република Македонија // Службен весник на Народна Република Македонија. 1947. № 1.
16. Устав Федеративне Народне Републике Југославије // Службени лист Федеративне Народне Републике Југославије. 1946. № 10.

REFERENCES

1. Yugoslavia. (1955) *Konačni rezultati popisa stanovništva od 15 marta 1948 godine, knjiga IX: Stanovništvo po narodnosti*. Belgrade: Savezni zavod za statistiku FNRJ.
2. Yugoslavia. (1959) *Popis stanovništva 1953. Knjiga 8, Narodnost i maternji jezik. Podaci za srezove prema upravnoj podeli u 1953 godini*. Belgrade: Savezni zavod za statistiku.
3. Yugoslavia. (1953) Popisnica. *Služben list na Federativna Narodna Republika Jugoslavija*. 4.
4. Macedonia. (1958) Delovnik na Narodnoto sobranie na Narodna Republika Makedonija. *Služben vesnik na Narodna Republika Makedonija*. 37.
5. Katunin, D.A. (2016) The equality of ethnic groups and languages in the laws of the Federal People's Republic of Yugoslavia (1946–1963) as a fundamental principle of the state formation. *Rusin*. 3(45). pp. 174–18 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/45/13
6. Serbia. (n.d.) *Odluka drugog zasedanja antifashističkog veća narodnog oslobođenja Jugoslavije o izgradnji Jugoslavije na federalnom principu*. [Online] Available from: <http://www.arhivyu.gov.rs> zhertv (Accessed: 21th August 2019).
7. Macedonia. (1946) Pravilnik za rabotenjeto na Ustavotvornoto sobranie na Narodna Republika Makedonija. *Služben vesnik na Narodna Republika Makedonija*. 32.
8. Macedonia. (1948) Pravilnik za rabotata na Narodnoto sobranie na Narodna Republika Makedonija. *Služben vesnik na Narodna Republika Makedonija*. 39.
9. Macedonia. (1954) Pravilnik za rabotata na Narodnoto sobranie na Narodna Republika Makedonija. *Služben vesnik na Narodna Republika Makedonija*. 5.
10. Yugoslavia. (1945) Rezolucija na Komisijata za jazik i pravopis pri Ministerstvoto na narodnata prosveta, donesena na zasedanieto na 3 maj 1945 godina, po prashanjeto na makedonskata azbuka. *Služben vesnik na Federalnata edinica Makedonija vo demokratska i federativna Jugoslavija*. 7–8.
11. Yugoslavia. (1945) Rešenie na Antifashiskoto sobranie na narodnoto oslobođenje na Makedonija za zaveduenje na makedonskiot jazik kako služben jazik vo makedonskata država. *Služben vesnik na Federalnata edinica Makedonija vo demokratska i federativna Jugoslavija*. 1.
12. Yugoslavia. (1945) Rešenie na Antifashiskoto sobranie na narodnoto oslobođenje na Makedonija kako vrhovno zakonodatelno i ispolnitelno narodno pretstavitelno telo i najvisok organ na državnata vlast na demokratska

Makedonija (ASNOM). *Služben vesnik na Federalnata edinica Makedonija vo demokratska i federativna Jugoslavija*. 1.

13. Romanenko, S. (2001) Boshnyatsi [The Bosnians]. *Rodina*. 1–2. pp. 206–209.

14. Bulgaria. (2019) *Sobshchenie na Rkovodstvoto na Blgarskata akademiya na naukite*. [Online] Available from: <http://www.bas.bg/2019/12/11> (Accessed: 25th August 2019).

15. Macedonia. (1947) Ustav na Narodna Republika Makedonija. *Služben vesnik na Narodna Republika Makedonija*. 1.

16. Yugoslavia. (1946) Ustav Federativne Narodne Republike Jugoslavije. *Službeni list Federativne Narodne Republike Jugoslavije*. 10.

Катунин Дмитрий Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории библиотечных и коммуникативных исследований Томского государственного университета (Россия).

Dmitry A. Katunin – Tomsk State University (Russia).

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

УДК 321: 316.4

UDC

DOI: 10.17223/18572685/58/17

РОССИЯ В УСЛОВИЯХ ПОВОРОТА К СЕТЕВОМУ ОБЩЕСТВУ: НОВЫЙ ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ ЗА ПРЕДЕЛАМИ СОВРЕМЕННОСТИ*

А.И. Щербинин

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: shai52@mail.ru

SPIN-код 6663-7914

Авторское резюме

В статье показано, как теоретические оценки глобальных вызовов, попав на почву революционных изменений в России 1990-х – начала 2000-х гг., были проигнорированы властвовавшей элитой. Обращаясь к таким эпифеноменам «политики за пределами современности», как постправда, популизм и др., автор предпринял попытку связать их с изменением морфологии общества, его деинституциализацией, перемещением центров политики с национального на локальный уровень и в этом плане возрастанием роли городов как субъектов реальной политики нового типа.

Ключевые слова: Россия, институты, сетевое общество, глобальный вызов, политика, постсовременность.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ, проект «Политическая социализация молодежи в университетских городах» № 19-011-31231.

RUSSIA IN THE TURN TO A NETWORK SOCIETY: NEW GLOBAL CHALLENGE BEYOND MODERNITY*

A.I. Shcherbinin

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: shai52@mail.ru

Abstract

The research demonstrates how the theoretical assessments of global challenges, having fallen on the ground of revolutionary fluctuations in Russia in the 1990s and early 2000s, were ignored by the ruling elite. The author turns to such epiphena of “politics beyond modernity” as *post-truth*, *populism*, and others, to connect them with a changed morphology of society, its deinstitutionalization, the shift of political centres from the national to the local level and an increasing role of cities as subjects of new realistic policy.

Keywords: Russia, institutions, network society, global challenge, politics, postmodernity.

Актуальность обращения к проблеме глобального поворота к сетевому обществу связана, прежде всего, со стремлением разобраться в социально-политической природе процессов, которые детерминируют реальное состояние и перспективы России как великой державы славянского мира. Оказывается, быть великой не значит оставаться лидером. Только последний год ознаменовался крупнейшим за обозримую историю расколом в культурной опоре России – православной церкви, переговорами без участия РФ по проблемам Северных Балкан, расширением Североатлантического альянса за счет славянских стран, затяжным конфликтом и нестабильными отношениями с ближайшими соседями-славянами. К экономической стагнации добавим и крупнейшие с 2012 г. московские протесты лета – осени 2019 г. Причина такой ситуации не только и не столько в «происках врагов» (хотя их не следует сбрасывать со счетов), сколько во внутренней неадекватной реакции на изменения, происходящие

*This paper is supported by the RFBR and ANO EISI, Project Nr. 19-011-31231 “Political Socialization of Youth in University Cities”. Nr. 19-011-31231.

в мире. Впрочем, Россия не является исключением: большинство стран и наднациональных образований сегодня подвержены более или менее чувствительным стрессам, которые по-прежнему пытаются объяснить, в т. ч. и теоретически, как разовые и случайные, а значит, поправимые с помощью силового воздействия или частичных уступок. В исследовании мы используем конструктивистский подход, дополненный интерпретацией теорий в контексте практических изменений российской политической реальности на протяжении трех десятилетий.

Сегодня, в условиях глобального увлечения риторикой сетевого общества, а также зафиксированности на эпифеноменах последнего, таких, как популизм и постдемократия, постправда и постполитика, стоит напомнить, что теории-сигналы об изменениях и теории, поставившие проблему глобальных общественных изменений, были презентованы в России тридцать лет назад. В теориях-сигналах стоит отметить постановку проблем Ульрихом Беком, задавшимся вопросом, почему современность стала перманентным конфликтом [2]; Э. Валлерстайном о «конце знакомого мира» [3]; Ф. Фукуямой о «конце истории и последнем человеке» и о лимите традиционных идеологий [12]. С той или иной степенью глубины эти работы рассматривали нетипичные изменения, находящиеся на обочине социальных процессов. Ответ не замедлил себя ждать: с разных методологических позиций и в разных интерпретационных системах появляются работы Баумана, Инглхарта, Кастельса, Моисеева и др. Отметим, что эти труды были достаточно известны отечественному читателю. Уточняя авторскую позицию, обозначенную в заголовке данной статьи, посвященной повороту к *сетевому обществу*, отметим важность комплексной оценки ключевых теорий социальных изменений, рассматривающих этот феномен под разными углами зрения. Сразу оговоримся относительно исторического контекста, в котором в этой статье рассматриваются эти теории, поскольку сегодня технологические и социальные изменения намного превзошли прогнозы. Отметим и то, что данные теории-объяснения были pragmatичнее и инструментальнее, нежели метафора постиндустриального общества Д. Белла или философские рассуждения касательно постмодерна Ж. Бодрийара, Ф. Лиотара и др. Тем не менее и эти последние пополнили дискурс социальных теорий, задавая общую тему для рефлексии характера социальных изменений.

Итак, 1991 г. в «Ежегоднике» Высших социологических курсов Института молодежи была опубликована статья Зигмунта Баумана «Социологическая теория постсовременности», где были описаны основы принципиально новой социальности, новой политики и но-

вой этики в условиях постмодерна [1]. Но ее появление совпало с Форосом, ГКЧП и последующим распадом страны. В 1993 г. в журнале «Полис» вышла статья академика Н.Н. Моисеева «Информационное общество: новые возможности и реальность», в которой констатировалась нерентабельность национальной экономики, основанной на добыче и торговле углеводородами [8]. Он писал уже тогда: «Передовые позиции начинают занимать те государства, которые способны выдвигать и реализовывать новые научные и технические идеи, создавать качественно новый и совершенный промышленный продукт, обеспечивать для него рынок, прежде всего, внутренний рынок». И Н.Н. Моисеев обращается к правительству: «Развитие прецизионных технологий, основанных на информатизации и культуре труда, – наш единственный шанс не сорваться в трущобы третьего мира. Повторю еще раз. Единственный наш шанс: опереться на главный природный ресурс – интеллект и образованность народа и заставить правительство всеми силами поддерживать такую ориентацию. Нет проблемы более важной, чем образование и воспитание народа, формирование мастера, даже в условиях кризиса экономики» [8: 7–8]. Но у нас в 1993 г. правительство возглавлял В.С. Черномырдин, чьи интересы были направлены в совершенно другую сферу, а президент Б.Н. Ельцин был занят войной (не метафорической) с парламентом и перекройкой политической структуры в условиях кризиса.

В 2000 г. в журнале «Мир России» вышла статья М. Кастельса и Э. Киселевой «Россия и сетевое общество», в которой аргументированно обозначен свершившийся поворот к новой эпохе [5]. Авторы не сомневались, что и Россия делает поворот от индустриального к сетевому обществу, но были озадачены вопросом: какого типа сетевое общество возникнет в ней в условиях двойной трансформации – научно-технологической и социальной. Относительно второй – трансформации от этатизма к капитализму – у них не было иллюзий. Они не приукрашивали карикатурный российский капитализм и не скрывали цену, которую страна заплатила за это. С одной стороны, «продолжительность жизни мужчин в РФ сократилась с 65 лет в 1987 г. до 58,3 в 1995 г.» (беспрецедентное падение). Согласно данным Всемирного банка, Россия по продолжительности жизни заняла в 1995 г. 136-е место из 188. Вдобавок, «рождаемость в России сократилась с 2,2 в 1987 г. до 1,4 в 1995 г. Из-за смертности и падения рождаемости население России сокращается, теряя 160 тыс. чел. в год, и если эти тенденции сохранятся, то к 2020 г. россиян будет менее 135 млн» [5: 40–41]. Сверая прогноз авторов относительно численности населения с актуальными данными Росстата, мы видим, что они ошиблись на 11 млн чел. И это лишь малая часть цены перехода.

С другой стороны, в статье показан чудовищный бюджетный коллапс, переход на бартер в расчетах с работниками и партнерами, долги и своему населению, и западным кредиторам, отмечалось, что посредниками в займовых операциях и выстраивании олигархической экономики были «молодые авантюристы». Сам процесс обустройства новой экономики М. Кастельс и Э. Киселева назвали «варварское накопление». Т. е. фиксируется то, о чем предупреждал Н.Н. Моисеев: страна оказалась отброшенной в лагерь «третьего мира». Самое время бы присмотреться к такой оценке, дать основу для стратегии России. Но в то время у нас, переживших дефолт, чехарду премьер-министров, уход в отставку Ельцина, блеснула надежда на оздоровление общества, связанная с новым президентом. В архаическом обществе и коллективные представления типичны. У скандинавов Средневековья хронологический век мерялся жизнью правителя, а для нашей культуры политическая смерть равна физической, поэтому чаяния «нового века», совпавшего с миллениумом, надежды на улучшения жизни были вполне объяснимы. Не будем писать о том, насколько был «скорректирован» курс и каковы результаты этого, поскольку задача статьи – показать глобальные вызовы, в т. ч. сигналы об их наступлении.

Очевидно, что в силу различных предпосылок, среди которых нами выделены были преимущественно политические, Россия упустила важные сигналы о том, что мир меняется в глобальном масштабе. Каковы же эти главные изменения и новые главные вызовы?

Пришедшая на смену модерну новая эпоха завершила превращение маловостребованных институтов (о чем детально писал Р.Инглхарт [4] в связи с осмыслением перехода от ценностей модерна к постмодерну) в некий сонм богов, обращение к которым держалось на традиции и схеме элементарных знаний, сильно приправленных верой в их необходимость. «Институты покоятся в просторных мавзолеях», – писали К.А. Нордстрем и Й. Риддерстрале, при этом парадоксально ожидавшие, что институты «должны меняться» [9: 85–86]. В числе таких закрепленных традицией абстракций оказались институт капитализма, семья и брак, классы и партии. Одним из последних свои позиции сдало государство, о чем писали Бауман [1: 39–40], Кастельс и Киселева [5: 24–25]. И все же в главном вопросе эти авторы существенно расходятся. Для Кастельса и Киселевой сетевое общество – ранний, становящийся этап, аналогичный первоначальному индустриализму с его еще не окостеневшими нормами и институтами, где «быть верующим значит творить веру» [5: 25]. Следовательно, сеть должна превратиться в структуру. Для Баумана постсовременное общество – это совершенно иной тип общества,

даже не «общества», а «социальности»: «Я предлагаю, чтобы термины "социальность" (sociality), "среда" (habitat), "самоконструирование" и "самособирание" стали центральными в социологической теории постсовременности. Они должны занять место, которое ортодоксальная современная социальная теория зарезервировала для таких категорий, как "общество", "нормативная группа" (например, класс или община), "социализация" или "контроль"» [1: 33]. В любом случае подвижность, нестабильность общественных отношений, смена авторитетов, перекомпоновка жизненных планов – те черты, которые проявляются в настоящее время. Надо отметить, что Бауман, по крайней мере, настаивал на том, что политика в постсовременности не исчезает. Более того, она из эпифеномена социальности в обществе, жестко привязанного к национальному государству в эпоху модерна, превращается в повседневную деятельность народа и органично вписывается в динамичную общественную жизнь постсовременности с ее ставшими еще многообразнее конфликтами, протестами, оперативным принятием решений и т. п.

Филип Кук указывал, что наряду с материальными причинами таких перемен следует учитывать и культурные (идейные), «возникающие при ниспровержении старого порядка». В социальном плане перемены приводят к «переформатированию»: высвобождение рабочей силы структурирует трудовые ресурсы общества по модели «песочных часов» – расширяющийся класс служащих, сужающийся класс рабочих и расширяющийся низший класс безработных, полу занятых и т. п. Это вполне подходит под общую тенденцию казуализации (случайности) производственных отношений, где гибкость и сверхэксплуатация являются спутниками труда беднейших слоев населения [7]. Дэвид Б. Кларк отмечает, что постмодерн делает нестабильность постоянной. Новая социальная структура (по Кларку, классы не исчезают, они разрастаются вдоль новых осей, мы бы сказали, по линиям сети), постепенно обретает свою, отличную от классических образцов и сконструированных партийных идеалов, идеологию и свои формы протesta [6]. И в этом плане, на наш взгляд, все большую роль начинают играть сети, не только как направления смены морфологии класса, но и как альтернатива структуре.

Итак, в координатах «социальности» как внеинституционального агрегатного состояния общества, нестабильности, сетевого принципа объединения порождаются новые отношения. Строго говоря, сама структура, не терпящая амбивалентности, презентирующая собой силу порядка в высшем понимании данного слова, уходит вместе с индустриальной эпохой. Структура как гарантия долгосрочности, перспективы относительной стабильности не вписывается в жизнь

сегодняшнего дня. Напротив, воцаряются «постоянные чувства недовольства, аномии, беспокойства и отчуждения» [11: 41]. А вслед за ними приходят непонимание ценности своего труда, боязнь долговременных задач и обязательств [11: 45], ослабление связи между поколениями и сверстниками [11: 46]. Не подкрепленная долговременными социальными связями и передаваемым из поколения в поколение опытом сводится на нет социальная память. Самое время нам использовать расхожий аргумент о том, что вся информация есть в Интернете, и дальше писать именно о социальных сетях в нём, но Гай Стэндинг отмечает, что Интернет не компенсирует этой утраты социальной памяти – того, куда человек возвращается из «сегодня», как Мировая паутина не способствует образованности и формированию индивидуальности. И поэтому сознание, подвергаемое бомбардировке адреналиновых всплесков, теряет важную способность увязывать прошлое, настоящее и воображаемое будущее [11: 40].

Особое внимание все указанные выше авторы уделяли городам, но последние выполняли в их работах (за исключением Кука и Кларка) скорее функцию «сцены» для описываемых изменений. И только с массовыми терактами и превращением популизма в повсеместное и повседневное явление на город стали не просто обращать внимание: сегодня целый ряд исследователей уже признает за ним роль одного из ключевых акторов новой политики. Так, в 2018 г. по проекту «PODESTA» (аббревиатура составлена из первых двух букв слов *POpulismus, DEMokratie, STAdt*) исследовательский коллектив из Восточной Германии опубликовал рабочие тетради под названием «Городской популизм: потенциальная опасность» [14]. Именно города и становятся местами кризиса демократии, и в то же время сохраняют потенциал проектных лабораторий правового регулирования. Именно в них сгущается популизм, и в социальном организме образуются популистские разрывы. И авторы рабочих тетрадей презентуют правомерную постановку исследовательской задачи: почему отдельные политические акторы (социально экс- или инклюзивно) обратились к популистским взглядам?

На наш взгляд, такая постановка проблемы и работа по ее решению очень важны для эмпирического подтверждения своеобразия внутри общей тенденции для городов постиндустриальной эпохи. Одновременно с подобными попытками существуют достаточно убедительные теоретические объяснения новых явлений, таких, как выступления народа (горожан) против нынешней модели представительной (либеральной) демократии. Но в большей степени, по нашему мнению, заслуживают внимания идеи возвращения городу политической субъектности. Так, К. Навратек, автор монографии

«Город как политическая идея», исходит уже изозвучных нашей концепции перемен, когда корпорации получают не просто большие, но исключительные права по сравнению с горожанами. У Кларка это образ защищенной «башни» [6].

В условиях миграции населения ситуация осложняется исключением из политики горожан, которые на уровне «пользователя» благами (образование, медицина, безопасность, пособия и т. п.) уже являются гражданами-потребителями, но не обладают политическими правами на национальном уровне. Однако, заявляет Навратек, это не значит, что они автоматически исключены из локальной, городской политики. И здесь мы вновь находим иллюстрацию поднятой нами проблемы о противоречиях между институциональным и постиндустриальным подходами. Речь идет об одном из доминирующих направлений в градостроительной политике – Новом урбанизме. Навратек утверждает: «Новый урбанизм основан на неправильной устаревшей идее сообщества. Он отвергает не только полиэтническое многообразие... но и игнорирует тот факт, что люди приходят и уходят, у нас огромное количество пользователей городов – таких, как студенты, туристы, иммигранты – непостоянные жители. Городские пространства – это редко места, где люди живут годами. Современное городское общество не вписывается в модель Нового урбанизма, которая считает гражданство очень стабильным с постоянными культурными связями. Наивность не для мира, каким он сейчас является» [13].

На фоне этих глобальных перемен особенностью вхождения России в постсовременность явилась коренная ломка социального строя, когда вера (привычка) в одни устои и, казалось бы, незыблемые институты не была подкреплена личными (и особенно общественными) целями новой реальности. Стало очевидным, что государство превратилось в одну из заинтересованных и самых привилегированных сторон в приватизации, свертывании социальных программ. И в этой обстановке отметим ценностно-социальный откат к архаике, являющейся для российской политической культуры своего рода матрицей, так и неразрушенной советским вариантом индустриализма. Казалось бы, полярное противостояние архаики и постмодерна парадоксальным образом уживается, создавая новые возможности и нагромождая новые риски. Войдя в эпоху постмодерна, Россия столкнулась с иными механизмами стратификации и новым характером социальных отношений, во многом переконструировав нарушенные радикальными реформационными процессами привычные социально-экономические связи.

Завершая, хочется сказать, что российская элита гонится за модными теориями (даже не теориями, а за словами – наша часть научного

сообщества не богата на продвижение теорий). Сегодня у нас слабо обстоит дело с теоретико-методологической или, грубее, с теоретико-идейной проработкой вопроса. Может, еще и поэтому мы упустили теории-сигналы и практически одновременно с ними теории-объяснения? Именно они свидетельствовали о том, что морфология мира кардинально поменялась. Выведя индустриальное производство за пределы ойкумены «золотого миллиарда», финансово-промышленный капитал уничтожил индустриальную основу старого миропорядка с его системностью, стабильностью, институциональностью. То, что было начато вторым и третьим мирами, довершил искусственный интеллект. Вместо мира-системы – мир-сеть, где уже давно идет игра по новым правилам в обход старых законов. У мира-сети нет политического центра принятия решений, любой узел сети может инициировать новации. У сети, в отличие от системы, нет установленных границ. Ее характерной чертой является приращение. Сетевая картина далека от благополучия или искусственной возбужденности в системной картине. И даже если государство обживается в этом мире-сети [10], оно предпочитает сохранять свою институциональную природу в отношении общества, являющегося главным донором привычного государственной связи *господства-подчинения*. Поэтому конфликты иного порядка, целью которых будет государство-институт, гарантированы на ближайший обозримый период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман З. Социологическая теория постсовременности // Социологические очерки. Ежегодник. М.: Институт молодежи, 1991. Вып. 1. С. 28–48.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
3. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология XXI века. М.: Логос, 2004. 368 с.
4. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // ПОЛИС. Политические исследования. 1997. № 4. С. 6–32.
5. Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество. Аналитическое исследование // Мир России. 2000. № 1. С. 23–51.
6. Кларк Д.Б. Потребление и город, современность и постсовременность // Логос. 2002. № 3–4. URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/klark.html> (дата обращения: 5.09.2019).
7. Куك Ф. Модерн, постмодерн и город // Логос. 2002. № 3–4. URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/kuk.html> (дата обращения: 5.09.2019).
8. Мусеев Н.Н. Информационное общество: возможности и реальность // ПОЛИС. Политические исследования. 1993. № 3. С. 6–14.
9. Нордстрём К.А., Ридерстралле Й. Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет

под дудку таланта. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2002. 287 с.

10. Соловьев А.И. Политическое «разрушение» государственности, или «Ноев ковчег» постсовременности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 200–209.

11. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.

12. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: ACT Ермак, 2005. 588 с.

13. City as a political idea: An interview with Krysztof Nawratek. URL: The New Metropolitan.html (дата обращения: 14.08.2019).

14. Urbaner populismus? Das Gefahrenpotential der Stadtdentwicklung, Aug. 2018. URL: http://www.podesta-projekt.de (дата обращения: 4.10.2019).

REFERENCES

1. Bauman, S. (1991) Sociologicheskaya teoriya postsovremennosti [Sociological theory of postmodernity]. *Sociologicheskie ocherki*. 1. pp. 28–48.

2. Beck, U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modern* [Risk Society. On the way to another Art Nouveau]. Translated from German. Moscow: Progress-Traditsiya.

3. Wallerstein, I. (2004) *Konets znakomogo mira: sotsiologiya XXI veka* [The End of the Familiar World. Sociology of the 21st century]. Translated from German. Moscow: Logo.

4. Inglehart, R. (1997) Postmodern: menyayushchesya cennosti i izmenyayushchesya obshchestva [Postmodern: changing values and changing societies]. *POLIS. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 1997. Nr. 4. pp. 6–32.

5. Castells, M. & Kiseleva, E. (2000) Russia and the network society. Analytical research. *Mir Rossii – Universe of Russia*. 1. pp. 23–51 (in Russian).

6. Clarke, J.B. (2002) Potreblenie i gorod, sovremennost' i postsovremennost' [Consumption and the city, modernity and postmodernity]. *Logos*. 3-4. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/klark.html> (Accessed: 5th September 2019).

7. Cook, F. (2002) Modern, postmodern i gorod [Modern, postmodern and the city]. *Logos*. 3-4. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/kuk.html> (Accessed: 5th September 2019).

8. Moiseev, N.N. (1993) Informatsionnoe obshchestvo: vozmozhnosti i real'nost' [Information Society: Opportunities and Reality]. *POLIS. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 3. pp. 6–14.

9. Nordstrom, K.A. & Ryderstralle, J. (2002) *Biznes v stile fank. Kapital plyashet pod dudku talanta* [Funky Business: Talent Makes Capital Dance]. Translated from English. St. Petersburg: Stockholm School of Economics in St. Petersburg.

10. Solovyev, A.I. (2019) The Political “Destruction” of Statehood, or The “Noah's Ark” of Postmodernity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*.

siteta. *Filosofiya. Sociologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 50. pp. 200–209 (in Russian). DOI: 10.17223/1998863X/50/17

11. Standing, G. (2014) *Prekariat: novyy opasnyy klass* [The Precariat: The New Dangerous Class]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem Press.
12. Fukuyama, F. (2005) *Konets istorii i posledniy chelovek* [The End of History and the Last Man]. Translated from English by M.B. Levin. Moscow: AST Ermak.
13. Nawratek, K. (n.d.) *City as a political idea: An interview with Krysztof Nawratek.* [Online] Available from: The New Metropolitan.html (Accessed: 14th August 2019).
14. Germany. (2018) *Urbaner populismus? Das Gefahrenpotential der Stadtentwicklung, Aug. 2018.* [Online] Available from: <http://www.podesta-projekt.de> (Accessed: 4th August 2019).

Щербинин Алексей Игнатьевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Томского государственного университета (Россия).

Aleksey I. Shcherbinin – Tomsk State University (Russia).

E-mail: shai52@mail.ru

УДК 323.1

UDC

DOI: 10.17223/18572685/58/18

МОЛДАВИЯ: ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА, ПАРТИЙНЫЙ КРУГОВОРОТ И ОЛИГАРХИЧЕСКИЙ РЕЖИМ (1991–2019 гг.)*

В.П. Зиновьев¹, С.Г. Суляк², Е.Ф. Троицкий³

^{1,3} Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: eft@rambler.ru

³ E-mail: vpz@tsu.ru

² Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Авторское резюме

В статье рассматриваются проблемы внутриполитической борьбы в Республике Молдова в 1991–2019 гг. Авторы показывают, что обретшая независимость страна находится в поисках своего пути развития и определения своего места в Европе. Одна часть молдавского общества стремится интегрироваться в Евросоюз и войти в состав Румынии, другая – ориентирована на тесное сотрудничество с Евразийским союзом и Россией. Ситуация осложняется вмешательством внешних сил и последствиями вооруженного конфликта в Приднестровье, приведшего к расколу страны на индустриальное-аграрное левобережье Днестра и аграрное правобережье.

Примерное равенство противоборствующих сил привело к политической нестабильности, стагнации экономики, а слабость государственных структур – к господству олигарха В. Плахотнюка, взявшего под свой контроль парламент и правительство страны. На президентских выборах в 2016 г. победил социалист И. Додон, взявший курс на восстановление связей с Россией.

В результате парламентских выборов 2019 г. сторонники европейской интеграции, партия В. Плахотнюка и социалисты получили примерно равное число голосов.

* Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

Ключевые слова: Молдавия, Приднестровье, Гагаузия, русский язык, межнациональный конфликт, внутренняя политика, румынизация, И. Додон, В. Плахотнюк.

REPUBLIC OF MOLDOVA: INTERNAL DYNAMICS, PARTY CIRCULATION AND OLIGARCHIC REGIME (1991–2019)*

V.P. Zinovyev¹, S.G. Sulyak², E.F. Troitskiy³

^{1,3} Tomsk State University

Russia, 634050, Tomsk, Lenin ave., 36

¹ E-mail: vpz@tsu.ru

³ E-mail: eft@rambler.ru

² St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

The paper discusses the problems of the internal political struggle in the Republic of Moldova in 1991–2019. It is shown that independent Moldova is in search of its own path of development and determination of its place in Europe. One part of Moldovan society seeks to integrate into the European Union and enter Romania; the other part focuses on close cooperation with the Eurasian Economic Union and Russia. The situation is complicated by the interference of external forces and the consequences of the armed conflict in Transnistria, which led to the split into the industrial left bank of the Dniester and its agricultural right bank. The approximate equality of the opposing forces led to political instability and economic stagnation. The weakness of the state structures promoted the oligarch V. Plahotniuc, who took control of the parliament and government of Moldova. In the presidential election in 2016, socialist I. Dodon won, taking a course towards restoring ties with Russia. The parliamentary elections of 2019 resulted in equal votes for the supporters of European integration, V. Plahotniuc's party and Socialists.

Keywords: Moldova, Transnistria, Gagauzia, Russian language, interethnic conflict, internal politics, Romanization, I. Dodon, V. Plahotniuc.

* The results were obtained in the framework of the government contract of the Ministry of Education and Science of Russia, Project Nr. 33.1687.2017/4.6.

В статье рассматривается бурная динамика внутриполитического развития Молдавии, самой малой после Армении по территории и численности населения страны СНГ. Предпринимается попытка проследить эволюцию внутриполитической борьбы в республике, приведшей к формированию специфического политического режима, сочетающего электоральную демократию и политическую конкуренцию с олигархическим контролем над принятием ключевых политических и экономических решений, и оценить перспективы дальнейшего развития молдавской государственности.

По показателю ВВП на душу населения, рассчитанному по паритету покупательной способности, Молдавия занимает 162-е место в мире, следя за Анголы и Конго, и является беднейшим государством Европы [42]. От 25 до 40 % населения РМ работают за рубежом, а денежные переводы от трудовых мигрантов оцениваются в 15–20 % ВВП страны [3]. Проблема для страны – продолжающаяся утечка экономически активного населения. По темпам миграционного оттока населения (9,3 из 1000 чел. в 2018 г.) Молдавия является абсолютным рекордсменом постсоветского пространства и входит в число пятнадцати стран – мировых «лидеров» [42]. В докладе Всемирного банка «2019. Migration and Brain Drain» («Миграция и утечка мозгов») отмечается, что число эмигрантов из Республики Молдова составляет 24 % (1 млн чел. от общей численности населения страны). 83,2 % молдаван, выехавших за рубеж, отправились в Российскую Федерацию, Италию, Португалию [53].

Тяжелое социально-экономическое положение страны обусловило политическую нестабильность. Обычная для постсоветских стран борьба за методы и темпы проведения реформ в ней была отягощена приднестровским конфликтом. Восточнороманскому населению Молдавии приходится также отвечать на вопрос: кто они, молдаване или румыны? Причем вопрос этот в большей степени политический. Несмотря на проводящуюся все годы независимости румынизацию, большинство населения страны продолжает считать себя молдаванами – 2 564 849 (75,8 %) по данным переписи 2004 г. и 2 068 058 (73,7 %) – по переписи 2014 г. Румынами себя обозначили соответственно 73 276 (2,2 %) и 192 800 (6,9 %) чел.¹ [35: 146–147]. Не способствует внутренней стабильности и лингвистический раскол, несмотря на то, что русский язык является родным для 380 796 граждан Молдавии (11,3 %) из 3 383 332 чел., участвовавших в переписи 2004 г., и 263 523 (9,4 %) из 2 804 801 чел. – по данным переписи 2014 г. (без учета Приднестровья). На русском, как показали данные переписи 2004 г., обычно разговаривают 540 990 (16 %) чел. и 394 133 (14,1 %) – по переписи 2014 г. [32]. К русскоязычному

населению относится не только большая часть национальных меньшинств, но и представители титульного этноса. Согласно переписи 2004 г., русский язык является материнским для 63 290 молдаван, а 128 372 обычно на нем разговаривают [49: 301, 328]. Несмотря на это, ранее принятые языковые законодательство в отношении русского языка не выполнялось, область его применения постоянно сужается, в т. ч. и в учебных заведениях, прекратил действие ряд нормативных актов, в которых определялся порядок функционирования и сферы использования русского языка, во вновь принимаемых законах это уже не прописывается.

Прорумынские настроения активизировались в молдавском обществе в начале перестройки. В 1988 г. на общем собрании творческих союзов в здании Союза писателей Молдавии было создано «Демократическое движение в поддержку перестройки», которое, объединившись с музыкально-литературным клубом «Алексей Матеевич», в мае 1989 г. стало Народным фронтом Молдовы. Возглавили НФМ писатели, поэты, музейные работники, филологи, театральные деятели. Он развивался по образцу прибалтийских. В начале НФМ выступал под лозунгами поддержки курса КПСС на перестройку и ленинской национальной политики, поднимал вопросы экологии и культуры (в частности, признания молдавского языка государственным и перехода на латинскую графику). Вскоре на демонстрациях красные флаги и портреты М.С. Горбачева сменились румынским триколором. На учредительном съезде фронта осуждался «Пакт Риббентропа – Молотова», на II съезде (30.06–1.07.1990 г.) был принят запрет на одновременное членство в двух политических формированиях (имеется в виду, параллельное членство в КПСС). Это привело к массовому выходу членов НФМ из рядов КПСС [38: 43–44]. После создания НФМ было учреждено еще несколько организаций, также ставивших своей целью присоединение Молдавии к Румынии. В 90-х гг. XX в. НФМ собирал многотысячные митинги, на которых открыто звучали призывы, разжигавшие межнациональную рознь. Один из популярных лозунгов тех лет применительно к русскоязычному населению Молдавии звучал так: «Чемодан – вокзал – Россия» [34: 12].

С самого начала НФМ симпатизировали влиятельные члены правительства и партийного руководства республики, такие, как первый секретарь кишиневского горкома Н. Цыу, секретарь ЦК КПМ по сельскому хозяйству М. Снегур, народные депутаты СССР протоиерей П. Бубуруз и писатель И. Друцэ [16: 13].

В противовес Народному фронту в июле того же года было создано движение Молдавии «Унитате-Единство» (с 1991 г.

– движение за равноправие «Унитате-Единство»). Интердвижение боролось за сохранение двуязычия, равноправное развитие и функционирование языков и культур национальных меньшинств в местах их компактного проживания, а также выступало в поддержку молдавской идентичности [14: 332; 40: 46–48]. В его составе были не только представители национальных меньшинств, но и молдаване. На предприятиях действовали Советы трудовых коллективов (СТК). На юге республики в мае 1989 г. возникло движение «Гагауз Халкы» («Гагаузский народ»), в состав которого вошли представители не только гагаузского народа, но и других национальностей. 12 ноября 1989 г. состоялся Чрезвычайный съезд представителей гагаузского народа, на котором было принято решение об образовании Гагаузской Автономной Советской Социалистической Республики в составе Молдавской ССР. На следующий день Президиум Верховного Совета МССР отменил решения съезда, объявив его антиконституционным [1: 37–39].

В августе 1989 г. в республике началось массовое забастовочное движение против принятия закона о придании статуса государственного только одному языку – молдавскому. К этому движению к 29 августа 1989 г., ко дню открытия сессии Верховного Совета, присоединилось до 170 предприятий, более 400 трудовых коллективов заявили о солидарности с бастующими [14: 332–333]. Несмотря на протесты, парламент 31 августа 1989 г. принял законы «О возврате молдавскому языку латинской графики» (хотя молдавский язык изначально функционировал на кириллице) и «О статусе государственного языка Молдавской ССР», где молдавский язык провозглашался государственным. 1 сентября 1989 г. был принят закон «О функционировании языков на территории Молдавской ССР», в котором русский язык был обозначен как язык межнационального общения в СССР и, согласно закону, «используется на территории республики наряду с молдавским языком как язык межнационального общения, что обеспечивает осуществление реального национально-русского и русско-национального двуязычия» [9].

После принятия этих законов в забастовочное движение включились новые предприятия, однако 21 сентября, когда стало ясно, что руководство Коммунистической партии Молдавии (КПМ) не поддерживает сохранение реального билингвизма, забастовочное движение прекратилось [14: 333].

По итогам выборов 1990 г. в Верховный Совет республики Народный фронт, получив 25 % голосов, вступил в сговор с руководством КПМ. Верховный Совет был переименован в парламент. Председателем парламента стал М. Снегур, вышедший из КПСС. С мая

1990 г. по май 1991 г. правительство возглавил М. Друк, руководивший парламентской фракцией НФМ и инициировавший массовые увольнения работников, не владевших государственным языком. В декабре 1991 г. он возглавил Национальный совет воссоединения. В феврале 1992 г. М. Друк избирается председателем Христианско-демократического народного фронта Молдовы.

Националисты блокировали парламент, угрожали депутатам, выступавшим за равноправие и молдавскую идентичность, оскорбляли их. Из-за этого в работе парламента прекратили участвовать около 40 % депутатов [14: 334]. Парламент принял постановление «О заключении Комиссии Верховного Совета ССР Молдова по политico-юридической оценке советско-германского договора о ненападении и Дополнительного секретного протокола от 23 августа 1939 года, а также их последствий для Бессарабии и Северной Буковины», в котором говорилось, что «СССР оккупировал силой оружия Бессарабию и Северную Буковину вопреки воле населения этого края», и подчеркивалось «незаконное провозглашение 2 августа 1940 г. Молдавской ССР» [26]. В учебных заведениях республики вводится курс истории румын.

В ответ на угрозу присоединения страны к Румынии 19 августа была провозглашена Гагаузская, 2 сентября 1990 г. – Приднестровская Молдавская Советская Социалистическая Республика (ПМССР). В октябре М. Друк организовал неудачный «поход» волонтеров на юг Молдавии, а молдавская полиция инициировала конфликт с Приднестровьем, применив 2 ноября оружие против рабочих-дружинников из Дубоссар [14: 334–335].

Несмотря на запрет молдавских властей на проведение референдума 17 марта 1991 г. о будущем ССР, движение «Унитате-Единство» при поддержке СТК провело его в Кишиневе, также он прошел в других населенных пунктах. В Приднестровье и Гагаузии он был проведен местными властями. За сохранение ССР проголосовало 950 тыс. граждан республики, 33 % всех имевших право голоса [14: 336; 40: 154–164].

В декабре 1991 г. в Молдавии на безальтернативной основе прошли первые всенародные президентские выборы, на которых М. Снегур был избран главой государства [14: 336].

Руководство страны начало процесс объединения с Румынией. В августе 1991 г. М. Снегур заявил в интервью французскому журналу «Le Figaro»: «Независимость – это, конечно, временный период. На первых порах будут существовать два румынских государства, но это будет длиться недолго. Я повторяю еще раз, что независимость является этапом, а не целью» [38: 56]. Государственным флагом рес-

публики стал идентичный румынскому триколор, а гимном – румынский «Deșteaptă-te, române!» («Пробудись, румын!»).

С помощью Румынии в 1992 г. была создана и поддерживается Бессарабская митрополия Румынской православной церкви [33: 24].

Однако в то время большинство населения Молдавии не хотело объединяться с Румынией, у которой было немало своих проблем. Опрос населения, проведенный в сентябре 1992 г., показал, что объединение с Румынией считали неизбежным 8 %, возможным – 11 %, желательным, но после переходного периода – 20 %, нежелательным – 52 %. Опросы службы «Opinia» («Мнение») дали следующую динамику удельного веса лиц, видевших будущее Молдавии в объединении с Румынией: в феврале 1991 г. – 3,1 %, в феврале 1992 г. – 9,4 %, в январе 1993 г. – 7,7 % и в феврале 1994 г. – 5,6 % [38: 62].

27 августа 1991 г., после неудачного путча 19–21 августа, республика провозгласила независимость. В принятой парламентом «Декларации о независимости Республики Молдова» снова подчеркивалась «незаконность» присоединения Бессарабии к СССР и создания МССР: «не спросив население Бессарабии, севера Буковины и области Херца, насильственно захваченных 28 июня 1940 года, а также население Молдавской АССР (Заднестровья), образованной 12 октября 1924 года, Верховный Совет СССР, даже в нарушение своих конституционных полномочий, принял 2 августа 1940 года закон СССР "Об образовании союзной Молдавской ССР"». Также в ней было заявлено «о провозглашении румынского языка государственным и о возврате ему латинского алфавита» со ссылкой на закон «О статусе государственного языка МССР» [10], хотя в последнем государственный язык был назван молдавским.

Чуть раньше, 23 августа, была распущена КПМ. После беловежских соглашений, подписанных руководством трех союзных республик (России, Белоруссии и Украины), о денонсации союзного договора и о создании Содружества Независимых Государств (СНГ) руководство Молдавии предприняло попытку решить приднестровскую и гагаузскую проблемы силовым путем. 19 июня 1992 г. в Бендеры вошли молдавские полиция и армия, начались бои. Благодаря позиции командующего 14-й российской армии генерал-майора А. Лебедя удалось приостановить военные действия. 21 июля в Москве президентами России и Молдавии Б. Ельциным и М. Снегуром, в присутствии лидера Приднестровья И. Смирнова, было подписано соглашение «О принципах урегулирования вооружённого конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова». Это помогло избежать полномасштабной гражданской войны. Во время военных действий в Приднестровье погибло более 1000 чел., из них около

400 мирных жителей [14: 336, 338–339]. В ходе военных действий было частично разграблено 92 предприятия, разрушено 126 предприятий, 427 квартир и частично разрушено 1812 жилых домов. Материальный ущерб, нанесенный Приднестровью, составил, как минимум, 7 547 457 долл. США [2: 166].

Приднестровский конфликт, к сожалению, до сих пор до конца не урегулирован. В молдавском законодательстве статус Приднестровья не оформлен. Хотя в Конституции РМ, в ст. 110 (2) «Административно-территориальное устройство», задекларировано, что «населенным пунктам левобережья Днестра могут быть предоставлены особые формы и условия автономии в соответствии с особым статусом, установленным Органическим законом» [21]. В законе «Об основных положениях особого правового статуса населенных пунктов левобережья Днестра (Приднестровья)», принятом молдавским парламентом 22 июля 2005 г., говорится, что этот закон является «основой для разработки и принятия закона Республики Молдова об особом правовом статусе Приднестровья» [12], который так и не был принят.

Гагаузии в этом плане повезло больше. Парламент Республики Молдова принял 23 декабря 1994 г. закон «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)», вступивший в силу 14.01.1995 г. В нем, в ст. 1., записано: «(1) Гагаузия (Гагауз Ери) – это территориальное автономное образование с особым статусом как форма самоопределения гагаузов, являющееся составной частью Республики Молдова. (2) Гагаузия в пределах своей компетенции самостоятельно решает вопросы политического, экономического и культурного развития в интересах всего населения». Также в п. 4 этой статьи подтверждено, что «в случае изменения статуса Республики Молдова как независимого государства народ Гагаузии имеет право на внешнее самоопределение». В ст. 3. зафиксировано, что «(1) Официальными языками Гагаузии являются молдавский, гагаузский и русский языки. Наряду с официальными языками на территории Гагаузии гарантируется функционирование и других языков. (2) Переписка с органами публичного управления Республики Молдова, предприятиями, организациями и учреждениями, расположенными за пределами Гагаузии, осуществляется на молдавском и русском языках» [11].

После распада СССР Молдавия оказалась в тяжелом кризисе – не только политическом, но и экономическом. В октябре 1993 г. фракции «Сельская жизнь» и «Согласие» проголосовали за досрочный распуск парламента. В период между распадом Советского Союза и парламентскими выборами, состоявшимися в феврале 1994 г., возникли новые партии. Аграрно-демократическая партия Молдовы

(АДПМ сформировалась в 1991 г. как партия руководителей колхозов и предприятий аграрно-промышленного комплекса). В августе 1992 г. была создана Социалистическая партия Молдовы (СПМ), куда вошли многие бывшие члены КПМ. Сторонники объединения с Румынией раскололись. Часть унионистов, формально не входивших в НФМ, образовали ряд партий. Некоторые из них (Конгресс интеллигентии Республики Молдова, Альянс свободных крестьян, Христианско-демократическая лига женщин Молдовы, Национально-либеральная партия) образовали избирательный блок «Блок крестьян и интеллектуалов», получивший 11 мест в парламенте. НФМ в феврале 1992 г. на III съезде изменил название на Христианско-демократический народный фронт (ХДНФ). В основанный им избирательный блок вошли Движение волонтеров Республики Молдова и Организация христианско-демократической молодежи. Блок получил 9 мандатов в парламенте. Прорумынские партии потерпели серьезное поражение, получив в общей сложности 17 % голосов (20 мандатов из 104). АДП набрала 43,2 % голосов и получила в парламенте большинство (56 мандатов). Социалистический блок (Социалистическая партия Молдовы и движение «Унитате-Единство») добился поддержки 22 % голосов избирателей (28 мандатов). Спикером парламента стал П. Лучинский [5; 14: 343–344; 46].

В июле 1994 г. парламент принял новую Конституцию. В ст. 13 «Государственный язык, функционирование других языков» было зафиксировано: «(1) Государственным языком Республики Молдова является молдавский язык, функционирующий на основе латинской графики. (2) Государство признает и охраняет право на сохранение, развитие и функционирование русского языка и других языков, используемых на территории страны». На государственном флаге Республики Молдова к триколору добавилось изображение герба страны [7]. Государственным гимном стала песня «Limba noastră» («Наш язык») на стихах Алексея Матеевича. Однако, несмотря на это, во всех учебных заведениях остались дисциплины «Румынский язык», «Румынская литература» и «История румын», которые рассматривают Молдавию как часть «румынского пространства» [34: 15].

В апреле 1994 г. парламент ратифицировал подписанное еще 21 декабря 1991 г. М. Снегуром соглашение об СНГ и Устав СНГ. Придя к власти, аграрии предприняли шаги к разрешению межэтнических конфликтов. Они отменили аттестацию на знание государственного языка, запланированную декретом М. Снегура на 2 апреля 1994 г. [14: 345]. Был достигнут определенный прогресс в отношениях с Приднестровьем [15: 19–29]. Как уже писалось выше, был

урегулирован конфликт с Гагаузией. Однако аграриям не удалось вывести экономику Молдавии из кризиса, что в дальнейшем привело к спаду их популярности [14: 345–346].

Падение влияния сторонников объединения с Румынией проявилось также на президентских выборах 1996 г., на которых независимый кандидат, бывший первый секретарь ЦК Компартии Молдавии, секретарь ЦК КПСС, член Политбюро ЦК КПСС П. Лучинский во втором туре победил М. Снегура. Лучинский тоже не смог изменить социально-экономическую ситуацию в стране к лучшему. Это сдвинуло политический спектр в стране дальше влево [14: 354].

В 1998 г. на парламентских выборах относительную победу одержала Партия коммунистов Республики Молдова (ПКРМ), которая была создана в октябре 1993 г. (30,01 % голосов и 40 мест из 101 в парламенте). Избирательный блок «Демократическая конвенция Молдовы», возглавляемая Снегуром, получила 26 мест (19,42 %), центристский блок «За демократическую и процветающую Молдову» (в апреле 2000 г. «Движение за демократическую и процветающую Молдову» было переименовано в Демократическую партию Молдовы), возглавляемый Д. Дьяковым, – 24 места (18,16 %), правая Партия демократических сил – 11 мест (8,84 %) [27]. Было сформировано коалиционное правительство правых и центристов.

В начале июля парламент 2000 г. принял поправки к Конституции, которые расширили полномочия правительства и изменили порядок избрания президента. Теперь он избирался парламентом [14: 356–357]. Таким образом, Республика Молдова стала первой в СНГ парламентской республикой.

В ходе досрочных парламентских выборов в феврале 2001 г. три конкурента – ПКРМ (50,07 % голосов, 71 мандат), избирательный блок «Альянс Брагиша» (13,36 %, 19 мандатов) и Христианско-демократическая народная партия (8,24 %, 11 мандатов) – преодолели избирательный барьер и были представлены в Парламенте РМ XV созыва. Молдавия стала единственной страной СНГ, где к власти вернулись коммунисты [6].

4 апреля 2001 г. В.Н. Воронин был избран президентом. Он обещал укрепление молдавской государственности, расширение партнерства со странами СНГ, прежде всего с Россией, рассмотрение вопроса о придании русскому языку статуса официального, урегулирование приднестровского конфликта. Однако, приходя к власти, Воронин не выполнил этих обещаний, столкнувшись с жестким сопротивлением правых и сильным давлением со стороны ЕС и США. Так, попытка введения в 2002 г. обязательного преподавания русского языка в учебных заведениях с румынским языком обучения вызвала акции

протеста в Кишиневе. В том же году была предпринята неудачная попытка заменить курс «История румын» на «Историю Молдовы». Вместе с тем были достигнуты определенные успехи в экономике. Главной нерешенной проблемой, влияющей и на внутреннюю, и на внешнюю политику, оставался приднестровский конфликт. Наметившееся в конце 2003 г. подписание соглашения сторон о создании федеративного государства («план Козака»), достигнутого при посредничестве России, было сорвано Ворониным из-за негативной реакции оппозиции, давления ЕС, ОБСЕ и Вашингтона [14: 358–360]. Это привело к дальнейшему осложнению отношений и с Приднестровьем, и с Россией.

В марте 2005 г. состоялись очередные парламентские выборы. В парламент вошли три партии: Партия коммунистов (45,98 % голосов, 56 мандатов), блок «Демократическая Молдова» (28,53 % голосов, 34 мандата) и Христианско-демократическая народная партия (9,07 % голосов, 11 мандатов) [28]. В.Н. Воронин был переизбран в апреле 2005 г. на очередной президентский срок, заручившись поддержкой христианских демократов и отковавшихся от блока «Демократическая Молдова» Демократической и Социал-либеральной партий, которым было обещано, что коммунисты будут проводить курс на евроатлантическую интеграцию страны.

Следующие парламентские выборы, состоявшиеся 5 апреля 2009 г., положили начало затяжному политическому кризису. ПКРМ набрала 49,48 % голосов и получила 60 мест в парламенте. Коммунистам не хватало одного голоса для избрания своего кандидата президентом страны. По 15 мест получили оппозиционные Либеральная (ЛП) и Либерально-демократическая партии Молдовы (ЛДПМ), 11 мест – альянс «Наша Молдова» [29].

После обнародования предварительных результатов выборов лидеры оппозиции объявили о их фальсификации. Вечером 6 апреля в центре Кишинева на акцию протеста собралось около 2 тыс. молодых людей. На следующий день митинг оппозиции перерос в беспорядки, протестующие ворвались в президентский дворец, где они водрузили флаги Румынии и Евросоюза, и в здание парламента. В результате стычек с полицией было ранено около 50 демонстрантов и 270 полицейских. Зданию парламента был нанесен ущерб в 40 млн долл. США. В результате поданного 12 апреля Ворониным в Конституционный суд ходатайства о пересчете голосов существенных расхождений с ранее озвученными данными не было выявлено. Коммунисты не смогли избрать своего кандидата президентом, и Воронин объявил о роспуске парламента. События апреля 2009 г. изменили в дальнейшем политическую ситуацию в стране [14: 367].

Новые выборы состоялись в июле 2009 г. Они принесли ПКРМ 44,69 % голосов и 48 мест в парламенте; ЛДПМ, ЛП, Демократическая партия (ДПМ) и альянс «Наша Молдова» получили соответственно 18 (16,57 %), 15 (14,68 %), 13 (12,54 %) и 7 (7,35 %) голосов [7]. Эти четыре политических силы образовали «Альянс за европейскую интеграцию» (АЕИ) и избрали лидера ЛП М. Гимпу и. о. президента. Премьер-министром стал председатель ЛДПМ В. Филат. Коммунисты перешли в оппозицию и блокировали выборы главы государства [14: 368].

В результате в сентябре 2010 г. парламент был вновь распущен. Выборы в ноябре 2010 г. принесли коммунистам 42 места (39,34 % голосов). ЛДПМ, ДПМ и ЛП набрали соответственно 32 (29,42 %), 15 (12,70 %) и 12 (9,96 %) мест [8]. Таким образом, правые партии укрепили свои позиции, воссоздали «Альянс за европейскую интеграцию», но по-прежнему не могли избрать президента. Лидер ДПМ М. Лупу был избран спикером парламента и стал исполняющим обязанности президента. Лишь в марте 2012 г., благодаря поддержке трех депутатов (И. Додона, З. Гречаной и В. Абрамчук), покинувших фракцию ПКРМ и объявивших о создании в парламенте группы социалистов, новым молдавским президентом был избран малоизвестный Н. Тимофти, председатель Высшего совета магистратуры (высшего органа судебного самоуправления страны) [14: 368].

За фасадом демократических процедур и риторики «европейского выбора» в Молдавии в 2000–2010-е гг. шло укрепление власти В. Плахотнюка, одного из богатейших людей страны, располагающего значительным контролем над средствами массовой информации и влиянием в правоохранительных органах. Плахотнюк, первоначально поддерживавший тесные финансовые связи с ПКРМ и семьей В. Воронина, в 2010 г. стал первым заместителем председателя ДПМ и первым вице-спикером молдавского парламента. Со временем ДПМ фактически превратилась в «карманную» партию олигарха, имеющего тесные связи и с другими политическими силами страны. Широкое распространение получила практика «покупки» недостающих голосов депутатов парламента для поддержки решений, выгодных ДПМ.

Парламентские выборы, состоявшиеся в ноябре 2014 г., отразили существенные изменения в расстановке политических сил. 20,51 % голосов и 25 мест в парламенте получила ПСРМ, выступающая за изменение внешнеполитического курса страны и присоединение к Евразийскому экономическому союзу. Электорат ПКРМ в значительной степени перешел к социалистам, и Коммунистическая партия получила лишь 17,48 % голосов и 21 место в парламенте. ЛДПМ,

ДПМ и ЛП получили соответственно 23 (20,16 %), 19 (15,80 %) и 13 (9,67 %) мест [30]. Представитель ДПМ А. Канду был избран спикером парламента. Один из электоральных конкурентов левых партий, партия «Patria – Родина», за три дня до выборов неожиданно была снята с предвыборной гонки. Ей было предъявлено недоказанное обвинение в «незаконном использовании внешнего финансирования». В списках партии был известный бизнесмен из Бельц Р. Усатый [14: 369].

В начале 2015 г. молдавское общество потрясло известие об «утечке» из крупнейших банков страны за 2012–2014 гг. около 1 млрд долл. США, потерю которых правительство было вынуждено возместить вложением в банковскую систему бюджетных денег. Вскрылась глубочайшая коррумпированность политической элиты страны, в т. ч. политиков, именующих себя проевропейскими. С весны 2015 г. в стране начались акции протesta, организованные как новым движением «Достоинство и правда» (*«Demnitate și Adevăr»* (DA)), созданным группой политиков, провозгласивших в качестве инструментов борьбы с коррупцией реализацию проевропейского внешнеполитического курса, так и пророссийскими политическими силами во главе И. Додоном и Р. Усатым.

Главным раздражителем для протестующих была фигура В. Плахотнюка. Прокуратура РМ «назначила» главным ответственным за банковскую аферу бывшего премьер-министра Филата, с 2013 г. вступившего в конфликт с Плахотнюком. В октябре 2015 г. бывший глава правительства был арестован и впоследствии осужден [41].

В январе 2016 г. ДПМ, сколотив при поддержке ЛП и части депутатов, отмежевавшихся от ПКРМ, парламентское большинство, выдвинула кандидатуру Плахотнюка на пост премьер-министра страны. Под давлением ЕС президент Тимофи отклонил это назначение, выразив сомнение в его «добропорядочности» [36]. В итоге назначение на пост премьер-министра получил протеже Плахотнюка, представитель ДПМ П. Филип.

Чтобы добиться спада протестных настроений, правящая элита решила вновь поставить в стране спектакль о демократических выборах. Решением Конституционного суда от 4 марта 2016 г. были возвращены выборы президента всенародным голосованием [19]. При этом полномочия главы государства остались неизменными, т. е. ограниченными рамками парламентской республики. В ноябре 2016 г. на всенародных выборах президентом был избран лидер Партии социалистов Республики Молдова (ПСРМ) И. Додон (52,11 %), победивший во втором туре с перевесом в примерно в 4 % голосов бывшего министра образования М. Санду (47,89 %),

поддержанную движением «Достоинство и правда». Показательно, что кандидат от правительенной коалиции, глава ДПМ М. Лупу снял свою кандидатуру еще до выборов.

Смена главы государства не привела к реальным изменениям во внутренней и внешней политике Молдавии. ДПМ (которую Плахотнюк возглавил в конце 2016 г.), сохранив контроль над правительством и парламентом, успешно блокировала любые, пусть и робкие, попытки президента хотя бы сделать вид, что он реализует свои предвыборные обещания. Мощным политическим орудием стал Конституционный суд, состоящий в основном из назначенцев ДПМ, причем по крайней мере пять из шести членов КС имели двойное гражданство и были гражданами соседней Румынии. За 2017–2018 гг. суд пять раз передавал полномочия президента спикеру парламента А. Канду, когда И. Додон отказывался назначать предложенных премьер-министром членов правительства либо подписывать принятые парламентом законы [31].

В 2017 г. ДПМ, столкнувшись с перспективой поражения на следующих парламентских выборах, провела, достигнув закулисных договоренностей с ПСРМ, реформу избирательной системы страны, подвергнутую жесткой критике со стороны ЕС и ОБСЕ [36]. Республика перешла к смешанной избирательной системе: половина депутатов парламента стала избираться по одномандатным округам (что открывает простор для злоупотреблений и подкупа избирателей), а половина, как и прежде, по партийным спискам.

Очередные парламентские выборы в стране состоялись в феврале 2019 г. ПСРМ, обещая улучшение отношений с Россией и подчеркивая частые встречи И. Додона с российским руководством, получила 35 мест в парламенте. Избирательный блок ACUM («Platforma DA și PAS» (партия «Действие и солидарность» и «Платформа Достоинство и правда»)), возглавляемый одними из лидеров протестов 2015 г. А. Нэстасе и М. Санду, – 26 мест, выступая за «деолигархизацию» Молдавии и демонтаж режима личной власти Плахотнюка. ДПМ получила по итогам выборов 30 мест. В парламент прошли также партия «Шор», возглавляемая бизнесменом с сомнительной репутацией И. Шором, считающаяся близкой к ДПМ (7 мест), и три независимых депутата [43]. ПКРМ и ЛП лишились представительства в парламенте, ЛДПМ влилась в блок ACUM.

Выборы 2019 г. не дали парламентского большинства ни одной из политических сил. Начались длительные консультации, результатом которых, по оценкам большинства экспертов, должны были стать либо новые выборы, либо очередная договоренность ПСРМ с ДПМ. Прогнозы аналитиков сбылись бы, если бы не начавшееся интен-

сивное внешнее давление на стороны молдавского «треугольника». В новом региональном контексте, сложившемся в связи с избранием В.А. Зеленского президентом Украины и открывшем новые, пусть и скромные перспективы для деэскалации российско-украинских отношений, Москва, Брюссель и Вашингтон договорились о необходимости разблокирования ситуации в Молдавии и устраниении, хотя бы временном, молдавского «раздражителя» из повестки дня российско-европейских и российско-американских отношений. В лице потерпевшего разгромное поражение на украинских выборах П. Порошенко Плахотнюк потерял влиятельного партнера по бизнесу и политического союзника [50].

В начале июня в Кишинев практически одновременно прибыли заместитель председателя правительства России Д. Козак, комиссар ЕС по вопросам расширения Й. Хан и руководитель управления по делам Восточной Европы госдепартамента США Б. Фреден. Представители России, ЕС и США провели встречи с руководством ПСРМ, ДПМ и блока ACUM, убедив социалистов и ACUM создать альянс [48].

7 июня Плахотнюк попытался сорвать наметившиеся договоренности, использовав проверенное орудие – Конституционный суд. Судьи постановили, что предусмотренные Конституцией для формирования правительства три месяца следует трактовать как «девяносто дней», и что это время истекает в полночь 8 июня. И. Додон отказался распускать парламент и назначать новые выборы. 8 июня ПСРМ и блок ACUM подписали «временное политическое соглашение о деолигархизации и возвращении Республики Молдова в конституционное русло» и сформировали правительство во главе с М. Санду [47]. При формировании правительства ПСРМ пошла на значительные уступки: из десяти министерских портфелей социалисты получили только два (вице-премьера по реинтеграции и министра обороны). В то же время лидер фракции ПСРМ З. Гречаная была выбрана председателем парламента; таким образом, в случае нового отстранения И. Додона от власти президентские полномочия остались бы в руках социалистов [48].

В тот же день Конституционный суд Молдовы признал решения о формировании правительственной коалиции и избрании спикера неконституционными. Суд приостановил полномочия И. Додона и передал их прежнему премьер-министру П. Филипу, который подписал указы о распуске парламента и назначении новых выборов [52].

Таким образом, в стране сложилось двоевластие. Отстраненный президент и новое правительство обвинили Плахотнюка и ДПМ в государственном перевороте и отказались подчиняться решениям Конституционного суда. Правоохранительные органы сохранили

лояльность прежней власти; так, назначенные члены правительства не были допущены к рабочим местам.

Тупиковая ситуация была разрешена скоординированным вмешательством России, ЕС и США. И Москва, и страны ЕС (в совместном заявлении Великобритании, Германии, Польши, Франции и Швеции от 10 июня) выразили поддержку кабинета Санду. 14 июня после краткой встречи американского посла в Республике Молдова с Плахотнюком кризис разрешился: ДПМ заявила о переходе в оппозицию, а сам олигарх сложил с себя полномочия главы партии, по-видимому, заручившись гарантиями личной безопасности. Плахотнюк покинул страну, получив, по сообщениям средств массовой информации, возможность уехать в США [25]. 15 июня Конституционный суд отменил свои решения, препятствовавшие формированию новой власти. За несколько дней двоевластия уходящий в небытие олигархический режим успел уничтожить многие компрометирующие ДПМ документы и вывести из страны немалые суммы.

24 июня новое правительство приняло программу действий, предусматривавшую деолигархизацию страны, борьбу с коррупцией, восстановление пропорциональной избирательной системы, судебную реформу, расследование утечки средств из банковской системы, углубление сотрудничества с ЕС и партнерства с США, Румынией и Украиной. В программе говорится о «постоянном, предсказуемом и реалистичном диалоге с Россией, сфокусированном, прежде всего, на создании оптимальных условий для взаимовыгодного партнерства» [44].

Однако 12 ноября на пленарном заседании парламента правительство М. Санду было отправлено в отставку. За предложение фракции Партии социалистов проголосовали 63 депутата от ПСРМ и Демократической партии Молдовы. Озвученной ПСРМ причиной отставки было взятие правительством на себя ответственностинести поправки в закон «О прокуратуре» в части, связанной с процедурой предварительного отбора генерального прокурора [23].

14 ноября 2019 г. было назначено новое беспартийное правительство, главой которого стал И. Кику. За миноритарное технократическое правительство проголосовали 62 парламентария, представляющие фракции демократов и социалистов [24].

Распад коалиции ПСРМ–ACUM и единодущие между ПСРМ и ДПМ по поводу отставки правительства М. Санду и назначения нового, третьего за 2019 г. состава правительства заставляет задуматься о возможности новой коалиции. Влияние на ситуацию в стране окажут и результаты местных выборов, прошедших осенью 2019 г., в результате которых неожиданно вернулся в политику российский

бизнесмен молдавского происхождения Р. Усатый (председатель Народно-республиканской партии (с февраля 2015 г. – «Наша партия»)). В 2016 г. против него возбудили политически мотивированное дело, и молдавский суд выдал ордер на его арест по обвинению в заказе убийства банкира Германа Горбунцова в 2012 г. Примар Бельц, второго по величине города страны, вынужден был уехать в Россию. По итогам выборов 2019 г. он вновь стал примаром Бельц, а представители его партии возглавили ряд крупных городов северной зоны республики. Учитывая общий с социалистами электорат и непростые отношения между лидерами этих двух партий, их сотрудничество маловероятно [39]. В то же время север республики, где проживает значительное количество потомков русинов, хотя и традиционно «поставляет» политиков в центральные органы власти (президенты М. Снегур, П. Лучинский и т. д.), пока политически недостаточно активен. Дальнейшее укрепление позиций «Нашей партии» может привести к потере ПСРМ части электората и созданию новых коалиций.

Следует ожидать возвращения в большую политику В. Филата, условно-досрочно освобожденного из тюрьмы 3 декабря 2019 г. В 2016 г. его приговорили к девяти годам заключения за извлечение выгоды из влияния и пассивную коррупцию, и он отсидел с учетом срока предварительного ареста четыре года. И, как понимаем, к своим бывшим однопартийцам и соратникам по политическому альянсу особых симпатий не испытывает.

Сильное воздействие на внутриполитическую ситуацию в Молдавии оказывает Румыния, финансируя прорумынские партии, движения, СМИ, выпуск учебников, выделяя ежегодно до 5 000 стипендий для обучения молодежи в Румынии, массово предоставляя населению РМ румынское гражданство [34: 16–17]. По данным на 2018 г., от 400 до 600 тыс. граждан Молдавии имели одновременно и румынские гражданство [51]. Разумеется, в этом прежде всего просматриваются экономические причины: в 2019 г. румынский заграничный паспорт занял 19-е место в индексе паспортов, обеспечивающих максимальную свободу передвижений для их владельцев (открывает въезд в 171 страну мира), молдавский – 47-е (119 стран) [45].

Курс руководства страны на европейскую интеграцию вызывает неоднозначную оценку в обществе. Согласно опросу «Барометр общественного мнения», проведенному в мае 2012 г., 57 % граждан Молдавии выступают за вхождение страны в Таможенный союз. 2 февраля 2014 г. свое отношение к проевропейскому внешнеполитическому курсу руководства страны и возможному изменению

статуса страны в ходе законодательного и консультативного референдумов высказало население Гагаузии. В них приняло участие 70,04 % (70 355 чел.) избирателей. За принятие проекта закона АТО Гагаузия «Об отложенном статусе народа Гагаузии на внешнее самоопределение» проголосовало 98,9 % (68 023 избирателя), за вступление в Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана – 98,47 % (66 448 избирателей). Власти Молдавии сразу же признали референдумы незаконными [22].

В то же время около половины жителей Приднестровья имеют российские паспорта [3]. В последние годы происходит рост и переориентация экспорта региона. Внешнеторговый оборот ПМР в 2018 г. составил 1913,2 млн долл. США, из них экспорт – 697 млн долл., импорт – 1216,2 млн долл., что на 394,2 млн долл. больше показателей 2017 г. Экспорт в страны Европейского союза составил 249,8 млн долл. (36 % от общего объема экспорта), в Республику Молдова – 208 млн долл. (30 %). В то же время в страны Таможенного союза – 75 млн долл. (10,8 % от общего объема экспорта) [37]. Экономическая переориентация может со временем привести и к смене политических приоритетов.

Не способствует политической стабильности и раскол в обществе – этнополитический среди титульной нации, ведущий к размытию молдавской идентичности, и языковой (русскоязычное и восточнороманское население). Неравноправное положение языков закреплено в ряде законодательных актов. Одним из таких является принятый 27 июля 2006 г. Кодекс телевидения и радио Республики Молдова. Явным нарушением действующего законодательства стало внесение парламентом Республики Молдовы в 2012 г. изменений в закон «Об удостоверяющих личность документах национальной паспортной системы», в соответствии с которым удостоверения личности гражданина Республики Молдова стали выдаваться без отчества и только на румынском языке [34: 19].

Согласно принятому в июле 2014 г. Кодексу об образовании, государство сняло с себя обязанность обеспечивать право граждан на воспитание и обучение на родном языке. В новом законе, в ст. 9 (7), сказано: «Государство гарантирует формирование и развитие навыков эффективного общения на румынском языке, по обстоятельствам – на языках национальных меньшинств и по меньшей мере на двух языках международного общения» [17].

Конституционный суд в своем постановлении № 17 от 4.06.2018 г. о контроле конституционности некоторых положений о функционировании языков на территории Республики Молдова и ст. 4 ч. (2) Кодекса конституционной юрисдикции (обращение №

9а/2018) признал «устаревшим закон № 3465 от 1 сентября 1989 года о функционировании языков на территории Молдавской Советской Социалистической Республики», ссылаясь на ст. 74 ч. (1) п. е) закона № 100 от 22 декабря 2017 года «О нормативных актах» [20]. Однако в законе «О нормативных актах» не изложен механизм реализации подобного решения (скорее всего, признание законодательных актов устаревшими относится к компетенции парламента), а самое главное – закон вступал в силу 12 июля 2018 г., т. е. через месяц с лишним после принятия данного постановления Конституционного суда [13].

В декабре 2013 г. Конституционный суд принял постановление, согласно которому «в случае противоречий между текстом Декларации о независимости и текстом Конституции превалирует исходный конституционный текст Декларации о независимости», заявив, что «норма Декларации о независимости о румынском языке как государственном языке Республики Молдова превалирует над нормой ст. 13 Конституции о молдавском языке». Само решение суда было спорным, ведь, помимо высшего закона страны, термин «молдавский язык» упоминался и в других законах, некоторые из которых были приняты ранее декларации. Как отметил судья А. Бэешу в особом мнении, «часть аргументов, легших в основу принятия постановления, противоречат как правилам толкования, так и правилам соотношения правовых норм и не имеют под собой необходимой правовой основы. Таким образом, приданье Декларации о независимости Постановлением Конституционного суда № 36 от 5 декабря 2013 г. более высокой юридической силы по отношению к Конституции, в результате чего Декларация о независимости превалирует, является необоснованным» [18].

Для достижения консолидации в стране, считает молдавский политолог И. Грек, необходимо учитывать русскоязычный фактор левого берега Днестра (в Приднестровье, согласно ст. 28 Конституции ПМР, статус официального языка на равных началах придается молдавскому, украинскому и русскому языкам), юга и севера пра-вобережной Молдавии, для чего нужно провести трансформацию языкового законодательства [4: 405].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Перепись населения и жилищ в Республике Молдова (12–25 мая 2014 г.) спонсировалась правительством Румынии, а ее результаты лишь частично обнародовали в конце марта 2017 г. Все это заставляет сомневаться в ее объективности.

2. Данные переписи по национальному составу и родному языку отличаются от результатов, полученных в ходе документирования населения. В последних меньше носителей румынской идентичности и языка, больше граждан, задекларировавших родным языком русский [33: 94–101].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ангели Ф.А. Гагаузская автономия. Люди и факты (1989–2005). Кишинев: б. и., 2006. 260 с.
2. Белая книга ПМР / Авторский коллектив: В. Шурыгин, Д. Тукмаков, Ю. Нерсесов, В. Проханов. М.: REGNUM, 2006. 168, ил.
3. Гамова С. Молдавия дошла до политического края // Независимая газета. 24 апреля 2019 г.
4. Грек И.Ф. Есть ли будущее у Республики Молдова / Есть ли будущее у Республики Молдова. Сборник статей. Кишинев:Б.И.,204 (Tipogr.«Foxtrot»). С. 400–407.
5. Досрочные парламентские выборы в Молдове 27 февраля 1994 года. URL: <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/1994> (дата обращения: 14.09.2019).
6. Досрочные парламентские выборы в Молдове 25 февраля 2001 года. URL: <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/2001>(дата обращения: 14.09.2019).
7. Досрочные парламентские выборы в Молдове 29 июля 2009 года.URL: <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/20092> (дата обращения: 14.09.2019).
8. Досрочные парламентские выборы в Молдове 28 ноября 2010 года. URL: <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/2010> (дата обращения: 14.09.2019).
9. Закон № 3465 от 01.09.1989 о функционировании языков на территории Молдавской ССР. URL: <http://lex.justice.md/ru/312813/> (дата обращения: 14.09.2019).
10. Закон № 691 от 27.08.1991 о Декларации о независимости Республики Молдова. URL: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=313228&lang=2> (дата обращения: 14.09.2019).
11. Закон № 344 от 23.12.1994 об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери). URL: <http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=2&id=311656> (дата обращения: 13.09.2019).
12. Закон № 173 от 22.07.2005 об основных положениях особого правового статуса населенных пунктов левобережья Днестра (Приднестровья). URL: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=313004&lang=2> (дата обращения: 14.09.2019).
13. Закон № 100 от 22.12.2017 о нормативных актах URL: <http://lex.justice.md/ru/373698%20> (дата обращения: 14.09.2019).

14. История Республики Молдова. С древнейших времен до наших дней / В. Е. Андрущак, П. А. Бойко, П. П. Бырня и др. 3-е изд., уточн. и доп. Кишинэу, 2015. 384 с.

15. Карлов Ю.Е. Приднестровский конфликт: geopolитические, правовые и организационные аспекты урегулирования. М.: Изд-во МГИМО, 2000. 46 с.

16. Кинг Ч. Языковая политика в Молдавской Советской Социалистической Республике // Молдавия. Научные тетради Института Восточной Европы. Выпуск II / Под общей редакцией А.Л. Погорельского. М.: Территория будущего, 2009. С. 6–25.

17. Кодекс № 152 от 17.07.2014 об образовании. URL: <http://lex.justice.md/ru/355156> (дата обращения: 14.09.2019).

18. Конституционный суд Республики Молдова. Постановление № 36 от 05.12.2013 о толковании статьи 13 ч. (1) Конституции в соотношении с Препамбулой Конституции и Декларацией о независимости Республики Молдова (Обращение № 8b-41b/2013) URL: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=350850&lang=2> (дата обращения: 14.09.2019).

19. Конституционный суд Республики Молдова. Постановление № 7 от 4 марта 2016 г. о контроле конституционности некоторых положений закона № 1115-XIV от 5 июля 2000 года о внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Молдова (порядок избрания президента) (Обращение № 48b/2015) URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=83879 (дата обращения: 14.09.2019).

20. Конституционный суд Республики Молдова. Постановление № 17 от 04.06.2018 г. о контроле конституционности некоторых положений о функционировании языков на территории Республики Молдова и статьи 4 ч. (2) Кодекса конституционной юрисдикции (обращение № 9a/2018) URL: <http://lex.justice.md/ru/375957> (дата обращения: 14.09.2019).

21. Конституция Республики Молдова. URL: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?id=311496&lang=2> (дата обращения: 13.09.2019).

22. «Молдавские ведомости»: поезд идет на Восток // Gagauzinfo.MD. Новостной портал. URL: <https://gagauzinfo.md/top2/11023-moldavskie-vedomosti-poezd-idet-na-vostok.html> (дата обращения: 15.11.2019).

23. Мунтян П. Решение принято: правительство Молдовы во главе с Майей Санду отправлено в отставку // Комсомольская правда в Молдове. URL: <https://www.kp.md/daily/27053/4120711> (дата обращения: 15.11.2019).

24. Мунтян П. В Молдове новое правительство – парламент утвердил состав кабмина во главе с И. Кику // Комсомольская правда в Молдове. URL: <https://www.kp.md/daily/27055/4121940> (дата обращения: 15.11.2019).

25. Попеску Н. Зона наших привилегированных интересов – это вся Европа, которая включает и Россию // Коммерсант. 2019. 12 сентября.

26. Постановление № 149 от 23.06.1990 г. о заключении Комиссии Верховного Совета ССР Молдова по политico-юридической оценке советско-германского договора о ненападении и Дополнительного секретного протокола от 23 августа 1939 года, а также их последствий для Бессарабии и Северной Буковины URL: <http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=2&id=308129> (дата обращения: 14.09.2019).

27. Парламентские выборы в Молдове 22 марта 1998 года. URL: <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/1998> (дата обращения: 14.09.2019).
28. Парламентские выборы в Молдове 6 марта 2005 года. URL: <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/2005> (дата обращения: 14.09.2019).
29. Парламентские выборы в Молдове 5 апреля 2009 года. URL: <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/2009> (дата обращения: 14.09.2019).
30. Парламентские выборы в Молдове 30 ноября 2014 года. URL: <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/2014> (дата обращения: 14.09.2019).
31. РИА Новости. Президента Молдавии временно отстранили от должности. URL: <https://ria.ru/20181210/1547720318.html> (дата обращения: 14.09.2019).
32. Сайт Национального бюро статистики Республики Молдова. URL: <http://www.statistica.md/pageview.php?L=ru&idc=479&> (дата обращения: 14.09.2019).
33. Суляк С.Г. Этносы и языки Молдавии по результатам переписи 2004 г. и данным ГП «Центр государственных информационных ресурсов "Registru"» // Русин. 2013. № 3 (33). С. 94–101.
34. Суляк С. Г. Молдавия и Русский мир: возможно ли возвращение? // Русин. 2012. № 3 (29). С. 5–32.
35. Суляк С.Г. Славянский фактор в истории Молдавии: научное исследование и мифотворчество // Русин. 2017. № 3 (49). С. 144–162. DOI: 10.17223/18572685/49/10
36. ТАСС. Президент Молдавии отклонил кандидатуру Владимира Плахотнюка на пост премьера. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2583837> (дата обращения: 14.09.2019).
37. Торгово-промышленная палата Приднестровья. Статистика внешней торговли Приднестровья в 2018 году. URL: <http://tiraspol.ru/confirmed/statistika-vneshney-torgovli-pridnestrovya> (дата обращения: 14.09.2019).
38. Фурман Д. Молдавские молдаване и молдавские румыны (Влияние особенностей национального сознания молдаван на политическое развитие Республики Молдова) // Молдавия. Научные тетради Института Восточной Европы. Выпуск II / Под общей редакцией А.Л. Погорельского. М.: Территория будущего, 2009. С. 26–159.
39. Шевченко Р. Отношения Додона и Усатого: перманентная война за российскую поддержку и избирателей. URL: <https://ava.md/2017/09/04/otnosheniya-dodona-i-usatogo-permanentnaya> (дата обращения: 14.09.2019).
40. Шорников П.М. Споры смутных времен. Страницы политической истории Молдавии. 1989–1992 гг. / Сост.: И.П. Шорников, А.П. Шорников; науч. ред. С.М. Назария [и др.]. Тирасполь: Б. и., 2019 (ГУИПП «Бендерская типография «Полиграфист»). 424 с.
41. Center for Combating Economic Crimes and Corruption. The Moldovan Banking Scandal. URL: <https://www.ccciec.md/the-moldovan-banking-scandal>

(дата обращения: 14.09.2019).

42. Central Intelligence Agency World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/211rank.html#MD> (дата обращения: 13.09.2019).

43. Election Guide. Republic of Moldova. Election for Parliament (Moldovan Parliament). URL: <http://www.electionguide.org/elections/id/3120> (дата обращения: 14.09.2019).

44. Government of the Republic of Moldova. Activity Program of the Government of the Republic of Moldova 2019. URL: <https://gov.md/en/advanced-page-type/government-activity-program> (дата обращения: 18.09.2019).

45. Henley & Partners Passport Index. Global Ranking 2019. URL: <https://www.henleypassportindex.com/global-ranking> (дата обращения: 17.10.2019).

46. Inter-Parliamentary Union. Republic of Moldova. Parliamentary Chamber: Parlamentul. Elections Held in 1994. URL: http://archive.ipu.org-parline-e/reports/arc/2215_94.htm (дата обращения: 13.09.2019).

47. Newsmd.md. Депутаты АСУМ и ПСРМ подписали временное соглашение о сотрудничестве. URL: <https://newsmd.md/news/4528-deputaty-acum-i-psrm-podpisali-vremennoe-soglashenie-o-sotrudnichestve-o-chem-oni-dogovorilis.html> (дата обращения: 18.09.2019).

48. Newsmd.md. От захвата до побега. Как Россия и Запад вместе освободили Молдавию от олигарха-самодержца. URL: <https://newsmd.md/blogs/4784-ot-zahvata-do-pobega-kak-rossija-i-zapad-vmeste-osvobodili-moldaviju-ot-oligarha-samoderzhca.html> (дата обращения: 18.09.2019).

49. Recensămîntul populației = Перепись населения = Population census, 2004. În 4 vol. Vol. 1. Caracteristici demografice, naționale, lingvistice, culturale = Демографические, национальные, языковые, культурные характеристики = Demographic, national, linguistic, cultural characteristics. Biroul Nat. de Statistică al Rep. Moldova. Chișinău: F.E.-P. "Tipogr. Centrală"), 2006. 492 p.: tab., diagr.

50. Rosca M. Moldova's New PM Sets Pro-Western Course. URL: <https://www.politico.eu/article/maia-sandu-moldovan-pm-aims-for-pro-western-course> (дата обращения: 18.09.2019).

51. Rotar V. Moldovans with Romanian Citizenship Will Be Obliged to Defend Romania. URL: <https://regtrends.com/en/2018/10/01/moldovans-with-romanian-citizenship-will-be-obliged-to-defend-it> (дата обращения: 14.09.2019).

52. European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). Republic of Moldova. Opinion on the Constitutional Situation with Particular Reference to the Possibility of Dissolving Parliament. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2019\)012-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2019)012-e) (дата обращения: 18.09.2019).

53. World Bank. 2019. Migration and Brain. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/32481> (дата обращения: 18.09.2019).

REFERENCES

1. Angel, F.A. (2006) *Gagauzskaya avtonomiya. Lyudi i fakty (1989–2005)*. [Gagauz autonomy. People and Facts (1989-2005)]. Chișinău: [s.n.].
2. Shurygin, V., Tukmakov, D., Nercesov, Yu. Prokhanov, V. (2006) *Belya kniga PMR* [White Book of PMR]. Moscow: REGNUM.
3. Gamova, S. (2019) Moldaviya doshta do politicheskogo kraya [Moldova has reached the political edge]. *Nezavisimaya gazeta*. 24th April.
4. Grek, I.F. (2014) *Est' li budushchee u Respubliki Moldova?* [Does the Republic of Moldova have a future?]. Chișinău: [s.n.]. pp. 400–407.
5. *Dosrochnye parlamentskie wybory v Moldove 27 fevralya 1994 goda* [Early parliamentary elections in Moldova on February 27, 1994]. [Online] Available from: <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/1994> (Accessed: 14th September 2019).
6. *Dosrochnye parlamentskie wybory v Moldove 25 fevralya 2001 goda* [Early parliamentary elections in Moldova on February 25, 2001]. [Online] Available from: <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/2001> (Accessed: 14th September 2019).
7. *Dosrochnye parlamentskie wybory v Moldove 29 iyulya 2009 goda* [Early parliamentary elections in Moldova on July 29, 2009]. [Online] Available from: <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/20092> (Accessed: 14th September 2019).
8. *Dosrochnye parlamentskie wybory v Moldove 28 noyabrya 2010 goda* [Early parliamentary elections in Moldova on November 28, 2010]. [Online] Available from: <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/2010> (Accessed: 14th September 2019).
9. The Republic of Moldova. (1989) *Zakon Nr. 3465 ot 01.09.1989 “O funkcionirovaniyu yazykov na territorii Moldavskoy SSR”* [Law Nr. 3465 of September 9, 1989, “On the functioning of languages in the territory of the Moldavian SSR”]. [Online] Available from: <http://lex.justice.md/ru/312813> (Accessed: 14th September 2019).
10. The Republic of Moldova. (1991) *Zakon Nr. 691 ot 27.08.1991 “O Deklaratsii o nezavisimosti Respubliki Moldova”* [Law Nr. 691 of August 27, 1991, “On the Declaration of Independence of the Republic of Moldova”]. [Online] Available from: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=313228&lang=2> (Accessed: 14th September 2019).
11. The Republic of Moldova. (1994) *Zakon Respubliki Nr. 344 ot 23.12.1994 “Ob osobom pravovom statuse Gagauzii – (Gagauz Eri)”* [Law of the Republic Nr. 344 of December 23, 1994, “On the special legal status of Gagauzia – (Gagauz Yeri)’]. [Online] Available from: <http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=2&id=311656> (Accessed: 14th September 2019).
12. The Republic of Moldova. (2005) *Zakon Nr. 173 ot 22.07.2005 “Ob osnovnykh polozheniyakh osobogo pravovogo statusa naselennykh punktov levoberezh'ya Dnestra (Pridnestrov'ya)”* [Law Nr. 173 of July 22, 2005, “On the main provisions of the special legal status of settlements on the left bank of the Dniester (Transnistria)’]. [Online] Available from: <http://lex.justice.md/>

viewdoc.php?action=view&view=doc&id=313004&lang=2 (Accessed: 14th September 2019).

13. The Republic of Moldova. (2017). *Zakon Nr. 100 ot 22.12.2017 "O normativnykh aktakh"* [Law Nr. 100 of December 22, 2017 on regulatory acts]. [Online] Available from: <http://lex.justice.md/ru/373698%20> (Accessed: 14th September 2019).

14. Andrushchak, V.E., Boyko, P.A., Byrnya P.P. et al. (2015) *Istoriya Respubliki Moldova s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [The history of the Republic of Moldova from ancient times to the present day]. 3rd ed. Chișinău: Elan-Poligraf.

15. Karlov, Yu.E. (2000) *Pridnestrovskiy konflikt: geopoliticheskie, pravovye i organizatsionnye aspekty uregulirovaniya* [Transnistrian conflict: geopolitical, legal and organizational aspects of the settlement]. Moscow: Moscow State Institute of International Relations.

16. King, Ch. (2009) Yazykovaya politika v Moldavskoi Sovetskoi Sotsialisticheskoi Respublike [Language policy in the Moldavian Soviet Socialist Republic]. In: Furman, D.F. (ed.) *Moldaviya: Nauchnye tetradi Instituta Vostochnoy Evropy* [Moldova: Scholarly notebooks of the Institute of Eastern Europe]. Vol. II. Moscow: Territoriya budushchego. pp. 26–159.

17. The Republic of Moldova. (2014) *Kodeks Nr. 152 ot 17.07.2014 "Ob obrazovanii"* [Code Nr. 152 of July 17, 2014, "On Education"]. [Online] Available from: <http://lex.justice.md/ru/355156> (Accessed: 14th September 2019).

18. The Republic of Moldova. (2013) *Postanovlenie Konstitutsionnogo suda Respubliki Moldova ot 5 dekabrya 2013 g. Nr. 36.* [Decision Nr. 36 of the Constitutional Court of the Republic of Moldova of December 5, 2013]. [Online] Available from: lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=350850&lang=2 (Accessed: 14th September 2019).

19. The Republic of Moldova. (2016) *Postanovlenie Konstitutsionnogo suda Respubliki Moldova ot 4 marta 2016 g. Nr. 7.* [Decision Nr. 7 of the Constitutional Court of the Republic of Moldova of March 4, 2016]. [Online] Available from: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=83879 (Accessed: 14th September 2019).

20. The Republic of Moldova. (2018) *Postanovlenie Konstitutsionnogo suda Respubliki Moldova ot 4 iyunya 2016 g. Nr. 7.* [Decision Nr. 17 of the Constitutional Court of the Republic of Moldova of June 4, 2018]. [Online] Available from: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=83879 (Accessed: 14th September 2019).

21. The Republic of Moldova. (1994) *Konstitutsiya Respubliki Moldova* [The Constitution of the Republic of Moldova]. [Online] Available from: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?id=311496&lang=2> (Accessed: 13th September 2019).

22. Gagauzinfo.MD. "Moldavskie vedomosti": poezd idet na Vostok ["Moldovan statements": the train goes to the East]. [Online] Available from: <https://gagauzinfo.md/top2/11023-moldavskie-vedomosti-poezd-idet-na-vostok.html> (Accessed: 15th December 2019).

23. Muntyan, P. (2019) Reshenie prinyato: pravitel'stvo Moldovy vo glave s Maiei Sandu отправлено в отставку [The decision was made: the Moldovan government, headed by Maya Sandu, was dismissed]. *Komsomolskaya pravda*

v Moldove [Online] Available from: <https://www.kp.md/daily/27053/4120711> (Accessed: 15th December 2019).

24. Muntyan, P. (2019) V Moldove novoe pravitel'stvo – parlament utver-dil sostav kabmina vo glave s I. Kiku [In Moldova, a new government - the parliament approved the composition of the Cabinet, headed by I. Kiku]. *Komsomol'skaya pravda v Moldove*. [Online] Available from: <https://www.kp.md/daily/27055/4121940> (Accessed: 15th December 2019).

25. Popescu, N. (2019) Zona nashikh privilegirovannykh interesov – eto vsya Evropa, kotoraya vklyuchaet i Rossiyu [The zone of our privileged interests is the whole of Europe, which includes Russia]. *Kommersant*. 12th September.

26. Commissions of the Supreme Council of the SSR Moldova. *Postanovle-nie Nr. 149 ot 23.06.1990 g.* [Decision Nr. 149 of June 23, 1990]. [Online] Available from: <http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=2&id=308129> (Accessed: 14th September 2019).

27. Association for Participatory Democracy. *Parlamentskie vybory v Moldove 22 marta 1998 goda* [Parliamentary elections in Moldova on March 22, 1998]. [Online] Available from: <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parlia-mentary/1998> (Accessed: 14th September 2019).

28. Association for Participatory Democracy. *Parlamentskie vybory v Moldove Parlamentskie vybory v Moldove 6 marta 2005 goda* [Parliamentary elections in Moldova on March 6, 2005]. [Online] Available from: <http://www.e-democ-racy.md/ru/elections/parliamentary/2005> (Accessed: 14th September 2019).

29. Association for Participatory Democracy. *Parlamentskie vybory v Moldove 5 aprelya 2009 goda* [Parliamentary elections in Moldova on April 5, 2009]. [Online] Available from: <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/2009> (Accessed: 14th September 2019).

30. Association for Participatory Democracy. *Parlamentskie vybory v Moldove 30 noyabrya 2014 goda* [Parliamentary elections in Moldova on No-vember 30, 2014]. [Online] Available from: <http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/2014> (Accessed: 14th September 2019).

31. RIA Novosti. (2018) *Prezidenta Moldavii vremenno otstranili ot dolzhnosti* [The President of Moldova was temporarily removed from office]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20181210/1547720318.html> (Accessed: 14th September 2019).

32. National Bureau of Statistics of the Republic of Moldova *Республики Молдова*. [Online] Available from: <http://www.statistica.md/pageview.php?L=ru&idc=479&> (Accessed: 14th September 2019).

33. Sulyak, S.G. (2012) Moldavia and Russian world: is a return possi-ble? *Rusin.* 3(29). pp. 5–32 (in Russian).

34. Sulyak, S.G. (2013) Ethnic Groups and Languages of Moldavia ac-cording to the Results of the Census of 2004 and the Statistics of the State Enterprise Centre for State Information Resources "Registru"]. *Rusin.* 3(33). pp. 94–101 (in Russian).

35. Sulyak, S.G. (2017) The Slavic Factor in the History of Moldova: Scientific Research and Myth-Making. *Rusin.* 3(49). pp. 144–162. DOI: 10.17223/18572685/49/10 (in Russian).

36. TASS. (n.d.) *Prezident Moldavii otklonil kandidaturu Vladimira Plahotnyuka na post prem'era* [The President of Moldova rejected the candidacy of Vladimir Plahotniuc for the post of prime minister]. [Online] Available from: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2583837> (Accessed: 14th September 2019).

37. Chamber of Commerce and Industry of Pridnestrovie. *Cstatistika vnesheiniy torgovli Pridnestrov'ya v 2018 godu* [Transnistria's foreign trade statistics in 2018]. [Online] Available from: <http://tiraspol.ru/confirmed/statistika-vneshney-torgovli-pridnestrovya> (дата обращения: 18th September 2019).

38. Furman, D. (2009) *Moldavskie moldavane i moldavskie rumyny (Vliyanie osobennostey natsional'nogo soznaniya moldavan na politicheskoe razvitiye Respubliki Moldova)* [Moldavian Moldavians and Moldavian Romanians (Influence of Moldavian national consciousness on the political development of the Republic of Moldova)]. In: Furman, D.F. (ed.) *Moldaviya: Nauchnye tetradi Instituta Vostochnoy Evropy* [Moldova: Scholarly notebooks of the Institute of Eastern Europe]. Vol. II. Moscow: Territoriya budushchego. pp. 26–159.

39. Shevchenko R. (2019) *Otnosheniya Dodona i Usatogo: permanentnaya voina za rossiiskuyu podderzhku i elektorat* [Relations of Dodon and Usatiyi: Permanent War for Russian Support and the Electorate]. [Online] Available from: <https://ava.md/2017/09/04/otnosheniya-dodona-i-usatogo-permanentnaya> (Accessed: 18th September 2019).

40. Shornikov, P. (2019) *Spory Smutnykh vremen. Stranitsy politicheskoy istorii Moldavii 1989–1992* [Disputes of the Time of Troubles. Pages of Moldova Political History in 1989–1992]. Tiraspol: Proligrafist.

41. The Center for Combating Economic Crimes and Corruption. (n.d.) *The Moldovan Banking Scandal*. [Online] Available from: <https://www.cccec.md/the-moldovan-banking-scandal> (Accessed: 14th September 2019).

42. The CIA. (n.d.) *The Central Intelligence Agency World Factbook*. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/211rank.html#MD> (Accessed: 13th September 2019).

43. The Republic of Moldova. (n.d.). *Election Guide. Election for Parliament (Moldovan Parliament)*. [Online] Available from: <http://www.electionguide.org/elections/id/3120> (Accessed: 14th September 2019).

44. The Government of the Republic of Moldova. (n.d.) *Activity Program of the Government of the Republic of Moldova 2019*. [Online] Available from: <https://gov.md/en/advanced-page-type/government-activity-program> (Accessed: 18th September 2019).

45. Henley & Partners Passport Index. *Global Ranking 2019*. [Online] Available from: <https://www.henleypassportindex.com/global-ranking> (дата обращения: 17th October 2019).

46. The Republic of Moldova. (n.d.) *Inter-Parliamentary Union. Parliamentary Chamber: Parlamentul. Elections Held in 1994*. [Online] Available from: http://archive.ipu.org/parline-e/reports/arc/2215_94.htm (Accessed: 13th September 2019).

47. Newsmd.md. (n.d.) *Deputaty ACUM i PSRM podpisali vremennoe soglashenie o sotrudничестве* [MPs ACUM and PSRM signed an interim cooperation agreement]. [Online] Available from: <https://newsmd.md/news/4528-deputaty>

acum-i-psrm-podpisali-vremennoe-soglashenie-o-sotrudnichestve-o-chemoni-dogovorilis.html (Accessed: 18th September 2019).

48. Newsmd.md. (n.d.) Ot zakhvata do pobega. Kak Rossiya i Zapad vmeste osvobodili Moldaviyu ot oligarkha-samoderztsa [From capture to escape. How Russia and the West together liberated Moldova from the autocratic oligarch]. [Online] Available from: <https://newsmd.md/blogs/4784-ot-zahvata-do-pobega-kak-rossija-i-zapad-vmeste-osvobodili-moldaviju-ot-oligarha-samoderzhca.html> (Accessed: 18th September 2019).

49. *Population census, 2004* (2006). In 4 vol. Vol. 1. Demographic, national, linguistic, cultural characteristics. Biroul Naț. de Statistică al Rep. Moldova. Chișinău: F.E.-P. "Tipogr. Centrală".

50. Rosca, M. (n.d.) *Moldova's New PM Sets Pro-Western Course*. [Online] Available from: <https://www.politico.eu/article/maia-sandu-moldovan-pm-aims-for-pro-western-course> (Accessed: 18th September 2019).

51. Rotar, V. (2018) *Moldovans with Romanian Citizenship Will Be Obliged to Defend Romania*. [Online] Available from: <https://regtrends.com/en/2018/10/01/moldovans-with-romanian-citizenship-will-be-obliged-to-defend-it> (Accessed: 14th September 2019).

52. European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). The Republic of Moldova. (n.d.) *Opinion on the Constitutional Situation with Particular Reference to the Possibility of Dissolving Parliament*. [Online] Available from: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2019\)012-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2019)012-e) (Accessed: 18th September 2019).

53. *World Bank*. 2019. *Migration and Brain*. [Online] Available from: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/32481> (Accessed: 18th September 2019).

Зиновьев Василий Павлович – профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Россия).

Vasily P. Zinovyev – Tomsk State University (Russia).

E-mail: vpz@tsu.ru

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Троицкий Евгений Флорентьевич – доцент, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Национального исследовательского Томского государственного университета (Россия).

Evgeny F. Troitsky – Tomsk State University (Russia).

E-mail: eft@rambler.ru

УДК 323.1

UDC

DOI: 10.17223/18572685/58/19

РУСИНСКИЙ ВОПРОС В МЕДИАПОВЕСТКЕ РОССИЙСКИХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ (2010–2019 гг.)

М.В. Подрезов¹, А.В. Голдовская²

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: mypodrezov@gmail.com

²E-mail: alyona170494@mail.ru

Авторское резюме

Рассматриваются особенности освещения русинского вопроса в российских средствах массовой информации. Исследование проведено на основе использования качественного и количественного контент-анализа выборки из 18 интернет-изданий разного спектра за 2010–2019 гг. В общей сложности было отобрано 209 материалов, посвященных русинской тематике, по двум основным направлениям – история и политика. В работе дается краткая характеристика основных исторических тем, в контексте которых упоминаются русины. Среди них наибольшую частотность имеет история русинов в конце XIX – начале XX в., что объясняется столетием событий Первой мировой войны, падения Австро-Венгрии и т.д. Основное внимание в статье отводится политическим темам, которые и составляют т. н. русинский вопрос: автономии Закарпатья, признанию русинов в качестве национального меньшинства и прекращению их дискриминации на Украине. Авторы приходят к выводу, что русинский вопрос фактически отсутствует в российской медиаповестке. Однако наблюдается повышение интереса к данной теме с 2014 г., что связано в первую очередь с конфронтацией между Украиной и Россией, в ходе которой русины стали использоваться в качестве рычага давления на официальный Киев. Создается образ братского народа, существующего в противовес «плохим» и «националистически настроенным» украинцам, отправляющимся воевать на Донбасс против таких же, как и русины, жителей, борющихся за сохранение своего языка, идентичности и получение автономии. Пик интереса к русинам в российских СМИ приходится на 2015 г., после которого началось постепенное снижение количества упоминаний, что связывается со спадом накала конфликта на Украине.

Ключевые слова: русины, история русинов, автономия Закарпатья, национальное меньшинство, Украина, медиаповестка.

THE RUSIN QUESTION IN THE RUSSIAN MEDIA AGENDA (2010–2019)

M.V. Podrezov¹, A.V. Goldovskaya²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: mvpodrezov@gmail.com

²E-mail: alyona170494@mail.ru

Abstract

The article discusses the coverage of the Rusin question in Russian media. The study is based on a qualitative and quantitative content analysis of samples from 18 various online media for 2010–2019. In total, 209 materials about Rusins were selected in two main areas – history and politics. The paper gives a brief description of the main historical topics in the context of which Rusins are mentioned. The most frequent among them is the history of the Rusins at the end of the 19th – early 20th centuries, perhaps due to the centennial of the First World War, the fall of Austria-Hungary etc. The authos focus on political topics that make up the so-called Rusin question: the autonomy of Transcarpathia, recognition of Rusins as a national minority and the end of their discrimination in Ukraine. The authors conclude that the Rusin question is virtually absent in the Russian media agenda. However, there has been an increase in the interest in this topic since 2014, which is primarily due to the confrontation between Ukraine and Russia, during which the Rusins began to be used as a lever of pressure on official Kyiv. The authos emphasise the image of a brotherly nation created to oppose to the “bad nationalistic” Ukrainians who are going to fight in the Donbass against people like the Rusins, fighting to preserve their language, identity, and gain autonomy. The highest interest in the Rusins in the Russian media was in 2015, after which a gradual decrease in the number of references began, which is associated with a decline in the intensity of the conflict in Ukraine.

Keywords: Rusins, history of Rusins, autonomy of Transcarpathia, national minority, Ukraine, media agenda.

На протяжении последних пяти лет на площадке Томского государственного университета проводится научная конференция «Славянский мир в условиях современных вызовов», в рамках которой основная дискуссия строится вокруг истории русинов – народа, по сей день остающегося загадкой для многих россиян. Исходя из этого, нами была поставлена цель ответить на следующие вопросы: присутствует ли тематика русинов в медиаповестке российских средств массовой информации, какие вопросы затрагиваются и какие для этого существуют исторические и политические контексты. В настоящей статье т. н. русинский вопрос понимается как ситуация, сложившаяся на Украине, в рамках которой официальная политика носит дискриминационный характер в отношении данного этноса, не признающегося в качестве национального меньшинства с правом национально-культурной автономии и возможностью самобытного развития.

Для ответа на обозначенные вопросы были проанализированы официальные интернет-порталы 18 российских средств массовой информации: «РИА Новости», «Независимая газета», «RT», «Лента.Ру», «Вести.Ru», «Газета.Ru», «Аргументы и факты», «Известия», «Царьград», «Московский комсомолец», «Life», «РБК», «Первый канал», «Коммерсант», «Meduza», «Дождь», «Ведомости», «Новая газета». Данный список представлен в порядке уменьшения количества материалов, посвященных русинской тематике, и носит весьма репрезентативный характер, что обусловлено присутствием в выборке изданий самой разной направленности – от ультраконсервативного «Царьграда» до либерального «Дождя», а также их популярностью и показателями цитируемости, что подтверждается рейтингами сервиса «Медиалогия». Хронологические рамки исследования были определены десятилетним периодом: с 1 января 2010 г. по 1 октября 2019 г., что позволит обеспечить, на наш взгляд, достаточную наглядность динамики изменений присутствия тематики русинов в российских СМИ в контексте разных политических условий.

Рассмотрение полученных результатов стоит начать с обозначения трех важных моментов. Во-первых, сразу в трех представленных изданиях отмечено отсутствие каких-либо материалов, посвященных русинам: «Дождь», «Ведомости» и «Новая газета». Во-вторых, три издания были основаны после 1 января 2010 г.: «Дождь», «Meduza» и «Царьград». Это дает возможность предположить, что материалов в них могло быть больше. В-третьих, сходная ситуация с порталом «RT», материалы которого, опубликованные ранее, в 2015 г., оказались недоступными для поиска. В то же время это определяет некоторую специфику в толковании динамики популярности русинов в отечественных СМИ, т. к. на долю «RT» выпадает более трети упоминаний за 2018–2019 гг.

За рассматриваемый период в представленных изданиях содержится 209 материалов, которые в той или иной степени относятся к русинской тематике. Отметим, что 20,9 упоминания данной темы в год во всех изданиях, или 1,16 – при расчете на одно издание за один год, позволяют сделать вывод о слабом присутствии (если не об отсутствии) русинской тематики в российской медиаповестке. Вместе с тем выделяются любопытные данные по динамике представленности. Особенно малая частота упоминаний наблюдается в 2010–2013 гг. Так, за четыре указанных года было опубликовано лишь 19 материалов о русинах (9,09 % от общего числа). Данный период можно охарактеризовать тем, что СМИ сами для себя лишь начали открывать, что есть такой народ – русины. В подтверждение сказанного приведем пример: русины стали появляться в СМИ в связи с Днем дружбы и единения славян, где они «разбавили» традиционное и устоявшееся трио восточнославянских народов – русских, украинцев и белорусов [4]. Вторым популярным поводом служит появление в медиа «философских» размышлений и исторических изысканий, дабы ответить на вопросы: кто такие русины, отдельный народ или украинцы [14]? Это происходило лишь в указанный временной период. Впоследствии СМИ однозначно стали рассматривать русинов в качестве отдельного народа. Всплеск внимания к тематике русинов возникает в 2014 г. – 35 опубликованных материалов против трех годом ранее (рост почти в 12 раз). Объяснение этому факту может лежать в трех контекстах: во-первых, в рамках крымских событий марта 2014 г.; во-вторых, в связи с последовавшими событиями, часто именуемыми в прессе и литературе как «Русская весна»; в-третьих, в контексте столетия начала Первой мировой войны. Данный подъем достиг пика уже в 2015 г., когда был выпущен 41 материал, после чего наблюдалось постепенное снижение интереса к тематике. Так, в 2016 и 2017 гг. – по 31 материалу, в 2018 г. – 27, в 2019 г. – 25 материалов; учитывая поправку, связанную с появлением публикаций в «RT», «Царьграде» и на портале «Meduza», снижение еще более серьезное.

В зависимости от количества упоминаний нами темы мы составили рейтинг частотности: 1) автономия Закарпатья; 2) признание русинов народом и их дискриминация как национального меньшинства; 3) русины в конце XIX – начале XX в.; 4) генезис русинского народа и его развитие до вхождения в состав Австро-Венгерской империи; 5) русины в годы Второй мировой войны; 6) противопоставление русинов и «Правого сектора», в частности их нежелание участвовать в войне в Донбассе; 7) встречи представителей русинских организаций и высоких чешских политиков (президент Милош Земан, депутаты парламента); 8) славянские праздники и фестивали; 9) Энди Уорхол

– самый известный русин; 10) дело отца Димитрия Сидора. В представленный рейтинг попали только темы, количество упоминаний которых превышает 1 % от общего числа. Всего политические темы затрагиваются 237 раз, исторические – 106. С нашей точки зрения, представляется логичным для начала сделать краткий обзор тем, относящихся к блоку «история русинов». Подробный контекст рассматриваемых исторических сюжетов наиболее основательно изложил видный американо-канадский историк русинского происхождения Пол Роберт Магочий [17]. В силу этого мы ограничимся лишь обозначением основных событий и процессов, а также дополнительным указанием некоторых русскоязычных научных работ, посвященных данным вопросам.

Наиболее упоминаемой исторической темой является положение русинов в конце XIX – начале XX в. Данная группа сюжетов включает в себя историю русинов в составе Австро-Венгерской империи, в т. ч. в годы Первой мировой войны, а также последующее присоединение Подкарпатской Руси к новообразованной Чехословакии. Обозначенная тема встречается в 40 материалах, что составляет 11,66 % от общего количества. Значительная их часть связывается, в первую очередь, со столетием начала Первой мировой войны и последовавшими за этим событиями. Так, за 2010–2013 гг. в нашей выборке оказалось лишь два упоминания на данную тему, а за 2014–2019 гг. – 38. В ходе этих трагических событий русины были одним из наиболее пострадавших народов: угнетение австро-венгерской короной, сопровождавшееся мадьяризацией и национальной ассимиляцией [17: 135–138], сменили ужасы Первой мировой войны с ее жертвами, разрушениями и концентрационными лагерями Талергоф и Терезин (заметим, что закарпатские русины, о которых преимущественно ведется речь в статье, к данным лагерям не имели отношения, через них прошли галицкие и буковинские русины) [5: 43–69; 13: 71–74; 17: 129–174]. Лишь русинская эмиграция в Северную Америку и послевоенный передел европейской карты, закрепивший большую часть их земель за Чехословакией, принесли мир и, возможно, уберегли этот народ от полной ассимиляции [2: 193–195; 16: 124–128; 17: 175–198].

Одним из самых ярких «детей» русинской эмиграции является всемирно признанный «король поп-арта» Энди Уорхол, материалы о нем мы выделили в отдельную тему, к которой относится 7 упоминаний (2,04 %). Этот пример мало зависит от политической обстановки, поскольку, бесспорно, жизнь и наследие выдающегося художника, продюсера и дизайнера будут присутствовать в медиа, что связано как с юбилейными датами, так и с новыми выставками. При этом

отечественные издания не забывают подчеркнуть, что корни Энди Уорхола находятся в Карпатской Руси, хотя он и был рожден уже в Соединенных Штатах [6: 200–205].

Также русины 27 раз (7,87 %) упоминаются в контексте генезиса и развития их народа до вхождения в состав Австрийской империи. Речь ведется об их особом пути на юго-западных «обломках» бывшей Древней Руси в составе Молдавского княжества, Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского, Речи Посполитой [12: 7–8; 17: 53–87]. Немного менее популярная тема в российских СМИ – это русины в годы Второй мировой войны, к которой относятся 23 упоминания (6,71 %). Значительная часть их связана с деятельностью Украинской повстанческой армии и послевоенным присоединением Подкарпатской Руси к Советскому Союзу [15: 102–112; 17: 291–306].

Более подробно остановимся на темах, относящихся к блоку «Политика», где самым распространенным сюжетом выступает автономия Закарпатья – 100 упоминаний (29,16 %). После присоединения Подкарпатской Руси к ССР в 1945 г. русины были лишены тех привилегий, которыми располагали в составе Чехословакии (например автономии). Более того, советская власть проводила целенаправленную политику украинизации русинов. В частности, это можем наблюдать по всесоюзным переписям населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., в которых отсутствуют русины как народ (их относили к украинцам), равно как и их язык, признававшийся лишь на уровне диалекта. Однако по мере ослабления Советского Союза в конце 1980-х гг. начался процесс национального возрождения. В сентябре 1990 г. «Сойм подкарпатских русинов» принял декларацию «О возврате прав самобытного народа русинам и восстановлении русинской автономии», а в декабре 1991 г. русины на референдуме поддержали не только независимость Украины, но и получение Закарпатьем статуса автономии [1: 103]. Данный акт до сих пор является самым весомым аргументом в требованиях русинов соблюдения их прав Киевом. Возможно, единственным локальным политическим успехом в данном направлении является решение Закарпатского областного совета от 7 апреля 2007 г. «О признании русинской национальности на территории Закарпатской области», однако официальным Киевом и этот акт не был принят. Вместе с тем еще в 1996 г. на Украине был принят «План по решению проблемы украинцев-русинов», в котором подчеркивается бесперспективность идей автономизации Закарпатья, а также декларируются ассимиляционные намерения в отношении русинов [8]. Данный вопрос не слишком интересовал Москву, пока отношения между странами оставались более или менее стабильными, хотя некоторые СМИ предполагают, что финансирование русинских орга-

низаций шло и из околокремлевских фондов. Так, за 2010–2013 гг. о требованиях русинами автономии в выборке содержится лишь семь упоминаний, в т. ч. в связи с делом отца Дмитрия Сидора. В 2014 г. их уже 16, а в 2015 г. – 25. Более того, и в настоящее время материалы о русинах так или иначе сопровождаются отсылкой к требованиям автономии, например, в 2019 г. – 13 раз.

Вторая и неотделимая от первой тема – признание русинов в качестве народа и их дискриминация как национального меньшинства на Украине – имеет 80 упоминаний (23,32 %). Данная проблема представляется даже более важной, в т. ч. и потому, что имеет больше шансов на разрешение в силу некоторых причин. Во-первых, в ряде стран русины официально признаны властями как национальное меньшинство, например, в Польше, Словакии, Чехии, Венгрии, Сербии и т.д. *De facto* русины признаны и в России. В частности, по результатам переписи населения 2010 г. они упоминаются в качестве одного из самых малочисленных народов РФ, что обозначено, например, в статье «Путинец по национальности», опубликованной в «Газете.Ru» [10]. Во-вторых, международное право стоит на стороне русинов в силу одного из его основных принципов – равноправия и самоопределения народов. Развивая этот вопрос, рабочая группа Совета по правам человека Генеральной Ассамблеи ООН еще в 2008 г. призвала Украину «признать право на самоопределение всех этнических групп, а также обеспечить защиту и развитие их культурного наследия. КЛРД рекомендовал Украине рассмотреть вопрос о признании меньшинства русинов в качестве национального меньшинства» [9].

Третья тема по частоте упоминаний – это русины и «Правый сектор», а также их нежелание ехать воевать на Донбасс – 18 раз (5,25 %). Рассматривать данный вопрос в российских СМИ в первую очередь нужно с той позиции, что существует традиционное предубеждение, с одной стороны, о пророссийски настроенных жителях восточных и юго-восточных регионов Украины, а с другой – о русофобски настроенных западных регионах во главе со Львовской и Иваново-Франковской областями, на жителей которых навешиваются ярлыки «националистов», «бандеровцев» и т. д. Однако в российских средствах массовой информации была предпринята попытка в разгар конфликта в Донбассе найти сторонников России, борцов с «Правым сектором» и политикой Порошенко в Западной Украине, которыми и выступили русины. Так создается сложная картина политической реальности на Украине, в рамках которой практически не остается сил, поддерживающих проводимую политику, лишенных клейма «националиста-правосека».

Четвертая тема – это встречи представителей русинских органи-

заций и высоких чешских политиков – президента Милоша Земана, депутатов парламента, к которой относится 16 упоминаний (4,67 %). Речь идет о встрече президента Чешской Республики Милоша Земана с представителями Всемирного совета подкарпатских русинов, что обеспечило практически половину всех упоминаний о них в российских СМИ за 2019 г. При этом для отечественных медиа было важно преподнести реакцию официального Киева на данную встречу как очень гневную (вызов посла Чехии на Украине в МИД для дачи объяснений), хотя фактически это типичная практика в дипломатической сфере. В результате новость была подхвачена и растиражирована, а также дополнена напоминанием об ущемлении Киевом русинского народа [7]. Заметим, что это не первая подобная встреча, но в 2015 и 2018 гг. о них было упомянуто лишь единожды в издании «Лента.Ру». Более того, в 2015 г. представители русинских организаций встречались с депутатами чешского парламента, что также имеет в нашей выборке лишь одно упоминание. Стоит сказать, что русины имеют традиционные тесные связи с Чехией: например, на ее территории прошел первый Всемирный конгресс русинов. Киев видит угрозу в том, что Прага проводит целенаправленную и перманентную поддержку русинов, содействуя в сохранении языка и культуры, проведении национальных мероприятий и т. д. [3], что в конечном счете может привести к непредсказуемым последствиям в вопросе украинно-чешских отношений. Мы уже наблюдали всплески напряженности между Киевом и Будапештом за поддержку венгерского меньшинства, не говоря об аналогичных действиях со стороны России.

Пятая тема – это славянские праздники и фестивали, к которой относится 12 упоминаний (3,21 %). В данную группу мы включили материалы, посвященные Дню дружбы и единения славян, идеям о создании Содружества славянских стран, съездам славянских писателей. Здесь важно отметить, что ежегодное появление статей 25 сентября, сообщающих о Дне дружбы и единения славян, дополнило традиционное трио восточнославянских народов – русских, украинцев и белорусов – русинами, тем самым еще раз подчеркивая их право называться отдельным этносом.

Завершающей темой в нашем перечне выступает дело отца Дмитрия Сидора – 5 упоминаний (1,46 %). Отец Дмитрий Сидор – православный священник, общественный активист и председатель объединения «Сойм подкарпатских русинов», которого в 2012 г. апелляционный суд Закарпатской области приговорил к трем годам лишения свободы за «сепаратизм». Священнику вменялось в вину то, что в течение долгих лет он добивался признания официальным Киевом результатов референдума 1991 г., касавшегося признания

автономии Закарпатья. Судебный процесс длился на протяжении четырех лет и был наполнен фарсом. Важно отметить, что Дмитрий Сидор регулярно подчеркивал, что русины не требуют независимости, а желают оставаться в составе Украины, но в рамках автономии. Результаты показательного политического дела нашли отражение в российских СМИ. Предполагаем, что украинское правительство предприняло попытку «остудить» нарастающее национальное движение русинов за счет одного из лидеров «пророссийского крыла», однако репрессии, как правило, приводят к обратному эффекту. Масла в огонь добавила скорая политическая дестабилизация на Украине, приведшая к резкому обострению российско-украинских отношений, что породило всплеск внимания к русинам и со стороны Москвы.

Подчеркнем, что все остальные темы упоминаются менее 1 %, среди них, пожалуй, стоит выделить материалы об известном русинском писателе Иване Франко (с точки зрения «Независимой газеты», Франко является русином) [11], а также новость о том, что в парламент Венгрии в 2014 г. прошел один представитель русинов. Обе темы имели лишь по два упоминания. В целом, несмотря на слабое присутствие русинской тематики в российской медиаповестке, можно сделать ряд определенных выводов. В рассматриваемый период отечественные СМИ фактически открыли для себя наличие братского народа – русинов. После резкого ухудшения отношений между Россией и Украиной русинская тематика получает дополнительный импульс для развития. В значительной мере этот народ стал использоваться в качестве противопоставления ставшим «плохими» украинцам. С 2014 г. в материалах СМИ конструируется образ русинов – жертв украинского режима, хотя проводимая Киевом политика по отношению к ним мало чем отличалась от политики предыдущего периода независимой Украины. Заметим, что в ряду «недовольных», «притесняемых» национально-культурных меньшинств Украины русины – лишь одни из многих, чьи проблемы активно тиражируются российскими медиа. Схожая ситуация наблюдается и в материалах, посвященных историческим темам (борьбе русинов с мадьяризацией, националистами в конце XIX – начале XX в., в годы Второй мировой войны). Вместе с тем наблюдается снижение интереса российских медиа к данной тематике по мере угасания горячей стадии конфликта между Киевом и Москвой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бредихин А.В. «Замороженный» этнополитический конфликт в закарпатском регионе Украины: некоторые аспекты // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2011. № 27. С. 103–107.

2. Глущенко Н.А. Устав русского православного кафолического общества взаимопомощи как источник для изучения русинской иммиграции в Соединенных Штатах Америки // Русин. 2016. № 4 (46). С. 191–204. DOI: 10.17223/18572685/46/12
3. Гулевич В. Чехия, Венгрия и русины // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/23758> (дата обращения: 08.10.2019).
4. День дружбы и единения славян. Справка // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20100625/249812422.html> (дата обращения: 01.10.2019).
5. Забытая трагедия русинов: национальная политика Габсбургов в годы Первой мировой войны / Д.А. Ахременко, К.В. Шевченко, Е.Л. Кривочуприн. Брянск: Историческое сознание, 2016. 215 с.
6. Корсаков К.В. Энди Уорхол – выдающийся представитель русинской эмиграции // Русин. 2017. № 4 (50). С. 198–206. DOI: 10.17223/18572685/50/13
7. МИД Украины вызвал посла Чехии из-за встречи Земана с русинами // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5d7961059a7947e2e99ffcc69> (дата обращения: 01.10.2019).
8. План мероприятий по решению проблем украинцев-русинов. URL: https://rusmatica.org/official_documents/4-plan-meroprijatii-po-resheniyu-problem-ukraincev-rusinov.html (дата обращения: 01.10.2019).
9. Подборка, подготовленная Управлением Верховного комиссара по правам человека в соответствии с пунктом 15 В) приложения к Резолюции 5/1 Совета по правам человека. URL: https://www.webcitation.org/61NOvqqi1?url=http://www.minjust.gov.ua/upr/information_Ukr_ru_21022012.pdf (дата обращения: 02.10.2019).
10. Путинец по национальности // Газета.Ru. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2011/04/27_kz_3596753.shtml (дата обращения: 01.10.2019).
11. Ростовцев О. В Львовской области изуродовали памятник Ивану Франко // Независимая газета. URL: <http://www.ng.ru/news/574276.html> (дата обращения: 01.10.2019).
12. Суляк С. Русины: уроки трагической истории // Русин. 2008. № 3–4 (13–14). С. 7–34.
13. Суляк С. Талергоф и Терезин: забытый геноцид // Русин. 2008. № 3–4. С. 69–75.
14. Украина легализует русский язык. А также идиш и другие // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20110830/427056081.html> (дата обращения: 01.10.2019).
15. Черкасов А.А., Кринко Е.Ф., Шмигель М. Украинский национализм в годы Второй мировой войны: природа и проявления // Русин. 2015. № 2 (40). С. 98–117. DOI: 10.17223/18572685/40/7
16. Шевцов В.В., Бабута М.Н. Иммиграция русинов в Канаду на рубеже XIX – начала XX в.: формирование диаспоры и ее адаптация // Русин. 2017. № 1 (47). С. 122–131. DOI: 10.17223/18572685/47/11
17. Magocsi P.R. With their backs to the mountains: a history of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns. Budapest; New York: Central European University Press, 2015. 511 p.

REFERENCES

1. Bredikhin, A.V. (2011) "Zamorozhennyy" etnopolitical konflikt v zakarpatskom regione Ukrayny: nekotorye aspekyt ["Frozen" ethnopolitical conflict in Transcarpathian region of Ukraine: some aspects]. *Dnevnik Altayskoy shkoly politicheskikh issledovaniiy*. 27. pp. 103–107.
2. Glushchenko, N.A. (2016) The By-laws of the Russian Orthodox-Catholic Society of Mutual aid as a Source for Studying Rusin Immigration in the United States of America. *Rusin*. 4(46). pp. 191–204 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/46/12
3. Gulevich, V. (n.d.) *Chekhya, Vengriya i rusiny* [Czech Republic, Hungary and Rusins]. [Online] Available from: <https://interaffairs.ru/news/show/23758> (Accessed: 8th October 2019).
4. RIA Novosti. (2010) *Den' druzhby i edineniya slavyan. Spravka* [Day of Friendship and Unity of the Slavs. Reference]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20100625/249812422.html> (Accessed: 1st October 2019).
5. Akhremenko, D.A., Shevchenko, K.V. & Krivochupin, E.L. (2016) *Zabytaya tragediya rusinov: natsional'naya politika Gabsburgov v gody Pervoy mirovoy voyny* [The Forgotten Tragedy of Rusins: The National Policy of the Habsburgs during the First World War]. Bryansk: Istoricheskoe soznanie.
6. Korsakov, K.V. (2017) Andy Warhol – an outstanding representative of the Rusin emigration. *Rusin*. 4(50). pp. 198–206 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/50/13
7. RBC.ru. (2019) *MID Ukrayny vyzval posla Chekhii iz-za vstrechi Zemana s rusinami* [Ukrainian Foreign Ministry summoned Czech ambassador due to Zeman's meeting with Rusins]. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/rb/cfreenews/5d7961059a7947e2e99ffc69> (Accessed: 1st October 2019).
8. International Center of "Matica Rusyns". (n.d.) *Plan meropriyatii po resheniyu problem ukraintsev-rusinov* [Action plan to address the problems of Ukrainians-Rusins]. [Online] Available from: https://rusmatica.org/official_documents/4-plan-meroprijatii-po-resheniyu-problem-ukraineve-rusinov.html (Accessed: 1st October 2019).
9. UNO. (2008) *Podborka, podgotovlennaya Upravleniem Verkhovnogo komissara po pravam cheloveka v sootvetstvii s punktom 15 V prilozheniya k Rezolyutsii 5/1 Soveta po pravam cheloveka* [Compilation prepared by the Office of the High Commissioner for Human Rights in accordance with Paragraph 15 B of Annex to Human Rights Council Resolution 5/1]. [Online] Available from: https://www.webcitation.org/6INOVqqi1?url=http://www.minjust.gov.ua/upr/information_Ukr_ru_21022012.pdf (Accessed: 2nd October 2019).
10. Gazeta.Ru. (2011) *Putinets po natsional'nosti* [Putinist by nationality]. [Online] Available from: https://www.gazeta.ru/politics/2011/04/27_kz_3596753.shtml (Accessed: 1st October 2019).
11. Rostovtsev, O. (n.d.) *V L'vovskoy oblasti izurodovali pamyatnik Ivanu Franko* [A monument to Ivan Franko mutilated in Lviv region]. *Nezavisimaya gazeta*. [Online] Available from: <http://www.ng.ru/news/574276.html> (Accessed: 1st October 2019).

12. Sulyak, S. (2008) Rusiny: uroki tragiceskoy istorii [Rusins: lessons of a tragic history]. Rusin. 3–4 (13–14). pp. 7–34 (in Russian).
13. Sulyak, S. (2008) Talergof i Terezin: zabytyy genotsid [Thalerhof and Terezin: A Forgotten Genocide]. Rusin. 3–4. pp. 69–75 (in Russian).
14. RIA Novosti. (2011) *Ukraina legalizuet russkiy yazyk. A takzhe idish i drugie* [Ukraine legalizes the Russian language. As well as Yiddish and others]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20110830/427056081.html> (Accessed: 1st October 2019).
15. Cherkasov, A.A., Krinko, E.F. & Shmigel, M. (2015) Ukrainian Nationalism during World War II: Its nature and manifestations. *Rusin.* 2(40). pp. 98–117 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/40/7
16. Shevtsov, V.V. & Babuta, M.N. (2017) Immigration of rusins to Canada in the late 19th - early 20th centuries: the diaspora formation and adaptation. *Rusin.* 1(47). pp. 122–131 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/47/11
17. Magocsi, P.R. (2015) *With their backs to the mountains: a history of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns*. Budapest; New York: Central European University Press.

Подрезов Михаил Владимирович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры политологии факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Россия).

Mikhail V. Podrezov – Tomsk State University (Russia).

E-mail: mvpodrezov@gmail.com

Голдовская Алёна Викторовна – аспирант кафедры онтологии, теории познания и социальной философии философского факультета Томского государственного университета (Россия).

Alyona V. Goldovskaya – Tomsk State University (Russia).

E-mail: alyona170494@mail.ru

УДК 323.1(14)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/58/20

ИДЕИ НАЦИОНАЛИЗМА И ЮГОСЛАВИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СЕРБИИ*

Е.Ю. Мелешкина¹, И.А. Помигуев²

¹ ИНИОН РАН

Россия, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского 15, 2
МГИМО(У) МИД РФ

Россия, 119454, г. Москва, пр. Вернадского, 76
E-mail: elenameleshkina@yandex.ru

² Финансовый университет при Правительстве РФ
Россия, 125993, г. Москва, Ленинградский пр., 49
ИНИОН РАН

Россия, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского 15, 2
E-mail: pomilya@mail.ru

Авторское резюме

В статье выявляется основное направление стратегии национального строительства в бывшем центре Социалистической Федеративной Республики Югославия – Сербии, показаны динамика ее развития и существование различных политических позиций по этому вопросу. Специфика возникновения новых государств после распада Югославии актуализировала противоречия между трактовками национальной общности. С одной стороны, сербам присущи идеи югославизма, предполагающие формирование наднациональной югославской идентичности; с другой – с конца XX в. активно внедрялся националистический дискурс, чьему способствовало усиление антиевропейской риторики. В работе представлен ряд структурных и исторических факторов, обусловивших популярность националистических идей: несогласованность границ различного рода, разногласия по поводу государствообразующих вопросов, имперское и коммунистическое институциональное наследие, трагические события, связанные с распадом Югославии, и др. Анализируетсяявление феноме-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-011-00662) в Институте научной информации по общественным наукам РАН.

на югоностальгии и выявляются его причины. Авторы приходят к выводу, что националистические идеи в Сербии отчасти служат инструментом консолидации нации. При этом курс на интеграцию с Европейским союзом сгладил, но не исключил националистическую риторику публичных политиков. В свою очередь, непопулярность альтернативных идей югоностальгии и югославизма на политической сцене можно объяснить неверием населения в возможность реставрации СФРЮ, неприятием коммунистических идей, а также межэтническими противоречиями, усилившимися после распада социалистической Югославии.

Ключевые слова: Сербия, югоностальгия, югославизм, национализм, политический дискурс.

THE IDEAS OF NATIONALISM AND YUGOSLAVISM IN SERBIAN POLITICAL DISCOURSE*

E. Yu. Meleshkina¹, I.A. Pomiguev²

¹ INION RAS

15 Krzhizhanovsky Street, Moscow, 117218, Russia
MGIMO University

76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russia
E-mail: elenameleshkina@yandex.ru

² Financial University under the Government of the Russian Federation

49 Leningradsky Avenue, GSP-3, Moscow, 125993, Russia
INION RAS
15 Krzhizhanovsky Street, Moscow, 117218, Russia
E-mail: pomilya@mail.ru

Abstract

The article identifies the main direction of the national construction strategy in the former centre of the SFRY – Serbia. The authors show the dynamics of national construction, as well as various political positions on this issue. The emergence of

*The research is conducted by the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS) and supported by the RFBR, Project Nr. 19-011-00662.

new states after the Yugoslavian collapse actualised the contradictions in the national community interpretations. On the one hand, the ideas of Yugoslavism inherited by Serbs imply the formation of a supranational Yugoslav identity; while on the other hand, since the end of the 20th century the gradually enhancing anti-European rhetoric has been contributing much to the nationalist discourse. The paper introduces a series of structural and historical factors determining the popularity of nationalist ideas: problems with border delimitation, disagreements over state-forming issues, imperial and communist institutional heritage, tragic events associated with the collapse of Yugoslavia, etc. The authors analyse the phenomenon of Yugostalgia, reveal its causes and conclude that nationalist ideas in Serbia partly serve as a tool for consolidating the nation, while the course towards integration with the European Union has smoothed out, but not excluded the nationalist rhetoric of public politicians. In turn, the unpopularity of alternative ideas of Yugostalgia and Yugoslavism in politics are caused by the people's disbelief in the possible restoration of the Yugoslav Republic, rejection of communist ideas, and interethnic contradictions that have intensified after the collapse of Socialist Yugoslavia.

Keywords: Serbia, Yugostalgia, Yugoslavism, nationalism, political discourse.

После распада крупных государственных образований (СССР и СФРЮ) новые независимые государства, появившиеся на их территории, столкнулись с целым рядом проблем национального и государственного строительства. Среди них – несогласованность границ различного рода (национальных, культурных, конфессиональных, экономических, политических), отсутствие согласия по поводу образующих государство и нацию вопросов, слабость управляемого аппарата, имперское институциональное наследие в способах организации власти и др.

В странах бывшей Югославии события, сопровождавшие распад Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ), носили драматический характер и наложили существенный отпечаток как на проводившуюся в те годы политику, так и на последующее политическое развитие. На волне этих событий обрели популярность националистические политические силы. Практически во всех республиках в той или иной степени получила распространение национализаторская политика, предполагающая доминирование одной этнической группы и ее стандартов. Такая ситуация вполне вписывается в идею А. Коэна о том, что важность символического выражения сообществ возрастает «по мере того, как фактические геосоциальные границы сообщества подрываются, размываются или иным образом ослабляются» [11: 50] и люди становятся все более

чувствительными к своим национальным корням. При этом именно на перифериях больше всего развит «этнический национализм как средство унификации и формирования солидарности, часто воспроизводится имперская модель национальных отношений в виде доминирования одной этнической группы над другой» [5: 86].

Вместе с тем на политической сцене этих республик присутствуют и силы, использующие иную, альтернативную риторику. Как отмечает Р.Брубейкер, нацию можно рассматривать как «точку-зрения-на-мир» [1]. Соответственно, соотношение возникающих и конкурирующих нарративов, а также официальная политика памяти во многом определяют нынешние и будущие контуры национальной идентичности и наций в целом.

В статье выявляется основное направление стратегии национального строительства в бывшем центре СФРЮ – Сербии, показываются ее динамика, а также существование различных политических позиций по этому вопросу.

Факторы, влияющие на формирование повестки дня и стратегии национального строительства. На формирование национальной идентичности и стратегии национального строительства в странах бывшей СФРЮ, включая Сербию, в значительной степени повлияли особенности политического развития Югославии, накопленный институциональный опыт, нерешенность проблем формирования наций и государств, обстоятельства распада страны, а также современные внутренние и международные условия. Как отмечал П. Колсто, третья волна формирования наций, которая поднялась после распада СССР и СФРЮ, отличается значительно более коротким отрезком времени и более отчетливыми прямыми и непрямыми методами консолидации идентичности, в которых конструирование символов и ритуалов, а также манипуляция ими играют чрезвычайно важную роль [18: 1–18].

Обстоятельства, связанные с дезинтеграцией Югославии, специфика возникших новых независимых государств и нерешенность вопросов формирования нации и государств актуализировали противоречия между трактовками национальной общности, основанными на гражданских, государственных и иных критериях, в т.ч. этнических. Р. Брубейкер определяет такие противоречия как разницу между «государственно-фреймированными» и «контргосударственными» трактовками [1]. Первый вариант членства и идентичности базируется на принадлежности к определенному государству с его территорией и институтами, второй – на иных, альтернативных ему основах.

«Контргосударственный» вариант получил широкое распространение на территориях бывшей СФРЮ. Причем в его границах развиваются не только трактовки нации, основанные на этнических критериях,

но и другие подходы, которые также можно отнести к «контргосударственным», например, создающие и использующие ностальгические образы бывшей социалистической Югославии. Распространение и популярность этого варианта, степень его «контргосударственности» зависят от конкретных условий развития той или иной республики постъюгославского пространства, в т. ч. от исторического опыта национального и государственного строительства, институциональных традиций.

В Сербии период существования самостоятельного средневекового государственного образования сменился турецким завоеванием и длительным господством Османской империи. В 1878 г. Сербия получила независимость и была провозглашена королевством. После Первой мировой войны она стала ядром Королевства сербов, хорватов и словенцев (впоследствии Королевства Югославии), возглавляемого сербским королевским домом. С 1945 г. Сербия в качестве республики входила в состав Федеративной Народной Республики Югославии (впоследствии СФРЮ), в которой сербы, составлявшие 45 % населения, занимали доминирующее положение в управлении страной: вместе с черногорцами им принадлежало около 84 % должностей в государственном аппарате Югославии и около 70 % военных постов в Народной армии [4].

Административно-территориальное деление СФРЮ предполагало проживание значительной доли сербского населения вне Сербии, в других республиках. Сербия выступала центром социалистической Югославии, где активно развивались идеи югославизма, предполагавшие «формирование наднациональной югославской идентичности и консолидацию социалистического государства вследствие распада традиционных (этнических, культурных, религиозных) идентичностей и преодоления антисоциалистических убеждений» [10: 192]. Стоит отметить, что югославизм изначально не являлся конструктом, выстроенным вокруг идеологии социального противоборства, а в первую очередь был связан с борьбой за эманципацию народов Западных Балкан, находившихся в составе имперских образований еще в 30–40-х гг. XIX в. Тем не менее в контексте международного кризиса на Балканах до и во время Первой мировой войны наиболее значимую роль сыграл югославизм как концепция государственного объединения сербов, хорватов и словенцев (с присоединением к этому государству Черногории), а во времена Тито под идеи югославизма активно подводился еще и мощный базис коммунистической идеологии. Однако такая политика осложняла процесс консолидации национальной идентичности в рамках квазигосударственного формирования.

Основные проблемы в плане национальной консолидации населения были связаны с существованием в составе Сербии Воеводины со значительным количеством венгерского населения и особенно Косово и Метохии с албанским населением. Еще в период существования СФРЮ в Косово происходили выступления против центральной власти, звучали лозунги об объединении с Албанией. Власти были вынуждены расширить автономию двух краев и снизить вмешательство в дела Косово, несмотря на усилившееся давление на сербское население. В результате в 1961–1981 гг. из Косово уехало 42 % проживавших там сербов и 63 % черногорцев [6: 81].

События, связанные с распадом Югославии, драматическим образом отозвались и в Сербии: югославская армия участвовала в войне в Хорватии на стороне хорватских сербов, Сербия также поддерживала сербов в Боснии и Герцеговине. В результате этого против нее были введены экономические санкции ООН. Обострение ситуации в Косово, военный конфликт, бомбардировка Белграда и других сербских городов подразделениями НАТО вынудили Сербию согласиться на ввод в Косово международных сил безопасности. В 2006 г. распался Государственный союз Сербии и Черногории. В 2008 г. парламент Косово объявил о независимости республики. С этого времени Сербия существует в нынешних фактических границах.

В результате событий, связанных с распадом Югославии, изменилась этническая конфигурация населения Сербии. Перепись населения 1991 г. (с учетом Косово) показывала, что сербы составляют 66 % населения республики, в то время как албанцы – 17 %. Сербы составляли около 31 % населения Боснии и Герцеговины и 12 % – Хорватии. В 2011 г. перепись проводилась уже без учета Косово. Согласно ее результатам доля сербов в населении значительно выросла и составила 86,6 %. Следующая по численности этническая группа – венгры (3,67 %) [22].

Для понимания конфигурации поля коллективной памяти в независимых государствах, возникших после распада СФРЮ, представляется особенно важным анализ публичной повестки дня и деятельности тех, кто «делает память» (*memory makers*; в отличие от «потребителей памяти» – *memory consumers* [17: 180], или мнемонических лидеров. Важно учитывать, что индивидуальная память быстро стирается, а воспоминания возникают тогда, когда коммуникативная активность мнемонических акторов помогает «вспомнить» [21], или гальванизировать, те элементы метаnarратива, которые могут быть востребованы в изменившемся социально-политическом контексте. Поэтому анализ деятельности мнемонических лидеров по формированию и воспроизведству позитивного или негативного восприятия прошлого важен

для понимания различных конкурирующих проектов национальной идентичности и их конфигурации в настоящем.

Действия этих акторов, наполняющих исторические факты специальным символическим значением, определяются конкретными политическими интересами или идеологией, с которой они себя идентифицируют [21], и контекстом, в котором они действуют. В связи с этим адаптация фреймов памяти может сопровождаться отбором, позиционированием и замалчиванием [16: 54–58], поэтому коллективная память в целом селективна и подвержена манипуляции.

Основа для разногласий между политическими силами Сербии была заложена еще в социалистические времена, когда первым свидетельством подъема сербской националистической интеллектуальной оппозиции было выступление писателя Д. Чосича на пленуме ЦК Компартии в 1968 г., его последующее исключение из партии и выступление на заседании Сербской академии наук в 1977 г. [3]. После смерти И.Б. Тито националистические идеи усилились, особенно в интеллектуальных кругах.

Конкурирующие позиции по вопросам национального строительства после распада социалистической Югославии. Отмеченные особенности политического, национального и экономического развития Сербии во многом обусловили подъем националистических настроений в период распада Югославии и становления новых независимых государств. В Сербии это стало особенно заметно еще в период правления С. Милошевича. С его приходом к руководству Союзом коммунистов Сербии в 1986 г. фактически был осуществлен синтез коммунистической идеологии и сербского националистического дискурса. Обращение к идее сербской нации на политическом уровне стало играть легитимирующую роль для политического режима [13], создавался образ Великой Сербии. В публичных дискуссиях и официальных выступлениях появилась тема виктимизации сербов. Исторический ревизионизм – тенденция того времени: Сербия и сербы изображались жертвами исторических обстоятельств.

Деятельность ряда ученых из Сербской академии наук, писателей, журналистов¹ способствовала усилинию роли темы этнических конфликтов в повестке дня и созданию националистического дискурса², благоприятного для оправдания и легитимации военных операций периода Хорватской и Боснийских войн и Косовского конфликта. В т. ч. переосмысливались моменты истории, имевшие основополагающее значение для возникновения социалистической Югославии. Этому служили ревизионистские интерпретации событий Второй мировой войны сквозь призму национализма, антикоммунизма и традиционализма, внимание к преступлениям, совершенным партиза-

нами, создание нового образа четников и обсуждение авторитарного характера режима И.Б. Тито [24]. Так, в 1989 г. известный сербский националист В. Шешель посетил США, где один из лидеров сербских четников М. Джутч присвоил ему звание «воевода».

После падения режима Милошевича новая политическая элита по факту не пересмотрела националистическую программу, имеющую конфликтный потенциал, публичный дискурс длительное время во многом контролировался государством. Под контролем были многие секторы экономики и сербский Телеком. Свободные СМИ занимали маргинальное положение. Публикация учебников истории контролировалась Советом по изданию учебников, тесно связанным с членами правящей партии [25: 223]. Исследования национализма в бывшей Югославии продемонстрировали намеренную работу элит в переписывании истории, чтобы соответствовать новому, предпочтительному национальному рассказу и типам мифов [27: 31]. При этом в сербских учебниках, критически настроенных по отношению к периоду социалистической Югославии, прослеживается гордость по поводу международного признания государства и его обширного политического влияния, «которое превосходило размеры страны» [12: 183].

Такая позиция вылилась в ревизионистские настроения части интеллектуальной и политической элиты, которая преуспела в вопросе приравнивания четников к национальному движению Сопротивления. Подчеркивалось, что обе эти группы боролись против нацистской оккупации во время Второй мировой войны, что подтверждается антифашистским характером их деятельности. Подобное уравнивание было принято в виде закона сербским парламентом в 2004 г. [26].

Сформированный националистический дискурс, в котором присутствовали антиевропейские настроения и неприятие решений Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ), продолжал успешно существовать и зачастую определять повестку дня [25: 232].

Особенно показательны в этом отношении заявления В. Коштуницы и других представителей правой Демократической партии Сербии о необходимости объединения сербов на антикоммунистической и националистской основе. Популярная после падения режима Милошевича и вплоть до раскола в 2008 г. Сербская радикальная партия резко осуждала югославизм как «историческую болезнь» и считала образование югославянского государства ошибкой.

Подобные настроения находили поддержку среди населения. Так, Роберт Хайден в своем исследовании показал, что отношения почти всех главных этнических групп в бывшей Югославии к МТБЮ были враждебными, а самые негативные чувства отмечены у сербов.

Опрос общественного мнения в феврале 2002 г. показал, что МТБЮ доверяли лишь 8 % населения Сербии [15: 316]. Таким образом, национальные элиты получили дополнительные возможности заявить о своей позиции, укрепить политический капитал и помешать целям умеренных сил и реформаторов [26].

По-прежнему замалчивались традиции антифашизма и участие сербов в партизанском движении периода Второй мировой войны. В начале 2000-х гг. был отменен праздник по случаю восстания против фашистов, принятые законодательные меры, уравнивающие в правах партизан и четников. Официально было признано их равноправное участие в сопротивлении фашизму [14].

На этом фоне в качестве реакции на гомогенизацию идентичности и проводившуюся экономическую политику постепенно последовало распространение оппозиционных точек зрения, развитие которых было осложнено во время дезинтеграции Югославии и в последующий период. Среди них – югоностальгия, допускающая мультикультурные модели: в публичном пространстве активнее стали обсуждаться темы, связанные с возникновением социалистической Югославии, начали восстанавливать места памяти, связанные с периодом Второй мировой войны и борьбой с фашизмом, например кладбища освободителей Белграда. В 2014 г. там прошел военный парад в честь 70-летия освобождения города от фашистов. Некоторым улицам были возвращены имена советских полководцев, правда, не в центре города, а на его окраинах [14].

В целом стоит признать, что в Сербии югоностальгия получает распространение в первую очередь на бытовом и культурном уровнях. Один из самых посещаемых музеев Белграда – Музей истории Югославии. Есть несколько кафе с югославской и коммунистической символикой (например «Красная банда» в центре сербской столицы). В 2013 г. в Белграде прошла выставка «Хорошая жизнь», посвященная Югославии.

О популярности югоностальгии на социокультурном уровне свидетельствуют и результаты социологических опросов. В частности, по данным Гэллапа, в 2017 г.³ [19] значительный процент жителей стран бывшей Югославии считают, что распад СФРЮ принес их стране вред, а не пользу. Этот показатель варьируется от страны к стране. Такой позиции придерживались 81 % жителей Сербии, противоположную позицию занимали только 4 % сербов.

Что касается политической сцены, то здесь идеи югоностальгии менее популярны. Это связано с трагическими событиями, сопровождавшими распад Югославии, а также с популярностью и активным распространением националистических идей. К тому же подавля-

ющее большинство политиков и населения страны вполне рационально подходят к вопросу восстановления Югославии, считая, что в современных условиях такой вариант невозможен.

Прямое использование югославской темы в политической риторике – нечастое явление. В нынешнем политическом контексте Сербии оно не приносит больших дивидендов. Так, в 2009–2010 гг. И.Б. Тито, внук маршала Тито, объединил разные коммунистические организации в рамках Коммунистической партии Сербии. Эта партия использует позитивный образ Югославии и югославскую тематику в своей риторике. На выборах 2012 г. она не прошла в парламент, а в 2014 и 2016 гг. получила только одно место.

Вместе с тем отношение к социалистической Югославии во многом остается актуальным для определения характера публичных дискуссий и политических разногласий. Актуальность дискуссий между «позитивным» и «негативным» югославизмом для формирования публичного дискурса всех стран постюгославского пространства отмечает М. Великоня [28, 30]. Если «позитивный» югославизм, основанный на ностальгических чувствах, в открытой форме не получает широкой поддержки на политическом уровне, то «негативный», базирующийся на критике бывшего государства, ностальгии по нему и предложений по усилению межрегионального сотрудничества, довольно популярен. Значимость противоречий между этими формами восприятия прошлого для политической жизни стран постюгославского пространства, включая Сербию, приводит к возникновению разногласий и множественных инцидентов между Загребом и Белградом, что служит поводом для оценки отношений между двумя странами в ряде СМИ как «Балканская холодная война» [29].

Производители позитивной памяти о Югославии и их оппоненты отличаются по своим политическим взглядам. По заключению И. Спачич, позитивное восприятие Югославии характерно для большинства представителей либеральной, проевропейской и космополитической элит [23: 205]. Основная часть националистически настроенной элиты относится к Югославии негативно.

С 2008 г. новое руководство страны взяло курс на интеграцию с ЕС, что в первую очередь оказало влияние на законодательную сферу и риторику властей. Сербия глубоко разделена по вопросу членства в Европейском союзе, а главным препятствием к ее вступлению является, безусловно, Косово. На территории Сербии сейчас присутствует много представителей ЕС, расположенных и международный контингент на юге, что существенно влияет на смягчение риторики политиков, а также на содержание законодательных инициатив. При этом Евросоюз больше волнуют не проблемы судебной системы, верховенства

законов или свободы граждан, а финансовый контроль и, главное, нормализация отношений с Косово. Последняя проблема наиболее остро задевает национальные чувства сербов и является причиной резких публичных заявлений националистического характера со стороны политиков.

Законодательство Сербии имеет ярко выраженный этноцентрический характер и не предполагает поиск компромиссов с другими, даже достаточно крупными, этническими группами в решении ключевых для страны вопросов. В Конституции, принятой в 2006 г., прямо указано, что «Сербия – это государство сербского народа и граждан, проживающих в нем» [9], а в конкретных случаях, определенных Конституцией, законы могут ограничивать права человека и, что выделено отдельно, меньшинств. Стоит отметить, что имеют место прецеденты, связанные с нарушением прав этнических групп, но они относятся не к законодательной сфере, а к проблемам правоприменения и конкретным трактовкам существующего законодательства [7].

Хотя в Уголовном кодексе и признается особо отягчающим обстоятельством совершение преступления на почве ненависти по признаку расы, вероисповедания, этнического происхождения и другого, на практике не зафиксировано какого-либо строгого его применения. В отчете Европейской комиссии о прогрессе по процессу интеграции Сербии в ЕС за 2016 г. указывается на необходимость принятия мер по защите от дискриминации, по активизации работы по расследованию преступлений на этой почве, а также по всестороннему подходу к интеграции национальных меньшинств на общегосударственном уровне [8].

Крайне правые группы в постюгославской Сербии, которые действовали в рамках закона в течение 1990-х гг., сталкиваются теперь с изоляцией и даже судебным преследованием государственными органами. В то же время националистический ревизионизм истории и нежелание значительной части общества критически отнестись к войнам 1990-х гг. способствуют популярности подобных идей. Из-за отсутствия сильных левых партий крайне правые группы становятся единственной политической альтернативой новой проевропейской господствующей тенденции [26].

В целом националистические идеи в Сербии и их использование при определении стратегии национального развития отчасти служат инструментом консолидации нации в условиях неконсолидированных территориальных и этнических границ. Непопулярность альтернативных идей югонастальгии и югославизма на политической сцене объясняется в первую очередь неверием населения в возможность реставрации СФРЮ, неприятием коммунистических идей в современ-

ном сербском обществе, а также межэтническими противоречиями, усилившимися после распада социалистической Югославии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ряд ученых Сербской академии наук выступили с меморандумом, где пропагандировались идеи величия сербской нации и непризнания югославской нации [2]. Этот меморандум был опубликован в СМИ и стал доступным широким слоям населения.
2. В среде сербской национально ориентированной интеллектуальной элиты не было согласия относительно трактовки сербской нации и ряда других вопросов [20].
3. Было опрошено 1 000 жителей бывших республик Югославии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
2. *Городецкая Н.Б.* Меморандум Сербской академии наук и искусств 1986 г.: к вопросу о проблемах интерпретации // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. № 5. URL: <https://history.jes.su/s207987840000575-1-1> (дата обращения: 5.06.2019).
3. *Городецкая Н.Б.* «Сербы» или «югославы»: к вопросу о национальном самоопределении в социалистической Югославии // Петербургские славянские и балканские исследования. 2017. № 2 (22). С. 63–76.
4. История Югославии. М.: АН СССР, 1963. Т. 2. 430 с.
5. *Мелешкина Е.Ю.* Формирование новых государств в Восточной Европе. М.: ИНИОН РАН, 2012. 252 с.
6. *Никифоров К.В.* Сербия на Балканах. ХХ век. М.: Индрик, 2012. 176 с.
7. Редован годишњи извештај повереника за заштиту равноправности за 2018. Годину // Народна скупштина Републике Србије. URL: <http://www.parlament.gov.rs/upload/archive/files/cir/pdf/izvestaji/2019/467-19.pdf> (дата обращения: 10.10.2019).
8. Редован годишњи извештај повереника за заштиту равноправности за 2016. Годину // Народна скупштина Републике Србије. URL: [http://www.parlament.gov.rs/upload/archive/files/cir/pdf/izvestaji/2017/Poverenik%20zastitu%20ravnopravnosti.pdf](http://www.parlament.gov.rs/upload/archive/files/cir/pdf/izvestaji/2017/Poverenik%20za%20zastitu%20ravnopravnosti.pdf) (дата обращения: 10.10.2019).
9. Устав Републике Србије из 2006. Године. URL: <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/74694/119556/F892259290/SRB74694%20Srb.pdf> (дата обращения: 10.10.2019).
10. *Харитонова О.Г.* СФРЮ: Институциональные проблемы этнической федерации // Политическая наука. 2013. № 3. С. 190–204.
11. *Cohen A.P.* The Symbolic Construction of Community. L.: Routledge, 1985. 128 p.

12. Đurić D., Pavlović M. Istorija za 8. razred osnovne škole. Beograd: Zavod za udžbenike, 2016. 191 s.
13. Gordy E. The culture of power in Serbia: Nationalism and the distribution of alternatives. University park: The Pennsylvania State University Press, 1999. 232 p.
14. Govedarica N. Zemlja nesigurne prošlosti: Politike sećanja u Srbiji u periodu 1991–2011. Godina // Re:vizija prošlosti. Politike sjećanja u Bosni i Hercegovini, Hrvatskoj i Srbiji od 1990. godine. Sarajevo: Asocijacija Alumni Centra za interdisciplinarnе postdiplomske studije (ACIPS), 2012. P. 163–234.
15. Hayden R.M. What's Reconciliation Got to do with it? The International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (ICTY) as Antiwar Profiteer // Journal of Intervention and Statebuilding. 2005. Vol. 5, № 3. P. 313–330.
16. Jusić T. Medijski diskurs i politika etničkog sukoba. Jugoslovenski slučaj // Intima javnosti. Okviri predstavljanja, narativni obrasci, strategije i stereotipi konstruisanja Drugosti u upečatljivim događajima tokom razgradnje bivše Jugoslavije: štampa, TV, film / Ed. by G. Đerić. Beograd: Fabrika knjiga, 2008. P. 40–63.
17. Kansteiner W. Finding meaning in memory: A methodological critique of collective memory studies // History and theory. 2002. № 2. P. 179–197.
18. Kolstø P. Strategies of Symbolic Nation-Building in South Eastern Europe. Ashgate: Farnham, 2014. 300 p.
19. Many in Balkans still see more harm from Yugoslavia breakup / GALLUP. 2017. URL: http://news.gallup.com/poll/210866/balkans-harm-yugoslavia-breakup.aspx?utm_source=alert&utm_medium=email&utm_content=morelink&utm_campaign=syndication (дата обращения: 10.10.2019).
20. Pavković A. From Yugoslavism to Serbism: The Serb National Idea 1986–1996 // Nations and Nationalism. 1998. № 5. P. 511–528.
21. Rekšć M. Post-Yugoslav collective memory between national and transnational myths // Polish political science yearbook. 2016. Vol. 45. P. 73–84.
22. Попис становништва, домаћинства и станова 2011. у Републици Србији. Етноконфесионални и језички мозаик Србије / В. Ђурић, Д. Танасковић, Д. Вукмировић, П. Лабевић. Београд: Републички завод за статистику, 2014. 207 с.
23. Spasić I. Kultura na delu. Društvena transformacija Srbije iz burdijeovske perspective. Beograd: Fabrika knjiga, 2013. 318 p.
24. Steflja I. Internationalised justice and democratisation: how international tribunals can empower non-reformists // Third World Quarterly. 2018. Vol. 39, is. 9. P. 1675–1691. <https://doi.org/10.1080/01436597.2018.1447370>
25. Stojanović D. Noga u vratima: prilozi za političku biografiju Biblioteke XX vek. Beograd: Bibl. XX vek, 2011. 296 s.
26. Tomic D. On the 'right' side? The Radical Right in the Post-Yugoslav Area and the Serbian Case // Fascism. 2013. № 2. P. 94–114.
27. Trošt T.P. Remembering the good: constructing the nation through joyful memories in school textbooks in the former Yugoslavia // Memory Studies. 2019. Vol. 12 (1). P. 27–45. <https://doi.org/10.1177/1750698018811986>
28. Velikonja M. Titostalgia: A study of nostalgia for Josip Broz. Ljubljana: Peace Institute, 2008. 146 p.

29. *Velikonja M.* Lost in transition // East European politics and societies. 2009. Vol. 23, № 4. P. 535–551.
30. *Velikonja M.* ROCK'N'RETRO. Novi jugoslavizam u savremenoj slovenačkoj popularnoj muzici // Nebeska Jugoslavija. Interakcije političkih mitologija i pop-kulture / Ed. by V. Perica, M. Velikonja. Beograd: Biblioteka XX vek, 2012. P. 67–171.

REFERENCES

1. Brubaker, R. (2012) *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups]. Translated from English. Moscow: HSE.
2. Gorodetskaya, N.B. (2013) Memorandum of the Serbian Academy of Sciences and Arts of 1986: on the Problems of Interpretation. *History*. 5. [Online] Available from: <https://history.jes.su/s207987840000575-1-1> (Accessed: 6th May 2019) (in Russian).
3. Gorodetskaya, N.B. (2017) "Serbs" or "Yugoslavs": on national self-determination in Socialist Yugoslavia. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2(22). pp. 63–76 (in Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu19.2017.205
4. Valeva, L.B. (ed.) (1963) *Istoriya Jugoslavii* [History of Yugoslavia]. Vol. 2. Moscow: AS SSSR.
5. Meleshkina, E.Yu. (2012) *Formirovaniye novykh gosudarstv v Vostochnoy Evrope* [The formation of new states in Eastern Europe]. Moscow: INION RAS.
6. Nikiforov, K.V. (2012) *Serbiya na Balkanakh. XX vek.* [Serbia in the Balkans. The 20th century]. Moscow: Indrik.
7. Serbia. (2018) Redovan god i data vykhoda za 2018 god. Godinu [Regular Annual Report of the Commissioner for the Protection of Equality for 2018]. *Narodnaya skupshchina Republike Srbije*. [Online] Available from: <http://www.parlament.gov.rs/upload/archive/files/cir/pdf/izvestaji/2019/467-19.pdf> (Accessed: 10th October 2019).
8. Serbia. (2017) Regular Annual Report of the Commissioner for the Protection of Equality for 2016. *Narodna skupština Republike Srbije*. [Online] Available from: <http://www.parlament.gov.rs/upload/archive/files/cir/pdf/izvestaji/2017/Poverenik%20za%20zastitu%20pravnopravnosti.pdf> (Accessed: 10th October 2019).
9. Serbia. (2006) *Constitution of the Republic of Serbia*, 2006. [Online] Available from: <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/74694/119556/F892259290/SRB74694%20Srb.pdf> (Accessed: 10th October 2019).
10. Kharitonova, O.G. (2013) Institutional problems of ethnic federation: The case of SFRY. *Politicheskaya nauka*. 3. pp. 190–204 (in Russian).
11. Cohen, A.P. (1985) *The Symbolic Construction of Community*. London: Routledge.
12. Đurić, Đ. & Pavlović, M. (2016) *Istorija za 8. razred osnovne škole* [History for Grade 8 Elementary School]. Belgrade: Zavod za udžbenike.
13. Gordy, E. (1999) *The Culture of Power in Serbia: Nationalism and the Distribution of Alternatives*. The Pennsylvania State University Press.

14. Govedarica, N. (2012) *Zemlja nesigurne prošlosti: Politike sećanja u Srbiji u periodu 1991–2011. Godina* [A land of uncertain past: Policies of remembrance in Serbia in the period 1991–2011. Year]. In: Karačić, D., Govedarica, N. & Bajeglav, T. *Revizija prošlosti. Politike sjećanja u Bosni i Hercegovini, Hrvatskoj i Srbiji od 1990 godine*. Sarajevo: Asocijacija Alumni Centra za interdisciplinarnе postdiplomske studije (ACIPS). pp. 163–234.
15. Hayden, R.M. (2005) What's Reconciliation Got to do with it? The International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (ICTY) as Antiwar Profiteer. *Journal of Intervention and Statebuilding*. 5(3). pp. 313–330. DOI: 10.1080/17502977.2011.595597
16. Jusic, T. (2008) Medijski diskurs i politika etničkog sukoba. Jugoslovenski slučaj [Media Discourse and the Politics of Ethnic Conflict. Yugoslav case]. In: Đerić, G. (ed.) *Intima javnosti. Okviri predstavljanja, narativni obrasci, strategije i stereotipi konstruisanja Drugosti u upečatljivim događajima tokom razgradnje bivše Jugoslavije: štampa, TV, film* [Public intimacy. Representation frameworks, narrative patterns, strategies and stereotypes of constructing Otherness in striking events during the breakup of the former Yugoslavia: print, TV, film]. Belgrade: Book Factory. pp. 40–63.
17. Kansteiner, W. (2002) Finding meaning in memory: A methodological critique of collective memory studies. *History and Theory*. 2. pp. 179–197. DOI: 10.1111/0018-2656.00198
18. KolstØ, P. (2014) *Strategies of Symbolic Nation-Building in South Eastern Europe*. Ashgate: Farnham.
19. Gallup.com. (2017) *Many in Balkans still see more harm from Yugoslavia breakup*. [Online] Available from: http://news.gallup.com/poll/210866/balkans-harm-yugoslavia-breakup.aspx?utm_source=alert&utm_medium=email&utm_content=morelink&utm_campaign=syndication (Accessed: 10th October 2019).
20. Pavković, A. (1998) From Yugoslavism to Serbism: The Serb National Idea 1986–1996. *Nations and Nationalism*. 5. pp. 511–528. DOI: 10.1111/j.1354-5078.1998.00511.x
21. Rekšć, M. (2016) Post-Yugoslav collective memory between national and transnational myths. *Polish Political Science Yearbook*. 45. pp. 73–84.
22. Đurić, V., Tanasković, D., Vukmirović, D. & LaĐević, P. (eds) (2014) *Popis stanovništva, domaćinstva i stanova 2011. u Republici Srbiji. Etnokonfesionalni i jezički mozaik Srbije* [Population Census 2011 in the Republic of Serbia. Ethno-confessional and linguistic mosaic of Serbia]. Belgrade: Statistical Office of the Republic of Serbia.
23. Spasić, I. (2013) *Kultura na delu. Društvena transformacija Srbije iz burdijeovske perspective* [Culture at Work. Social Transformation of Serbia from a Bourdieu Perspective]. Belgrade: Book Factory.
24. Steflja, I. (2018) Internationalised justice and democratisation: how international tribunals can empower non-reformists. *Third World Quarterly*. 39(9). pp. 1675–1691. DOI: 10.1080/01436597.2018.1447370
25. Stojanović, D. (2011) *Noga u vratima: prilozi za političku biografiju Biblioteke XX vek* [The Foot in the Door: Contributions to the Political Biography of the 20th Century Library]. Belgrade: Bibl. XX vek.

26. Tomić, Đ. (2013) On the 'right' side? The Radical Right in the Post-Yugoslav Area and the Serbian Case. *Fascism*. 2. pp. 94–114. DOI: 10.1163/22116257-00201012
27. Trošt, T.P. (2019) Remembering the good: Constructing the nation through joyful memories in school textbooks in the former Yugoslavia. *Memory Studies*. 12(1). pp. 27–45. DOI: 10.1177/1750698018811986
28. Velikonja, M. (2008) *Titostalgia: A study of nostalgia for Josip Broz*. Ljubljana: Peace Institute.
29. Velikonja, M. (2009) Lost in transition. *East European Politics and Societies*. 23(4). pp. 535–551.
30. Velikonja, M. (2012) ROCK'N'RETRO. Novi jugoslavizam u savremenoj slovenačkoj popularnoj muzici [ROCK'N'RETRO. New Yugoslavism in Contemporary Slovenian Popular Music]. In: Perica, V. & Velikonja, M. (eds) *Nebeska Jugoslavija. Interakcije političkih mitologija i pop-kulture* [Heavenly Yugoslavia. Interactions of political mythologies and pop culture]. Belgrade: Library of the 20th Century. pp. 67–171.

Мелешкина Елена Юрьевна – доктор политических наук, заведующая отделом политической науки Института научной информации по общественным наукам РАН (Россия), профессор МГИМО (У) МИД РФ (Россия).

Elena Yu. Meleshkina – INION RAS (Russia); MGIMO University (Russia).

E-mail: elenameleshkina@yandex.ru

Помигуев Илья Александрович – кандидат политических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (Россия); научный сотрудник отдела политической науки Института научной информации по общественным наукам РАН (Россия).

Ilya A. Pomiguev – Financial University under the Government of Russian Federation (Russia); INION RAS (Russia).

E-mail: pomilya@mail.ru

Памяти Михаила Николаевича Губогло

24 ноября в Москве на 82-м году жизни скончался известный советский и российский этнолог, доктор исторических наук Михаил Николаевич Губогло.

Он родился 25 октября 1938 г. в с. Трашполи близ г. Чадыр-Лунга на юге Бессарабии, которая в то время была оккупирована Румынией. В 1949–1957 гг. жил в Сибири. В 1963 г. окончил исторический факультет МГУ и в 1967 г. под руководством Г.Е. Маркова защитил кандидатскую диссертацию по теме «Малые тюркоязычные народы Балканского полуострова. К вопросу о происхождении гагаузов».

а в 1984 г. – докторскую диссертацию «Этносоциальный аспект развития национально-русского двуязычия в СССР».

В Институте этнологии и антропологии РАН (бывший Институт этнографии АН СССР) М. Губогло работал с 1966 г. В 1988–2005 гг. был заместителем директора. В последние годы жизни занимал пост руководителя Центра по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН. В 1997–1999 гг. возглавлял Ассоциацию этнографов и антропологов России.

М.Н. Губогло является автором многочисленных трудов по этносоциологии, этнополитологии, социолингвистике, тюркологии. Он был автором проекта «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве», по плану которого за 1990–2006 гг. было издано 125 книг. Им опубликовано более 500 научных работ, включая 15 монографий, в т. ч. «Языки этнической мобилизации» (М., 1998), «Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышление о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений» (М., 2000),

«Феномен Удмуртии. Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX века» (М., 2001, в соавторстве), «Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки» (М., 2003), «Русский язык и толерантность» (М., 2003), «Именем языка. Очерки этнокультурной и этнополитической истории гагаузов» (М., 2006).

М. Губогло был одним из ответственных редакторов коллективных монографий «Молдаване» (М., 2010) и «Гагаузы» (М., 2011), выпущенных Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая в серии «Народы и культуры».

В 1999 г. М. Губогло стал заслуженным деятелем науки Российской Федерации. В 2003 г. ему было присвоено звание почетного члена Академии наук Республики Молдова. В 2014 г. он получил премию имени Н.Н. Миклухо-Маклая за цикл работ по культурной антропологии и этнополитической истории гагаузов.

Долгое время М.Н. Губогло был членом редколлегии журнала «Русин» и его автором.

Редколлегия журнала «Русин»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

РУСИНЫ

Основан в 2005 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2019. № 58

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинев, Республика Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

– 324 стр.

Республика Молдова, г. Кишинев, MD 2028, а/я 1041
Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59
E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>
Сайт «Международный исторический журнал "Русин"»: <http://journalrusin.ru>

Подписано к печати 25.12.2019. Формат 60x90 1/16.
Бумага офсет № 1.
Печать офсетная.
Гарнитура «PT Sans».
Тираж 250 экз.
Заказ 133.

Отпечатано в типографии АО «Реклама».
г. Кишинев, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

В 2019 году международный исторический журнал
ФОНД РУССКИЙ МИР «Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».

РОДНОЙ КРАЙ

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ

Славяне, вам светлая слава
За то, что вы сердцем открыты,
Веселым младенчеством нрава
С природой весеннею слиты.

К любому легко подойдете,
С любым вы смеетесь, как с братом,
И все, что чужого возьмете,
Вы топите в море богатом.

Враждуя с врагом поневоле,
Сейчас примириться готовы.
Но если на бранном вы поле –
Вы тверды и молча – суровы.

И, снова мечтой расцвечаясь,
Вы – где-то, забывши об узком,
И светят созвездья, качаясь,
В сознании польском и русском.

Звеня, разбиваются цепи,
Шумит, зеленея, дубрава,
Славянские души – как степи,
Славяне, вам светлая слава!

Источник: Бальмонт К.Д. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 2. Полное собрание стихов 1909-1914. Кн. 4-7. М.: Книжный клуб «Книговек» 2010. С. 114-115.